

Юридическая конфликтология

Под ред. В.Н.Кудрявцева

Монография посвящена новому направлению в науке, лежащему на стыке социологии, психологии и юриспруденции. В ней рассматриваются природа и механизмы конфликтов, их виды, а также юридические средства их разрешения и предотвращения. Рассчитана на специалистов-конфликтологов, социологов и юристов, а также на широкий круг читателей.

Монография написана коллективом авторов: Бойков О. В. (§ 27), канд. юрид. наук Варламова Н. Н. (§ 22), член-корр. РАН Дмитриев А. В. (§§ 1, 3, 6, 21, 32), доктор юрид. наук Дубовик О. Л. (§ 17), доктор юрид. наук Казимирчук В. П. (§§ 22, 31), канд. юрид. наук Котелевская И. В. (§ 23), академик РАН Кудрявцев В. Н. (Предисловие, §§ 1—5, 7—9, 11, 21, 32), канд. психол. наук Кудрявцев С. В. (§§ 2—5, 7, 8, 18, 21, 32), доктор юрид. наук Ларин А. М. (§§ 19, 29), канд. юрид. наук Леванский В. А. (§ 10), доктор юрид. наук Оболенский А. В. (§ 14), доктор юрид. наук Скакунов Э. И. (§§ 20, 30), доктор юрид. наук Смирнов В. В. (§ 13), доктор юрид. наук Тихомиров Ю. А. (§§ 13, 26), канд. юрид. наук Чернышева С. А. (§ 16), канд. юрид. наук Чехарина В. И. (§§ 24, 25), доктор юрид. наук Шугаев А. А. (§ 15), доктор юрид. наук Яковлев В. Ф. (§ 28).

Ответственный редактор академик В. Н. КУДРЯВЦЕВ.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Конфликт: что может быть более характерным для нашего времени?

Социальные конфликты стали реальностью нашей повседневной жизни. Забастовки шахтеров, противоборство политических лидеров и партий, межнациональные и региональные распри, «разборки» преступного мира чуть ли не ежедневно возбуждают людей, поднимают все новые проблемы государственной и общественной жизни. Мы «боремся» с конфликтами неустанно, но они нарастают. Происходящие реорганизации экономических, политических и правовых институтов пока что не оказали заметного влияния на изменение тенденций к обострению разнообразных конфликтов, особенно в современной кризисной обстановке.

Одна из причин такой ситуации – неподготовленность страны к преодолению кризисных, в том числе и конфликтных, ситуаций. Бесконфликтная модель развития общества, господствовавшая до конца 80-х годов, сделала государственное руководство на различных уровнях беспомощным перед наступившим кризисом. Не в последнюю очередь сказалась неразработанность самой теории конфликта, да и отсутствие соответствующего опыта. Для практиков, в частности, по-прежнему неясным остается соотношение величин в дихотомии «конфликт – согласие», хотя исторический опыт доказывает, что общество обеспечивает упорядоченность жизни населения только через согласие, через достижение взаимного понимания и признания.

Исследование проблем конфликта и согласия требует фундаментальных усилий ученых различных специальностей. На Западе уже в течение многих десятилетий, особенно в конце XX в., это научное направление получило основательное развитие. Написаны сотни книг о конфликтах и способах их разрешения, систематически издаются журналы, рефераты и сборники статей. Есть все основания говорить о создании самостоятельной комплексной науки конфликтологии, предметом которой является изучение природы, причин, механизмов конфликтов в человеческом обществе, а также разработка путей их предотвращения и разрешения. Но в нашей стране эта наука пока не развита, хотя на русском языке уже издано немало работ о конфликтах и путях их разрешения.

Вполне понятно, что конфликтология, как и всякая дисциплина, тесно связана со смежными науками, многое черпает из них и, в свою очередь, их обогащает. Это, прежде всего, социология и социальная психология, с которыми конфликтология имеет много общего, так как исследует, подобно названным наукам, отношения между людьми. Далее, это история, дающая богатую пищу для размышлений о причинах человеческих поступков. Это, наконец, политология, экономика, этнология и другие общественные науки, конкретизирующие природу, механизмы развития и последствия конфликтов различного рода. К числу таких наук относятся также правоведение и государствоведение, изучающие юридические формы взаимодействия людей, будь то сотрудничество, мирное сосуществование, противодействие или борьба.

Надо заметить, что синтез конфликтологических проблем с положениями юридической науки представляет особый интерес. Дело в том, что многие социальные конфликты

протекают в сфере правовых отношений, порождаются юридическими ситуациями, а затем и разрешаются юридическими средствами. Правоохранительные органы значительную часть своей деятельности уделяют расследованию, рассмотрению, предупреждению и разрешению конфликтов. Поэтому вполне назрела потребность в разработке дисциплины, которая могла бы быть названа юридической конфликтологией и была бы посвящена рассмотрению указанных вопросов.

Под этой дисциплиной мы понимаем раздел (направление) общей конфликтологии, предметом которого является изучение таких конфликтов, которые возникают, развиваются и разрешаются в рамках внутреннего (национального) или международного права.

Известно, что конфликты в человеческом обществе происходят на разных уровнях: индивидуальном и групповом, этническом, межгосударственном и т.д. Особенность юридического конфликта заключается в том, что на каждом из этих уровней он связан с исполнением (реализацией) либо нарушением тех или иных норм права и, соответственно, возникновением, изменением или прекращением правовых отношений между физическими или юридическими лицами.

Так как правовая система любой страны, а также нормы международного права санкционируются и охраняются государством (или международным сообществом), в юридическом конфликте часто участвуют не две (конфликтующие) стороны, а три: есть еще государство в лице правоохранительных (правоприметительных) органов, рано или поздно вовлекаемых в развитие, разрешение или предупреждение конфликта.

С этим связана важная сторона юридической конфликтологии: эта отрасль знаний, таким образом, изучает не только природу, причины и динамику развития юридических конфликтов, но и правовые механизмы их предупреждения и разрешения. Общество и государство создают и используют целый ряд механизмов: суд, арбитраж, парламентские процедуры и т.п., предназначенных для примирения конфликтующих сторон или принудительного прекращения их противостояния. Юридические средства разрешения и предупреждения конфликтов – это действенные инструменты разрядки внутренней и международной напряженности.

Все эти вопросы рассматриваются в настоящей книге.

Глава I. ПРИРОДА КОНФЛИКТОВ

§ I. ПОНЯТИЕ И ФУНКЦИИ КОНФЛИКТА

1. Понятие конфликта.

Это понятие в научной литературе, впрочем, как и в публицистике, неоднозначно. Существует множество определений термина «конфликт». Наиболее общий подход к определению конфликта состоит в определении его через противоречие как более общее понятие, и прежде всего – через социальное противоречие.

Общеизвестно, что развитие любого общества представляет собой сложный процесс, который совершается на основе зарождения, развертывания и разрешения объективных противоречий. Признавая это на словах, господствовавшая в течение десятилетий марксистская теория, по существу, не относилась к нашему обществу. Известно, что один из идеалов социализма – отсутствие классовых конфликтов. Еще в конце 30-х годов у ряда авторов появилась идея «бесконфликтности» развития социалистического общества, отсутствия в нем антагонистических противоречий. Наиболее полно эта идея была представлена в тезисе о полном соответствии при социализме производственных отношений характеру производительных сил.

Позднее было, правда, признано, что это соответствие проявляется лишь тогда, когда противоречия объединяются преобладающим единством двух противоположных друг другу сторон. Соответствие было представлено как определенная ступень развития противоречия, когда противоположности еще объединены в рамках единства. Большинство философов, занятых поисками основного противоречия социализма, считали таковым противоречие между производительными силами и производственными отношениями, иногда – между производством и потреблением, старым и новым и т.п.

Так или иначе проблема противоречий в известной степени в нашей литературе все же разрабатывалась. Однако этого нельзя сказать о теории конфликтов; ей, по существу, не уделялось никакого внимания. Между тем противоречия и конфликт, с одной стороны, не могут рассматриваться как синонимы, а с другой – противопоставляться друг другу. Противоречия, противоположности, различия, – это необходимые, но недостаточные условия конфликта. Противоположности и противоречия превращаются в конфликт тогда, когда начинают взаимодействовать силы, являющиеся их носителями. Таким образом, конфликт – это проявление объективных или субъективных противоречий, выражающееся в противоборстве сторон.

При этом необходимо добавить, что в обществе речь идет не об абстрактных силах, не о космических или иных природных явлениях, а тем более не о воображаемых феноменах (судьба, дьявол, неопознанные объекты), а о социальных субъектах: конкретных людях, будь то индивиды, группы, социальные слои, политические партии или государства.

Мы говорим в этой книге именно о социальном конфликте, имея в виду процесс, в котором два (или более) индивида или группы активно ищут возможность помешать друг другу достичь определенной цели, предотвратить удовлетворение интересов соперника или изменить его взгляды и социальные позиции. По аналогии термин «конфликт» может быть вроде бы распространен на многое, вплоть до борьбы с неодушевленными предметами (борьба за существование, например). Но в социальном конфликте все стороны представлены людьми. Под социальным конфликтом обычно понимается тот вид противостояния, при котором стороны стремятся захватить территорию либо ресурсы, угрожать оппозиционным индивидам или группам, их собственности или культуре таким образом, что борьба принимает формы атаки или обороны. Социальный конфликт включает в себя также активность индивида или групп, блокирующих функционирование противника или наносящих ущерб другим людям (группам). Заметим, что проблематика конфликтов использует и такие термины, как споры, дебаты, торги, соперничество и контролируемые сражения, косвенное и прямое насилие. У многих исследователей конфликт ассоциируется и с масштабными, историческими изменениями.

Иначе говоря, мы не будем здесь рассматривать, например, «конфликт» общества с природой или «конфликт» человека с самим собой. В этих случаях несомненно имеются противоречия, но слово «конфликт» для подобных ситуаций мы берем в кавычки, поскольку оно неадекватно тому представлению о конфликте, которое развивается в данной книге.

Итак, для социального конфликта всегда необходимы по меньшей мере две противодействующие стороны. Их поступки обычно направлены на достижение взаимоисключающих интересов и, следовательно, сталкиваются. Всем конфликтам свойственно сильное напряжение, которое побуждает людей так или иначе изменить поведение, приспособиться либо «оградиться» от данной ситуации.

В отечественной научной литературе наиболее полное определение социального конфликта, на наш взгляд, дал Е.М. Бабосов: «Конфликт социальный (от лат. *conflictus* – столкновение) – предельный случай обострения социальных противоречий, выражающийся в столкновении различных социальных общностей – классов, наций, государств, социальных групп, социальных институтов и т.п., обусловленном противоположностью или существенным различием их интересов, целей, тенденций развития. Конфликт социальный складывается и разрешается в конкретной социальной ситуации в связи с возникновением требующей разрешения социальной проблемы. Он имеет вполне определенные причины, своих социальных носителей (классы, нации, социальные группы и т.д.), обладает определенными функциями, длительностью и степенью остроты»[1].

Правда, это определение, схватывая основную суть дела, не отражает всех черт конфликта – его психологизма в частности. Эта особенность прослеживается и в работе Ю. Г. Запрудского «Социальный конфликт», где говорится: «Социальный конфликт – это явное или скрытое состояние противоборства объективно расходящихся интересов, целей и тенденций развития социальных субъектов,

прямое и косвенное столкновение социальных сил на почве противодействия существующему общественному порядку, особая форма исторического движения к новому социальному единству»[2]. Сказано в общем верно, но слишком масштабно. Не оказалось места для бытовых, семейных, трудовых – словом, конфликтов более «низкого уровня». А их не следует игнорировать. Приведем еще одно определение, принадлежащее Т.В. Новиковой. Социальный конфликт – это «ситуация, когда стороны (субъекты) взаимодействия преследуют какие-то свои цели, которые противоречат или взаимно исключают друг друга»[3]. Здесь как видно, подчеркнут прежде всего личностный, психологический аспект.

При изучении различных сфер общественной жизни исследователи обычно применяют так называемый конфликтологический подход. Такой подход, например, к политическому исследованию фокусирует внимание на политических процессах в терминах соревнования между людьми и группами за ценности, имеющие политическую значимость, т.е. процессах в рамках политической системы. В международной политике конфликтологический подход является, с нашей точки зрения, основным. Возможен этот подход и в юриспруденции, когда преступление рассматривается как результат конфликта между людьми, прослеживается механизм его возникновения. Конфликт продолжается и в судебном процессе (обвиняемый и его защитник, с одной стороны, обвинитель – с другой). Далее эти проблемы будут рассмотрены подробно.

В завершение этого раздела надо упомянуть о явлениях, близких к конфликту, – таких, как соревнование, состязание, конкуренция. В принципе, в указанных случаях тоже имеется противоборство сторон. Однако оно, как правило, не является обостренным до степени враждебности либо, если даже такая вражда и имеет место (например, при конкуренции), она не переходит в обоюдные действия, препятствующие законному поведению другой стороны. Каждый действует «на своем поле», стремясь достичь успеха и тем уязвить противника. Но действия сторон при этом позитивны, они стремятся к собственному максимальному успеху; подавление противника для них не самоцель. Это, конечно, не исключает возникновения конфликта и в ходе перечисленных «мирных» действий. Таким образом, конфликт и соревнование, например, не идентичны, но соревнование может перерасти в конфликт. Это касается и конкуренции, в которой соперники могут перейти к прямому давлению друг на друга.

Особый случай представляют собой игры, в том числе спортивные. Некоторые из них и задуманы как конфликт (например, бокс). Однако очевидно, что, по существу, речь идет об имитации конфликта. Кончается игра – кончаются и «конфликтные» взаимоотношения. Неприязнь между игроками разных команд, остающаяся после состязания, – скорее исключение, чем правило, в спорте она отнюдь не поощряется.

2. Границы конфликта.

Чтобы точнее уяснить природу конфликта и его отличие от смежных явлений, необходимо определить границы конфликта, т.е. его внешние пределы в пространстве и во времени. Начнем с бытового примера. Иван Иванович, полагая, что его сосед по садовому участку несправедливо отнял у него часть огорода, решил «проучить» обидчика и собрать с его участка часть урожая помидоров. О своем замысле он рассказал жене, которая вовремя отговорила его от задуманных действий. Был ли здесь конфликт, начался ли он или уже завершился? Каковы его пространственные границы и кто участники? Эти вопросы, не столь уж важные в случае соседской ссоры, перерастают в крупные политические и правовые проблемы, стоит лишь перейти, например, к межгосударственным или межнациональным отношениям, касающимся границ. Да и в межличностных конфликтах на подобные вопросы следует обращать внимание, коль скоро почти любой конфликт при определенных условиях способен приобрести серьезный характер.

Можно выделить три аспекта определения границ конфликта: пространственный, временной и внутрисистемный.

Пространственные границы конфликта определяются территорией, на которой происходит конфликт. Ясно, что эта территория может быть самой различной, начиная от минимального пространства (например, жилой площади) и кончая всем земным шаром. Разномасштабные примеры: ссора на кухне – и мировая война. Четкое определение пространственных границ конфликта важно главным образом в международных отношениях, что тесно связано и с проблемой участников конфликта. В нашей недавней истории подобная задача возникала неоднократно при межнациональных конфликтах в Нагорном Карабахе, Приднестровье, Таджикистане, Северном Кавказе и других местах, где следовало четко определить территориальные границы зоны конфликта для осуществления превентивных мер.

Временные границы – это продолжительность конфликта, его начало и конец. От того, считать ли конфликт начавшимся, продолжающимся или уже закончившимся, зависит, в частности, юридическая оценка действий его участников в тот или иной момент времени. Особенно это важно для того, чтобы правильно оценить роль вновь присоединившихся к конфликту лиц.

Начало конфликта, с нашей точки зрения, определяется объективными (внешними) актами поведения, направленными против другого участника (конфликтующей стороны), при условии, что последний осознает эти акты как направленные против него и им противодействует. Эта несколько усложненная формула означает, что для признания конфликта начавшимся требуется, по крайней мере, три совпадающих условия:

- 1) первый участник сознательно и активно действует в ущерб другому участнику (т.е. своему противнику); при этом под действиями мы понимаем как физические движения, так и передачу информации (устное слово, печать, телевидение и т.д.);
- 2) второй участник (противник) осознает, что указанные действия направлены против его интересов;
- 3) в связи с этим он и сам предпринимает ответные активные действия, направленные против первого участника. С этого момента можно считать, что конфликт начался.

Сказанное означает, что нет конфликта, если действует только один участник или участниками производятся лишь мыслительные операции (планирование поведения, обдумывание образа действий противника, прогнозирование хода будущего конфликта и т.п.).

В самом деле, действия, хотя бы и агрессивные, но лишь одной стороны, на что вторая сторона не претендует, конфликтом назвать еще нельзя. Возможно, предполагаемый противник признает эти действия правильными; может быть, он опасается противодействовать первому участнику и подчиняется ему или же им руководят какие-то иные соображения. Главное, что он не предпринимает никаких действий против первого субъекта. Но в таком случае нет и конфликта как противоборства сторон.

Мысленные действия, никак не выраженные физически, вовне, не являются элементом начавшегося конфликта, под которым понимается фактическое, а не воображаемое противоборство сторон. В предыдущем примере Иван Иванович, задумавший месть соседу по садовому участку, еще не начал конфликта, а только планировал его. Противоположность позиций – еще не конфликт. Он возникает тогда, когда стороны начнут активно противодействовать друг другу, преследуя свои цели[4].

Сказанному, однако, не противоречит предложенное некоторыми специалистами выделение латентной (скрытой) стадии развития конфликта, а точнее – предшествующей началу конфликта, которая включает планирование будущих операций и подготовку к ним. Выделение этой стадии существенно для анализа крупных конфликтов международного значения (например, планирование войны). Утвердив в 1940 г. «план Барбаросса», предусматривающий нападение на СССР, Гитлер еще не развязал военного конфликта между СССР и Германией, но вступил в его латентную стадию; началом открытого конфликта стало, как известно, 22 июня 1941 г.

Разумеется, конфликт как противоборство сторон в международных отношениях не исчерпывается военными действиями. Может быть дипломатический конфликт, торговый, пограничный, политический, разрешаемые отнюдь не насильственными средствами. Однако при всех условиях речь идет о противоборстве сторон, т.е. о взаимных действиях (хотя бы и словесных). Таким образом, конфликт всегда начинается как двустороннее (или многостороннее) поведение. Ему, как правило, предшествуют действия одной из сторон, что позволяет в большей части случаев определить зачинщика конфликта.

Так, нетрудно было определить зачинщика в конфликте Ирака с Кувейтом в 1991 г. Агрессивная роль Ирака, предпринявшего неспровоцированное нападение на соседнюю страну, получила отрицательную оценку со стороны Организации Объединенных Наций и всего мирового сообщества.

Труднее сказать, кто являлся зачинщиком многочисленных межнациональных конфликтов, происходивших в 90-е годы на территории нашей страны – России и других государств Содружества. Неясность исходных шагов, запутанность ответных действий, взаимные обвинения, необъективность информации – все это затягивает развитие конфликта, препятствует его быстрому и безболезненному прекращению, мешает выявлению подлинных виновников.

Окончание конфликта неоднозначно. Конфликт может быть исчерпан (например, примирение сторон), но может прекратиться из-за выхода из конфликта одной из сторон либо ее уничтожения (во время войны или при совершении преступления). Наконец, возможно пресечение развития и прекращение конфликта в результате вмешательства третьих лиц. Так в ряде случаев заканчиваются так называемые криминальные конфликты. Практика международных отношений все более часто использует третьи силы для пресечения межнациональных конфликтов (ввод войск ООН, дипломатическое посредничество и др.). Эти методы, как известно, стали применяться и на территории нашей страны и государств СНГ.

Таким образом, окончанием конфликта нужно считать прекращение действий всех противоборствующих сторон, независимо от причины, по которой это имеет место.

Рассмотрим теперь внутрисистемный аспект развития конфликта и определения его границ. Всякий конфликт происходит в определенной системе, будь то семья, группа сослуживцев, государство, международное сообщество и т.д. Внутрисистемные связи сложны и многообразны. Конфликт между сторонами, входящими в одну систему, может быть более глубоким, обширным или частным, ограниченным. Конфликт на «огородной почве» мог не возникнуть, а мог и затронуть не только две семьи, но и других соседей. В межгосударственных конфликтах велика опасность разрастания, распространения обостренных взаимоотношений не только в территориальном, но и в социальном, национальном, политическом аспектах; такой конфликт способен затронуть самые широкие слои общества.

Определение внутрисистемных границ конфликта тесно связано с четким выделением конфликтующих сторон из всего круга его участников. Как мы увидим далее, кроме непосредственно противоборствующих сторон участниками конфликта могут быть и такие фигуры, как подстрекатели, пособники, организаторы конфликта (сами в нем прямо не замешанные), а также третейские судьи, советники, сторонники и противники тех или иных лиц, конфликтующих между собой. Все эти лица (или организации) – элементы системы. Границы конфликта в системе зависят, таким образом, от того, сколь широкий круг участников будет в него вовлечен. Внутрисистемные границы конфликта важно знать для воздействия на происходящие процессы, в частности для предотвращения системы в целом от разрушения (если это, разумеется, необходимо).

3. Функции конфликта.

Уже из сказанного видно, что конфликт служит способом выявления и разрешения противоречий. Если противоположные силы, их интересы вызывают напряжение, переходящее в открытое противоборство, то, естественно, этому противоборству рано или поздно должен прийти конец. Конфликт и его последующее разрешение и является одним из путей выхода из сложившегося тупика.

При таком подходе к оценке функций конфликта возникает вопрос: хорошо или плохо, что происходит конфликт? Преобладающая точка зрения, можно сказать – обыденная, состоит в однозначно отрицательной оценке любых конфликтов. В самом деле, мы достаточно натерпелись не только от бытовых ссор и неурядиц, служебных неприятностей, но в последнее время – и от серьезных межнациональных, территориальных, общественно-политических и прочих противостояний и противоборств. Поэтому конфликт оценивается общественным мнением в общем как явление нежелательное и таким он в целом, пожалуй, и является – по меньшей мере для одной из сторон[5]. Вместе с тем есть и другая точка зрения, согласно которой конфликт не только неизбежное социальное явление, но к тому же еще и полезное.

Исследователи, признающие конфликт нежелательным явлением, считают. его разрушителем (или нарушителем) нормально функционирующей социальной системы. По их мнению, в своей изначальной основе конфликт не присущ системе и обычно проходит тогда, когда появятся (или активизируются) те силы в системе, которые вернут. ее в положение баланса и стабильности. Но отсюда следует, что уже в самом конфликте заложен стимул к появлению институтов для поддержания системы в устойчивом состоянии. Это и законодательная деятельность, и принятые процедуры для решения различных споров, и политические собрания, где партийные конфликты решают в «войне слов», т.е. в дебатах и дискуссиях, и рынок, где соперничающие интересы между покупателями и продавцами решаются посредством сделок и т.д. Отсюда вытекает, что даже те специалисты, которые считают конфликт в общем явлением отрицательным, усматривают в нем некоторые позитивные черты.

Другая научная традиция вообще рассматривает конфликт не как отклоняющееся от нормы и проходящее явление, но как постоянный и даже необходимый компонент социальных отношений. Эта традиция восходит к Аристотелю, Гоббсу, Гегелю, Марксу, Веберу. В соответствии с этой точкой зрения, факт любого дефицита в обществе сам по себе достаточен, чтобы вызвать конфликт; каждый человек в любой группе пытается увеличить свою долю дефицитных ресурсов и, если необходимо, за счет других. А если среди искателей территорий и ресурсов мы обнаружим еще и борьбу за лидерство, власть и престиж, то конфликт просто неизбежен! И здесь не будет аналогии с конфликтом за обладание материальными благами, где стороны могут сделать так, что доля каждого будет возрастать. «Для реального мира, – писал Р. Дарендорф, – необходимо пересечение различных взглядов, конфликтов, изменений. Именно конфликт и изменения дают людям свободу; без них свобода невозможна»[6].

По мнению Л. Козера, конфликт внутри группы может способствовать ее сплочению или восстановлению единства. Поэтому внутренние социальные конфликты, затрагивающие только такие цели, ценности и интересы, которые не противоречат принятым основам внутригрупповых отношений, как правило, носят функционально-позитивный характер[7].

Общий тезис о том, что конфликт – нормальное состояние общества, высказывается и отечественными авторами[8].

Из сопоставления приведенных точек зрения видно, что они говорят о несколько разных вещах. В действительности конфликт полезен тем, что так или иначе он разрешает противоречие. Но какой ценой? Путем разрушения или серьезного повреждения системы, а то и посредством уничтожения одной из сторон. Лучше, если объективно существующее противоречие не доводить до конфликта, а устранить мирными, цивилизованными средствами. Поэтому о полезности конфликтов, с нашей точки зрения, можно говорить лишь в весьма конкретных случаях и притом в достаточно условном смысле.

Разрешение противоречий – объективная функция социального конфликта. Значит ли это, что она совпадает с целями участников? Нет, не значит или, во всяком случае, не всегда. Если целью одной из сторон конфликта может быть действительно устранение противоречия (причем именно в ее пользу), то целью другой стороны вполне может быть сохранение статус-кво, уклонение от конфликта либо разрешение противоречия без противоборства сторон. В конфликте могут быть

заинтересованы даже не сами противоборствующие стороны, а третья сторона, провоцирующая конфликт. Поэтому функции конфликта с позиций его участников могут быть гораздо более многообразны.

В завершение этой темы рассмотрим один пример из недавней политической практики. В августе 1992 г. профсоюз российских авиадиспетчеров потребовал от правительства повышения вдвое заработной платы для работников этой службы. Надо заметить, что уже в июле авиадиспетчеры получали более чем десятикратный в то время минимум зарплаты государственного служащего. Правительство, учитывая это, отказало в их требованиях. Профсоюз пригрозил забастовкой. Московский городской суд признал забастовку незаконной и, в свою очередь, пригрозил гражданским иском и уголовной ответственностью зачинщикам. Конфликт на этом был тогда приостановлен.

Какие функции выполнял этот конфликт? С точки зрения авиадиспетчеров, он вынуждал правительство пойти на повышение зарплаты. Для правительства назревший конфликт не был нужен, но, противостоя профсоюзу, оно не только сохраняло экономический статус-кво, но и поддерживало свой престиж. Суд отстаивал требования закона. Нетрудно видеть, что цели сторон и функции конфликта были для них разными. В общем социальном плане оценку данного конфликта можно дать одну: это выражение того экономического неблагополучия, при котором государство не может гарантировать адекватного материального обеспечения своим служащим. Конфликт с профсоюзом авиадиспетчеров был неудавшейся попыткой разрешить противоречие между дефицитом экономических ресурсов государства и насущными жизненными потребностями населения.

4. Специфика юридического конфликта.

Юридическая конфликтология обобщает и изучает те особенности, которые характеризуют конфликт с позиций права. Теоретическое значение такого подхода состоит в возможности сопряжения конфликтов с государственными институтами (а право – один из них) и, следовательно, рассмотрения конфликтов не в абстрактном социальном пространстве, а в реальной связи с действующими правовыми инструментами и структурами. Отсюда и практический смысл такого подхода: установить, могут ли нормы права воздействовать на зарождение, развитие и разрешение конфликта, и если могут, то как повысить эффективность этого действия.

Сначала определим, какие элементы конфликта могут иметь правовую природу и, соответственно, какой конфликт может быть назван юридическим.

Ознакомление с конфликтами разного рода приводит к выводу, что с правовой точки зрения они весьма неоднородны. Наиболее полно правовой аспект выражен в тех конфликтах, которые возникают и развиваются в связи с объективно существующими противоречиями между двумя или несколькими правовыми нормами, относящимися к одному и тому же предмету. Это юридические конфликты в строгом (или) узком смысле слова. Интересы противостоящих сторон и мотивы их поведения в таком конфликте определяются смыслом и значением правовых норм, от которых прямо зависят действия участников. Подобный конфликт и начинается, и заканчивается с использованием юридических средств и процедур. В значительной мере он носит когнитивный характер, поскольку спор идет о понимании права, но за этим спором часто просматриваются и другие, вполне практические интересы сторон.

Однако большинство конфликтов возникает вне юридической сферы и лишь впоследствии, в процессе развития, обрывает юридическими признаками, приобретая тем самым переходный или смешанный характер. Мотивация таких конфликтов изначально далека от юридической сферы и связана с экономическими, национальными, социальными – личными или общественными интересами. Это в полном смысле слова «конфликт интересов», постепенно приобретающий юридическую форму.

Правовой элемент в конфликте интересов может быть выражен с различной степенью интенсивности. Бывают случаи, когда такой элемент выражен очень слабо и преобладают другие побудительные мотивы. Например, в мотивации

межличностного конфликта, возникшего на почве ревности, юридическую роль могут играть, пожалуй, лишь смутные опасения кого-либо из участников конфликта, что дело может закончиться криминальными последствиями и потому следует избегать чрезмерно бурного развития событий. В основном же здесь преобладают эмоции, действуют нравственные, а нередко и религиозные нормы.

Совсем другое значение юридический элемент имеет в наследственных спорах и вообще в любом споре о праве собственности, когда два индивида или учреждения, ссылаясь на закон, отстаивают свои действительные или мнимые права. Возможны и переходные случаи, в которых правовой элемент в конфликтных взаимоотношениях сторон выражен с разной степенью интенсивности.

Итак, многие элементы самых разных конфликтов имеют прямое отношение к правовым нормам и институтам. Какой же конфликт следует назвать юридическим?

Так как вопрос стоит о названии, еще не устоявшемся в литературе, мы вольны выбрать и обсудить ту или иную терминологию. Практически дело сводится к следующей альтернативе: либо все элементы конфликта (мотивация, участники, объекты и др.) должны иметь юридическую характеристику для того, чтобы конфликт в целом был признан юридическим, либо для этого достаточно, чтобы правовыми признаками обладал хотя бы один его элемент.

Мы склоняемся к последнему решению и полагаем, что юридическим конфликтом следует признать любой конфликт, в котором спор так или иначе связан с правовыми отношениями сторон (их юридически значимыми действиями или состояниями) и, следовательно, субъекты, либо мотивация их поведения, либо объект конфликта обладают правовыми признаками, а конфликт влечет юридические последствия.

Иными словами, надо признать юридическим, скажем, конфликт по поводу собственности, даже если противники и те состояли между собой в правовых отношениях (например, две фирмы претендуют на аренду одного и того же помещения). Хотя между фирмами пока что правовых отношений нет, они неизбежно возникнут, как только субъекты обратятся для решения конфликта в государственный орган (суд, арбитраж). Если же не обратятся, а решат дело «полюбовно», то регистрация арендных отношений одной из фирм все равно будет юридической процедурой.

Юридическим следует считать любой межгосударственный конфликт, в том числе и между сторонами, не связанными договором. Дело в том, что отношения любых государств подпадают под действие норм международного права.

Юридическими по своей природе являются все трудовые, многие семейные, производственные, бытовые и межнациональные конфликты, если они затрагивают конституцию страны, соглашения между регионами или ветвями власти, статус наций и народностей. (Более подробно все-эти виды конфликтов будут рассмотрены в дальнейшем).

Очень многие конфликты имеют смешанный характер и содержат как правовые, так и неправовые элементы (например, при политических конфронтациях или национальных неурядицах). Вопрос о перерастании неправового конфликта в правовой мы рассмотрим в следующем параграфе.

Весьма важный аспект всякого конфликта – пути и способы его предупреждения, прекращения и разрешения. Давая определение юридического конфликта, мы не касались этого аспекта, а исходили из природы самих конфликтных взаимоотношений. Если же исходить из способов предупреждения, разрешения или прекращения конфликтов, то почти каждый из них можно назвать юридическим, ибо не бывает, по-видимому, такого случая, когда нельзя было бы с помощью юридических норм и институтов вмешаться в развитие тех или иных событий (возможно, редким исключением был бы когнитивный конфликт).

Иначе говоря, можно утверждать, что не каждый конфликт юридический, но практически каждый может завершиться той или иной юридической процедурой. Юридические возможности предотвращения, разрешения или прекращения конфликта в принципе шире, чем правовая природа конфликта. Однако в большинстве случаев для юридического вмешательства в конфликт с самого начала существуют правовые основания.

-
- [1] Социологический словарь. Минск, 1991. С. 80
[2] Запрудский Ю. Г. Социальный конфликт. Ростов, 1992 С. 54.
[3] Социальные конфликты: Экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып. 1. М., 1991. С 27.
[4] См.: Социальные конфликты... Вып. 1. С. 31.
[5] Из-за конфликтов на производстве теряется до 15% рабочего времени. См.: Данакин Н. С., Дятченко Л. Я. Технологии сотрудничества и противоборства. Белгород, 1993. С. 43.
[6] См.- Darendorf R. The modern social conflict. L., 1988. P. 87.
[7] См.: Coser L. A. The function of social conflict. Sociological theory. London, 1957. P. 199.
[8] См., напр.: Социальные конфликты... Вып. 1. С. 13 и сл.

§ 2. УЧАСТНИКИ КОНФЛИКТА

1. Уровни научного рассмотрения.

Так как речь идет о противоборстве людей, то, естественно, участниками конфликта являются люди, хотя и в самых разных ролях, обликах и группировках. Самое простое в этом случае – противоборство двух физических лиц. В основе его лежит определенное противоречие между этими индивидуумами. Так называемый межличностный конфликт может включать и нескольких человек, и разрастаться до групповых масштабов, но суть его от размеров не меняется. Когда двое слесарей повздорили между собой по поводу того, чья очередь идти за водкой, к каждому из них присоединились приятели и все это закончилось массовой дракой. Но, несмотря на количество участников, конфликт остался межличностным. Дело в том, что в основе его лежат личные, а не общественные противоречия, хотя межгрупповые расхождения и здесь могут со временем сложиться.

В межличностном конфликте всегда участвуют конкретные лица. Группы, возникающие при этом, представляют собой в общем случайные образования, которые распадаются, как только закончится конфликт. Поэтому сколько бы ни было участников межличностного конфликта, уровень его научного рассмотрения в основном должен оставаться **психологическим**.

Социологический уровень преобладает при анализе группового, классового или иного социального конфликта, где действуют общественные группы, слои, классы и в основе конфликта лежат групповые противоречия. Конечно, конкретные личности здесь тоже играют важную роль, например лидеры, руководители. Более того, эпизодом группового конфликта может быть стычка двух или нескольких человек. Но все же основными участниками здесь будут массовые образования и позиции здесь отстаиваются групповые, а не индивидуальные. Л. Козер отмечал, что групповые конфликты отличаются нетерпимостью и стремлением к абсолютной личной вовлеченности всех своих членов в противоборство[1]. Это усиливает конфликтующие группы и повышает социальную опасность и напряженность.

Отечественные авторы отмечают, что при групповых конфликтах не всегда наблюдается четкая идентификация групп[2]. Это верное наблюдение подтверждается хаотическим поведением населения в ряде межнациональных конфликтов (Таджикистан, Абхазия, Грузия и др.), где трудно было подчас определить пристрастия участников и цели их поступков.

Общеизвестно, что внутригрупповые, так же как и межгрупповые, конфликты распространены достаточно широко; они пронизывают всю нашу жизнь, являясь важным элементом социального взаимодействия. Соперничающими оказываются весьма разнообразные субъекты: не только отдельные индивиды, малые трудовые коллективы, семьи, соседи, но и крупные сообщества; как сказано выше, это могут быть социальные слои, классы, государственные и религиозные организации, партии, массовые движения и т.д. Именно эти социальные общности и придают в

конечном счете конфликту ярко выраженный социальный характер. Любой конфликт (от межличностного до международного) в широком смысле социален. Тем более очевидна социальная природа конфликта **социальных общностей** как элементов общественной структуры на том или ином этапе исторического процесса. Эти социально-структурные общности представляют собой такую связь между людьми, которая обусловлена совпадением или близостью их интересов, относительным сходством бытия и общности субъективных представлений. Эта общность складывается не только на базе объективных условий жизни индивидов и осознания ими своих интересов, но и в результате определенной деятельности по выработке и достижению своих целей.

На психологическом уровне оппозиция двух или нескольких социальных групп происходит по принципу: «мы и остальные». Эта оппозиция встречается в самых различных случаях – там, где декларируется, подчас без всяких на то оснований, предпочтение одних людей другим, например: «Мы и другие родственники» – в семье, «мы и соседи» – в доме, «мы – ученики X класса и другие» – в школе, «мы и стройбатовцы» – в армии и т.д.

Более сложными представляются конфликты в условиях взаимодействия функциональных и целевых групп, образованных по профессиональному или общественно-политическому принципу (партии, общественные организации, массовые движения). Этим группам присуща специфическая структура, обособленность по отношению к другим группам, достаточно высокий организационный уровень, выраженная идентификация их членов. В них индивиды, объединяясь по политическому, идеологическому или профессиональному признаку, стремятся реализовать свои не только сходные, но и достаточно разнородные потребности, что приводит к необходимости выделения руководителей, имеющих возможность придать определенную направленность действиям членов группы. Появляются лидеры, «идеологи», «активисты». В социальных конфликтах они играют роль непосредственных субъектов деятельности в отличие от массовидных, групповых субъектов (политическая партия в целом и т.п.).

Последние выражают наиболее высокий уровень социальности. Сюда же можно отнести такие большие общности, как население стран и регионов, этнос, народ. При взаимодействии этих общностей зона возможных конфликтов расширяется, охватывая все сферы общественных отношений (экономические, политические, идеологические, межнациональные и др.). При этом войны – крайние проявления конфликтов – затрагивают все стороны бытия, при определенных условиях ставя под угрозу само существование человечества. Международные конфликты резко ухудшают экономическое положение населения, нарушают территориальную целостность, политическое устройство стран-участниц.

Конфликтные взаимоотношения крупных социальных общностей неизбежно обрастают множеством более мелких противоречий и конфликтов, вплоть до индивидуальных. Можно поэтому с полным основанием утверждать, что социальная общность (группа) играет фундаментальную роль в понимании конфликта. Разумеется, при этом не следует упускать из виду, что действия любых социальных групп проявляются в конечном счете через действия конкретных индивидов. Каждое из них производится по воле человека, но опосредуется оно организацией, а нередко и осуществляется от. е.е имени.

На высоком государственном уровне правомерны **политологический и геополитический** подходы к анализу конфликтов. Можно сказать, что сама конфликтология сформировалась как научное направление во многом на базе исследования международных конфликтов и в современной зарубежной науке этому и теперь придается важное значение.

Политологический подход дополняет и углубляет социологический анализ. Политическая или экономическая власть обеспечивает реализацию интересов субъекта, имеющего перевес сил. Именно поэтому существует напряжение (склонное либо к возрастанию, либо к понижению), вызванное неравенством в отношении степени реализации интересов. А это ведет к политическим и иным изменениям в обществе.

В **юридическом конфликте** можно выделить две группы субъектов: физические и юридические лица.

Если речь идет о противоборстве юридических лиц, то конфликт обязательно приобретает юридический характер, потому что между этими субъектами складываются (или уже существуют) правовые отношения, да и разрешить такой конфликт скорее всего можно лишь юридическим путем.

Более разнообразной может быть ситуация, когда конфликт разворачивается между физическими лицами (одиночками, группами людей, толпой и др.). Физические лица, будучи гражданами, обычно являются субъектами определенных правоотношений. Это налагает заметный отпечаток на их поведение в конфликте. Участник конфликта, состоящий в тех или иных правовых отношениях, должен соизмерять свое поведение с существующими нормами права, помнить, что определенное развитие событий может стать небезразличным для «блюстителей порядка» – правоохранительных органов, а следовательно, и для самих участников происходящего. Субъект конфликта вполне может впоследствии стать участником гражданского, административного или уголовного процесса в качестве истца, ответчика, потерпевшего, обвиняемого или свидетеля. Такая перспектива грозит многим субъектам конфликтов. В некоторых случаях юридический аспект конфликта остается выборочным, т.е. касается не всех, а лишь отдельных его участников. Возьмем, например, случай массовых беспорядков. Толпа атакует милицию, громит помещения, творит бесчинства. Хотя все участники толпы являются гражданами государства и связаны конституционными обязанностями, юридические отношения (в аспекте ответственности за беспорядки) все же возникают, согласно Уголовному кодексу, не со всей толпой, а лишь с организаторами массовых беспорядков и их активными участниками.

2. Противоборствующие стороны.

Основные субъекты конфликта – противоборствующие стороны. Отнюдь не все участники конфликта в широком смысле являются теми лицами (группами), которые находятся в непосредственном противоборстве. Ведь есть еще пособники, пассивные свидетели и очевидцы, посредники и другие фигуры. Словом, противоборствующими сторонами можно назвать тех участников конфликта, которые непосредственно совершают активные (наступательные или оборонительные) действия друг против друга. В конфликте – обычно две противоборствующие стороны (в межличностном конфликте – два человека), но в принципе может быть три и больше – каждая со своими задачами.

Конфликт – сложное явление, включающее множество аспектов. Каждая сторона может быть вовлечена к тому же одновременно и в другие конфликты, обрастающие большим числом участников. И все же именно противоборствующие стороны – стержень конфликта. Если одна из них по той или иной причине отпадает – конфликт прекращается (или изменяется состав его участников). Поэтому в дальнейшем мы более подробно рассмотрим интересы и цели противоборствующих сторон, причины и механизмы их поведения, а также результаты противоборства.

В конкретном конфликте противоборствующие стороны индивидуализированы и потому незаменимы. Это понятно применительно к межличностным отношениям. В групповом конфликте незаменимость относится не к личности, а к группе, так же как в межгосударственном – не к должностному лицу или органу, представляющему государство, а именно к последнему.

Следует также добавить, что противоборствующие стороны могут быть и неравнозначными, т.е. относиться к разным уровням. Так, индивид может конфликтовать не с другим лицом, а с группой или государством. Само государство нередко конфликтует не с равным себе партнером, а, например, с общественной организацией, политической партией, группой экстремистов и т.п. Такие конфликты, если они проводятся не в институционализированных формах, обычно очень остры, жестоки и нередко заканчиваются гибелью слабейшей стороны, которой, как правило, является человек.

Обе противоборствующие стороны могут быть выявлены не сразу. Вначале возможны неясные представления о противнике. Но, как мы уже отметили, конфликт как таковой надо считать начавшимся, когда есть не только первоначальное, но уже и ответное действие в противоборстве. А это означает, что обе стороны рано или поздно должны быть выявлены достаточно определенно.

Иллюстрировать сказанное лучше всего процедурой уголовного разбирательства. Пока преступник не задержан, конфликт между ним и органами правосудия носит латентный характер. Сам виновный, конечно, знает об обеих сторонах конфликта, но органы следствия, дознания, суд и прокуратура могут не знать, кто именно совершил преступление. Процессуальная деятельность по раскрытию преступления и наказанию виновного переходит из латентной фазы в явную, когда подозреваемый задержан. Тем самым конфликт приобретает конкретные очертания.

Разумеется, к важнейшим характеристикам противоборствующих сторон, подчас совершенно однозначно определяющим исход конфликта, относятся их физические, социальные, материальные и интеллектуальные возможности, навыки и умения. Их социальные различия связаны не только с разным рангом или уровнем в том смысле, как это употреблялось выше, но и с широтой социальных связей, масштабами общественной или групповой поддержки. Интеллект и опыт ведения борьбы незаменимы во всех видах конфликтов – от дипломатического «торга» до вооруженного столкновения. Именно эти качества позволяют формировать верную и выгодную для стороны стратегию противоборства и предвидеть поступки оппонента. Для прямых физических столкновений, вооруженных конфликтов особенно важны «деструктивные потенциалы» противников. В межличностных конфликтах – это физическая сила, наличие оружия, в межгосударственных столкновениях, в войнах – это масштабы вооруженных сил, характер вооружения и эффективность военно-промышленного комплекса.

Характерно, что сильный «деструктивный потенциал», с одной стороны, является гарантом собственной безопасности, с другой – он провоцирует усиление потенциала других участников социального взаимодействия. Это особенно заметно на межгосударственном уровне, где «гонки» вооружений или разоружении неизбежно приводят к определенному балансу сил.

Одна или обе противоборствующие стороны могут на некоторое время выходить из конфликта (например, объявлять перемирие). Однако практическая жизнь свидетельствует о том, что в большинстве конфликтов основная роль противоборствующей стороны остается в течение всего развития событий неизменной.

3. Подстрекатели, пособники, организаторы.

Последнее нельзя сказать о других участниках конфликта. Роли подстрекателей, пособников, организаторов, а также, как мы увидим дальше, посредников и судей являются гораздо более эпизодическими.

Используемая здесь терминология является в основе юридической, но она достаточно полно характеризует не только криминальные, но и другие конфликты, в том числе международные. Подстрекатель – это лицо, организация или государство, подталкивающее другого участника к конфликту. Сам подстрекатель может затем в этом конфликте и не участвовать; его задача ограничивается тем, чтобы спровоцировать, развязать конфликт между другими лицами (группами).

Пособник – лицо, содействующее конфликту советами, технической помощью и другими способами. В международной политике пособничество агрессору, развязывающему вооруженный конфликт, расценивается как серьезное преступление против мира. Известно, что именно такую оценку история дала фактам пособничества нацистской Германии, которое оказывали ей Англия и Франция накануне второй мировой войны («мюнхенский сговор»).

При групповых конфликтах, особенно когда в них участвует неопределенный круг лиц, толпа, многие присутствующие люди фактически выступают как пособники основных участников – противоборствующих сторон. Кто-то выкрикивает лозунги, другие угрожающе размахивают палками и бросают камни, подают различные

советы, возбуждают окружающих. Дифференцировать активных участников, пособников и пассивных наблюдателей происходящего в большинстве случаев трудно. Однако такая задача всегда возникает перед органами правосудия, когда рассматриваются дела о массовых беспорядках, драках или групповом хулиганстве. Надо добавить также, что в обширных массовых и продолжительных конфликтах возможны перегруппировки участников, временные коалиции между ними, сговор или внутренние конфликты, что крайне запутывает и усложняет общую картину.

Организатор – лицо (группа), планирующее конфликт, намечающее его развитие, предусматривающее различные пути обеспечения и охраны участников и др. Организатор может в одном лице совпадать с противоборствующей стороной, но может быть и самостоятельной фигурой. Классический пример последнего – Яго из шекспировского «Отелло», который сам не участвует в трагическом конфликте Отелло и Дездемоны, но тщательно организует его.

4. Посредники и судьи.

Их тоже можно в широком смысле слова считать участниками конфликта, особенно посредников, которые не только стремятся разобраться в причинах и обстоятельствах происходящего (это делают и судьи), но и пытаются своими действиями предотвратить, остановить, разрешить конфликт, влияя своим авторитетом или применяя другие средства.

В практической конфликтологии проблема посредничества имеет важное значение. Наиболее эффективна регламентированная процедура, при которой посредник – строго нейтральное лицо, помогающее конфликтующим сторонам в достижении согласия с помощью переговоров. Специфической чертой посредничества является то, что стороны обычно сами формулируют текст соглашения (чаще, чем посредник). Последний не наделен властью выносить какое-либо решение, а лишь помогает достичь соглашения, которое и определяет дальнейшее действие сторон.

В связи с развитием в последние годы множества региональных конфликтов, в основном межнационального характера, большее внимание стало уделяться использованию посредников из так называемых миротворческих сил, в том числе войск Организации Объединенных Наций. Участники этих сил часто непосредственно включаются в конфликт. На территории бывшей Югославии и в Сомали среди таких посредников были и убитые, и раненые. Еще раз заметим, что посредники, так же как и судьи, не являются противоборствующими сторонами конфликта и цели их, как правило, диаметрально противоположны: не развивать, а остановить конфликт, разрешить противоречие по возможности ненасильственным путем.

5. Ролевое поведение.

Из сказанного видно, что разные участники конфликта ведут себя по-разному в зависимости от роли, которую они выполняют в той или иной ситуации. Ролевое поведение участника конфликта в общем достаточно определено, потому что оно связано не только с его собственным желанием или планом, но и с планами соперника, вынуждающими участников к определенным действиям. Вместе с тем, говоря о ролевом поведении, следует отметить такое немаловажное обстоятельство, как возможная имитация ролей участниками конфликта. Иногда субъект как бы «входит в роль» непримиримой конфликтующей стороны, хотя конфликта как такового либо еще нет, либо он уже угасает. В этом случае сказываются амбиции субъекта, эмоциональные и характерологические особенности, групповые, партийные и иные интересы. Упорное удержание роли конфликтующей стороны характерно для межнациональных конфликтов, где такая позиция сильно затягивает примирение сторон, препятствует разрешению конфликтной ситуации. Конфликт в этом случае поддерживается искусственно, хотя реальной почвы для него может уже и не быть.

Входят в «роль» конфликтующей стороны сутяжники и склочники, обивающие пороги многих учреждений для удовлетворения действительных или вымышленных претензий, для чего подчас вовсе не требовалось бы вступать в конфликтные

взаимоотношения. Преодоление подобных «ролевых» отношений во многих случаях требует немалых и подчас длительных усилий.

[1] См.: Coser L. Op. cit. P. 200.

[2] См : Социальные конфликты... Вып. 1. С. 15.

§ 3. ПРИЧИНЫ КОНФЛИКТОВ

1. Причинность в обществе.

Причинность в социальной среде характеризуется значительной сложностью и запутанностью. Каждое социальное действие влечет за собой массу разнообразных и притом противоречивых событий. Конфликт может быть в конечном счете обусловлен совершенно безобидными действиями индивидов или групп, находящимися в достаточно отдаленной связи с противоборствующими сторонами. Но если мы хотим разобраться в подлинных причинах конфликта, приходится тщательно анализировать всю цепочку взаимосвязей между событиями и людьми.

Анализируя причины поведения сторон в различных конфликтах, нетрудно заметить, что они обычно сводятся к стремлению удовлетворить свои интересы. Корысть, месть, ненависть, недоброжелательство, обида, неудовлетворенность принятым решением, стремление обеспечить себя материально сегодня или в будущем – вот лишь небольшая часть мотивов бытовых конфликтов, встречающихся в судебной практике. Иной, но не менее разнообразной является мотивация групповых конфликтов: экономические трудности, политические симпатии и антипатии, стремление к лидерству, национальная гордость и многое другое. Столь же многообразны мотивы поведения государств на международной арене. Поистине мотивы конфликтов способны отразить всю сложность современной жизни.

Однако мотивы поведения индивидов и социальных общностей не являются глубинными причинами конфликтов: ведь сами эти мотивы требуют объяснения. Человек реагирует на изменения внешней ситуации, изменяясь сам; в свою очередь, психологические факторы воздействуют на ход экономических и политических процессов. Общественное сознание реализуется и преломляется через разум, чувства, потребности, мотивы, интересы, а отсюда мнения, позиции, поступки, действия конкретных людей. При этом именно в разнообразных формах индивидуального выражения общественного сознания, фиксируемого на эмпирическом уровне и обобщаемого как позиции и поведение групп и общностей, и проявляются в наиболее явном и остром виде противоречия духовной сферы, отражаются противоречия бытия.

В целом масштабная конфликтная ситуация свидетельствует о протекании в обществе социально-дезорганизационных процессов, о кратковременной или длительной, более или менее глубокой, иногда необратимой дезинтеграции важнейших общественных структур, обеспечивающих стабильность данного общества или территориальной общности.

Ян Щепаньский писал, что «дезорганизация – это совокупность социальных процессов, приводящих к тому, что в рамках определенной общности действия, отклоняющиеся от нормы и оцениваемые негативно, превышают допустимый предел, угрожая установленному течению процессов коллективной жизни. Она заключается в дезинтеграции институтов, не выполняющих задач, для которых они созданы, ослаблении механизмов формального и неформального контроля, неустойчивости критериев оценок, появлении образцов поведения, противоречащих образцам, признанным допустимыми»[1].

Если обобщить эти соображения, то можно еще раз сказать, что в конечном счете конфликты в современном обществе представляют собой порождение и проявление объективно существующих социальных противоречий.

Как известно, эта точка зрения была подробно разработана в марксистской литературе.

Общество, по К. Марксу, не статично; путем классовой борьбы оно постоянно преобразуется. Это общество по мере осознания рабочим классом своего угнетенного положения становится все более конфликтным, до тех пор пока не произойдет социальная революция, которая и похоронит эксплуататорский класс. Процесс этот носит всемирный характер, и он неизбежно должен привести со временем к бесклассовому обществу.

Такое понимание общественно-исторического процесса сразу же встретило серьезные аргументированные возражения. Некоторые исследователи наследия Маркса не могли не обратить внимания на то, что классовый конфликт в этом смысле рассматривается без теоретического анализа его разнообразных поведенческих форм. Другие ученые, приняв некоторые марксистские постулаты, вместе с тем увидели в его концепции абсолютизацию экономических отношений в качестве главной причины конфликта между классами.

М. Вебер полагал, что возникновение конфликтов не сводится только к различиям бедности и богатства. Выявив компонент неравенства (разная степень уважения, неодинаковый престиж), он ввел понятие статусных групп. При этом Вебер обнаружил связь между материальными и идеальными интересами различных групп, с одной стороны, и религиозным сознанием, с другой.

Р. Дарендорф именно классы считает «конфликтующими социальными группами, основание определения которых... состоит в участии в господстве или исключении из него...»[2]. Он утверждал также, что классовый конфликт определяется характером власти. Конфликт, по его мнению, вызывается обычно не экономическими отношениями между руководителями и подчиненными, скорее его главной причиной является власть одних над другими. Не только власть предпринимателей над рабочими создает основу для конфликта; последний может возникнуть в любой организации (в больнице, военном батальоне, университете), где вообще существуют управляющие и подчиненные. Отметим: автор знаменитого труда «Общественные классы и классовый конфликт в индустриальном обществе» использовал многие теоретические положения Маркса для вывода о существовании объективных («скрытых») и осознанных («открытых») интересов. Классы, по его мнению, появляются лишь тогда, когда «скрытые» интересы становятся «открытыми»[3].

Л.А. Козер, различая внутри- и внегрупповые конфликты, обратил внимание на зависимость их от самой социальной структуры. Последняя содержит гарантии единства внутригрупповых отношений перед лицом конфликта: это институционализация конфликта и определение степеней его допустимости. Станет ли социальный конфликт средством стабилизации внутригрупповых отношений и согласования противоположных требований сторон или он окажется чреватым социальным взрывом? Ответ на этот вопрос зависит от характера социальной структуры, под воздействием которой и развивается конфликт.

В социальной структуре любого типа, считает Козер, всегда имеется повод для конфликтной ситуации, поскольку время от времени в ней вспыхивает конкуренция отдельных индивидов или подгрупп по поводу дефицитных ресурсов, позиций престижа или отношений власти. Вместе с тем социальные структуры отличаются друг от друга дозволенными способами выражения антагонистических притязаний и уровнем терпимости в отношении конфликтных ситуаций[4].

Из современных авторов Пьер Бурдьё дает достаточно практического материала для размышления над тенденциями развития нынешних конфликтов, поскольку вообще полагает, что класс как теоретическая конструкция, отождествляемая с реальной действующей группой людей, есть обычная интеллектуалистская иллюзия. По его мнению, недостаточность марксистской теории классов и, в особенности, ее неспособность учитывать ансамбль объективно регистрируемых различий, являются результатом того, что, сведя социальный мир к одному лишь экономическому полю, марксистская теория приговорила себя к определению одной лишь позиции в экономических отношениях производства[5].

По К. Боулдингу, Л. Крайсбергу, М. Крозье, сам конфликт заключается в противоборстве групп, преследующих несовместимые цели. К. Боулдинг, однако, отмечал, что все конфликты имеют общие элементы и общие стандарты развития и изучение этих общих элементов может представить феномен конфликта в любом его проявлении.

Э. Кардель проводил различие непосредственных интересов социальных слоев и групп социалистического общества, в том числе и внутри рабочего класса. Признавая конфликты на базе социальных и имущественных различий, порождаемых в первую очередь распределением по труду, он находил основной конфликт тогдашнего югославского общества в противоречии между силами социалистического самоуправления и антисамоуправленческими силами. Помимо этого конфликта, носящего характер классового антагонизма, в югославском обществе, по его мнению, существовали и иные конфликты, возникающие на базе социалистических общественных отношений[6]. Его соотечественник М. Джилас в работе «Новый класс» источником конфликта при социализме считал привилегированный слой чиновников, создавший новую систему неравенства и деспотизма.

Итак, как видим, основные подходы к пониманию и объяснению конфликта складывались в рамках рассмотрения особенностей взаимодействия крупных социальных общностей. Личностный анализ в конфликтологии занимает, пожалуй, второстепенное положение. Он безусловно важен, но при изучении, к примеру, девиантного поведения единичное, индивидуальное имеет тенденцию к превращению в общее, групповое, т.е. становится доступным для анализа социальных общностей.

2. Неравенство как источник конфликта.

Основными признаками социального неравенства, как известно, являются различия в отношениях собственности, власти и статуса. В той или иной мере эти особенности отражены в социально-классовой структуре общества, фиксирующей неравенство в отношениях между социальными группами, вплоть до индивида. В связи с социально-политическим и социально-экономическим неравенством находятся и существенные различия в образе жизни, культуре, психологии социальных групп и индивидов.

Социальные действия, имеющие целью создание материальных и духовных ценностей, их обмен и распределение, неизбежно ведут к напряженности между социальными группами, а при определенных условиях – к открытому конфликту.

Обычно в основе непосредственного столкновения интересов больших социальных групп лежит расхождение между достигнутым уровнем получения материальных и культурных благ и твердым убеждением, что доступ к ним несправедливо ограничен противоположной стороной. Именно осознание незаслуженного социального «прессинга» со стороны противника имеет мотивационное значение для поведения масс людей.

В условиях, когда группа не имеет осознанных потребностей, она не в состоянии начать единые действия. Поэтому вначале они носят спонтанный, хаотический характер. Однако под влиянием тех или иных обстоятельств происходит быстрое (или медленное) осознание интересов, их кристаллизация. Под сомнение начинает ставиться не только существующая система раздела благ, но само групповое господство. Конфликт приобретает политический характер. Этим обстоятельством зачастую пользуются политические лидеры, которые либо стимулируют кристаллизацию осознанных интересов, либо стараются ее ослабить, направить в другое русло.

Исторический опыт последних десятилетий свидетельствует, что государственный социализм не смог полностью ликвидировать частную собственность и социальное неравенство классов. Не смог он избавить общество и от социальных конфликтов. Но это не причина игнорировать темные, асоциальные стороны рыночного капитализма, особенно нерегулируемого. Вполне возможно, что рыночная экономика – лучшая производственная система из известных сегодня, но для того, чтобы ее преимущества приняли гуманистический характер, демократическое государство

должно взять на себя ответственность за смягчение тех типичных форм отчуждения и порабощения человека, которые она способна порождать. На деле это означает перераспределение доходов со стороны государства в пользу обездоленных, прогрессивное налогообложение. Механизмы и детали этого перераспределения вырабатывались и реализовывались различными путями: от компромиссов и переговоров до конфликтов. Однако в исторической перспективе последнее явно нежелательно, ибо чревато взаимными социальными потерями.

Надо заметить, что в обществе не существует вполне эффективных способов полного устранения конфликтов, связанных с неравенством больших социальных групп. Во-первых, как показывает история человечества, социальное неравенство постоянно воспроизводится. Периодически повторяющиеся революции значительно меняют типы, формы и методы осуществления неравенства, однако устранить его в принципе не в состоянии. В любом обществе всегда существовал и, видимо, будет существовать конфликт интересов между различными социальными группами, хотя бы за право обладать и (или) распоряжаться жизненно важными ресурсами. Эта борьба настолько длительна, насколько их объект – те же ресурсы, например, ограничены во времени и пространстве. Представляется постоянным и стремление изменить формы и виды собственности.

В то же время эти конфликты могут быть смягчены либо перенесены на другие уровни. Однако эти возможности сильно ограничиваются культурным уровнем населения, растущей социальной поляризацией, сохранением отчуждения и другими не менее важными обстоятельствами.

Какое значение имеют различия в типах противоречий для понимания природы конфликтов? Связь здесь состоит в том, что в большинстве случаев развитие конфликта в какой-то мере отражает объективное противоречие, лежащее в его основе. Так, вряд ли удастся устранить конфликты, проистекающие из объективных противоречий между новыми и старыми элементами социальной структуры. Сохранение устаревших институтов (например, системы управления, политической партии и т.д.) неизбежно порождает социальные конфликты, связанные со стремлением освободиться от старых, обветшавших догм и установлений. Можно сказать, что в качестве общего правила глубина и острота конфликта также взаимосвязаны с глубиной породившего его противоречия, хотя от этого правила могут быть и отступления.

В психологической литературе стало уже достаточно традиционным деление на предметную и субъект-субъективную сферы внутригрупповой активности, деловые (предметные) и личные (эмоциональные) взаимосвязи[7]. Аналогичным образом в акте человеческого общения различаются уровень содержания общения и уровень взаимоотношений[8], т.е. одно и то же социальное взаимодействие проходит как бы в двух планах: как процесс, затрагивающий содержательные стороны того или иного материального или идеального предмета, и как процесс реализации отношений взаимодействующих субъектов друг к другу. Иными словами, в конкретном повседневном взаимодействии люди или государства и обмениваются взглядами по поводу тех или иных внешних предметов и событий, и одновременно с этим неизбежно находятся в отношениях друг с другом, т.е. соприкасаются своими интересами.

Взгляды, знания, точки зрения, или, говоря психологическим языком, «когнитивные структуры» субъектов, во время взаимодействия могут находиться в полном или частичном согласовании, но могут быть и в абсолютном противоречии. Противоборство когнитивных структур может быть вовсе не связано с нарушением отношений между субъектами. Научный спор или парламентские дебаты могут и должны в принципе происходить между людьми, уважающими друг друга и не имеющими никаких взаимных личностных или иных претензий. Различия между идеологиями, культурами или религиями наций могут быть поводом для острых дискуссий, не затрагивающих тем не менее хороших добрососедских отношений людей. Наблюдаемые нами постоянно войны на религиозной или идеологической почве имеют другую истинную причину – стремление одной или обеих сторон

навязать свои взгляды, а это уже проблема столкновения интересов, зачастую скрытых от стороннего наблюдателя.

3. Интересы и потребности.

«Во всей мировой литературе столкновение интересов было одной из главных тем: возможно, по вниманию, которое ей уделялось, с ней сравнимы лишь темы Бога, любви и внутренней борьбы»[9]. Пусть это сказано с преувеличением, но что касается конфликтологии, то столкновение интересов – действительно центральный пункт проблемы.

Объяснение природы общественных конфликтов имеет давнюю традицию, состоящую в анализе противоборства интересов. В глобальном масштабе оно проявляется в борьбе государств за изменение критериев и оснований распределения ресурсов, приобретения территорий и т.п. Интерес часто прямо не ассоциируется с материальными благами, он может вытекать из религиозных, культурных, профессиональных устремлений. Объективный и детальный анализ противоречий и столкновений – интересов (особенно классовых, групповых и национальных) может существенно прояснить картину конфликтов в стране, регионе, да и в малой социальной группе.

Анализ самых разнообразных конфликтов свидетельствует о том, что какие бы конкретные причины ни лежали в основе поведения противоборствующих сторон, в конечном счете они упираются в их интересы, которые в случае конфликта оказываются несовместимыми или противоположными. Гитлеровская Германия стремится к захвату чужих земель, европейские страны – к независимости и суверенитету. Вор похищает чужое имущество, собственник его защищает. Супруги ссорятся по поводу денег: каждый стремится самостоятельно использовать семейные средства, и каждый по-своему прав, отстаивая свои интересы.

При анализе интересов как основы конфликта некоторые исследователи обращают внимание на смежные социальные и психологические явления, в том числе генетически предшествующие интересу. Такова, например, категория потребности, трактуемая обычно как состояние нехватки чего-либо, что организм (личность, группа, общество) стремится восполнить. Потребность предшествует интересу, который, представляет собой осознанную потребность (а подчас и осознанный путь ее удовлетворения).

По мнению К. Ледедера, например, социальный конфликт. е.сть следствие ущемления или неадекватного удовлетворения всей той совокупности человеческих потребностей (или их части), которые составляют «реальную человеческую личность»[10].

Потребности в безопасности, признании, идентичности, социальной принадлежности и т.п. присущи не только отдельному индивиду, но и социальным группам, этническим образованиям, целым обществам и государствам. По мнению Дж. Бертоне, «только те организационные усилия, которые полностью удовлетворяют основные человеческие потребности, могут принести подлинное завершение конфликта»[11]. В связи с этим многие авторы усматривают психологическую причину конфликта во фрустрации или посягательстве на какую-либо из основных человеческих потребностей. При конфликте, отмечают отечественные авторы, противоборствующие стороны преследуют свои цели, которые, однако, не могут быть одновременно достигнуты обеими сторонами без ущерба друг другу[12].

Но чем вызывается само это посягательство на потребность? И чем обусловлен дефицит? Ряд специалистов обращают внимание на более общие социальные процессы и явления, такие, как неравенство, нестабильность экономического, социального и политического развития, неустойчивость положения общественных слоев и классов. Р. Дарендорф, например, утверждает, что общество, порождая неравенство, одновременно неизбежным образом порождает конфликты. При этом предметом классового конфликта являются жизненные шансы, точнее – их неравномерное распределение.

4. Концепция депривации.

Для объяснения причин крупных общественных коллизий можно успешно использовать концепцию так называемой депривации[13]. Речь идет о состоянии, для которого характерно явное расхождение между ожиданиями и возможностями их удовлетворения. Очевидно, что с течением времени депривация может либо усиливаться, либо уменьшаться или оставаться неизменной. Усиление депривации зависит от того, в каком соотношении находятся ожидания, с одной стороны, и возможности их удовлетворения – с другой. Рост депривации может происходить, во-первых, при уменьшении возможностей уже сформировавшихся запросов, что наблюдается, в частности, в условиях экономического кризиса. Ожидания многих в таких условиях определяются скромной формулой сохранения статус-кво: «лишь бы хуже не стало». Во-вторых, возможна ситуация, когда ожидания, запросы растут значительно быстрее, чем возможности их удовлетворения. Тогда также наблюдается усиление депривации, а следовательно, и вероятности возникновения конфликта.

Сохранение стабильного уровня депривации[14] или даже снижение его, что возможно опять-таки либо при уменьшении уровня притязаний (ожиданий) при неизменном масштабе удовлетворения потребностей, либо при более быстром росте удовлетворения запросов по сравнению с ожиданиями, ведет, согласно этой концепции, к созданию психологических условий, способствующих стабилизации морально-психологической атмосферы в обществе, ослаблению напряженности. И наоборот, усиление депривации порождает агрессивные реакции на фрустрацию. Реакция на фрустрацию воплощается в выступлениях, направленных против источников разочарования, подлинных или придуманных виновников бедственного положения; она может реализоваться в поисках «козлов отпущения», которыми в одних случаях становятся национальные меньшинства, в других – лица, получающие «несправедливо много» за свой труд (в зависимости от ситуации это могут быть торговцы, кооператоры, частные предприниматели, «вообще начальники», ученые и т.д.), в третьих – органы власти и управления, функционеры и лидеры правящей партии. Иными словами, усиление депривации способствует росту социальной напряженности, возникновению открытых социальных, политических и этнических конфликтов.

Вятр особо выделяет случай условной депривации, отмечая, что в подобных ситуациях в группах, чьи запросы особенно сильно возросли по сравнению с возможностями их удовлетворения, появляется отчетливая тенденция к агрессивному поведению, направленному против политической системы или общественной группы, которую считают виновницей депривации[15]. Он вспоминает ставшую классической работу А. де Токвиля «Старый порядок и революция», в которой французский ученый XIX в., пожалуй, первым обратил внимание на этот механизм, показав на примере Великой Французской революции, что революция может вспыхнуть не тогда, когда массы живут хуже в абсолютном смысле, а тогда, когда их положение несколько улучшилось, вызвав, однако, значительно более интенсивный рост ожиданий.

5. Иррациональные элементы.

В возникновении конфликта обычно можно обнаружить те или иные объективные причины, способствовавшие столкновению интересов социальных субъектов. Например, конфликт между двумя мужчинами, любящими одну женщину, или столкновение транспортного министерства и фермеров из-за строительства на их территории автомагистрали основаны на противоречиях, закономерно вытекающих из объективно сложившейся ситуации, в которой столкнулись реальные потребности каждой из сторон.

Однако в общественной жизни существует немало противоречий и, следовательно, конфликтов, которые не вызваны какими-то серьезными причинами, а коренятся в характерах людей, настроениях, вкусах, пустяжных капризах и других субъективных факторах, не имея прямого отношения к их действительным мотивам и потребностям.

Особенно часты подобные «субъективные» противоречия между отдельными индивидуумами, вынужденными к постоянному общению в семье, в служебных или иных делах. Эти противоречия могут быть достаточно мелкими, с точки зрения других людей – ничтожными, но в силу особенностей характера они становятся неодолимыми препятствиями для нормальных взаимоотношений. «Мелкие душевные раны, – пишет психолог, – постоянно наносимые по самым «чувствительным» или «слабым» местам, становятся конфликтогенными»[16]. Этот автор отмечает, что такими чувствительными сторонами характера или поведения могут быть вполне нормальные, естественные качества, которые, однако, отсутствуют у другого человека: пунктуальность, бережливость, точность, терпение и т.п.

Чье-то неудовольствие может, например, вызывать манера другого человека одеваться или способ приема пищи. Истоки многих национальных предубеждений находятся в различиях в образе жизни или манере общения. Часто труднообъяснимыми оказываются столкновения между людьми, имеющими различия в темпераментах, скорости реакций. Причиной конфликта, наконец, может послужить просто чья-то раздражительность, дурное расположение духа, оборачивающееся пустыми придирками даже к человеку, который искренне уважаем и любим. Эта причина, конечно, сама может побуждаться чем-то лежащим за пределами данной системы отношений, какими-либо проблемами, неприятностями, конфликтами, произошедшими у человека в других ситуациях.

Традиционное бытовое мнение о конфликте состоит в том, что конфликт всегда представляет собой некоторое логически объяснимое противоречие между людьми, рационально отстаивающими свои интересы. Именно на нем базируются многочисленные «игровые» модели конфликтов, в которых оппоненты представлены в качестве игроков, стремящихся иметь минимум потерь.

Правда, этому на первый взгляд убедительному пониманию противоречат многие факторы, наблюдаемые специалистами. В семейной ссоре муж старается максимально сгладить противоречия, уступает жене, но она рассматривает это как «заискивание», которое, по ее мнению, свидетельствует о какой-то скрытой провинности супруга, и конфликт разгорается с новой силой. На межгосударственных переговорах одна из сторон оскорблена тем, что ей не было предоставлено первое слово, и переговоры срываются. Можно привести много примеров, подтверждающих сложность причин конфликта, состоящую в данном случае в том, что они не всегда поддаются строгой логической реконструкции и часто «нагружены неустраимой иррациональной составляющей»[17], которая образует индивидуальное своеобразие конфликта и не позволяет разрешить его простыми средствами.

Особенно заметно это в межнациональных конфликтах, которые в силу иррациональности, непродуманности действий людей, преобладания эмоций деструктивного характера приобретают неуправляемый характер и по мере своего расширения и обострения превращаются в подлинную катастрофу[18].

Неопределенность поведения человека в общении, как известно из психотерапевтической практики, может порождать у других невротические реакции, которые ведут к конфликтам, кажушимся посторонним совершенно абсурдными и не имеющими причин. Вместе с тем вся проблема – в неурегулированности и запутанности отношений, в психологическом «разноязычии».

Иррациональный элемент межличностного конфликта может служить и подлинной его причиной, если в нем участвуют душевнобольные или психопатические личности. А такие случаи нередки. Мы не касаемся здесь внутренних конфликтов личности, поскольку это скорее предмет психиатрического анализа, но нельзя забывать о том, что в толпе, особенно возбужденной националистическими или религиозными чувствами, нередко присутствуют нездоровые люди, способные сильно обострить конфликт. Вот почему конфликтология, будучи комплексной дисциплиной, должна учитывать и этот немаловажный аспект.

Разумеется, то, что мы назвали «объективными» и «субъективными» противоречиями, а также «иррациональными» элементами, не имеет в реальной жизни четких границ и здесь обозначается весьма условно лишь для того, чтобы

показать спектр возможных вариаций в причинах конфликтного поведения. Во всех случаях мы так или иначе имеем дело с интересами людей, которые могут быть более или менее существенными, стабильными и изменчивыми, явными или скрытыми. Нередко абсурдность и иррациональность поступков сторон является лишь кажущейся, в силу того что конфликт был основан на ошибочном представлении одного или обоих оппонентов о противоположности их стремлений. Подобные случаи «ложного» конфликта мы рассмотрим несколько позже.

6. Уровни противоречий.

«Объективность» и «субъективность» противоречий можно понимать несколько в иной плоскости, если иметь в виду их связь с интересами, так сказать, двух различных планов, направленными вовне или же вовнутрь – на самих себя. Говоря проще, это разделение связано с потребностями в той или иной внешней деятельности или напрямую с потребностями в самостоятельности, самосохранении, самоуважении и т.п. Серьезное столкновение между людьми может быть, например, вызвано тем, что оба претендуют на один и тот же столик в ресторане; подобная же по результатам стычка может случиться и из-за вызывающего и оскорбительного поведения одного из посетителей, ни на что не претендующего, кроме -повышенного внимания. Как известно, войны происходили и из-за стремления двух государств сохранить свое влияние на той или иной территории, и вследствие попыток одного установить свое господство над другим, превратить его в свою колонию.

В двух упомянутых различных вариантах по сути сталкиваются интересы разных уровней. В первом случае каждый изначально намерен реализовать ту или иную относительно частную потребность и вступает в борьбу с субъектом, ему мешающим. Во втором случае задействованы мотивы, связанные с сохранением свободы, неприкосновенности, уважением основных прав, т.е. с тем, что является центральными составляющими существования каждой личности или более крупного социального образования. Для человека это его индивидуальная свобода, физическая неприкосновенность, честь и достоинство; для государства или нации – независимость, неприкосновенность территории расселения или границ, признание как равноправного субъекта мирового сообщества. Крайнее, предельное выражение противоречий в этих интересах – полная несовместимость и борьба на уничтожение другого социального субъекта.

Из сказанного ясно, что речь может идти об уровнях социальных противоречий, различающихся по тому, насколько существенное иными оказываются затронутые интересы сторон. Проведенное нами членение, которое в реальности оказывается, конечно, более дробным, показывает прежде всего, насколько противоречия могут различаться между собой по глубине. Это определяет и степень вовлеченности субъекта в конфликт, и набор используемых им в конфликте средств, и в конечном счете возможность и способы разрешения конфликта.

[1] Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969. С. 202

[2] Darendorf R. Op. cit. P. 73.

[3] Darendorf R. Soziale Klassen und Klassen conflict in Industrien Gesellschaft 1959. S. 169

[4] Социальный конфликт: Современные исследования... С. 22—23.

[5] Вопросы социологии. 1992. № 1 С. 14.

[6] Кардель Э. Пути демократии в социалистическом обществе Белград, 1978.

[7] Донцов А. И. Психология коллектива. М., 1984; Иванов М. А. Научно-исследовательская программа как фактор регуляции межличностных отношений в первичном научном коллективе//Дисс... канд. психол. наук. М., 1982.

[8] Watzlawick P. Pragmatics of human communication. N. Y., 1967.

[9] Luce R. D., Paiff H. Games and decisions, introduction and critical survey. N. Y., 1957. P. 15.

[10] См.: Социальный конфликт: Современные исследования... С. 54.

[11] См.: Социальный конфликт: Современные исследования... С. 55.

[12] См.: Социальные конфликты... Вып. 1. С. 27.

- [13] См.: Социальный конфликт: Современные исследования... С. 8—9.
[14] См., напр.: Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979. С. 307.
[15] Вятр Е. Указ соч. С. 308.
[16] Пезешкян Н. Торговец и попугай. Восточные истории и психотерапия. М., 1992. С. 27.
[17] Социальные конфликты... Вып. 1. С. 59.
[18] Социальные конфликты... Вып. 1. С. 29.

§ 4. ПРЕДМЕТ И ОБЪЕКТ КОНФЛИКТА

1. Понятие предмета конфликта.

Всякий конфликт связан с теми или иными внешними и внутренними обстоятельствами, круг которых всегда достаточно широк, переменчив и не может быть перечислен с исчерпывающей полнотой. Однако что-то есть в его структуре основное, что позволяет в быту или в журналистских репортажах безошибочно идентифицировать именно этот конфликт или отнести его к определенной категории. Упорядочивая множество понятий, связанных с конфликтом, обычно выделяют два из них, которые дают возможность более четко определить существо и направленность любого конфликта: это предмет конфликта и его объект.

Под предметом конфликта мы понимаем объективно существующую или мыслимую (воображаемую) проблему, служащую причиной раздора между сторонами. Каждая из сторон заинтересована в разрешении этой проблемы в свою пользу. Предмет конфликта – это и есть то основное противоречие, из-за которого и ради разрешения которого субъекты вступают в противоборство. Это может быть проблема власти, обладания теми или иными ценностями, проблема первенства или совместимости (в когнитивном конфликте это и есть то, что называют предметом дискуссии).

Поиск путей разрешения конфликта, как правило, начинается с определения его предмета, и сделать это часто оказывается весьма трудно. Многие конфликты имеют столь запутанную и сложную предысторию, что специалист вынужден как археолог вскрывать один слой за другим. В конфликтах напластование проблем может сделать сам предмет конфликта абсолютно диффузным, не имеющим четких границ, перетекающим. Конфликт может иметь основной предмет, рассыпающийся на частные предметы, множественные «болевы точки». К таким примерам относятся длящиеся семейные неурядицы или межнациональные конфликты.

2. Объект конфликта.

По мнению В.А. Ядова, «на самом деле во всех конфликтах речь идет о двух вещах или даже об одной: о ресурсах и о контроле над ними. Власть с этой точки зрения – это вариант контроля над ресурсами, а собственность и есть сам ресурс. Можно ресурсы разделить на материальные и духовные, а последние, в свою очередь, дифференцировать на составляющие[1]. Эта точка зрения, правда, не в столь категоричной форме, высказывается и многими другими специалистами. Высказывая сходные мысли, нередко используют понятие «объекта конфликта[2], под которым подразумевают ту конкретную материальную или духовную ценность, к обладанию или пользованию которой стремятся обе стороны конфликта. Объектом конфликта, по сути дела, может выступать любой элемент материального мира и социальной реальности, способный служить предметом личных, групповых, общественных, государственных интересов. Чтобы стать объектом конфликта, этот элемент должен находиться на пересечении интересов различных социальных субъектов, которые стремятся к единоличному контролю над ним. Примеров таких ситуаций можно найти множество: от ссоры малышей из-за красивой игрушки до напряженности в отношениях двух государств из-за неурегулированности вопроса о принадлежности той или иной территории.

Объект конфликта в конкретной системе отношений – это всегда некий дефицитный ресурс. Одна должность директора, на которую претендуют два заместителя,

последний батон колбасы, из-за которого возникает драка в очереди; один Черноморский флот и военный порт... Действительно, компенсация дефицита ресурсов во многих случаях может устранить возникшую неожиданно проблему. Именно этого хотел добрый старик Хоттабыч, наколдовавший каждому футбольному игроку по мячу. К сожалению, подобным же образом нельзя ликвидировать те многочисленные проблемы, с которыми люди сталкиваются в повседневной жизни. Вычленив объекты рядовых, типичных конфликтов, нетрудно обозначить круг проблем более общего характера. Например, очевидно, что характерные для насшей действительности мелкие конфликты в очередях и в транспорте напрямую связаны с дефицитом товарных и транспортных ресурсов на государственном уровне.

Дело, однако, не только в объективной «неделимости» объекта между двумя сторонами, но и в неделимости субъективной. Даже если двум малышам дать две красивые игрушки, каждый из них может захотеть только ту, с которой играет другой, или пожелает заполучить обе. Иными словами, дефицит ресурсов и определение характера и границ объекта – вещь чаще всего относительная и изменчивая по своей сути.

Конфликт, однако, может и не иметь объекта. Наряду с «объективными» конфликтами мы выделяем категорию «безобъектных», не базирующихся на взаимных стремлениях к контролю над чем-то. Поясним, о чем идет речь. Начнем с примера. Легко можно представить себе ситуацию с двумя соседями в стандартном блочном доме с прекрасной слышимостью: один сидит за рабочим столом и пишет научную монографию, а другой играет на скрипке. Первый, которому скрипка мешает сосредоточиться, стучит в стену. Начинается конфликт. Ясно, что причина конфликта здесь не в том, что оба стремятся единолично контролировать какую-либо ценность, а просто в помехах, снижающих эффективность деятельности одного из оппонентов. Типичным для практики уголовного судопроизводства является случай, когда, конфликт разгорается из-за того, что случайный прохожий делает замечание хулигану. Здесь также нет того объекта, обладать или пользоваться которым хотели оба субъекта. Просто один нарушает нравственные представления другого. Наконец, ситуация, в которой отношения индивидов или групп пропитаны взаимной ненавистью и стремлением уничтожить друг друга, также представляет собой ярчайший пример «безобъектности».

3. Явный и скрытый конфликты.

Сложность анализа конфликтных процессов и явлений в значительной мере определяется тем, что внешне наблюдаемое противоборство субъектов очень часто не дает адекватного представления о его подлинных причинах. Характеризуя подобные случаи, М. Дойч использует понятия «скрытого» и «явного» конфликта[3]. Его мысль заключается в том, что конфликт в реальности может основываться на противоречиях более глубоких (скрытый конфликт), чем те, которые служат предметом противоборства во внешнем плане (явный конфликт).

Достаточно часто можно встретить случаи, когда за внешне-наблюдаемым когнитивным конфликтом скрыт его реальный предмет – то или иное столкновение интересов. Внешне конфликт выглядит как научная полемика, но его подлинной основой является борьба за значимый социальный статус (например, обоюдное стремление занять одну и ту же должность в институте). В таких случаях стороны сами абсолютно рационально или интуитивно выбирают «язык» когнитивного конфликта, чтобы скрыть свои истинные намерения.

Аналогичным образом пустяшный скандал за семейным столом может скрывать более глубокие разногласия. Психиатрам и психотерапевтам, занимающимся семейной, проблематикой, хорошо известно, что основной причиной мелких семейных ссор в семье, возникающих по разным поводам, нередко является сексуальная несовместимость супругов. Давно сложившаяся антипатия может постоянно прорываться наружу в виде разнообразных «объектных» столкновений, ссор из-за денег, невымытой посуды и т.п. Конфликт может иметь не только два, но и больше предметов, скрытых друг в друге как матрешки в зависимости от того, сколько «слоев» конфликта таится под внешним планом.

Событие или обстоятельство, являющееся толчком к началу конфликта, обычно называют поводом. Известно, что поводом к войнам нередко оказываются частные междоусобицы или инциденты, хотя истинные причины межгосударственного столкновения оказываются гораздо глубже. Подобные частные конфликты скорее утихнут, чем разрастутся в крупномасштабную войну, если нет «скрытого» конфликта.

Повод не только возникает случайно, но и активно ищется или придумывается кем-либо из оппонентов. В этих случаях мы имеем дело с провокацией конфликта. Обычно провокация строится по следующей схеме: сторона, желающая развязать конфликт и через борьбу реализовать свои интересы, выискивает, выстраивает или придумывает такую относительно частную ситуацию в отношениях с другой стороной, которую легко можно интерпретировать как проявление враждебности оппонента. Тогда в глазах посторонних заранее спланированная агрессия становится вполне оправданным актом возмущения. По этой схеме действовала гитлеровская Германия, начав в 1939 г. войну с Польшей. Аналогичным образом в СССР после убийства Кирова в 1934 г. был начат новый виток массового террора. Если брать примеры из повседневной жизни, то многим знакомы случаи, когда хулиган, приставая к прохожему на улице, провоцирует мелкую ссору, даже спор, добиваясь какой-либо отрицательной ответной реакции, с тем чтобы, имитировав возмущение, обрушить на несчастного человека свою агрессию.

Одновременное существование двух (и более) планов конфликта может активно и сознательно поддерживаться сторонами, каждая из которых отдает себе отчет в том, что является истинным предметом конфликта. И делают они это из разных соображений. В научном споре или газетной полемике, например, затем, чтобы соблюсти нормы приличия и не быть обвиненными в «личных» пристрастиях или корыстных мотивах.

Не всегда тем не менее участники конфликта осознают, из-за чего же они враждуют на самом деле. Их объяснение происходящего, мотивировки подчас вовсе не соответствуют реальным мотивам поступков. Подлинный предмет конфликта скрыт и от них. Они, например, до хрипоты спорят о методах воспитания ребенка, хотя на самом деле весь вопрос состоит в том, кто в семье главнее.

4. Ложный конфликт.

Может случиться и так, что в действительности причина конфликта (а подчас и объекта) на самом деле, не существует; он является лишь плодом воображения участников. Такого рода **ложный** конфликт большей частью возникает вследствие ошибки или заблуждения по крайней мере одной из сторон, предполагающей, что другая сторона совершает или намерена совершить агрессивные, неправомерные или иные нежелательные действия.

В ложном юридическом конфликте возможны четыре основные ситуации:

- сторона полагает, что находится с определенным лицом в правоотношениях, но на самом деле этого нет (например, арендатор строения не знает, что собственник дома продал его другому лицу);
- обратный вариант: сторона не сознает, что находится в правоотношениях с другой стороной (скажем, при открытии наследства один из наследников не подозревает о существовании других наследников);
- сторона полагает, что противник действует незаконно, в то время как действия другой стороны правомерны;
- обратный вариант: сторона полагает, что противник действует правомерно.

Из этого перечня видно, что ложность ситуации относится не столько к ее содержанию, сколько к юридической форме. На этой основе вполне может возникнуть конфликт. Ошибка в оценке ситуации, с одной стороны, не устраняет внеюридических мотивов конфликта и, следовательно, не снижает его остроты. Например, добросовестный приобретатель имущества защищает его от собственника, не зная ни своих прав, ни прав противника и не считаясь с законодательством. Если бы он знал и соблюдал юридическую форму, у него бы не возникло конфликта с собственником. С другой стороны, осознание и исправление

ошибки в юридической форме, если именно она вызвала конфликт, может его прекратить. Так, должностное лицо, осознавшее законность действий представителя власти, который штрафует его за экологическое нарушение, вряд ли будет продолжать поддерживать конфликт, а вероятно, примет меры к устранению его причин.

Ложный юридический конфликт лучше всего может быть погашен при содействии специалистов, юристов-профессионалов, способных разъяснить ситуацию, дать необходимые советы и тем самым устранить почву для конфликта, который превращается в недоразумение, не требующее силовых приемов для выяснения отношений.

Забегая вперед, скажем, что вообще разъяснение правовых норм и законоположений, повышение юридической культуры граждан весьма полезно для сокращения числа конфликтов и снижения их остроты. Ведь юридические нормы упорядочивают общественные отношения, стабилизируют социальную жизнь и тем самым способствуют исключению или предотвращению групповых и индивидуальных противоборств.

[1] Социальные конфликты... Вып. 1. С. 44.

[2] См., напр.: Бородкин Ф.М., Коряк Н.М. Внимание, конфликт! Новосибирск, 1989.

[3] Deutsch M. The resolution of conflict. New Haven. L., 1973.

§ 5. КОНФЛИКТНАЯ СИТУАЦИЯ

1. Понятие конфликтной ситуации.

Рассмотрим события, предшествующие конфликту. Очевидно, что здесь можно выделить две группы явлений: объективная жизненная ситуация, в которой находятся противоборствующие стороны, и сами эти стороны – люди, имеющие определенные интересы. Собственно, это и есть структура противоречия, пока что не перешедшего в конфликт.

Говоря о жизненной ситуации, следует заметить, что она может быть самой различной по многим своим параметрам. Обстоятельства жизни человека или существования социальной группы могут быть скоротечными, преходящими или, напротив, длительными, застойными. Они могут характеризоваться определенной духовной атмосферой и тем или иным уровнем материальных благ. Они связаны с территориальным размещением субъектов, различными социальными иерархиями и многими другими факторами.

Под конфликтной ситуацией следует понимать такое совмещение этих обстоятельств человеческих интересов, которое объективно создает почву для реального противоборства между социальными субъектами. Раскроем подробнее это определение. Очевидно, что главная черта ситуации – это возникновение предмета конфликта. Поскольку ситуация предшествует конфликту, она может быть еще и не использована сторонами и даже в полной мере не осмыслена ими. Приведем пример. В научном учреждении намечается сокращение штатов. Многие сотрудники, особенно пенсионного возраста, могут подпасть под это «мероприятие». Пока конкретно вопрос о ликвидации тех или иных должностей не решен и потому говорить о возникновении конфликта преждевременно. Однако конфликтная ситуация налицо, потому что предмет возможных разногласий и борьбы уже существует, в коллективе возникла напряженность, которая может вызвать последующие действия участников.

Анализируя различные конфликтные ситуации в трудовых коллективах, Ф.М. Бородкин и Н.М. Коряк так суммировали некоторые типичные причины, создающие почву для конфликтов в организациях: а) неопределенность технологических связей между структурными подразделениями организации; б) наличие многочисленных начальников, отдающих различные распоряжения; в) большое количество подчиненных у одного начальника, что создает хаотичность в управлении; г)

перекладывание ответственности друг на друга, что порождает состояние общей безответственности; д) невысокие личные и деловые качества ряда сотрудников[1]. Естественно, что при этих условиях конфликтная ситуация в коллективе может сложиться достаточно легко. К этому перечню можно было бы добавить ряд внешних для учреждения факторов, создающих в нем напряженность, например реорганизацию системы управления, указания вышестоящих органов о сокращении штатов, трудности с выплатой заработной платы и т.д.

Весьма сложны и разнообразны конфликтные ситуации в международных делах. Сошлемся в качестве примера на положение в Приднестровье, где возник конфликт между правительством Молдовы и русскоязычным населением региона. Начало противостояния сторон в этом регионе относилось к лету—осени 1989 г., когда Верховный Совет Молдавской ССР стал обсуждать закон о языках, причем утвердил молдавский язык в качестве единственного государственного языка на всей территории республики.

В ответ на многих предприятиях Приднестровья были созданы советы трудовых коллективов, которые потребовали проведения референдума по этому вопросу. Требование было отвергнуто правительством республики. Таким было начало приднестровского конфликта.

Конфликтная ситуация может сложиться объективно, помимо воли и желания будущих противоборствующих сторон (пример: сокращение штатов в учреждении), а может быть вызвана или создана одной из сторон или обеими. При этом крайне важно отметить, что каждая ситуация имеет объективное содержание (оно определяется происходящими в действительности событиями) и субъективное значение (оно зависит от того, какую интерпретацию этим событиям дает каждая сторона), в соответствии с которым субъект начинает действовать в конфликте.

2. Восприятие конфликтной ситуации.

Субъективное отражение конфликтной ситуации не обязательно соответствует действительному положению дел. В литературе справедливо отмечается, что осознание конфликта всегда несет в себе элементы субъективизма и уже поэтому является в определенной мере искаженным[2].

В ситуации с Приднестровьем объективные факты, характеризующие действия молдавских лидеров, были сразу же «подхвачены» населением этой местности и интерпретированы им как дискриминационные по отношению к лицам «некоренных» национальностей. Вскоре возникло движение за создание Приднестровской автономии и в большинстве населенных пунктов Приднестровья были проведены референдумы, на которых подавляющее большинство голосовавших высказалось за суверенитет. В этом случае, как показывает анализ всех событий, субъективные оценки возникшей ситуации достаточно тесно совпали с объективными обстоятельствами. Однако нельзя исключать того, что действия молдавского правительства в восприятии приднестровцев напрямую идентифицировались с лозунгами и воззваниями наиболее экстремистских движений в Молдавии, что привело к определенному преувеличению дискриминационных намерений правительства.

Искажения в восприятии ситуации способны достигать значительных масштабов. Известно, что причиной конфликта может послужить простое непонимание другого субъекта. Специалисты выделяют такие категории, как «неадекватно понятый» и «ложный» конфликты[3].

К первому относятся те случаи, когда существует конфликтная ситуация и стороны воспринимают ее как таковую, но с существенными отклонениями от действительности. Под существенными отклонениями можно понимать, например, значительное преувеличение масштабов возникшей проблемы (разногласия, возникшие исключительно по частному поводу, ошибочно интерпретируются как имеющие глобальный характер) или, наоборот, значительное их преуменьшение. Применительно к последнему случаю можно говорить о неполном или частичном отражении конфликтной ситуации. Отклонения другого рода имеют место в ситуации «условного» конфликта[4], когда существование противоречий зависит от легко

изменяющихся обстоятельств, что не осознается противоборствующими сторонами. В межнациональных конфликтах это наблюдается довольно часто.

В случаях же «ложного» конфликта объективная конфликтная ситуация полностью отсутствует, между субъектами нет никакого противоречия, но тем не менее стороны ощущают конфликтность взаимоотношений и вступают в противоборство.

В названных случаях неадекватное или ложное восприятие редко характерно для обеих сторон. Обычно только один субъект интерпретирует ситуацию искаженно или ошибочно, тогда как другой – вполне адекватно. Восприняв ситуацию как конфликтную, первый субъект начинает действовать; другой же, став адресатом конфликтных действий, для подобной оценки ситуации имеет уже больше оснований. Впрочем, и он будет не вполне объективен, если не осознает случайность возникшей проблемы. Ложное восприятие часто связано с интерпретацией чьих-то непреднамеренных действий как умышленных, т.е. соответствующих определенным интересам другого. Для разрешения этой проблемы обычно достаточно объясниться, выяснить, что действия, начавшие конфликт, были неосторожными, ненамеренными. Но очень часто эти возможности игнорируются и стороны предпочитают во всех действиях друг друга видеть злой умысел, способствуя разрастанию и углублению конфликта. Так, нередко в неумелых действиях властей усматриваются чьи-то козни и специальное нагнетание обстановки, в то время как в действительности дело просто в неорганизованности и отсутствии профессионализма.

Рассматривая неадекватное или ложное восприятие конфликтной ситуации как причину конфликта, важно подчеркнуть, что если это восприятие в генезисе когнитивного конфликта связано с искаженным толкованием собственно содержания излагаемой точки зрения, то в генезисе конфликта интересов оно вызвано прежде всего ошибками в оценке мотивов оппонента.

Ложное восприятие обычно связано с неправильным истолкованием слов и поступков других. Оно вызывается различными причинами: двусмысленностью сообщения, искажениями, которые привносятся контекстом общения в его первоначальный смысл. Замечено, что при определенных обстоятельствах вопрос или даже комплимент могут восприниматься как оскорбление[5]. Подобные различия в интерпретации чужих поступков во многом определяются различиями культур, разными правилами общения.

Интересно, что для восприятия субъектом ситуации как конфликтной даже не всегда обязательны какие-либо действия другой стороны. Порой достаточным для подобной оценки ситуации является наличие у другой стороны значительного «деструктивного потенциала». Из этого факта делается нередко ошибочный вывод об агрессивных намерениях другой стороны, и субъект, полагая, что защищает себя, развязывает конфликт. События в этом случае разворачиваются по типу «самоисполняющегося пророчества»: исходя из посылки о враждебных намерениях другого, субъект сам ведет себя агрессивно, что вызывает действительную враждебность другого и, таким образом, подтверждает первоначальную посылку.

Увы, конфликт, возникший по ошибке, может в дальнейшем развиваться так, как будто он имеет реальный предмет. Уже в ходе конфликта возникает действительная конфликтная ситуация. Такое положение нередко является характерным признаком криминальных конфликтов. А. М. Яковлев в этой связи даже характеризовал преступное поведение, как неадекватную реакцию на сложившуюся ситуацию[6]. Сама эта неадекватность оценки ситуации объясняется различными личностными факторами – ограниченностью кругозора, стрессом, узостью предвидения последствий, состоянием алкогольного или наркотического опьянения и др. Имеет значение и фактор времени: не во всем сразу можно объективно разобраться. И у людей, и у государственных образований она может быть связана также с определенными – в первом случае психическими, во втором – внутривнутриполитическими аномалиями, формирующими у них «агрессивную концепцию среды»[7].

3. Конфликтная ситуация и личность.

Итак, в межличностном конфликте большое значение имеет характер восприятия конфликтной ситуации сторонами. Реагируя на сложившуюся ситуацию, человек

действует в соответствии с особенностями своего характера и взглядами. Именно этим объясняется, что в одной и той же ситуации разными людьми (и группами) совершаются разные, порой противоположные поступки. Понятно, что именно взаимодействие конкретной ситуации и свойств личности и способно вызвать конфликт (или уберечь от него).

Недоступность разрешения ситуации для субъекта и вместе с тем нежелание вступать по этому поводу в конфликт может привести к так называемому психологическому замещению (переносу). Он состоит в том, что недостижимая цель заменяется иной, дающей лишь видимое и временное удовлетворение, часто извращенного характера. Нередко такое замещение выражается в пьянстве и других формах социально неодобряемого поведения, которое, в свою очередь, тоже может вызвать конфликт. Характерным примером является бытовое хулиганство, которое часто представляет собой перенос конфликта, сложившегося в семье или соседском окружении, в совершенно иную ситуацию (избиение постороннего прохожего на улице, дебош в общественном месте и т.п.). Такой перенос происходит и в поведении разъяренной толпы, ищущей себе жертву.

Таким же образом обстоит дело и в случаях замещения неудовлетворенной потребности в самоутверждении. Не имея возможности доказать свои «преимущества» на работе и избегая там конфликта, субъект затевает этот конфликт дома, в семье, что дает ему определенную «разрядку» и удовлетворяет самолюбие. Так конфликтная ситуация, сложившаяся в одних условиях и в одном месте, разрешается – с конфликтом или без него – при совершенно иных обстоятельствах.

Забегая несколько вперед, можно сказать, что оценка ситуации в качестве конфликтной уже дает основания и обязывает действовать всех тех, кто может и должен предотвратить конфликт. Это наиболее подходящий момент для пресечения возникающей драмы или трагедии. Дальше, как правило, будет уже поздно.

Конфликтная ситуация отличается от обычной, повседневной жизненной ситуации несколькими особенностями. Некоторые из них мы уже рассмотрели выше. -Теперь коснемся более подробно той социально-психологической атмосферы, которая обычно сопутствует конфликтной ситуации и самому конфликту. Это социальная напряженность.

[1] См.: Бородкин Ф.М., Коряк Н.М. Указ. соч. С. 55—57, 72—80.

[2] Аксененко С.Е. Осознание конфликтной ситуации и общение//Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга. Краснодар, 1975. С. 9.

[3] Петровская Л.А. О понятийной схеме социально-психологического анализа конфликта// Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. М, 1977. С 130 и далее.

[4] Петровская Л.А. О понятийной схеме социально-психологического анализа конфликта// Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. М, 1977. С 130 и далее.

[5] См.: Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты//Новое в зарубежной лингвистике Вып. 16. М., 1985. С 370.

[6] См : Яковлев А.М. Взаимодействие личности со средой как предмет криминологического исследования//Сов государство и право. 1966. № 2. С. 56.

[7] Это понятие введено в работе: Антонян Ю.М., Самовичев Е.Г. Неблагоприятные условия формирования личности в детстве и вопросы предупреждения преступлений М, 1983. С. 11.

§ 6. СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ ^[1]

1. Понятие социальной напряженности.

Социальная напряженность – это особое состояние общественного сознания и поведения, специфическая ситуация восприятия и оценки действительности. Это

состояние свойственно конфликту и сопровождает его. Масштабы социальной напряженности большей частью сопоставимы с масштабами конфликта и порождаются ими. Можно вести речь о напряженности межличностной, межгрупповой, межнациональной или о глобальной напряженности в обществе.

Социальная напряженность представляет собой эмоциональное состояние в группе или обществе в целом, вызванное давлением со стороны природной или социальной среды, продолжающееся, как правило, в течение более или менее длительного времени. Напряженность может быть вызвана отнюдь не только стремлением достичь какой-либо цели, но и разного рода ошибками или некомпетентностью лидеров. Кроме того, обычное состояние людей может резко измениться из-за воздействия не подконтрольных человеку сил природы: изменения климата, истощения ресурсов, землетрясения и т.д.

Наиболее общие предпосылки напряженности – это устойчивая и длительное время неразрешаемая ситуация рассогласования между потребностями, интересами, социальными ожиданиями всей массы или значительной части населения и мерой их фактического удовлетворения, приводящая к накоплению недовольства, усилению агрессивности отдельных групп и категорий людей, нарастанию психической усталости и раздражительности большинства. Другими словами, речь идет о конфликтной ситуации, отражающейся в психологии населения.

Можно утверждать, что социальная напряженность возникает в обществе (территориальной общности), как минимум, двояким образом. Во-первых, если большинство людей вначале смутно ощущает, а затем по мере развития событий осознает, что удовлетворение их социальных, экономических, политических, национальных, культурных или каких-либо иных жизненно важных потребностей, интересов и прав находится под угрозой или даже становится невозможным. И во-вторых, когда какая-то, первоначально сравнительно небольшая часть людей не может удовлетворить свои потребности и реализовать свои интересы в существующих в обществе условиях и поэтому, независимо от того, по каким причинам и чем конкретно была вызвана такая ситуация, вступает в борьбу против действительных и мнимых препятствий или надуманного ущемления своих прав, распространяя в обществе настроения неудовлетворенности, страха, пессимизма и т.д. И в том и в другом варианте социальная напряженность возникает, если назревший кризис своевременно не выявляется, а конфликтное противостояние никак не разрешается, если наблюдается, так сказать, «патовая ситуация», тупиковая ветвь логического развития общественных процессов. Таким образом, социальная напряженность – это одновременно сторона и индикатор социального кризиса и сопутствующих ему всевозможных конфликтов.

2. Влияние социальной напряженности на поведение.

И все же не так просто отнести напряженность к чисто негативным явлениям.

Прежде всего, социальная напряженность является необходимым, хотя и не постоянным элементом существования любого сообщества. Человек переживает это явление как стресс, адаптируется к нему, «осваивает» это состояние, оно становится необходимой частью его общественной культуры. Напряженность в тех или иных формах и аспектах сопутствует людям всю жизнь.

Далее, на макроуровне социальная напряженность встраивается в цивилизационные процессы, она пронизывает все мировое сообщество. А.С. Ахиезер вообще считает, что мы имеем дело с дуальной оппозицией, могущей принимать форму бесконечного разнообразия полюсов. Речь идет лишь о том, что надлежит и воспроизводить ее позитивные ценности, охраняя общество от деструкции.

Этот автор выдвинул интересную идею о существовании так называемой конструктивной напряженности, выполняющей функцию преодоления социокультурных противоречий. Вектор этой напряженности направлен против дезорганизации, энтропийных процессов[2]. Действительно, социальная напряженность может мобилизовать массы, усилить позитивные процессы (например, экологическое движение).

Обобщая рассеянные в различных источниках замечания и опираясь на опыт эмпирических исследований, проводившихся в РАН начиная с середины 1989 г., можно утверждать, что социальная напряженность как явление, проявляющееся прежде всего на социально-психологическом и поведенческом уровнях, характеризуется следующими моментами[3].

Первое: распространением настроений неудовлетворенности существующей ситуацией в той или иной жизненно важной сфере общественной жизни. В начале 90-х годов социальная напряженность отражала, прежде всего, недовольство стремительным ростом цен, инфляцией, оскудением потребительского рынка, отсутствием личной безопасности, загрязнением окружающей среды.

Второе: тем, что под влиянием вышеназванных настроений утрачивается доверие к властям, снижается авторитет власти и власть авторитета, появляется ощущение опасности, широкое хождение приобретают пессимистические оценки будущего, всевозможные слухи. В обществе в целом, как и в отдельной территориальной общности, возникает атмосфера массового психического беспокойства, эмоционального возбуждения.

Третье: на поведенческом уровне социальная напряженность проявляется как в стихийных массовых действиях (в ажиотажном спросе, скупке товаров и продуктов питания с целью создания страховых запасов «на черный день» и т.д.), так и в различных конфликтах, митингах, демонстрациях, забастовках и иных формах гражданского неповиновения и протеста, а также в вынужденной и добровольной миграции в другие регионы и за границу.

Социальная напряженность нередко непосредственно связана с ростом активности различных общественно-политических формирований в борьбе за влияние в массах и за власть, с деятельностью разного рода экстремистских групп, в том числе националистического толка, с активизацией преступных элементов и т.д. Этот вид напряженности носит заметно выраженный региональный характер.

В состав системы показателей социальной напряженности непременно входят признаки, характеризующие сферу субъективного: мнения людей по отношению к тем или иным событиям, действиям, их оценки меры удовлетворения своих жизненно важных потребностей, ожиданий, решения проблем, затрагивающих общие интересы, доверие к правительству и руководителям более низких рангов; оценки соблюдения прав человека, состояния охраны общественного порядка и личной безопасности граждан, экологической ситуации, состояния межнациональных отношений, возможности возникновения конфликта, вероятного поведения в прожективных ситуациях, альтернатив развития событий в ближайшем будущем и т.д. Обязательно должны учитываться и коррелирующие с вышеназванными показатели состояния сферы общественного бытия, условий жизни людей. Из множества последних следует выделить данные о фактах наличия, частоте и масштабах самих конфликтов, митингах, демонстрациях и других акциях подобного рода – массовых социально активных действиях, миграционных и эмиграционных потоках, динамике цен, товарооборота и покупательной способности различных категорий населения, структуре и динамике преступности, данные медицинской и другой статистики.

Поскольку полностью удовлетворить, насытить человеческие потребности невозможно, то, естественно, существует определенная «фоновая» неудовлетворенность – напряженность. П.Г. Горновой полагает, что должен существовать порог социальной напряженности, выше которого она приобретает взрывоопасный характер, т.е. становится своеобразной «гремучей смесью», способной взорваться при наличии соответствующих социальных детонаторов. Таким образом, можно констатировать, что развитие социальной напряженности имеет разные стадии. Нарастание социальной напряженности надо обнаруживать, фиксировать как можно раньше, еще в латентной стадии. Средства обнаружения и измерения должны быть простыми и надежными[4].

Заметим, что состояние неудовлетворенности и состояние беспокойства, сохраняющиеся >в течение достаточно длительного периода времени, как правило, служат питательной почвой для возникновения и развития разного рода

общественных движений. Анализируя лозунги, методы и программные заявления таких движений, можно установить, какие причины, в том числе подлинные или мнимые ущемления прав, вызвали эти силы к жизни. Тем самым можно сделать выводы и о факторах, влияющих на уровень и направленность динамики напряженности как своеобразного индикатора «температуры» общественного организма. Наметившаяся напряженность – эмоциональная энергия, которая ищет выход. На индивидуально-личностном уровне она проявляется в фрустрации, недовольстве, постоянной раздражительности, поисках контактов в неформальных кругах, на групповом – в агрессивности, в действиях, направленных на разрешение ситуации, признаваемой невыносимой. Конфликты в таких случаях неизбежны, они продолжают либо поддерживать высокий уровень напряженности, либо (при разрешении конфликтов) резко идут на убыль.

Стадии социальной напряженности как процесса отличаются одна от другой по своим пространственно-временным параметрам и формам выражения. Их, по нашему мнению, три.

Первая, в ходе которой происходит еще пока скрытое, не имеющее явных внешних признаков, нарастание недовольства. Для нее характерна неорганизованная, главным образом вербальная, форма выражения неудовлетворенности, рост обеспокоенности в связи с множасьими нарушениями привычного хода вещей, без сколь-нибудь ясного осознания массами причин и масштабов происходящих в общественной жизни изменений. По сути дела речь идет пока не о конфликте, а только о начале конфликтной ситуации.

Вторая – обострение напряженности. Ее отличительной чертой является отчетливое осознание ненормальности существующего положения и наличия в обществе социальной напряженности большинством населения. Налицо развернутая конфликтная ситуация. На этой стадии могут начать возникать очаги резкого обострения напряженности в отдельных регионах и населенных пунктах, вспыхивать конфликты.

Третья стадия социальной напряженности обычно характеризуется ее уменьшением, постепенным исчезновением черт, характерных для этого состояния общественной жизни. Заметим, однако, что конфликты, возникшие на предыдущей стадии, могут еще продолжаться (не вызывая вместе с тем широкого общественного резонанса).

Таким образом, социальная напряженность возникает, когда конфликты еще не проявляются в предельно обнаженном виде, когда отсутствует отчетливо осознаваемое противостояние по линии «мы – они», и исчезает лишь тогда, когда кризис разрешен или конфликт исчерпан. Как явствует из сказанного выше, проявляясь на социально-психологическом и поведенческом уровне, она тесно связана с динамикой общественного мнения и общественных настроений.

3. Напряженность и социальные противоречия.

Резюмируя то, о чем говорилось выше, можно сказать, что социальная напряженность – это понятие, характеризующее не только эмоциональное состояние людей, но и состояние всей общественной жизни, отличающееся обострением внутренних противоречий объективного и субъективного характера (углубленное, как отмечалось выше, в ряде случаев действием внешних обстоятельств иной природы, например стихийными бедствиями, катастрофами и т.д.). Глубинные причины данного явления – совокупность экономических, политических, социальных и иных процессов, ход и направленность течения которых приводит к возникновению в обществе нестабильной (политической, экономической, военной) или конфликтной ситуации. Они формируют некий «фон», на котором разворачиваются конкретные конфликты. На этот общий фон фундаментальных причин напряженности зачастую накладывается действие локальных факторов (в том числе действия средств массовой информации, экстремистских и националистических групп, неправильные действия властей и т.д.), вызывающее обострение ситуации в тот или иной момент времени в различных регионах страны.

Можно привести множество примеров, иллюстрирующих высказанные выше положения. Это чернобыльская катастрофа и землетрясение в Армении, напряженность в Эфиопии и Сомали, конфликты на Ближнем Востоке, многочисленные демонстрации, террористические акты в разных регионах мира и многое другое.

Мы уже отмечали выше, что характерная особенность социальной напряженности — не только ее изменчивость во времени, но и пространственная дифференциация регионов и населенных пунктов по степени интенсивности проявления социальной напряженности, четкой локализации очагов (зон) резкого ее усиления, связанного с действием конкретных местных причин и субъективных факторов. Зачастую действие указанных локальных факторов и причин субъективного характера затеняет влияние и само существование более общих объективных причин, подлинная роль и значение которых, как правило, могут быть выявлены лишь при глубоком теоретическом анализе на макроуровне.

Устранить их действие в отличие от локальных и субъективных факторов чрезвычайно трудно. Следовательно, оправданно говорить о социальной напряженности как при общей характеристике положения в стране и в мире в целом, так и при описании положения в отдельных регионах, населенных пунктах, отраслях или на предприятиях. Однако в конкретном ситуационном исследовании важно различать общие и локальные факторы, причины и предпосылки, выявлять конкретные общественные силы, позиции различных социальных групп, оценить общественное мнение, указывать на действия и события, способствующие эскалации напряженности, с тем чтобы найти возможные пути и методы ее устранения, а следовательно, и прекращения конфликтной ситуации.

[1] Параграф написан в соавторстве с В.О. Рукавишниковым.

[2] Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 3. М., 1991. С. 145—146.

[3] См.: Информационные материалы к рабочему совещанию НИПа «Динамика общественного мнения: методология и методы изучения» и НИПа «Динамика позиций социальных групп и общностей и социальная напряженность». М., 1989.

[4] См.: Социологические исследования. 1992. № 7. С. 94; а также. Платонов Ю.В. Социальный конфликт на производстве//Социологические исследования. 1991. № 11. С. 20—25.

§ 7. ПСИХОЛОГИЯ УЧАСТНИКОВ

1. Некоторые субъективные аспекты конфликта.

Конфликт можно условно расчленить на две составляющие: внешнюю (объективную) и внутреннюю (субъективную, психологическую). Анализ конфликта мы начнем с рассмотрения его психологической стороны, очертив ее важнейшие составляющие. О некоторых существенных субъективных моментах мы уже сказали ранее, затронув проблему интересов и потребностей, а также восприятия конфликтной ситуации и эмоциональной напряженности. Теперь же остановимся на некоторых психологических коррелятах самого конфликтного процесса.

Субъективная сторона конфликта представлена множеством психологических элементов, участвующих в любой человеческой деятельности. Это аналитические действия и процесс принятия решения, эмоции и память, социальные установки и ценностные ориентации, внутренние нормативные механизмы и многое другое. Поведение в конфликте, однако, — это довольно специфический вид индивидуальной, групповой или массовой активности, требующий особой функциональной ориентации различных субъективных процессов.

Прежде всего поведение в конфликте часто сопряжено с сильнейшей фрустрацией, стрессом, возникающим из-за действий другой стороны. Это накладывает определенный отпечаток на протекание иных субъективных процессов и характер действий субъекта. В ситуации сильного напряжения могут совершаться поступки,

для них в обыденных ситуациях невероятные как в смысле высокой эффективности действий, так и в смысле их полной неадекватности, ошибочности. Люди, вступая в конфликт, редко остаются хладнокровными, их поведением руководят сильнеешие негативные эмоции: гнев, ярость и т.п., подчас доходящие до полного аффекта. Серьезные искажения в связи с этими обстоятельствами могут происходить в субъективных образах происходящего противоборства, складывающихся у каждого из его участников. Эти искажения в восприятии касаются намерений и целей противника, результатов его действий, деструктивная сила которых может значительно преувеличиваться.

В конфликте, затрагивающем жизненно важные интересы субъекта, мобилизуются все его внутренние ресурсы. В группах и крупных социальных общностях, государствах в таких случаях обычно устанавливаются соответствующий порядок и особые нормы поведения. Как известно, наличие внешнего врага способствует сплочению членов сообщества. Индивид по возможности максимально полно использует свои интеллектуальные или физические ресурсы в зависимости от того, какой характер принимает борьба. Субъекты, желающие достичь победы, максимально используют свои знания, умения и навыки. Во многих случаях важна скорость реакции или, для групп и крупных сообществ, скорость реагирования. В конфликте, как – опять подчеркнем – ситуации стрессовой и требующей немедленных действий, зачастую реализуются привычные, стереотипные, бессознательные реакции.

Субъект, участвующий в конфликте, как правило, находится в ситуации выбора, часто сопряженного с риском. Не следует думать, что выбор осуществляется всегда рационально, продуманно, со взвешиванием всех возможностей. Решение часто надо принять немедленно, кроме того, сторона может быть не в состоянии трезво оценить альтернативы поведения. Не все альтернативы могут осознаваться, круг выбора может быть заметно сужен, и это одна из причин неадекватных действий в конфликте, ведущих к ухудшению ситуации.

Но так или иначе – осознанно или неосознанно – определенный выбор осуществляется. Наиболее общие и типичные дилеммы, возникающие перед субъектом, вынужденным сделать выбор, описаны в работах К. Левина и его последователей[1]. Это дилеммы «стремление – стремление», «избегание – избегание», «стремление – избегание» и «двойные стремление – избегание». Первый случай «стремление – стремление», когда субъект должен выбрать между двумя привлекательными альтернативами, как мы полагаем, не типичен для ситуации конфликта, обычно сопряженного с максимальным ограничением всех позитивных альтернатив и постоянным присутствием альтернатив нежелательных. Поэтому мы остановимся на рассмотрении трех других случаев.

1. Дилемма «избегание – избегание». Это ситуация, когда приходится выбирать «из двух зол», ничего не приобретая. Внутренняя проблема здесь по сути состоит в том, какое решение позволит понести меньшие потери и с большей вероятностью сохранит имеющийся потенциал, энергетические ресурсы и т.п. (в том числе и необходимые для продолжения борьбы). Классическая фраза при нападении разбойника: «Кошелек или жизнь?» характеризует этот случай. В такую ситуацию обычно государство-агрессор ставит более слабое государство, предпочитающее нередко платить дань, нежели потерять политическую независимость. При массированном военном наступлении противника отступающая сторона также делает подобный выбор, как это сделал, например, известный военный совет в Филях, решивший сохранить армию ценой сдачи и разграбления Москвы.

2. Дилемма «стремление – избегание»: в этой ситуации одно и то же одновременно притягивает и отталкивает, как, например, это может быть в случае попыток применения насилия в межличностном или межгосударственном противоборстве. С одной стороны, эти действия достаточно эффективны и могут принести быструю победу, но, с другой стороны, они могут вызвать столь же массивную ответную реакцию и, кроме того, возможно, будут оценены как противоправные. Этот пример, кстати, показывает, что проблема выбора в конфликте тесно связана с действием социально-нормативных механизмов.

3. Дилемма «двойных стремления – избегания». Это дилемма, на наш взгляд, наиболее типична для конфликта. Она связана с комплексом противоречивых оценок ситуации, когда не в одной, а в двух (а в реальности – в нескольких) альтернативах усматриваются и позитивные, и негативные стороны. Именно эта проблема встает перед субъектом, выбирающим, например, между прямой атакой и обходным маневром, позволяющим застигнуть противника врасплох. Каждый вариант сулит свои выгоды, но каждый чреват потерями: в первом случае – в силах, во втором – во времени.

Как же осуществляется выбор решения при этих комбинациях? Согласно психологическим исследованиям, величина поведенческой тенденции (силы выбора) зависит одновременно от двух переменных: величины валентности цели (т.е. ее ценности, притягательности ее для субъекта) и расстояния до цели, которое субъекту предстоит преодолеть. Понятно, что психологическое расстояние до цели не сводится к пространственной удаленности. Это может быть дистанция во времени, количество необходимых промежуточных действий или их сложность, требующаяся для этого затрата сил и т.д. Да и притягательность цели – величина непостоянная и неоднозначная.

Н. Миллер выдвинул ряд гипотез, касающихся особенностей разрешения внутренних противоречий в рассматриваемых случаях: 1) тенденция стремления тем сильнее, чем ближе цель (градиент стремления); 2) тенденция избегания тем сильнее, чем ближе внушающий опасение объект (градиент избегания); 3) градиент избегания растет быстрее градиента стремления (это означает, что опасность воспринимается сильнее, чем выгоды от возможного противостояния); 4) в случае конфликта между двумя несовместимыми реакциями побеждает более сильная; 5) сила подкрепляемой тенденции реагирования возрастает вместе с количеством подкреплений (иными словами, повторяемость эпизодов конфликта существенно влияет на поведение участников).

Эти наблюдения позволяют в некоторых случаях объяснить выбор сторонами своей линии поведения в конфликте. Разумеется, этот выбор зависит от множества и других психологических факторов: интеллектуальных, эмоциональных, волевых, а также от совокупности внешних (в том числе и совершенно случайных) обстоятельств. Он может быть случайным, нетрадиционным, даже парадоксальным. Действительное решение подчас предсказать довольно трудно. Но если исходить из того, что все-таки это решение должно быть в достаточной мере рациональным, то некоторый свет на эту сторону вопроса проливают исследования по теории игр. Остановимся на них немного подробнее.

2. Конфликт и теория игр.

Во время конфликта обычно возникают специфические взаимосвязи между противниками, предполагающие предвидение каждым из них поступков другой стороны. Осуществляется рефлексия – отражение в сознании субъекта собственного и чужого поведения и, следовательно, в какой-то мере представление о психологии и планах противника. Рефлексия представляет собой важный элемент субъективной стороны конфликта и является незаменимым инструментом «игр», т.е. успешного противоборства для каждой из конфликтующих сторон.

Теория игр привлекательна тем, что создает четкие логические модели поведения сторон в игре, очищенные от всех иных психологических моментов, в том числе и от эмоций участников. В жизни этого быть, конечно, не может, но схематические построения теории игр дают возможность разобраться в рациональной стороне конфликтов и их внутренней структуре, так сказать, в идеальном варианте[2].

Сказанное выше о вариантах поведения и видах решений касалось психологии одного участника, будь то индивид или государство. Но поскольку в реальности действуют по меньшей мере двое и каждый из них, чтобы действовать эффективно, вынужден учитывать вероятный выбор другого, складывается состояние неопределенности выбора решения, на которое не может повлиять лишь одна сторона, так как это состояние обусловлено многими факторами и, в первую очередь, неизвестными действиями противника.

«Для большинства конфликтов, а потому и для игр типа состязаний, являющихся моделями или имитациями конфликтов, характерна неопределенность исхода. Именно это обстоятельство побуждает к сознательному вступлению в конфликт тех его участников, которые объективными причинами в действительности с самого начала обречены на поражение. Именно оно привлекает к состязаниям их участников и свидетелей. Наконец, именно благодаря ему всякое принятое игроком в процессе игры решение оказывается решением в условиях неопределенности[3].

Исследователи теории игр указывают на три причины высокой степени неопределенности исхода: а) большое разнообразие возможных вариантов поведения или партий, как, например, в шахматах; б) влияние случайных и потому непредсказуемых факторов (как в азартных играх, например в рулетку); в) сознательное поведение противника, скрытое от его партнера (так называемые «стратегические игры»)[4].

Нетрудно видеть, что в рассматриваемых нами социальных конфликтах имеют место все эти три причины, а нередко и их сочетание. Даже в мелкой ссоре двух человек, во-первых, трудно предсказать, как поведет себя тот или иной участник; во-вторых, всегда могут вмешаться посторонние силы и, в третьих, число и характер поступков каждого из участников в принципе ничем не ограничены. Поэтому неопределенность исхода – одна из важных характеристик почти каждого конфликта, что, конечно, не мешает строить разного рода прогнозы и предположения исходя в основном из постоянно действующих факторов (имеющиеся резервы, общая тенденция развития событий, исторический опыт и т.п.). Теорию игр можно трактовать как математическую теорию принятия решений в условиях неопределенности. Участие в «игре», под которой мы разумеем в данном случае рационально протекающий конфликт, предполагает выполнение каждым «игроком» двух условий: а) каждый из них знает ту цель, к которой он стремится, и б) отдает себе полный отчет о последствиях, к которым приводит его выбор той или иной стратегии.

На деле, конечно, это не совсем так. Во-первых, цели конфликтующих сторон зачастую смутны и неопределенны, особенно если речь идет об индивидуальных участниках. Во-вторых, предвидение последствий затрудняется массой привходящих факторов, в том числе неполнотой информации и сознательным введением в заблуждение противником.

В этих условиях психология участников конфликта и в особенности противоборствующих сторон отличается значительной сложностью. Можно указать по меньшей мере на пять элементов, имеющих значение при анализе этой психологии: а) собственный интерес данного участника; б) цели его собственных действий (ближайшие и отдаленные); в) оценка им своего положения и шансов на успех; г) оценка им интересов противника; д) представление участника о целях и способах противника и общих результатах конфликта.

Таким образом, в сознании каждого участника конфликта содержатся модели поведения как его самого, так и противника. И все его последующие действия все время совершаются на фоне этих (изменяющихся) моделей. Если разрешение конфликта может быть отнесено к классу «игр», то такое поведение, где необходимо предвидеть не только собственные поступки, но и действия противника, и называется «рефлексивными играми».

Главная идея рефлексивных игр – это имитация рассуждений одного противника другим. Иными словами, «противники должны обладать объективированными моделями мыслительной деятельности друг друга»[5]. Понятно, что глубина проникновения в чужие мысли во многом зависит от личных способностей сторон. Как в шахматах игроки пытаются как можно дальше рассчитать ходы друг друга, так и в конфликте они часто стремятся к подобному расчету.

Представим себе, что в семейном конфликте муж и жена, намеревающиеся развестись, хотят оставить у себя единственного ребенка. Муж, готовясь к судебному рассмотрению дела, анализирует вероятные аргументы жены: он, отец, дескать, не заботится о девочке, проводит время вне дома, и ему нельзя доверять ее воспитание. В ответ на эти предполагаемые аргументы муж подыскивает свидетелей, которые показали бы в суде прямо противоположное. Но рефлексией

пользуется и жена. Зная психологию своего мужа и предвидя эти или им подобные действия, она идет по иному пути и «проводит работу» с дочерью, привлекает. е.е на свою сторону, с тем чтобы, когда суд задаст вопрос: «С кем ты хочешь жить – с мамой или с папой», – она ответила в пользу матери.

Эта довольно элементарная рефлексия может существенно усложняться, вплоть до прогнозирования и моделирования вопросов судей, ответов свидетелей, сцены примирения, ссоры и т.п.

Рефлексивные игры имеют ряд приемов, нередко весьма эффективно используемых в практике политических и международных конфликтов:

а) **Рефлексивное управление.** Это – попытка передать противнику основания для принятия такого решения, которое было бы выгодно данному субъекту. Прежде всего здесь используется дезинформация.

Дезинформация широко распространена в военной и международной практике. Обманные передвижения войск, провокации, ложные документы, маскировка и другие подобные действия суть элементы рефлексивного управления действиями противника. К ним многократно прибегали все воюющие стороны, например в ходе второй мировой войны. Достаточно напомнить о Сталинградской операции, когда у германского командования под влиянием организованных советскими войсками ложных операций сложилась глубокая уверенность в том, что путь к Волге открыт и безопасен, а войскам Паулюса не грозит окружение.

Можно вспомнить и так называемую операцию «Трест», в которой органами ГПУ был осуществлен окончательный разгром боевой группы Б.В. Савинкова путем создания ложной контрреволюционной организации.

Рефлексивное управление действиями противника может быть сосредоточено на самых разных элементах его поведения: принятии конкретного решения, формировании ближайшей или более отдаленной цели, разработке доктрины или даже идеологии, создании ложного представления о масштабах сил противника и т.д. В одной из работ по теории игр приводится в этой связи любопытный исторический пример.

Во II тысячелетии до н. э. знаменитый полководец Гедеон использовал светильники как средство рефлексивного управления своим противником – армией мадианитян. По нормам того времени, в войсках на каждую сотню бойцов полагался один трубач и один факельщик. Гедеон исходил из того, что мадианитянам эта норма была известна. Нарушив ее, он к моменту сражений снабдил светильниками и трубами каждого из трехсот своих воинов. Увидев ночью бесчисленное количество светильников и услышав рев труб, мадианитяне обратились в бегство[6].

Характерным приемом рефлексивного управления является передача противнику правдивой информации о действительных намерениях стороны, которую тот воспринимает в качестве ложной, не доверяя источнику. Эта тонкая и рискованная операция часто обигрывается в детективных сюжетах.

б) **Рефлексивный прогноз.** При нем не ставится цель непосредственного воздействия на противника, но предпринимается попытка прогнозировать поведение конфликтующей стороны и тем самым занять выгодную для себя позицию. В качестве распространенного примера подобных действий можно привести конфликт в ходе политической борьбы. Некто Н., намереваясь победить на выборах в народные депутаты, знал, что существует другой претендент – К., ранее бывший членом КПСС и работавший в партийных структурах. Н., беспартийный, выяснил через своих сторонников, как К. будет характеризовать свою политическую позицию на предстоящих предвыборных митингах. Ему удалось узнать, что К. намеревается подвергнуть КПСС и ее прежнее руководство резкой критике. Тогда Н. выступил на митинге с речью, смысл которой сводился к осуждению «политического перевертыша», как он назвал К. У присутствующих эта речь вызвала одобрение. Н. получил поддержку и в дальнейшем был избран депутатом. Здесь ключевую роль сыграло знание Н. позиции другого кандидата и учет психологии избирателей.

в) **Рефлексивная защита.** Речь в данном случае идет о заблаговременной подготовке отступления на позиции, может быть и менее выгодные для стороны, но не вполне проигрышные. Рефлексия здесь направлена на то, чтобы узнать, на какие

уступки согласился бы противник, если бы конфликт затянулся, не давая выигрыша ни одной из сторон. В советско-японском споре относительно Курильских островов такие варианты разыгрывались неоднократно. Один из них – передача японской стороне не четырех, а только двух островов. Обсуждался и вариант совместного управления спорной территорией. При рефлексивной защите разрабатываются, таким образом, не наступательные, а оборонительные варианты, что, разумеется, также является одним из видов разрешения конфликтной ситуации.

В заключение данного раздела следует заметить, что в рефлексивных играх возможны ошибки; представления о действиях и планах противника, которые имеют важное значение для определения стратегии и тактики их поведения, могут быть неверными, надуманными, преувеличенными, что нередко влечет за собой непоправимые последствия. Таковы ошибочные оценки со стороны Отелло поведения Дездемоны и со стороны Арбенина – поведения Нины («Маскарад» Лермонтова). Судебная практика знает немало подобных ошибок, характерных для конфликтов бытового характера. Достаточно сказать, что, по статистике, около 50% умышленных убийств из ревности на самом деле не имело под собой реального основания.

Если в межличностных конфликтах рефлексивные процессы сложны, а иногда и запутаны, то они еще многократно усложняются, когда речь идет о групповых и особенно межгосударственных отношениях. Из персональных, личностных рефлексий процесс оценки действий противника перерастает в организованную деятельность многих людей, учреждений, служб. Планированием конфликта, распознаванием планов и действий другой стороны, пропагандой, информацией и дезинформацией, зондажем и переговорами занимаются ведомство иностранных дел, разведка, пресса и многие другие организации. Вся эта психологическая, информационная и иная интеллектуальная деятельность направлена на то, чтобы решить конфликтную ситуацию в свою пользу, одновременно дезориентировав и ослабив противника.

Надо сказать также, что рассматриваемые психологические процессы лишь частично проявляются вовне (в форме разговоров, писем, признаний и т. д.). Многое приходится реконструировать задним числом или о чем-то догадываться. И это понятно: психологическая сфера индивида, так же как информационная деятельность государства, в общем скрыта от наблюдателя, и судить о ней в полной мере затруднительно.

Математическая теория игр применяется индивидами в очень редких случаях, но на государственном, в том числе военном, уровне – значительно чаще.

3. Психологические особенности субъекта.

В самом общем плане поведение субъекта в конфликте определяется двумя комплексами факторов – внешними обстоятельствами и особенностями субъекта, некими стабильными, присущими только ему характерологическими чертами. Силовой и интеллектуальный потенциал, эмоциональная устойчивость и степень подготовленности к стрессу, способность к рискованным действиям и многие другие черты могут быть отнесены к вполне устойчивым особенностям субъекта, позволяющим при определенных условиях прогнозировать его действия:

С этой точки зрения важно указать на собственно социальные характеристики субъекта, как внешние, связанные с его положением в обществе (сообществе), так и внутренние, социально-психологические. Положение субъекта в системе социальных связей, его статус могут играть решающую роль в исходах конфликтов с его участием и в характере самих конфликтов. Лидер и «человек со связями» всегда имеют не только большие возможности подавления противника, но и более широкий выбор альтернатив поведения. А человек «из низов», потерявший все и вся, люмпен – очень вероятная жертва притеснений, унижений, насильственных действий. «Изгои общества» становятся постоянными объектами травли и издевательств. Аналогичным образом преследуемая предрассудками и гонимая народность или нация становится жертвой непрекращающегося террора. Выбор социально приемлемых альтернатив поведения у таких субъектов обычно сильно сужен.

«Изгой» и люмпен даже в обществах с развитой демократией не всегда могут воспользоваться прессой или судебными инстанциями для защиты своих прав. Подобные и иные ограничения заставляют искать другие, в том числе и незаконные, средства защиты.

Вхождение в ту или иную группу, сообщество обеспечивает большую гарантию безопасности. Однако тесная связь с группой предоставляет иногда вовсе непривлекательную возможность быть втянутым в конфликт только по причине принадлежности к этому сообществу.

Социальная жизнь в силу своей действительно слабой рациональности рождает множество абсурдных и парадоксальных ситуаций. В сознании людей это имеет соответствующий эквивалент в виде разного рода устойчивых социальных установок по отношению к тем или иным группам населения. То, что в бытовом языке называется «предубеждением», относится к наиболее конфликтным социально-психологическим характеристикам людей. На уровне государства предубеждение по отношению к определенному типу социальной структуры, религиозному или национальному укладу может являться составной частью государственной идеологии.

Предубеждение как устойчивое негативное отношение к другому объекту или группе формируется по логике индукции или дедукции: отдельные свойства конкретных индивидов переносятся на всю группу, и наоборот, свойства, «закрепленные» за группой, приписываются индивиду. При этом происходит генерализация отрицательных оценок – суждение о субъекте может стать в целом отрицательным. Подобная генерализация при недостатке реалистичной информации заполняет вакуум в знании другими отрицательными чертами, подчас совершенно фантастическими. Известен прошедший в 20-е годы по ряду европейских стран слух о том, что «большевики едят детей». Аналогичным образом можно упомянуть долго существовавшие и сейчас еще имеющие своих сторонников мнения о том, что евреи пьют кровь христианских младенцев.

Сколько таких предвзятых мнений встречалось и встречается в нашей повседневной жизни: «что русскому хорошо, то немцу плохо», «американцы негров вешают», «хитрый как сто китайцев» и т.п. Несправедливые и подчас оскорбительные и жестокие мнения такого рода, распространенные в разных культурах и субкультурах, рожают взаимное недоверие и подозрительность, способствуют напряженности в отношениях. Предубеждения играют свою активную отрицательную роль в отношениях между полами, различными возрастными и профессиональными группами. Служа одной из причин разобщения людей, разделения их по «лагерям», они выступают часто незаметными, на первый взгляд побудительными силами как многих мелких повседневных стычек, так и крупных межгосударственных коллизий.

Социальные установки и позиции, влияющие на ход конфликта, разумеется, не ограничиваются вышеописанными. Необходимо отметить также те психологические составляющие, которые, будучи прямым или косвенным результатом воздействия определенных социальных правил и норм, выполняют функцию внутренних, нормативных регуляторов поведения. Эти внутренние нормы, в частности, определяют характер допустимых действий в конфликте. На субъекта и при отсутствии внешних правил противоборства могут действовать определенные внутренние ограничения, заведомо не допускающие, например, применения грубой силы. Известно, что некоторые люди даже в критических ситуациях не могут ударить другого человека по лицу. Для определенного количества людей переход к физическим действиям в конфликте является чем-то вроде культурного табу. Есть, однако, множество абсолютно противоположных случаев, когда внутренние нормы предписывают применение насилия как наиболее эффективного средства во всех ситуациях[7]. Государства-агрессоры, имеющие мобильную и всегда готовую к действиям армию, являются часто носителями идей насилия, что отражается и в характере государственных установлений, и в умонастроениях их граждан.

Описываемые нормативные регуляторы, как мы полагаем, касаются и оценок характера чужих поступков. У каждого человека существуют стереотипы оценки оскорбительности, унижительности чужих слов и действий, степени оказываемого на

него силового давления или иного морального ущерба. В любой культуре что-то считается более оскорбительным, а что-то менее. В некоторых дуэльных кодексах, например, были приняты градации оскорблений, что имело отношение к дальнейшей процедуре дуэли. Эти устойчивые оценки у разных людей и в разных сообществах способны заметно – при их принципиальном сходстве – различаться, и благодаря только этому обстоятельству чьи-то действия могут неумышленно спровоцировать или усилить конфликт. Известно, скажем, с какой остротой воспринимают представители некоторых народностей обращенную к ним нецензурную брань, столь привычную для русского уха.

У людей внутренние нормы этих двух типов пересекаются и с индивидуальными характерологическими особенностями, такими, как чувствительность (сензитивность), восприимчивость, ранимость, с одной стороны, и напористость, авторитарность, агрессивность – с другой.

Различные социальные субъекты нередко являются носителями более сложных внутренних нормативных регуляторов, имеющих отношения к поведению в конфликте. Названные выше нормы двух типов могут составлять единый нормативный механизм, в котором закреплено определенное соотношение в интенсивности понесенного стороной ущерба и ответной реакции.

Известный принцип дохристианской морали «око за око, зуб за зуб», усвоенный многими поколениями людей, предписывает адекватное возмездие за понесенные потери. Это та формула, которой люди действительно чаще всего руководствуются в повседневной жизни. Ясно, что, реализуясь в конфликтном поведении, она может способствовать поддержанию конфликта, но никак не его прекращению. Однако в обществе имеют распространение и более жесткие нормативные формулы, предписывающие большую интенсивность, деструктивность ответной реакции. Широкое хождение подобные нормы и традиции имеют в преступных субкультурах, где за оскорбление человек может заплатить своей жизнью. Порой они принимают статус государственных установлений, что особенно характерно для низкоразвитых или тоталитарных государств, разрешающих применение смертной казни за сравнительно небольшую провинность. Характерно это и для государств, берущих на себя особую, диктаторскую роль в мировом сообществе. Вполне вытекающей из норм американской государственной идеологии нам представляется ситуация с Ираком, возникшая в июне 1993 г. Узнав, что контрразведка Ирака готовила (неудавшееся!) покушение на бывшего президента США, американцы нанесли ракетный удар по центру Багдада. То есть информация об агрессивных (и нереализованных) намерениях другого субъекта явилась достаточной для применения массированного насилия. Столь же характерным для советской государственной идеологии нам представляется известный эпизод с южнокорейским «Боингом», подвергнутым уничтожению из-за небольшого отклонения в маршруте.

Стереотипизированными и устойчивыми, наконец, могут быть более обширные позиции, касающиеся общего поведения в конфликте. Высказанная в свое время А.М. Горьким и впоследствии ходячая формула «Если враг не сдается, то его уничтожают» полностью отрицает мирные пути разрешения конфликта, ориентируя на полное подавление либо уничтожение противника. Встречаются и личности, и политические группы, и государства, характеризующиеся полной бескомпромиссностью, ориентированные только на абсолютную и окончательную победу в противоборстве.

В своей совокупности и в различных сочетаниях психологические характеристики формируют определенный устойчивый стиль поведения субъекта в разных конфликтных ситуациях. В обобщенном виде можно говорить о трех основных моделях поведения в конфликте и соответственно типах субъектов, которые в действительности, конечно, имеют множество промежуточных вариантов или вариаций.

1. Деструктивный тип. Это тип субъекта, склонного к развязыванию конфликта и усилению его вплоть до физического уничтожения или полного подавления противника. В быту это эгоист, зачинщик ссор и скандалов, в учреждении – кляузник, в толпе – инициатор беспорядков и разрушительных действий. Многие конфликтные

ситуации могли бы закончиться мирным путем, если бы не подогревались влиянием со стороны такого рода личностей. Особенно наглядно это видно на примерах межнациональных конфликтов, происходящих в последнее время в разных регионах мира. Известны подобные субъекты, действующие на международной арене. Это не только милитаристские державы, но и государства или организации, постоянно блокирующие мирные инициативы и призывающие к разрушению устоявшегося миропорядка.

Специального внимания среди лиц, относящихся к деструктивному типу, требует личность террориста. Исследования свидетельствуют о том, что в большинстве случаев террористы являются вменяемыми людьми, хотя им свойственна специфическая личностная предрасположенность. Среди них отмечалась, например, значительная доля озлобленных лиц с параноидальными психопатическими чертами. Общая черта многих террористов – тенденция к поиску во вне источников личных проблем и сверхсосредоточенность на защите «я» путем переноса вины в собственных трудностях на окружающих или общество в целом. Другие черты: им свойственны постоянная оборонительная готовность, чрезмерная поглощенность собой и слабое внимание к чувствам других[8]. Террористы самых разных направлений сходны в слепой приверженности своим идеям и готовы идти до конца, жертвуя жизнью[9].

Западные исследователи, подробно изучавшие терроризм, выделяют два основных типа мотивации поведения террористов: личностный и политико-идеологический. Первые, в свою очередь, подразделяются на эмоциональные, невротическо-психопатологические и корыстные.

Среди террористов значительно чаще, чем в населении в целом, встречаются люди эмоционально неустойчивые, неудачники, стремящиеся заставить говорить о себе, мечтающие о славе, лидерстве. Деятельность террориста становится привлекательной для них благодаря возможности самоутвердиться, ощутить собственную значительность, преодолеть отчуждение. По мнению К. Остса, террористические организации могут дать молодым людям «возможность стать героем... В некоторых случаях даже возможность умереть и стать мучеником может быть мощным психологическим фактором»[10].

С определенными оговорками к субъектам деструктивного типа можно отнести личности, общественные и государственные образования авторитарного склада, поскольку в своих действиях они прежде всего руководствуются установлением власти в отношениях с другими, подчинением себе чужих интересов. Эти субъекты могут выполнять в конечном итоге и социально позитивные задачи, но, движимые идеей превосходства, склонны нарушать и разрушать чужие ценности, препятствовать чужому волеизъявлению, что также служит причиной раздоров и войн.

2. Конформный тип. Субъекты этого типа в определенном смысле противоположны предыдущим. Их позиция пассивна и «удачно» дополняет предыдущую. Действуя в конфликте, они склонны скорее уступить, подчиниться, чем продолжать борьбу.

Эта модель поведения во многих ситуациях достаточно опасна, потому что объективно способствует и содействует чужим агрессивным проявлениям. В других случаях она может сыграть позитивную роль, особенно если противоречия между субъектами не носят принципиального характера и возникли из-за пустяка. Тогда компромиссная линия поведения – лучший способ остановить конфликт.

С данной моделью нельзя смешивать позиции, ориентирующие на пассивное сопротивление агрессии или диктатуре. Знаменитая толстовская идея «непротивления злу насилием» или доктрина Ганди утверждают мысль о том, что кроме прямого сопротивления насилию и подчинения ему существует путь неподчинения, неповиновения. В ситуации диктатуры или колониального захвата этот путь характеризуется неучастием в действиях и мероприятиях властей, бойкотом любых их распоряжений. Как известно, именно эта модель поведения, будучи распространена в разных слоях населения, способствовала падению английского колониального режима в Индии.

3. Конструктивный тип. Этот тип противоположен деструктивному в другом отношении. Если деструктивный тип заботится прежде всего о собственных интересах и во имя их утверждения готов развивать конфликт, то конструктивный стремится погасить конфликт, найдя решение, которое было бы приемлемо для обеих сторон. Человек конструктивного склада мышления ищет непротиворечивые варианты удовлетворения обоюдных интересов, подыскивает посредников и предпринимает другие действия, которые могли бы снять сложившуюся напряженность. Субъекты конструктивного типа охотно вступают в переговоры, стараясь прояснить предмет разногласий и нащупать пути их урегулирования.

Мы сказали о существенных с нашей точки зрения психологических особенностях субъектов как участников конфликта и прежде всего об их социальных установках, внутренних нормативных регуляторах и моделях поведения в конфликте. Уже по некоторым из упомянутых здесь признаков можно составить достаточно четкое представление о том, как будут строиться взаимоотношения между субъектами с этими характерными чертами. Однако для прогнозирования хода конфликта мысленного совмещения разных моделей поведения, стереотипов и норм недостаточно. Любой конфликт имеет свою внутреннюю логику, особые пути развития. Научный анализ позволяет говорить об определенных закономерностях развития конфликтов, не исчерпывающихся простым наложением двух стратегий, или линий поведения. Об этом и будет рассказано в следующих параграфах.

[1] См., напр.: Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. Т. 1. М., 1986. С. 146 и след.

[2] Подр. см., напр.: Нейман Д. фон Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение М., 1970.

[3] Воробьев Н. Н. Развитие теории игр//Нейман Д. фон Моргенштерн О. Указ. соч. С. 634.

[4] Воробьев Н. Н. Указ. соч. С. 634—635.

[5] Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. Воронеж, 1967. С. 34.

[6] Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. Воронеж, 1967. С. 64.

[7] Такие нормы, как выявлено Л.А. Волошиной, присутствуют у многих насильственных преступников. См.: Волошина Л.А. Нарушения нравственных норм как фактор насильственных преступлений//Вопр. борьбы с преступностью. Вып. 40. М., 1984.

[8] См : Социальные конфликты... Вып. 4. М., 1993 С. 31—33.

[9] См : Социальные конфликты... Вып. 4. М., 1993 С. 46.

[10] The annual on terrorism. Dordrecht etc, 1986. P 11.

§ 8. РАЗВИТИЕ КОНФЛИКТА

1. Латентная стадия.

Конфликту как таковому предшествует (точнее – может предшествовать) латентная – скрытая – стадия, при которой есть все элементы конфликта, за исключением внешних действий. Формально говоря, в эту стадию можно включить пять последовательных событий или этапов развития конфликта.

Первое событие – возникновение объективной конфликтной ситуации, о которой уже подробно сказано выше. В принципе конфликтная ситуация может появиться одновременно с выявлением конфликта (в его открытой стадии) или, как говорилось выше, быть сознательно спровоцирована одним или обоим участниками. Но логически конфликтная ситуация – первое звено.

Второе событие – осознание хотя бы одним из субъектов своих интересов в этой ситуации. Понятно, что интересы могут быть ложно понятыми, искаженными либо реальными и объективными, но без их осознания дальнейшая борьба не имела бы основания.

Третье событие, тесно связанное с предыдущим, – осознание препятствия для удовлетворения своих интересов (в когнитивном конфликте – выявление иных

взглядов). Здесь следует обратить внимание на то, что эти препятствия могут быть по меньшей мере троякого рода. Во-первых, они могут вытекать из объективной ситуации, безотносительно к позиции других лиц, которых мы могли бы рассматривать как потенциальных участников будущего конфликта. Например, химический завод регулярно нарушает требования по охране природной среды, загрязняя атмосферу. Причина – отсутствие водоохраняемых сооружений, система которых для данного вида химического производства еще технически не разработана, промышленность ее не выпускает. Интерес завода – изменить ситуацию, прекратить очевидное нарушение. Но конфликтовать ему пока что не с кем, разве только с изобретателями. Здесь конфликтная ситуация непосредственно конфликта за собой не влечет.

Во-вторых, препятствием для удовлетворения интересов участника могут быть его собственные субъективные качества. Предположим, что в том же примере завод мог бы создать очистные сооружения своими силами, но не проявил необходимой инициативы. С кем ему конфликтовать? Только внутри коллектива, а мы имеем пока в виду конфликт внешнего порядка.

Наконец, в-третьих, внешнее препятствие имеется, и оно объективировано, вернее, персонифицировано, например, в чиновнике министерства, не дающем согласия на дополнительные расходы для создания очистного сооружения. В данном случае препятствие может быть достаточно определенно заявлено и осознано, что является важным условием дальнейшего развития конфликта.

Мы говорим «важным», но не необходимым, потому, что иногда имеющееся препятствие остается несколько расплывчатым, неясным, туманным. Кто из чиновников конкретно виновен в задержке с дотацией? И надо ли конфликтовать именно с ним или с его начальником? Четкое представление о противнике может подчас сложиться лишь в ходе конфликта, после «пробных» действий обеих сторон.

Четвертое событие – это осознание своих интересов и соответствующих препятствий другой стороной. Разумеется, эта стадия может предшествовать третьей или совпадать с ней во времени. Ее может и не быть вообще – хотя бы по той причине, что интересы сторон могут совпасть и препятствий в этом случае не будет. Так произойдет, если чиновник министерства согласится с руководством завода и поможет создать очистную систему. Но в противном случае конфликт определится с достаточной четкостью, хотя еще не начнется.

Даже следующая – *пятая стадия* не открывает конфликта. Она включает конкретные действия, предпринятые одной из сторон для отстаивания своих интересов (например, официальное обращение дирекции завода в министерство). Но отрицательный ответ на это обращение (*стадия шестая*) – это уже начало конфликта, поскольку позиции обеих сторон четко определились и начались практические действия друг против друга.

Названные нами шесть стадий не обязательно чередуются в указанной последовательности. Некоторые могут выпадать, другие – повторяться, последовательность их может быть иной. Выше приведена логическая схема, которая изображает «идеальный» случай развития конфликта вовне.

Очевидно, при этом конфликт перерастает в открытую стадию, которая характеризуется по меньшей мере тремя обстоятельствами. Во-первых, наличие конфликта становится очевидным для каждого из участников. При этом могут вступать в действие те рефлексивные игры, о которых говорилось выше: каждая из сторон будет стремиться «обыграть» другую.

Во-вторых, действия становятся практическими, они приобретают внешнюю форму, включая использование средств массовой информации, действия по захвату спорного объекта, насилие, угрозы и т.д.

В-третьих, о конфликте, вышедшем из латентной стадии, будут осведомлены третьи лица, посторонние, которые в той или иной степени в состоянии влиять на конфликт. Следует только заметить, что это влияние отнюдь не однозначно. Не нужно думать, что общественность обычно «гасит» конфликт; совсем напротив, она может ему содействовать, подогревая агрессивные настроения одной или обеих сторон, как это наблюдается, например, в межнациональных конфликтах.

В некоторых конфликтах заметен также переход к иному уровню, например, от личных отношений – к конфликту между группами, организациями. И наоборот, крупный социальный конфликт – в сфере властных отношений – «опускается» также и на микроуровень, меняя образ жизни и поведение отдельных людей.

2. Внешние действия.

Так как конфликт представляет собой отношение между людьми, группами или индивидами, он, как и всякое другое общественное отношение, состоит по меньшей мере из четырех элементов, хорошо изученных в юриспруденции применительно к юридически значимому поведению. В первую очередь, это сами субъекты, а также предмет конфликта, т.е. проблема, из-за которой возникло противоборство. Далее, сам процесс противоборства можно анализировать как с внутренней, психологической (субъективной), так и с внешней, объективной стороны. Таким образом, мы видим, что конфликтное поведение объективно состоит из противоположно направленных действий участников конфликта. Этими действиями реализуются, как отмечалось выше, большей частью скрытые от наблюдателя процессы в мыслительной, эмоциональной и волевой сферах конфликтующих сторон. Чередование взаимных реакций, направленных на утверждение интересов каждой стороны и ограничение интересов противника, и составляет «живую», материальную «ткань» конфликта, его сущность как социального явления.

Для полного понимания структуры конфликта и, следовательно, представления о том, как он развивался и чего в дальнейшем следует ожидать, указанные выше элементы необходимо анализировать в контексте реальной обстановки. Сами внешние действия участников сильно меняют свое значение в зависимости от места и времени действия. Временной фактор очень существен. Несвоевременное согласие или, напротив, отказ могут вызвать в конфликте результат, не соответствующий или даже противоположный тому, который ожидался заинтересованной стороной.

Все действия в конфликте можно – в достаточной мере условно – дифференцировать на основные и вспомогательные. К основным мы относим действия, непосредственно направленные на предмет конфликта, меняющие или сохраняющие от изменения существующее противоречие в интересах. Вспомогательные действия имеют подчиненную роль, обеспечивая выполнение основных, и сами по себе для решения центральной проблемы конфликта не предназначены.

С объективной точки зрения основные, внешние действия конфликтующих сторон можно разделить на две группы: наступательные и оборонительные.

Наступательные действия состоят в нападении на противника, повреждении его собственности, захвате спорного объекта, изоляции, изгнании, пленении противника и иных актах, которые направлены на прямое ущемление интересов противоборствующей стороны. Оборонительные действия заключаются в удержании спорного объекта, самозащите, защите от уничтожения или повреждения материальных ценностей, различных превентивных поступках и т.п. Главное различие между ними в том, что оборона – это попытка сохранить имеющееся на данный момент соотношение позиций в конфликте, охранить те свои интересы, которые реализовались до сих пор беспрепятственно, тогда как наступление меняет соотношение позиций и направлено на утверждение нереализованных интересов. Разделение между этими типами действий, однако, в достаточной степени условно, поскольку в реальной борьбе они тесно переплетаются между собой и легко переходят из одного в другое. Кроме того, наступление обычно, если не всегда, подразумевает сохранение и защиту уже достигнутых позиций. Недаром говорят, что «наступление – лучший вид обороны».

Исходя из логики наших рассуждений, следует сказать, что есть еще и третий возможный тип действий. Это отступление, сдача позиций, объективный (полный или частичный) отказ от достижения своих интересов. Но отступление – это либо уже не борьба, а отказ от нее, либо, в других случаях, временный вынужденный ход или уловка, используемая для последующих наступательных или оборонительных

действий. Будучи предпринимаемым отнюдь не во всех случаях, оно не является неизменным атрибутом конфликта.

Рассматривая основные наступательные и оборонительные действия в конфликте с точки зрения их конкретной направленности, можно выделить несколько их главных разновидностей, характеризующих в определенной мере и разные типы противоборства.

а) Действия, направленные на захват и/или удержание спорного объекта.

Поссорившись из-за красивой игрушки, один мальчик пытается выхватить у другого эту игрушку, другой крепко держит. е.е и не отдает; в конфликте из-за спорной территории одно из государств-соперников вводит на эту территорию свои войска, блокирует. е.е связь с другим государством, создает свою администрацию; влюбленный увозит чужую невесту со свадьбы, жених бросается в погоню; разведчик пытается выведать тайну у агента другой державы. Как мы видим, попытки захвата и удержания объекта в разных жизненных ситуациях осуществляются по-разному, что зависит и от характера объекта, и от типа или уровня субъектов. Для конфликтов между группами и крупными социальными общностями эти действия чаще всего представляют собой сложную, состоящую из ряда стадий, деятельность, включающую политические, военные, экономические и иные средства.

б) Создание помех и причинение косвенного вреда. Эти действия являются неотъемлемыми атрибутами «безобъектного» конфликта. При помощи этих действий блокируется чужая деятельность или наносится ущерб предметам чужой заинтересованности, снижается ее эффективность, хотя объект обоюдных стремлений может отсутствовать. Ребенок смотрит телевизор и мешает отцу писать книгу, несмотря на настойчивые просьбы отца, – разъяренный отец выключает телевизор. Заслон из полицейских преграждает путь демонстрации, опасаясь беспорядков; государства организуют экономическую блокаду нарушителю международных норм; человек бросает камень в чужую кошку, которая своими громкими криками мешает. е.му спать. Видно, сколь разнообразны случаи и варианты действий этого типа – их количество столь же велико, сколь и самих ситуаций. К этому же типу мы относим все случаи нарушения человеческих нравственных представлений, как, например, происходит, когда совершается проступок или преступление на глазах у других. Вмешиваясь, свидетель, говоря объективно, также действует по этому типу, поскольку создает помехи преступнику.

в) Задевающие и оскорбительные слова и действия. Это то, что у людей вызывает обиду, задевает самолюбие и честь, принижает достоинство у народностей, наций, слоев населения. В межличностном общении – это бранные слова и выражения, оскорбительные жесты, негативные личностные оценки, в других случаях – определенные дискриминационные меры в отношении граждан другой страны, пропагандистские выпады в адрес того или иного режима или религиозного уклада. Эти действия характерны прежде всего для конфликтов, базирующихся на более глубоких противоречиях, связанных с правами личностей, групп, крупных социальных общностей.

г) Подчинение и захват субъекта. Данная разновидность действий сводится в основном к проявлениям власти и существенному ограничению свободы других субъектов: проявления разных форм диктата в межличностных отношениях, жесткий контроль, пленение; колониальный захват, ограничение суверенитета нации или территориального образования и др.

д) Нанесение прямого физического ущерба (насилие). Эти действия всегда связаны с разрушением основного физического достояния противоборствующей стороны: причинением боли и телесных повреждений людям; ликвидацией групп и разрушением групповых структур; разрушением и разорением городов, территорий, государств. Из этих примеров видно, что субъекты разных уровней подвергаются деструктивным действиям разного масштаба и несколько различающимся по характеру. Однако обычно все действия данного типа включают физическое насилие над людьми.

Психологическое напряжение личности, ее «готовность» к применению насилия зависит не только от силы фрустрации, степени воздействия и концентрации

проблем в настоящий момент. В этом смысле существенна и длительность воздействия «вредных» и иных провоцирующих факторов: долгое состояние экономической депривации, постоянная конфликтогенность среды обитания, многолетнее психологическое отчуждение. Криминологи обращают особое внимание на роль фрустрирующих факторов в биографии насильственных преступников[1]. В частности, установлено, что люди, бывшие жертвами насилия, издевательств, притеснений в детстве, во взрослом возрасте с большей вероятностью совершают насильственные преступления[2]. Прошлые фрустрации и конфликты как бы «накапливаются» в личности, формируя устойчивую предрасположенность и «готовность» к насилию.

На стереотипы массового сознания оказывают влияние различные институционализированные формы насилия, разрешенные в обществе и применяемые самим государством в отношениях со своими гражданами и другими государствами. Насильственное поведение властей или конкретных социальных институтов – законное или не вполне законное – воздействует на психологию людей, укрепляя их представления об эффективности крайних мер. Опасны по своему влиянию на массовое сознание несправедливые, антиправовые действия властей, поскольку авторитет и пример власти в данном случае расширяет представления о допустимости насилия (по типу «им можно, а мне нельзя?»).

Стереотипы и нормы насильственного поведения являются характерными атрибутами таких достаточно обширных – по крайней мере в нашей стране – субкультур, как армейская и тюремно-лагерная. Существенно, что многие элементы этих субкультур (фольклор, жаргон и т.п.) имеют достаточно широкое распространение во всем нашем обществе.

В малых группах – семьях, неформальных группировках – также можно найти источники формирования этих стойких психологических структур. Но главным образом здесь следует сказать о различных преступных группах, в которых самостоятельно вырабатываются определенные «этические» нормы, обеспечивающие их эффективное функционирование и выживание. Насилие в них обычно – поощряемый способ поведения, правда, если оно служит на пользу группе. Утилитарное насилие, «сверхзащита» и «сверхвозмездие» – феномены, очень часто наблюдаемые в современной жизни и в международной практике. К сожалению, достаточное распространение имеет точка зрения, что насилие может решить проблему более быстро и эффективно, чем другие средства. Очень часто это лишь иллюзия, основанная на непонимании особенностей развития конфликтов. В явном виде или скрытом, немедленно или с отсрочкой во времени – «насилие порождает насилие»; насильственная спираль может длиться очень долго. И чем длиннее эта спираль, чем глубже противоречия, тем трагичнее возможные результаты конфликта и тем меньше шансов на его успешное разрешение.

3. Угрозы.

Наряду с выделенными типами действий в конфликтах часто используется такое средство воздействия на противника, как угрозы. Американский конфликтолог М. Дойч характеризует угрозы как выражение намерения сделать что-то, что повредит интересам другой стороны[3]. Это мнение правильно лишь отчасти, поскольку затрагивает лишь одну сторону угроз. Более верным нам представляется мнение Дж. Тедеша, что угрозы не просто выражают подобное намерение, но прежде всего ориентированы на то, чтобы принудить соперника содействовать своим целям[4]. Они представляют собой сообщения, сигнализирующие о возможных вредных последствиях для другого, если этот другой не выполнит определенные условия, и строятся по формуле «если ты сделаешь (не сделаешь) А, то я сделаю В». Иными словами, угроза не есть прямое вступление в борьбу, а в определенном смысле апелляция к рассудку, здравому смыслу и чувствам противника, она же – пример жесткости позиции и бескомпромиссности. В международной практике, в частности в военных столкновениях, распространен метод ультиматумов, содержащих требование к другой стороне, в случае невыполнения которого противника ожидают жесткие санкции, вплоть до полного уничтожения.

Высказываемое в угрозе условие, как правило, касается предмета конфликта или его промежуточной, частной «темы». Например, если люди ссорятся из-за денег, высказываемые ими угрозы могут строиться по формуле «Если не вернешь деньги, то...»! Однако во время схватки, когда одна сторона нападает, а другая обороняется, угроза концентрируется на более частных моментах самой борьбы, выполняя тактическую и защитную роль: «если не уберешь руку...», «если будешь ко мне приближаться...» и т.д.

Угрозы могут быть выражены в борьбе, но применяются также и в процессе переговоров, выделяясь нередко в самостоятельную стадию в конфликте. Переговоры особенно характерны для конфликтов между крупными социальными субъектами (организациями, сообществами, партиями, государствами и т.п.) и часто применяются в военных действиях. Угроза, ультиматум высказываются, например, при помощи парламентариев (делегатов, делегаций), которые уполномочены только передать сообщения или, передав его, получить ответ, либо используются за столом переговоров в ходе обсуждения. В этих случаях условие может быть достаточно детализировано, включать перечень различных требований (как в случаях забастовок, например); учитывать фактор времени («если к такому-то времени не будет сделано то-то и то-то, то...») и т.п. В простых житейских ситуациях, в межличностных стычках условие, наоборот, может вовсе не высказываться, а лишь подразумеваться. Так, высказываемая в ответ на чье-либо требование прекратить хулиганские действия угроза «я сейчас тебе прекращу!» сообщает о возможности нападения на сделавшего замечание, если он не перестанет вмешиваться.

Применение угроз является также пусковым механизмом к насилию в конфликте. Поскольку угроза включает в себе не только условие, выполнение которого требуется от противника, но и предполагаемую возможность причинения противнику более существенного ущерба, угроза является как бы «мостиком» в более глубокие противоречия, в более острую форму борьбы. Угроза трактуется не только как жесткое требование, что само по себе – свидетельство бескомпромиссности, но и как показатель явной враждебности, выходящей за рамки актуальной проблемной ситуации. Например, угроза «если не уйдешь, кости переломая!» может быть неприятна не столько своим требованием, сколько тем, что противник допускает для себя возможность столь враждебных акций, а значит – он вообще настолько враждебен. Ущерб, наносимый личности, ее самооценке этой стороной, может быть настолько значителен, что может побудить к ответному – карательному – насилию. Враждебная сторона угрозы вызывает и защитные действия, если само намерение противника вызывает страх.

Угроза – это в определенном смысле тактическое средство в конфликте. Тактика угроз вообще характерна для деструктивной модели поведения и соответствующего типа личности. Угроза – привычный метод действий террористов (заложники, угрозы взорвать самолет и т.п.) и государств с террористической идеологией. Можно вспомнить недавние заявления президента Чеченской республики, что в Москве будет развязан террор, если российское руководство не прекратит свое вмешательство в дела Чечни.

4. Динамика борьбы.

Если одна или обе стороны конфликта не пошли на уступки или кто-то из них не попытался уклониться от столкновения, начинается противоборство.

Конфликт, конечно, может прекратиться очень быстро, едва начавшись, если, скажем, значительный перевес сил одной из сторон обеспечил ей быструю победу. Но известно множество случаев, когда, наоборот, конфликт приобретает затяжной характер. Кроме того, быстрое завершение конкретной стычки не означает ликвидации конфликтной ситуации, и конфликт вскоре может разгореться с новой силой.

Особенно затяжной характер, как известно, имеют конфликты на межнациональной и политической основе. Корни многих нынешних конфликтов уходят в такое далекое прошлое и в такие глубины массовой психологии, что их истинные первопричины практически никому не известны. К таким примерам относятся и случаи кровной

мести, распространенные в некоторых странах. Для затяжных конфликтов характерно чередование острых и относительно спокойных фаз, активного противостояния и периода своеобразной «ремиссии».

Длящийся характер имеют и многие разновидности межличностных конфликтов, например семейные. Для последних особенно характерна повторяемость одинаковых эпизодов, цикличность. Семейные ссоры часто повторяют одна другую, как бы осуществляются по одному сценарию. Угасая на время, они не ликвидируют истинной и часто скрытой причины разногласий.

Самая острая стадия конфликта, борьба, обычно представляет собой и чередование наступления и обороны, и применение различных действий, средств, набор которых может быть ограничен или неограничен, в зависимости от конкретных условий. Каждая сторона может придерживаться определенной общей стратегии, и тогда это чередование подчинено сознательному контролю. Острая фаза борьбы, прерываемая на время переговоров, возобновляется, если переговоры зашли в тупик или достигнутое соглашение было нарушено одной из сторон. Из международной практики известны многочисленные случаи срыва переговоров или нарушения соглашения о прекращении огня, которые вновь усиливают борьбу. Иногда сами переговоры используются кем-то из противников в тактических целях, как временная передышка.

Конфликт может развиваться в достаточно позитивном направлении и завершиться полным или хотя бы временным разрешением существующего противоречия. Но часто в нем преобладают тенденции иного свойства: борьба усиливается и обостряется, конфликт разрастается. Этот вариант динамики борьбы обычно именуют эскалацией конфликта. Остановимся на нем несколько подробнее.

5. Эскалация конфликта.

Внешненаблюдаемый аспект эскалации конфликта – это прежде всего интенсификация борьбы. Конфликт, как отмечает А.Г. Здравомыслов, развивается «по методу раскручивания спирали; действия одной стороны сопровождаются контрдействием другой, и это последнее контрдействие отнюдь не адекватно по масштабу своим последствиям исходной точке конфликта»[5]. Подобные преобразования, происходящие по мере развития конфликта, достаточно адекватно описываются понятием «симметричного схизмогенеза», введенным американским антропологом Г. Бейтсоном[6]. Схизмогенез – это процесс изменения норм индивидуального поведения в результате «накопленного» взаимодействия между субъектами. Так называемый «дополнительный» схизмогенез имеет место в тех случаях, когда субъекты используют разные, взаимодополняющие модели поведения – например, настойчивость одного и уступчивость другого. В процессе общения все большая настойчивость может вести ко все большей уступчивости и наоборот – и так до распада системы отношений. Симметричный схизмогенез развивается в случаях, когда субъекты, взаимодействуя между собой, используют одинаковые поведенческие модели. На определенное поведение одного субъекта, например хвастовство, другой отвечает аналогичным, т.е. тоже хвастовством, но более интенсивным и т.д. Результатом здесь также может быть разрушение отношений. Эскалация конфликта происходит именно таким образом, когда сталкиваются деструктивные модели поведения. Иными словами, она может быть охарактеризована как такое прогрессирующее во времени изменение конфликта, при котором последующие разрушительные воздействия сторон на интересы друг друга (помехи, давление, применение силы и пр.) выше по интенсивности, чем предыдущие.

Рассмотрим, как развивался в 1989—1992 гг. конфликт в Приднестровье[7]. Как уже отмечалось, движение за создание Приднестровской автономии, вызванное некоторыми акциями молдавского руководства, возникло осенью 1989 г. После проведения в приднестровских селах референдума, где большинство поддержало автономию, преследования русскоязычного населения усилились. Летом 1990 г. в Кишиневе некоторые русскоязычные, депутаты Верховного Совета Молдовы подверглись оскорблениям и избиениям. Тогда большинство депутатов-

приднестровцев покинули Кишинев. 2 сентября 1990 г. было провозглашено создание Приднестровской Молдавской ССР (ПМ ССР) в составе СССР, позднее преобразованной в Приднестровскую Молдавскую Республику (ПМР).

Верховный Совет Молдовы признал создание этой республики незаконным. В ответ в Тирасполе, провозглашенном ее столицей, формируются отряды самообороны. В ноябре жители г. Дубоссары заняли на несколько часов помещения райсовета, суда и прокуратуры. В ответ последовала попытка ввести в город полицейские части Молдовы. Столкнувшись с сопротивлением жителей, полиция применила огнестрельное оружие, в результате чего были убиты трое жителей, 13 человек получили ранения.

В ноябре 1990 г. в большинстве населенных пунктов Приднестровья состоялись выборы в Верховный Совет ПМР, а затем – выборы президента и референдум о независимости ПМР («за» – 97,7% участников). В Приднестровье стали создаваться вооруженные формирования, а в 1991 г. было принято решение о создании республиканской гвардии. В течение 1991 г. – первой половины 1992 г. большая часть приднестровских районных и городских прокуратур и отделов полиции была передана под юрисдикцию ПМР. С марта 1992 г. конфликт начал перерастать в войну. Каждая из сторон, участвовавших в перестрелке, обвиняла другую в нападении, с обеих сторон имелись убитые и раненые. Обе стороны применяли автоматическое оружие, боевую технику, артиллерию, ракеты и др. Обе стороны фиксировали случаи насилия и убийства мирных жителей.

В марте 1992 г. руководство Молдовы предложило приднестровским руководителям в течение 48 час. прекратить боевые действия и сложить оружие. Тогда указом президента ПМР в Приднестровье было введено особое положение. Огонь был прекращен, но затем неоднократно возобновлялся.

В свою очередь, Президент Молдовы ввел чрезвычайное положение на той же территории. В Бендеры вошли войска, локальные бои в городе и соседних селах продолжались несколько дней. Мы отразили здесь лишь небольшую часть событий в Приднестровье, свидетельствующих об эскалации конфликта на этой территории. Из приведенного примера ясно видно, как действия одной стороны приводят к ответным действиям другой, но уже многократно усиленным и, в свою очередь, вызывающим новые агрессивные поступки. Эскалация конфликта обычно настолько запутывает ситуацию, что найти «правых» или «виноватых» в конфликте уже становится невозможным.

Характеризуя эскалацию, мы пока что говорили о ее внешне наблюдаемых признаках. Но куда важнее определить те внутренние изменения в конфликте, которые ведут к подобным внешним проявлениям. Основное изменение, объясняющее причины видимой интенсификации конфликта, – смена предмета конфликта и, соответственно, формы взаимодействия.

Один из типичных и распространенных случаев, когда происходит заметное усиление и углубление конфликта, – это переход в споре, обсуждении, дискуссии от аргументов к претензиям, личным выпадам, даже физическому воздействию.

Критика в этом случае воспринимается как угроза самооценке личности, а попытки защитить самооценку ведут к смещению предмета конфликта уже в «личностный» план.

Характерным полуанекдотическим ответом на критику является знаменитая формула «сам дурак». Известно, что в самом факте критики может усматриваться посягательство на собственные интересы и стремление унижить, оскорбить. В тоталитарных и теократических режимах серьезная критика всегда рассматривается как угроза безопасности государства и жестоко преследуется – отнюдь не при помощи логической аргументации. В парламентских дебатах, в межгосударственных отношениях изложение иной точки зрения нередко трактуется как попытка учредить свой диктат, стать хозяином положения.

При этом нередко когнитивный конфликт – это просто «ширма», скрывающая за собой истинный предмет – проблему власти, дефицитных ресурсов, приоритетов. Во многом именно поэтому религиозные споры оканчивались затяжными войнами, а дискуссии об устройстве советского общества в 20–30-е годы – жесточайшими

репрессиями. Наблюдавшееся в последние годы в нашей стране противостояние исполнительной и законодательной властей – в меньшей степени действительно необходимая теоретическая дискуссия, а в большей – борьба за власть, вызвавшая сильные социальные потрясения.

В конфликте интересов может произойти смена предмета. Один из типичных примеров такого изменения называется «утерей объекта». Его смысл сводится к тому, что противоборство, начавшееся из-за спорного объекта, перерастает в более глобальное столкновение, в ходе которого первоначальный предмет конфликта уже не играет основной роли. Ссора из-за границ садовых участков между соседями может перерасти во взаимную ненависть и причинение друг другу самых разнообразных личных неприятностей. Многочисленные конфликты в Закавказье и на Северном Кавказе, возникшие первоначально из-за территориальных претензий, привели к сильнейшей взаимной ненависти, геноциду против мирного населения. Объект в некоторых конфликтах может в какой-то момент просто перестать существовать, но остающиеся «незаживающие раны», последствия конфликта служат основанием для его новых яростных вспышек.

В описанном и сходных случаях происходит «генерализация» конфликта, переход к более глубоким противоречиям способствует возникновению множества разных точек столкновения. Конфликт распространяется на более обширные территории, меняет свой эпицентр.

В ходе эскалации конфликта может происходить и своеобразное «укрупнение» противоборствующих субъектов за счет привлечения все большего количества участников. Преобразование межличностного конфликта в межгрупповой, численное увеличение и изменение структур соперничающих групп меняет и сам характер конфликта, расширяя набор применяемых в нем средств, как правило, за счет более эффективных силовых методов.

[1] Антонин Ю. М., Самовичев Е. Г. Указ. соч.

[2] Widom C. S. Child abuse, neglect and violent criminal behavior 33//Criminology. 1989. Vol. 27. n. 2.

[3] См.: Deutsch M. Op. cit. P. 217.

[4] См.: Tedeschi I. T. Threats and promises//The structure of conflict. N. Y., 1970. P 158.

[5] Конфликты и консенсус. № 3—4. С. 19

[6] Bateson G. Steps to an ecology of mind. L., 1972.

[7] Подр см.: Массовые и наиболее серьезные нарушения прав человека и положение в зоне вооруженного конфликта в г. Бендеры за июнь—июль 1992 г.// Независимая газета. 1992. 22 сент.

§ 9. ДИНАМИКА ЮРИДИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

1. Понятие.

В контексте рассматриваемого вопроса представляет интерес выяснение тех закономерностей, которые характеризуют развитие юридического конфликта, точнее – появление, изменение юридической компоненты в конфликтных ситуациях.

Как уже говорилось, иногда конфликт с самого начала имеет юридическую основу. Это происходит в тех случаях, когда стороны связаны правовыми отношениями и именно эти отношения выступают в качестве объекта конфликта или мотива поведения участников. Но чаще всего юридическая форма конфликта возникает не сразу, а лишь по мере его развития.

В качестве иллюстрации можно привести семейный конфликт. Супруги Матвеевы в течение нескольких лет ссорились, упрекая друг друга в неправильном воспитании дочери. Отношения постепенно обострялись, и дело дошло до рукоприкладства с обеих сторон. Однако о разводе речь еще не шла. Отметим, что на этой стадии некоторые юридические элементы (уголовно-правового характера) стали уже появляться, но не получили развития, так как оскорбления и побои относятся к делам

частного обвинения, а супруги в суд не обращались. Затем, после особенно острой и длительной ссоры, муж ушел к другой женщине и проживал там в течение двух месяцев, не появляясь дома. Под воздействием родственников жена поставила вопрос о разводе и спустя полгода Матвеевы были разведены. Таким образом, юридический характер конфликта определился после обращения Матвеевой в суд, правовой конфликт завершился решением суда о разводе, хотя, конечно, взаимоотношения субъектов могут возобновиться и привести к новым столкновениям.

В динамике юридического конфликта большую роль играет вмешательство третьей стороны: государственного правоприменительного (правоохранительного) органа, который будет разбирать конфликт и принимать по нему решение. Это может быть суд, арбитраж, административная инстанция (например, директор предприятия, министерство и т.д.) либо иное государственное учреждение, с которым стороны связаны соответствующими правоотношениями. Такая третья сторона если сразу и не присутствует в конфликте, то во всяком случае почти всегда «вырисовывается на горизонте». Известно, что существует и такая точка зрения, что все правоотношения являются трехсторонними: помимо прямых участников в них состоит и публичная власть, регулирующая течение событий путем соответствующего контроля или, в случае необходимости, властного вмешательства в отношения сторон (эта конструкция несомненно имеет основания в уголовном или гражданском судопроизводстве, где кроме истца и ответчика, потерпевшего и обвиняемого действует государственный орган – суд).

2. Стадии развития юридического конфликта.

Так как сам конфликт – явление динамическое, развивающееся, то при более подробном его анализе можно выделить несколько стадий его развития;

- возникновение у одной или у обеих сторон мотивов юридического характера (в деле Матвеевых у супруги после разговора с родственниками возникло решение подать заявление о расторжении брака);
- возникновение правовых отношений между сторонами, находящимися в конфликте (в приведенном примере они возникли после подачи Матвеевой заявления в суд);
- развитие (изменение, прекращение) правовых отношений в связи с рассмотрением дела юридической инстанцией (в данном случае – судом); эта стадия может быть весьма длительной и претерпевать различные изменения; даже при нормальном течении дела (например, в уголовном процессе) будут иметь место предварительное расследование случившегося, предание обвиняемого суду, судебное рассмотрение дела, кассационное, надзорное производство и т.д.;
- издание правового (правоприменительного) акта, завершающего конфликт (в приведенном примере – вынесение судом решения о разводе); может быть принято несколько решений или дело может быть пересмотрено и т.д.

Мы привели примерную схему динамики довольно простого юридического конфликта. Однако возможна и иная динамика. Во-первых, последовательность стадий развития конфликта может не совпадать с изложенной. Например, сначала, т.е. до конфликта, уже существует правоотношение и только позже появляется юридическая мотивация поведения (например, после консультации одного из участников с адвокатом). Во-вторых, некоторые стадии вообще могут отсутствовать. Так, в криминальном конфликте может не быть самостоятельной стадии возникновения правовой мотивации; ссора, закончившаяся убийством, сразу порождает четко сформировавшееся уголовно-правовое отношение 1) между преступником и государством, а затем 2) с правоохранительными органами. По сути дела речь идет о двух конфликтах: межличностный конфликт преступника и потерпевшего произошел и исчерпан в момент убийства потерпевшего, но на этой почве возникает другой юридический конфликт (преступника с правоохранительными органами), протекающий в рамках процессуальных действий сторон. Наконец, возможны весьма сложные юридические конфликты с многократным чередованием различных эпизодов и стадий.

3. Направленность развития юридического конфликта.

Динамика юридического конфликта, когда в нем участвуют государственные правоприменительные (правоохранительные) органы, всегда направлена на завершение конфликта в рамках закона и в соответствии с ним. Означает ли это, что развитие такого юридического конфликта имеет целью примирение сторон, смягчение их противостояния? Отнюдь не всегда. О такой направленности действительно можно говорить применительно к семейным, некоторым трудовым, гражданско-правовым спорам, но не относительно криминальных дел, где речь почти всегда идет о наказании виновного и часто – о насильственном вмешательстве в конфликт с целью его прекращения.

Во многих случаях насильственные, принудительные меры сопровождают юридический конфликт на всем протяжении его развития. Так, для криминального конфликта характерны прежде всего оперативные меры по задержанию преступника, затем могут следовать избранные меры пресечения и другие принудительные действия (привод, освидетельствование, обыск); далее мера наказания, назначаемая судом, также является мерой государственного принуждения. Таким образом, юридический конфликт нельзя рассматривать как мирное течение событий по меньшей мере с двух точек зрения: напряженность, а часто и насилие имеют место во взаимоотношениях субъектов – конфликтующих сторон; то же, но с другим содержанием и направленностью происходит и в отношениях хотя бы одной стороны с органами власти. Все это превращает юридические конфликты в весьма острую форму борьбы их участников, хотя эта борьба и протекает в рамках закона.

Нельзя не сказать несколько слов о специфике развития юридического конфликта, касающегося массовых событий. Это, как правило, политические или межнациональные взаимоотношения групп населения, партий, социальных слоев. Юридический элемент таких взаимоотношений возникает не сразу: он «оформляется» по мере институционализации отношений. Например, в межнациональном конфликте возникает тема самоопределения нации, идея создания собственного государственного образования, а затем провозглашения суверенитета, установления государственных границ, таможни и т.п. Решить все эти вопросы невозможно без принятия юридических актов, издания законных (а подчас и незаконных) решений и распоряжений. Здесь и складывается юридический аспект конфликта, который затем в значительной мере движется по конституционным или другим «юридическим рельсам».

Недавним примером крупного конфликта такого рода, а вернее – серии конфликтов, носивших политико-правовой характер, явились взаимоотношения в России двух ветвей власти – законодательной и исполнительной. Без юридических актов и процедур подобные взаимоотношения упорядочить невозможно. Основанием для введения конфликта в «законное русло» послужила подготовка, а затем и принятие новой Конституции России, которая с большей или меньшей полнотой и определенностью помогает разрешить эти проблемы.

Дает ли разрешение юридического конфликта гарантию, что вес конфликтные взаимоотношения в данной области будут прекращены? К сожалению, нет. Опыт показывает, что юридическая оболочка может скрывать в себе многочисленные зародыши разнообразного несовпадения взглядов, разногласий, противоречий и иных конфликтных ситуаций. Поэтому и наблюдается такое явление, как возобновление или продолжение юридических конфликтов в той или иной форме. Достаточно сослаться на многократное рассмотрение гражданских и трудовых споров в судах – бумажную волокиту и административные кляузы. А что касается международных дел, то здесь наблюдаются многолетние, если не вековые, споры политического и юридического характера, возобновляющиеся подчас в разных условиях и с разными аргументами, но скрывающие под собой все то же противостояние сторон, несовместимость их интересов.

Глава III. ВИДЫ ЮРИДИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

§ 11. ТИПОЛОГИЯ КОНФЛИКТОВ

1. Основания классификации.

Известно, что проблема типологии возникает во всех науках, имеющих дело с множеством разнородных объектов. Проблемы типологии в социальных науках довольно сложны как из-за практической невозможности проведения «чистых» экспериментов (как это делается в естественных науках), так и трудностей методологического характера.

Как бы то ни было, противоречия и конфликты вечны и постоянны, их субъекты в чем-то тоже постоянны, а наличие этих обстоятельств диктует необходимость хотя бы частичного решения проблемы.

Для выработки типологии конфликта может быть применим, например, системный подход.

Система постоянно испытывает на себе внутренние возмущения, являющиеся результатом ее внутренней противоречивости.

Компонент и система, часть и целое; прерывное и непрерывное, структура и функция; внутреннее и внешнее; организация и дезорганизация; разнообразие и однообразие – такой далеко не полный перечень противоречивых сторон и отношений, присущих системам и порождающих конфликты[1]. Каждая из этих характеристик способна служить базой для выделения конфликтов определенного типа.

Изучение структур и механизмов, обеспечивающих устойчивость социальных систем, предпринятое представителями структурно-функционального анализа (Т. Парсонс, Р. Мертон, К. Дэвис и др.), привело к созданию различных типологий как структур, так и функций систем, так или иначе связанных с конфликтами. По Парсонсу, например, можно выделить четыре обязательных требования к системе: адаптация к внешним объектам, целеполагание, поддержание бесконфликтного отношения между элементами системы (интеграция) и, наконец, поддержание институциональных нормативных предписаний («ценностного» образца). Это по сути предпосылки или условия бесконфликтного существования в обществе.

Р. Мертон в отличие от Парсонса сосредоточил внимание на дисфункциональных явлениях, возникающих вследствие противоречий и напряжений в социальной структуре. В работе «Социальная структура и аномия» он выделяет пять типов приспособления индивидов в обществе (конформизм, инновация, ритуализм, ретризм, мятеж)[2]. Отклонение от каждого из этих типов означает неизбежный конфликт – либо с властью, либо с так называемой репрезентативной группой.

Новейшие версии структурно-функционального анализа (Р. Александер и др.) модифицировали эти основные положения, однако основные идеи данной концепции сохранились (статичное, внеисторическое рассмотрение общества, абстрактный категориальный аппарат, «некорректное поведение» индивида в описании саморегулируемых систем и т.д.).

Вообще надо заметить, что классификация противоречий в рамках системного подхода по критерию этапности и последовательности их разрешения оказывается достаточно уязвимой. Как известно, в диалектике принято следующее описание последовательности развития: возникновение и созревание внутренних противоречий между элементами, частями, подсистемами, т.е. становление системы, дестабилизация и разрушение системы через борьбу и отрицание одной противоположности другой и переход к новой системе. Современные исследователи признают возможность такого развития, но не считают его единственно возможным. Напротив, получила широкое распространение точка зрения, по которой изменения происходят не через разрушение системы, а через рост ее упорядоченности и усложнение. Рост же противоречий в системе рассматривается не как источник развития, а как причина типичного антисистемного действия.

Деление конфликтов на внутри- и внесистемные имеет несомненное познавательное и практическое значение. Особенно важно остановиться на трактовке внутрисистемных социальных противоречий и конфликтов. В соответствии с марксистской позицией смена общественных систем объясняется, в частности, непримиримыми противоречиями между новыми производительными силами и устаревшими производственными отношениями. Такое упрощенное понимание подверглось в современной социологии основательной критике. Л. Козер, например, считал, что общества можно разделить на «ригидные» (закрытые) и плюралистические (открытые). В ригидных большие группы (враждебные классы) разрешают свои интересы через революционное насилие, в плюралистических же дается возможность решения конфликта через разнообразные социальные институты.

Среди западных исследователей в этом же плане представляют интерес воззрения Э. Гидденса. По его мнению, каждый отдельный тип общества характеризуется плюрализмом форм господства и эксплуатации, которые не могут быть сведены к единому классовому принципу. При этом наряду с классовой эксплуатацией существуют три вида эксплуататорских отношений, которые до конца не объясняются, хотя и затрагиваются теорией классовой борьбы в общем и теорией прибавочной стоимости в частности. Это: а) эксплуататорские отношения между государствами, во многом формирующиеся военным господством; б) эксплуататорские отношения между этническими группами, совпадающие или же не совпадающие по форме с эксплуататорскими отношениями первого типа; в) эксплуататорские отношения между мужчинами и женщинами (эксплуатация по половому признаку). Ни один из этих видов эксплуатации не может быть сведен к исключительно классовому уровню[3].

Внутрисистемные противоречия, таким образом, могут лежать в основании типологии конфликтов, но их отнюдь не следует ограничивать классовыми противоречиями.

2. Сферы конфликтов.

Наиболее простой и легко объяснимой является типология, основанная на выделении субъектов конфликта и сфер их проявления. По этим признакам конфликты можно разделить на экономические, политические, в том числе межнациональные, бытовые, культурные и социальные (в узком смысле слова).

Стоит обратить внимание на экономические конфликты, суть и степень распространенности которых при переходе общества к рыночной экономике заметно изменяются. Ведь в обществе, где господствует государственная собственность и рынка по существу нет, почва для экономических конфликтов весьма ограничена. Отнюдь не пропагандистскими были утверждения, что в СССР нет безработицы, забастовок, борьбы классов. Мы не обсуждаем здесь вопроса о том, какой ценой это достигалось; важно отметить другое: в экономической сфере конфликты общегосударственного масштаба в течение многих лет практически не встречались или были весьма локальными и кратковременными. Это, разумеется, не относится к теневой экономике, всегда находившейся в состоянии скрытой войны с государством.

При переходе к рынку можно наблюдать другую картину. По сути дела сам рынок есть поле для постоянных конфликтов, не только в виде конкурентной борьбы или вытеснения противника, но прежде всего – в форме торговых сделок, которые всегда сопряжены с диалогом, а то и с различными действиями (включая угрозы, шантаж, насилие), имеющими целью принудить партнера к выгодному соглашению. Наряду с этим в ситуации рыночной экономики возникают и другие острые конфликтные ситуации: забастовки, локауты, кризисы в денежном обращении и т.д. Рыночная экономика предполагает и постоянно возникающие трудовые конфликты, которые регулируются специально разработанными правилами. Хотя трудовые конфликты существуют при любом общественном строе, все же наиболее характерны они именно для рыночной экономики, которая базируется на купле-продаже любого товара, включая рабочую силу.

Особенностью крупномасштабных экономических конфликтов является вовлечение в их сферу широких слоев населения. Забастовка авиадиспетчеров касается, понятно, не только авиационных компаний, но и тысяч пассажиров. Если же забастовка проводится врачами, это уже миллионы потерпевших. Поэтому институционализация трудовых конфликтов, включая запрет некоторых видов забастовок, является важным средством стабилизации общественной жизни.

Конфликты в политической сфере – в общем обычное явление в демократическом обществе. Их особенность состоит в том, что они могут перерасти в крупномасштабные общественные события: восстания, массовые беспорядки, в конце концов – в гражданскую войну. Для многих современных политических конфликтов характерен межнациональный аспект; почти во всех случаях политический конфликт является одновременно национальным или во всяком случае имеет такую сторону, будь то «ура-патриотическое», сепаратистское или религиозное движение.

Далее, конфликты, проистекающие из противоречий интересов в сфере труда, здравоохранения, социального обеспечения, образования. Они тесно связаны с двумя названными выше видами конфликтов – экономическим и политическим. Эти конфликты не так непосредственно зависят от природы общественного строя, и масштабность их не столь велика. То же можно сказать и о бытовых конфликтах между людьми по месту их работы или жительства.

3. Иные типологии.

Возможны и другие виды классификации конфликтов: по количеству участников, по степени урегулированности, по мотивам и т.д. Некоторые из этих видов конфликтов представлены на схеме, на других мы официально остановились ранее.

По сути дела многие особенности конфликта могут быть основаниями для типологизации. Таково, например, деление конфликтов по их длительности (долгосрочные, краткосрочные), по ресурсам (материальные, духовные, социальные), по степени ограниченности в пространстве и времени, по субъектам и т.д.

Понятно, что в рамках конфликта какого-либо типа возможна дальнейшая классификация. Приведем одну из них, относящуюся к межнациональным конфликтам[4].

а) Конфликты «неуправляемых эмоций». Речь идет о конфликтах-бунтах или погромах. Для подобных конфликтов характерна неопределенность целей организаторов беспорядков, случайность конкретных событий. Часто внешние признаки таких событий скрывают за собой непростые до конца истинные причины. Это подтверждает анализ драматических ферганских событий 1989 г., когда погромам подверглись ни в чем не замешанные турки-месхетинцы, а также события в бывшей Югославии, во многом не поддающиеся рациональному толкованию.

б) Конфликты «идеологических доктрин». Они связаны с политическими, национальными, религиозными движениями и имеют более или менее давние исторические корни. Национальные требования формируются стихийно, а разрабатываются идеологами-теоретиками. Сторонники определенной идеи готовы пожертвовать за нее самой жизнью, поэтому такие конфликты могут носить длительный и ожесточенный характер. К такого рода конфликтам могут относиться споры по поводу принадлежности территорий, по поводу их государственного или административного статуса, неурядицы в связи с возвращением ранее депортированных народов и т.д.

в) Конфликты «политических институтов». Это в основном споры о границах, о взаимоотношениях органов власти, о юрисдикции, о роли политических партий и движений и др. «Война законов» и «парад суверенитетов» относятся к числу конфликтов именно этого типа.

Наконец, можно выделить полностью институционализированные конфликты (типа дуэли) и в то же время конфликты, протекание которых не урегулировано никакими механизмами. Если в конфликтах институционализированных существуют и действуют общие для сторон правила, согласно которым и разрешается проблема,

то во втором типе конфликтов согласие сторон сведено к минимуму или вообще отсутствует и борьба развивается без ограничений. В промежутке между этими крайними полюсами наблюдается большое разнообразие видов противостояния сторон, которые урегулированы хотя бы частично.

К какому виду конфликтов относится война? Вероятно, ко второму, но с известной оговоркой: человеческое общество в течение многих столетий вырабатывало и пыталось реализовать целый ряд правил ведения военных действий. В международном праве существуют «законы и обычаи войны», заключены конвенции почти между всеми государствами по этим вопросам, что, конечно, отнюдь не означает, что эти правила и нормы всегда и везде соблюдаются.

4. Типология юридического конфликта.

Общие соображения о типологии конфликтов вполне применимы и к конфликтам юридическим.

Последние, как и многие другие, могут подразделяться на глобальные и региональные; групповые и межличностные; ситуационные и позиционные; конфликты интересов и когнитивные; быть острыми, вялотекущими, возобновляющимися. Однако специфика юридического конфликта заключается в другом. Она определяется юридическими характеристиками. К ним можно отнести: отрасль права, к которой может быть отнесен конфликт; структуру нормы, к нему относящейся; разновидность правоприменительного учреждения и др.

С точки зрения деления по отраслям права, конфликты возможны в каждой из них. Как показывает судебная и арбитражная практика, наиболее распространены конфликтные взаимоотношения, связанные с вопросами гражданского, трудового, финансового, семейного права. Нередки экологические и хозяйственные конфликты, подпадающие под воздействие норм административного права. Количественно не столь распространены, но зато наиболее опасны конфликты, относящиеся к сферам действия уголовного, уголовно-процессуального, исправительно-трудового права.

Особую группу составляют международные и межнациональные конфликты, регулируемые нормами международного права, договорами и соглашениями государств, а также внутренним (конституционным) законодательством.

Как отмечалось выше, есть много смешанных вариантов конфликтных взаимоотношений. Например, конфликт между общественной организацией (политической партией, профсоюзом) и государственными органами может в период своего возникновения вообще не иметь юридического характера, но затем оказаться правовым и подпадать под действие тех или иных законодательных норм (конституционного, административного, финансового права и т.д.). Смешанные типы юридических конфликтов нередки и при взаимоотношениях граждан, в особенности при долго текущих ссорах и склоках по месту работы или жительства. Так, конфликт, начинающийся как семейная ссора, может перерасти в административное правонарушение или даже преступление (побои, хулиганство); в учреждении административные взаимоотношения перерастают в трудовой, а порой и в политический конфликт, регулируемый разными отраслями права, вплоть до конституционного (право на забастовку). В сфере национальных отношений конфликты с юридической точки зрения часто имеют многоотраслевой характер: в них могут быть вовлечены, например, нормы конституционного, административного, гражданского, уголовного и процессуального, а также международного права.

Отрасль материального права, к которой относится конфликт, не предопределяет полностью те процессуальные средства, которыми этот конфликт может быть разрешен. Например, гражданские дела могут быть рассмотрены судом или арбитражем, возможен также третейский суд или административная процедура (например, расторжение брака в органах загса). В последующем изложении юридическим процедурам рассмотрения конфликтов мы уделим особое внимание.

Остановимся теперь на типологии юридических конфликтов в зависимости от природы соответствующих правовых норм. Вообще говоря, в основе конфликта может лежать различное толкование и понимание (либо несоблюдение, нарушение) практически любой нормы права: уполномочивающей, обязывающей или

запрещающей. Понятно, что в последнем случае конфликты происходят чаще. Но характер нормы сказывается не только на частоте конфликтов, но и на его субъектах. При уполномочивающей норме конфликт может скорее возникнуть между уполномоченным субъектом и частным лицом – физическим или юридическим, чьи интересы, как оно полагает, нарушены или могут быть нарушены уполномоченным субъектом. Приведем пример.

В 1993 г. в Подмосковье государством были выделены земельные участки для строительства дач довольно большому числу граждан. Этому воспротивились жители соседних деревень, ранее использовавшие выделенные дачникам земли для сенокоса и выпаса скота. Конфликт, как видно, возник между лицами, имеющими право на земельные участки, и теми, кто пользовался ими в силу неписаной традиции. Этот конфликт был разрешен местными властями путем выделения для нужд местного населения других земельных угодий. Попутно заметим, что в данном конфликте участвовали, как это присуще юридическому конфликту, не две стороны, а три: дачевладельцы, жители деревни и местные органы власти.

В случае применения обязывающей нормы круг субъектов конфликта может быть шире. Он возможен как между обязанным лицом и государством (в случае невыполнения обязанности), так и между этим лицом и его контрагентами. Дело в том, что обязанность связывает не только физических и юридических лиц, но и государство как гаранта ее исполнения. Представим себе случай, что контролер в автобусе, исполняя свою обязанность, пытается оштрафовать безбилетного пассажира, а тот уклоняется от уплаты штрафа и вступает в спор. Если контролер, не желая вступать в конфликт с безбилетником, просто отпустит его, он автоматически вступит в другой конфликт – с государством.

При применении запретительных норм конфликты, как отмечалось, состоят главным образом в том, что соответствующее физическое или юридическое лицо нарушает эти нормы. Типичным примером могут служить правонарушения в области охраны окружающей среды.

К только что названной типологии примыкает классификация юридических конфликтов по системе государственных правоприменительных или правоохранительных органов. Она удобна в том отношении, что дает представление о компетенции этих органов в случае возникновения конфликтных ситуаций. Эта компетенция достаточно четко определена применительно к правоохранительным органам (суду, арбитражу, прокуратуре, милиции и т.д.). Однако, если конфликты возникают в связи с работой других государственных учреждений, министерств, ведомств, управлений, отделов, префектур, мэрий и т. п., нередко путаница волокита, пересылка бумаг из одной инстанции в другую и т.д. Сравнительно недавно введенный порядок обжалования незаконных действий должностных лиц и государственных органов дает возможность активизировать борьбу с этими негативными явлениями. Однако применяется он еще довольно редко.

Классификация конфликтов по системе органов полезна прежде всего для граждан, которые должны иметь четкую информацию о том куда следует обращаться для разрешения спорных вопросов.

[1] Подр см.: Социологические исследования 1992 №3 С. 104—114.

[2] Подр см.: Социологические исследования 1992 №3 С. 104.

[3] Подр см.: Мировая экономика и международные отношения. 1989 № 9; Общественные науки 1990 № 5.

[4] См.: Социальные конфликты. Вып. 2 М., 1992 С. 123 и сл.

§ 12. КОНФЛИКТЫ В СФЕРЕ ПОЛИТИКИ

1. Субъекты политического конфликта.

Трудности анализа и тем более предупреждения и разрешения политических конфликтов связаны с самим их характером. Эти конфликты возникают из различий

интересов, соперничества и борьбы социально профессиональных, этноконфессиональных и иных групп, слоев, общностей и даже индивидов в процессе приобретения, перераспределения и реализации политике государственной власти, овладения ведущими позициями (депутата, президента, министра, судьи, лидера политической партии и т.д.) в институтах и структурах этой власти.

Истоки политических конфликтов коренятся в самой природе политики, в политической системе общества и ее ядра – государства. Необходимость в политике и ее институтах вытекает из потребностей организации управления любым человеческим сообществом – начиная с рода, племени, фратрии и кончая национальным государством, межгосударственными объединениями и всемирными организациями государств (ООН и ее специализированные организации), – которые неизбежно порождают деление членов этих сообществ на правящих и управляемых, обладающих политико-государственной властью и безвластных или обладающих ею в незначительной степени.

Политико-государственное управление создает формальные, т.е. закрепленные на определенном этапе развития человеческой цивилизации в нормах права, и неформальные иерархически организованные позиции власти. В традиционных обществах «для простых смертных участие в общественной жизни сводилось к участию в массовых шествиях и многочисленных собраниях, сопровождавших религиозные праздники, к выполнению трудовых повинностей, своевременной уплате налогов или несению военной службы. Для огромного большинства членов общества вся политическая деятельность заключалась в соблюдении лояльности общине (кварталу, поселению), родне и царю»[1]. За исключением краткого периода демократии в ряде городов-государств в Древней Греции подавляющее большинство населения вплоть до начала XX в. было отстранено от прямого участия в политике. Оно вторгалось в политику, становилось субъектам политических конфликтов в форме восстаний, бунтов, революций, забастовок и митингов, демонстраций лишь в ситуациях социально-экономических и политических кризисов.

Ситуация изменилась с возникновением представительных учреждений государственной власти и наделением избирательным правом сначала третьего сословия, а затем постепенно и всего взрослого населения. Структура и процессы политических конфликтов заметно усложняются и по мере того, как независимую политическую роль начинают играть не только представительные учреждения (прежде всего парламенты), но и суды, т.е. по мере того, как утверждается система разделения властей. Этому же способствуют появление и институционализация профсоюзов, политических партий и других общественно-политических организаций и движений. Эти же организации и движения являются основными инструментами мобилизации своих членов и сторонников на борьбу за устранение неравенства, дискриминации и других несправедливостей, перевода латентных политических конфликтов в открытые[2].

В современных условиях субъектами внутренних политических конфликтов являются, таким образом, как отдельные индивиды, группы, слои, нации, различные социальные общности, так и их организации. На международной арене в условиях глобализации всех сторон жизни человечества субъектами международных политических конфликтов выступают уже не только государства, союзы государств и их организации, но и сами народы, международные неправительственные организации и движения, например международные профсоюзные и партийные организации, международные экологические движения и движения за предотвращение войны и разоружение.

Эрозия когда-то почти непроницаемых границ между внутренними и международными политическими конфликтами привела к существенным изменениям конфигурации этих конфликтов. Теперь уже недостаточно выделять и раздельно анализировать межличностные, межгрупповые, классовые и иные политические конфликты, возникающие на различных уровнях социально-классовой и этноконфессиональной структуры общества. Они не только взаимосвязаны, на них оказывают все возрастающее влияние международно-региональные и глобальные

процессы и конфликты. И наоборот, социальные и глобальные процессы и конфликты все в большей степени воздействуют на политические конфликты более низкого уровня. Как справедливо отмечает видный венгерский ученый, «едва ли можно понять тот или иной конфликт изолированно от явлений, происходящих на других уровнях»[3].

2. Мотивы политического конфликта. Интересы сторон.

Специфика конкретного политического конфликта определяется не просто его уровнем, а особенностью его субъектов. Так, на уровне межличностных политических конфликтов существенную роль играют интересы и мотивы индивидов, их социально-психологические свойства. В числе последних особенно важны такие черты личности, как воля, честолюбие, организаторские и иные способности, которые составляют качества политического лидера. Члены элиты, лидеры благодаря своим личностным свойствам, возможностям мобилизовывать своих сторонников и иным ресурсам играют непропорционально их численности большую, нередко решающую роль в политических конфликтах. По мере укрупнения субъектов политических конфликтов и, соответственно, повышения уровня конфликтов в действие вступают интересы и факторы среднего и социального уровня[4]. Предметом политических конфликтов становятся права и свободы не просто отдельного человека или малой группы, но уже социальных групп и слоев, отдельной социальной общности и всего сообщества.

Борьба за справедливое распределение благ и ресурсов, за социально-политическое и экономическое равенство составляла в течение длительного периода истории человечества ядро политических конфликтов. И лишь с появлением индустриального общества с его материальным благополучием для большинства населения центр политических конфликтов смещается в область борьбы за стиль жизни, за социокультурную и этноконфессиональную автономию. До постиндустриального общества, т.е. до 60—70-х годов XX в., в известной степени было справедливо марксистское положение о центральном социально-экономическом и политическом конфликте, возникающем из борьбы основных классов. Но и в эти периоды к центральному конфликту примыкали, а в ситуации межэтнических, межконфессиональных столкновений и войн в него входили политические конфликты на указанной основе или конфликты даже на межкультурной основе.

3. Особенности возникновения и развития политического конфликта.

На особенности возникновения и развития политических конфликтов влияют как названные обстоятельства, так и тип политической системы и режима, особенности политической культуры. «Конфликт более всего присущ политике новых и менее стабильных систем, — пишет П. Шаран, обобщая исследования западных политологов, — здесь он включает в себя соперничество не только по частным политическим вопросам, но и по основным целям политики, природе и масштабам власти, так как главная характеристика подобных обществ — отсутствие консенсуса в таких понятиях, как природа власти, ее субъекты, размах правительственной деятельности и способы правления»[8]. Относительная бесконфликтность традиционных застойных систем связана с их ориентацией на самосохранение и неизменность.

Идея развития становится доминирующей ориентацией и ценностью в либерально-демократической системе Запада. В русле западной же цивилизации возникает еще более радикальная концепция развития — концепция социалистической революции. В первом случае либерализм уравнивался консерватизмом, а политические конфликты умерялись благодаря расширяющемуся плюрализму и открытости общества, его высокой адаптивности как к технологическим и управленческим, так и к позиционно-статусным новациям и порождаемым ими конфликтам. Во втором случае монархизм и антидемократизм в форме сталинского тоталитаризма или этатистско-бюрократического авторитаризма породили опору на репрессивные меры в

отношении конфликтов. Общества с экономическим и политическим рынками не устраняют истоков политических конфликтов. Они создают условия для их относительно свободного проявления, преимущественно ненасильственного урегулирования и разрешения, а также для поиска консенсуса. В ситуации поглощения общества государством, огосударствления собственности, отрицания любого инакомыслия, установления монопольной идеологии почти все конфликты политизируются и загоняются вглубь либо подавляются. Политические конфликты при демократии помогают сохранению гибкости системы, ее подвижности по отношению к окружающей среде. Однако функциональность политических конфликтов и в демократическом обществе имеет предел, ибо «чем больше коэффициент нестабильности, тем большая асимметричность будет проявляться в структуре конфликтного поведения сторон, в размерах их конфликтного поля и ориентации на стратегии решения. Через такого рода асимметричные конфликты отражается структурная аномальность общества...»[5].

Динамика политических конфликтов при всем различии их типов и видов проходит в своем развитии, как правило, те же стадии (этапы), что и другие конфликты: потенциального конфликта, перехода потенциального конфликта в реальный, конфликтных действий и разрешения конфликта. При этом характер и содержание этих стадий, модели поведения сторон зависят от многих факторов[6]. К числу важнейших из них относятся особенности истории и политико-правовой культуры данного общества. Например, в США исторически государство и чиновничество распоряжались значительно меньшими долями национальных ресурсов, чем в странах Восточной Европы и в России. В сочетании с системой разделения властей и с культурой разрешения большинства конфликтов путем судебного разбирательства США демонстрируют способность избегать, как правило, насильственных форм разрешения политических конфликтов.

В известной степени антиподом США являлась царская Россия с ее почти тысячелетним абсолютистско-бюрократическим режимом, отсутствием легальных каналов для выражения подавляющим большинством населения своего недовольства и разрешения конфликтов. Поэтому основными формами выражения политических конфликтов в России стали бунты, а затем революция и гражданская война. Конфликтогенность страны сегодня многократно увеличивается в связи с быстрой и крайне болезненной, а для части общества насильственной трансформацией его в постсоциалистическое, а теперь и в постсоветское общество. Всего лишь за несколько лет россияне оказались в совершенно ином политико-географическом и государственном пространстве после распада СССР и в иной социально-экономической и политической системе. Глубокие изменения в социально-политической стратификации и структуре общества сопровождаются и частично вызываются радикальным перераспределением собственности и власти. Коренной ломке подвергаются практически все стороны жизни общества и человека. И если, согласно многочисленным опросам общественного мнения, для одних это долгожданная и желанная революция, то для других – это контрреволюция, крушение привычных устоев жизни и надежд на будущее. Политическая поляризация общества отягощена такими особенностями российской политической культуры, как ее идеологическая дихотомичность – каждого расставляют по ту или иную сторону баррикад – и отсутствие традиции политического компромисса, нетерпимость к инакомыслящим: не наши – значит враги, и их следует уничтожать, если они не сдаются. Поэтому почти все сколько-нибудь значимые конфликты сегодня идеологизируются и политизируются.

Названные и ряд других обстоятельств объясняют специфику и динамику политических конфликтов в России. Чрезвычайно затянулась стадия потенциального конфликта в бывшем Советском Союзе, где вплоть до «перестройки» политические конфликты отрицались, загонялись вглубь, обостряя противоречия в обществе. Запущенность конфликтов, а также неспособность бывшего советского руководства предвидеть и правильно оценить характер, интенсивность и степень опасности латентных конфликтов привели почти к мгновенному их перерастанию в явные и неконтролируемые конфликты. Если к этому добавить особенности политической

субкультуры российской интеллигенции (так точно описанные еще в «Вехах»), отсутствие в обществе легальных и иных легитимных механизмов разрешения конфликтов, то острота и разрушительность их проявления были во многом предопределены.

4. Юридические аспекты политического конфликта.

Образование независимого Российского государства не устранило, да и вряд ли могло сразу устранить основные причины конфликтов, вызванные ускоренной модернизацией общества сверху. Демонтаж старой политической системы и ликвидация прежней идеологии и ценностей не позволили быстро выработать эффективные государственные институты и процедуры политико-государственного управления. Между тем почти любой политический конфликт тесно связан с ними, а также с юридическими нормами. Политический конфликт имеет, как правило, юридический аспект и/или тесно переплетен с юридическими конфликтами. Не случайно в обществе развернулась столь ожесточенная политическая борьба вокруг проекта новой Конституции РФ, проектов законов о политических партиях, выборах, референдуме и др. Ибо от внешне формальных юридических процедур, определяющих, например, кто и как может выдвигать кандидатов в депутаты, каковы критерии образования избирательных округов и участков, как распределяются финансовые средства и эфирное время во время избирательной кампании, кто может назначать общероссийские региональные и местные референдумы, зависит расстановка социально-экономических и политических сил в обществе. Эти же правила и процедуры во многом определяют механизм предотвращения и разрешения политических конфликтов[7].

[1] Клочков И.С. Духовная культура Вавилонии. Человек, судьба, время. М., 1983 С. 150—151.

[2] Подр см. Здравомыслов Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб., 1993. С. 121—126.

[3] Кульчар К. Политический конфликт/Политология вчера и сегодня. М., 1991. Вып. 3 С. 169.

[4] Шаран П. Сравнительная политология. М., 1992. Ч. 2 С. 24.

[5] Скакунов Э.И. Методологические проблемы исследования политической стабильности//Международное исследование. 1992. № 6. С. 35—36.

[6] См.: Амелин В.Н. Социология политики М, 1992 С. 149—160, Иванов В.Н. Смолянский В.Г. Политическая социология (Очерки) М, 1992 С. 42—46.

[7] См.: Чумиков А. Н. Социально-политический конфликт: теоретические и прикладные аспекты. М., 1993. Гл. IV.

§ 13. КОНФЛИКТЫ В НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ СФЕРЕ

1. Понятие.

Процессам общественной жизни всегда сопутствуют противоречия, конфликты, и среди них – юридические конфликты как противоборство физических и юридических лиц по поводу правовых актов и норм. Одна из сторон стремится к противоправному изменению статуса и юридического состояния субъектов права, другая защищает прежние статусы и состояния.

Конфликты в нормативно-правовой сфере отличаются от других видов юридических конфликтов тем, что речь идет о собственно юридических противоречиях. Они возникают не только в процессе правотворчества, но и в процессе правоприменения, отражают своего рода внутренний цикл жизни права, технологию его развития и функционирования. Естественно, противоречия правовых актов и норм, их коллизии – главный объект конфликтов такого рода[1]. Но это не «безликие» нормативные противоречия, ибо акты и нормы порождаются, применяются и толкуются людьми,

имеющими свои интересы. В таких конфликтах всегда активно действует «юридический человек».

Поэтому отличительной чертой нормативно-юридических конфликтов является их «адресный характер» – возникновение по поводу разных актов и правовых норм. Часто противоречия обостряются в связи с неодинаковым отношением к одной и той же норме тех или иных должностных лиц, государственных органов, партий, общественных движений и граждан, разным пониманием ими смысла нормы, объема и пределов ее действия, круга лиц, на которых она распространяется. Нередко проявляется «избирательность» в выборе норм для применения в конкретных ситуациях, связанная с предпочтениями, ложными исходными позициями, мотивацией.

Научные концепции по-разному объясняют феномен конфликтности в праве. В теории американского права коллизийность рассматривается как объект правового регулирования, как проявление различий между правом формальным и неформальным, законом и договором, соглашениями[2]. В отечественной литературе нормативно-юридический конфликт в полном объеме не получил отражения ни в трудах по теории права, ни в работах по проблемам отдельных отраслей права[3]. Дело сводится лишь к статичной характеристике разных правовых актов, правонарушений и ответственности.

Нормативно-юридический конфликт носит двойственный характер. Во-первых, он - может возникать в собственно нормативно-юридической сфере, когда в его эпицентре находятся государственно-правовые явления. Это подрыв и ослабление государственной власти, целостности государства, отчуждение граждан от государственных институтов, отступления от конституции, принципов и правовой системы, массовые нарушения законодательства и прав граждан.

Во-вторых, нормативно-юридический конфликт может быть причиной, а затем составной частью другого юридического конфликта, а также выступать в качестве элемента более общей конфликтной ситуации.

Природу нормативно-юридического конфликта нельзя понимать как явление одномерное, выражающееся в одномоментном столкновении «правосущего», «праводолжного». Это сложное явление со своими подвижными элементами. Причем каждый из этих элементов выступает в двух аспектах – как часть нормативно-правовой системы и правопорядка и как элемент деформирующейся правовой системы и юридической деятельности. Во втором случае указанные элементы нужно тщательно анализировать в тех последовательностях и связях, которые присущи развивающемуся юридическому противоречию.

В качестве первого элемента юридического конфликта выделим различия в правопонимании как базовые для формирования массового правового сознания. Обострившийся спор по поводу понимания права как выражения общечеловеческих ценностей или как «писаного права», норм законов и иных актов приобрел очевидную практическую направленность. Сторонники гуманитарной трактовки сеют недоверие к любой нормативной системе, законам и законности, давая повод каждому определять меру отношения к нормам[4]. Видя коллизию между «писаными нормами» и демократическими правовыми принципами, мы обращаем внимание на возможности ее преодоления путем признания актов оспоримыми, дефектными, неконституционными и незаконными, наконец, путем проведения референдума.

Разные правовые взгляды, отражающие неодинаковый уровень правосознания и правовой культуры, служат первопричиной будущих юридических конфликтов. Правовой нигилизм[5], искажение смысла норм, неверное понимание иерархии актов, произвольный выбор отдельных норм, оказание предпочтения целесообразности перед законностью – таков диапазон оценок и позиций подобного рода. Слом прежних политико-правовых ценностей и институтов привел в последние годы к резкому ослаблению нравственно-мировоззренческих устоев и как следствие – к почти полной «правовой несвязанности».

Отсюда различные правовые установки: «не соблюдать», «избегать», «нарушать», «ждать», «провоцировать» отход от права, «не исполнять». Формируются негативные правовые мотивы, побуждающие к сужению зоны правомерного поведения и к

неправомерным действиям. А за этим следуют, естественно, нарушения законности, выражающиеся в издании актов с нарушением их иерархии, нарушениях компетенции субъектов, противоправных действиях и бездействии, препятствиях законной деятельности, во внеправовом образовании организаций, в произвольном изменении статуса субъектов права. Такие правонарушения можно считать вторичными причинами нормативно-юридических конфликтов.

2. Проявление конфликтов.

На первый взгляд, нормативно-правовые конфликты представляют собой лишь внешнее столкновение правовых актов. Но это не совсем так, поскольку движением актов управляют люди, группы, партии, органы. Различие интересов – временное или постоянное – предопределяет как несходство позиций, обусловленное статусом участников правоотношений, так и несовпадение правовых и реальных социальных ролей. Играя «не свою роль», участник конфликтных ситуаций нередко по-своему определяет содержание и форму принимаемого акта, его связь с другими актами, а точнее, отношение к людям и организациям, чьи интересы они выражают. Конфликт норм становится отражением конфликта людей.

Уместно кратко охарактеризовать наиболее типичные проявления нормативно-юридических конфликтов. К их числу относятся:

а) противоречия между нормами одного правового акта, которые дают повод по-разному их интерпретировать и применять (например, коллизии норм, содержащихся в ст. 3 и 104, п. 19 ст. 109, в ст. 1216, 121s Конституции Российской Федерации 1978 г., служили причиной и аргументом в противоборстве Верховного Совета и Президента в 1993 г.);

б) несоответствия конституций республик и уставов краев, областей, других субъектов Федерации положениям Конституции России, что служит поводом для сепаратистских настроений и действий;

в) отступления законов от норм Конституции, когда обостряются споры о неконституционности законов, о степени их юридической силы, о реальном авторитете в обществе;

г) нарушения баланса между законами Федерации и законами республик в ее составе, совершаемые ради превалирования интересов центра и мест в той или иной сфере (таковы противоречащие друг другу положения законов о собственности, о приватизации предприятий и др.);

д) противопоставление законов и указов Президента Российской Федерации. В последние годы указы довольно часто «опережали» принятие законов и заполняли «пространство», подлежащее законодательному регулированию;

е) противоречия между законами и подзаконными актами, когда правительственные и ведомственные акты либо игнорируют законы, либо отступают от них, дают произвольные разъяснения. Например, немалая часть разъяснений, инструкций государственной налоговой службы, министерств финансов, труда содержит вольные толкования законов о налогах, оплате труда. И здесь в основе лежит превратное представление о разделении властей;

ж) преувеличенное значение локальных актов как местных органов, так и администрации предприятий, организаций; превышение «общенормативного уровня», установленного законом;

з) противоречия между нормами и актами разных отраслей законодательства, возникающие вследствие несогласованности в законодательной работе или давления групп, организаций. Таковы коллизии между некоторыми нормами административного, гражданского и земельного законодательства о режиме собственности, о полномочиях местных органов, о статусе предприятий;

и) противоречия между общепризнанными нормами международного права, ратифицированными международными договорами и национальным законодательством. Здесь источник нормативно-юридических коллизий. Кроется прежде всего в несовпадении правовых доктрин и взглядов, курсов внешней политики. Их сближению мешает отсутствие процедуры реализации международных норм в правовой системе России, когда задерживается ратификация, нет

информации об этих нормах, ведомства не приводят свои акты в соответствие с международными нормами, суды не применяют последние.

Ввиду сложности федеративного устройства Российского государства и построения его аппарата возникает много нормативно-юридических конфликтов компетенционного характера. Причиной их служат неточные и неопределенные нормативные характеристики прав, обязанностей, ответственности и взаимоотношений между федеральными органами, между органами Федерации и ее субъектов, между органами субъектов, между государственными органами и местным самоуправлением, хозяйствующими субъектами в Конституции, законах и Положениях. Такие факты часто встречаются на практике.

Другая причина заключается в устойчивости плохой традиции «выходить» за пределы статуса органа. В силу неосведомленности, а нередко и намеренно государственные органы вторгаются в сферу других органов, мешают им действовать целеустремленно и слаженно и берут на себя выполнение не свойственных им функций. В итоге обостряются отношения органов на федеральном уровне, между должностными лицами органов Федерации и ее субъектов; противостояние органов влечет за собой конфликт между органами государства и населением, между центром и регионами. Узел противоречий затягивается все туже...

Нормативно-юридический конфликт, как и всякий иной, по-разному проявляется в различных отраслях законодательства. Если юридический конфликт того или иного вида не удастся преодолеть, то происходит обострение противоречий и нередко коллизии ситуации одного типа перерастают в конфликтные ситуации другого, подчас в комплексные по объему противоречий. А в них уже меняются намерения и роли участников, их отношение к предмету спора. Ряд использованных средств остаются безрезультатными, и приходится прибегать к другим, подчас насильственным способам разрешения конфликта.

Своеобразие нормативно-юридического конфликта в конституционной сфере заключается в том, что он «прорывает» конституционную, правовую ткань государства и общества. Конфликт наносит удар прежде всего по Конституции, а также по конституционному и административному законодательству. Это объясняется характером объекта юридического конфликта, который касается преимущественно вопросов власти и управления.

Анализ ситуации в России показывает: конституционная реформа, проводимая без четкой программы, «рывками», явилась катализатором конституционного кризиса из-за противостояния властей. Кризис охватил все ветви власти, ослабляя их функционирование. Сепаратистские действия нарушают целостность федеративного устройства. Не обеспечивается реализация принципа народовластия из-за непреодоленной тенденции усиления исполнительной власти, бюрократизации и коррумпированности аппарата. Монархические настроения – один из симптомов обострившейся конфликтной ситуации. Не удастся реально обеспечить конституционный статус граждан. К тому же расшатываются конституционные основы экономической системы, в связи с тем что неустойчивость форм собственности и режимов их использования не гарантирует роста производства и прочности хозяйственных связей. Ослабли государственные границы, проникновение через них в любой форме не составляет труда. Суверенитет Российской Федерации нуждается в серьезной защите.

Если конституционный конфликт в силу своей значимости чаще всего порождается политическими причинами и как бы вырастает из политического конфликта, то в собственно юридической сфере наиболее остро конфликт проявляется в сокрушении правовой системы. Устойчивое нигилистическое отношение к праву, усиливаемое периодически борьбой за власть, сепаратистскими тенденциями, выражается в падении престижа Конституции, в резком ослаблении роли закона, в увеличении удельного веса подзаконных актов. Юридическое противодействие субъектов Федерации ведет к непризнанию на их территории действия федеральных актов. Население же вообще подпадает под власть стереотипа непослушания и неисполнения законов и иных актов, что становится источником конфронтации

одобряемого поведения. Санкции применяются редко. Правовая система распадается...

Поэтому наиболее ярким выражением нормативно-юридического конфликта служит паралич правовой системы и развитие деструктивных явлений в ней. Резко нарушаются внутрисистемные связи. Многие акты принимаются произвольно, а присвоение права на издание актов становится средством деятельности органов и организаций. Губительный характер приобретает систематическое игнорирование и массовое невыполнение законов и иных актов, когда усмотрение становится квазинормой деятельности, когда не срабатывает механизм ответственности. Нередко из-за конфликтов задерживается ратификация международных договоров.

3. Взаимосвязь конфликтов.

Естественно, почти любой юридический конфликт может перерасти в конституционный. Например, в области трудовых отношений противостояние как бы перемещается с локального и ведомственного уровня на государственный. Экономические требования перерастают в политические. Забастовки по профессиям и регионам в России и на Украине в 1993 г. характеризовались именно такой трансформацией, перерастая в требования проведения референдума о доверии Президенту Украины, отставки правительства России, решения политических и иных проблем. А конфликты по поводу приватизации предприятий, жилья в регионах периодически приобретают смысл более острых нормативно-юридических конфликтов. Противоборство властей в центре и на местах, партий и общественных движений ведет к столкновению президентских и правительственных институтов с парламентом, к острой критике принятых ими правовых актов. Это вынуждает корректировать законы, указы, постановления, хотя противоречия между ними в данной сфере остаются.

Болезненным является гражданское неповиновение, известное в прошлом скорее по иллюстрациям из зарубежной жизни. Теперь нам приходится переживать это самим: налицо открытое игнорирование населением положений конституции, законов, указов и постановлений, непослушание властям, забастовки, митинги и пикетирование.

Крайне нежелательно создание альтернативных структур власти, незаконное наделение теми или иными правами общественных объединений, съездов, национальных конгрессов, формирование вооруженных отрядов. Все эти опасные действия свидетельствуют о недоверии официальным властям и стремлении решать дела по собственному усмотрению.

Нормативно-юридический конфликт может выражаться в массовых нарушениях прав человека и национальных меньшинств. Ограничения прав граждан, их масштабное несоблюдение, дискриминация граждан по национальному признаку уже привели к потоку беженцев и вынужденных переселенцев. Международное сообщество в лице своих институтов резко критикует подобные ситуации, осуждает правительства и вносит свой вклад в урегулирование конфликтов.

4. Динамика конфликта.

Нетрудно заметить, что нормативно-юридический конфликт всегда развивается по определенным стадиям. Некоторые исследователи считают такой ход событий искусственным, неестественным и предлагают конструкции, решения, устраняющие конфликт. Большинство ученых считают главной линией в уже выявившемся конфликте не столько его предотвращение и устранение, сколько управление им, которое позволяет минимизировать потери и оптимизировать сферы общественной жизни с помощью некоторых средств. К их числу относят институционализацию, т.е. установление норм и правил разрешения конфликта, структурирование коллективных объектов – носителей интересов, редукцию конфликта, т.е. последовательное его ослабление путем перевода на другой уровень, а также информационное и энергетическое противоборство[6].

Думается, в этих рассуждениях есть и полезные, и спорные положения. Вряд ли нормативно-юридический конфликт есть искусственное образование. Его надо

рассматривать в контексте общественного развития, не считая очевидным отклонением от нормативной модели общества и устройства его сфер, государства, органов, статуса граждан и их объединений, хозяйствующих субъектов. Осмысление нормативно-юридического конфликта в узле противоречий позволяет верно определять способы его регулирования путем как введения специальных режимов, актов и норм, процедур, так и их включения в общие тематические и статутные акты. Удачным примером могут служить принятые в Швеции Закон о посредничестве в трудовых конфликтах 1920 г., Закон о специальном третейском суде в трудовых конфликтах 1920 г., которые были отменены и как бы поглощены в части норм, регулирующих конфликты. Законом «О совместных решениях в трудовых отношениях» 1976 г. В этом законе есть обязательства работодателя и работополучателя по соблюдению мира и недопущению мер борьбы, предусмотрены процедуры посредничества и переговоров по урегулированию конфликта, а также судебного разбирательства.

Можно с уверенностью утверждать: полезность юридических правил поведения в предконфликтных и конфликтных ситуациях подтверждена отечественной и зарубежной практикой. Эти правила должны быть сопутствующим элементом закона, иного правового акта, например статусных законов о правительстве и иных органах федеральной исполнительной власти, о местном самоуправлении, предприятиях и т.п., а также тематических законов в сферах культуры, образования, землепользования и т.д.

Совершенно необходимы специальные правила, процедуры разрешения не только хозяйственных, трудовых, земельных, экологических и иных споров, но и юридических конфликтов в сфере конституционного, административного, налогового права. Например, вполне оправданы специальные процедуры рассмотрения межтерриториальных споров, споров о компетенции, о противоречиях законов и подзаконных актов, о нарушениях прав в информационной сфере, о межнациональных конфликтах, о правах налогоплательщиков и др. Здесь, как видно, рассмотрение споров выступает как процессуальная стадия разрешения нормативно-юридических и иных конфликтов. Так, Положение о судебной палате по информационным спорам впервые устанавливает порядок рассмотрения коллизий в связи с реализацией гражданами конституционного права на информацию.

Надо иметь в виду, конечно, и возможность принятия мер по изменению юридического состояния и статуса субъектов в случае выявления положительного потенциала конфликта. Как уже отмечалось, нормативно-юридический конфликт может выражать не только отклонение от норм, но и прогрессивные тенденции, требующие преобразований и реформ. В этом потенциальный «пафос» конфликта, и его нельзя не замечать и игнорировать. Такова логика общественного развития, объективно требующая глубокого и систематического анализа происходящих процессов и оценки «конфликтной информации», своевременного выявления юридических и связанных с ними противоречий и выработки стратегии их преодоления, разрешения. В данной сфере спутником не только познавательного процесса, но и любого вида деятельности должно быть прогнозирование. Тогда можно предвидеть заранее юридические конфликты, временные, порожденные, например, неурегулированностью полномочий государственных органов, желанием ряда областных органов своими решениями преобразовать области в республики. Неизбежны и постоянно возникающие конфликты из-за различий в правопонимании и правовых ролях, которые выбирают и играют участники конфликта, из-за нарушаемых соотношений различных правовых актов, споров о компетенции органов, притязаний сторон на установление нового правового порядка. И тут помогло бы прогнозирование, которое позволит предвидеть «завязки» конфликтов и возможные варианты их развития, а также избирать пути движения и средства, позволяющие уменьшить либо вовсе не допустить такие конфликты.

В прошлом коллизионное право всегда трактовалось как механизм разрешения противоречий между нормами национального и международного права: коллизионные нормы предусматривают различные способы «привязки» к спорным ситуациям. Лишь недавно Конституция России и Федеративный договор признали

федеративное коллизийное право. По нашему мнению, есть достаточные основания для формирования общей процессуальной отрасли «коллизийное право» с более широким объемом и содержанием. Она может состоять, во-первых, из принципов и норм о восстановлении нарушенных связей внутри правовой системы; во-вторых, из норм о преодолении противоречий в компетенции субъектов права; в-третьих, из «резервных» норм на случай несовпадения норм разных правовых систем, в том числе международного права; в-четвертых, из разных видов согласительных процедур; в-пятых, из статутных норм о специальных органах по разрешению коллизий (например, о третейском информационном суде, созданном в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 29 октября 1993 г. «Об информационных гарантиях для участников избирательной кампании 1993 г.»); в-шестых, из норм, предусматривающих порядок разрешения споров в договорных отношениях.

[1] См. подр.: Тихомиров Ю. А. Юридическая коллизия, власть, правопорядок//Гос. и право. 1994. № 1; Ок же. Юридическая коллизия. М., 1994.

[2] См.: Фридман Л. Введение в американское право. М., 1993. С. 22—33.

[3] См., напр.: Бахрах Д. И. Административное право. М., 1993. С. 140—178.

[4] См.: Алексеев С. Что есть право?//Независимая газ. 1993. 15 окт.

[5] См.: Туманов В. А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе//Гос. и право. 1993. № 8.

[6] См.: Чумиков А.Н.. Указ. соч.

§ 14. МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

1. Значение.

Время, в которое мы живем, до предела насыщено самыми разными конфликтами. Но даже на таком фоне межнациональные конфликты занимают особое место и по остроте, и по масштабам, и по их последствиям для судьбы страны. К тому же они очень часто переплетены с конфликтами другого рода — политическими, экономическими и т.д. Порой они служат лишь каналом, усилителем, а то и прикрытием для противоборства политических и иных сил. Мы видим, например, как в некоторых регионах местные мафиозные кланы и старые партийные элиты (а иногда это просто «сообщающиеся сосуды») разыгрывают национальную карту в политиканских целях, в ходе борьбы за власть, хотя непосредственно вовлеченные в конфликт массы людей не сознают этой подоплеки. Думается, в подобных случаях правомерно говорить о национальной форме, которую приобрел тот или иной политический или даже криминальный конфликт.

На основе широкого понимания юридической конфликтологии как «конфликтологии глазами юристов» мы попытаемся рассмотреть проблему межнациональных конфликтов комплексно, исходя из ее существа. Юридический аспект объективно занимает в ней столь важное место, что нет необходимости его как-то специально акцентировать. Может быть, одно из важнейших средств придать необратимость развитию в стране демократического процесса «эк раз и состоит в том, чтобы научиться вводить решение конфликтов, в том числе и национальных, в правовое, юридическое русло.

2. О понятиях нации и этноса.

Популярное представление, что человеческие сообщества, особенно в их политико-государственных формах, всегда складывались прежде всего на этнической основе, не соответствует действительности. Как современное понятие нации, так и идея, согласно которой индивид может участвовать в гражданской и политической жизни лишь как элемент нации, принадлежит XIX веку. До того гораздо большую роль в государственном строительстве играли религиозные, династические, хозяйственные, военные и другие факторы.

Особенно явную идеологическую окраску дискуссии вокруг основных компонентов понятий нации и этноса приобрели в последние десятилетия XIX в., когда достижение и обеспечение единой национальной государственности во многих странах стало приоритетной политической целью. Именно тогда в определении нации на первый план были поставлены факторы биологические (расовое происхождение, родовое единство, этническая общность) и пространственные, связанные с единством территории проживания или расселения. В XX в. этот подход, как известно, достиг «злокачественной» стадии и воплотился как в различных вариантах фашистской идеологии, так и в иных, более «мягких» формах.

Вплоть до середины XX столетия преобладало в основе своей «генетическое» понимание нации. Но нацизм отрезвил людей. Для военного и последующих поколений европейцев слова типа «национальный дух», «национальная идея» приобрели уже не романтическое, а зловещее звучание. Они стали ассоциироваться с лагерными вышками и газовыми камерами. К тому же серьезные этнографические и антропологические исследования показали, что такие считавшиеся незыблемыми индикаторы общности национальных «корней», как государственность, язык, культура, история, не очень-то работают ни в отдельности, ни в совокупности и для формулирования универсальных признаков определения национальности во всяком случае не годятся. Лишь один индикатор оказался универсальным – самоотнесение человека к той или иной национальности: «я – русский», «я – татарин», «я – француз». Проблема перешла в субъективную плоскость

Одним из пионеров субъективного подхода к определению этничности (как и во многих других областях) стал Макс Вебер. Он предложил считать этническими те «группы людей, которые поддерживают субъективную веру в общность своего происхождения, основываясь на своем физическом сходстве или общности обычаев, либо на том и на другом, либо исходя из памяти о колонизации и эмиграции»[1]. После второй мировой войны подобный подход стал получать все большее признание. В том же русле находится и современный психоаналитический взгляд на проблему: психоаналитик и антрополог Х. Штайн трактует этничность как знак личной и социальной идентификации, имеющий корни не в природе, а в головах людей[2]. Психиатр и один из виднейших американских теоретиков и практиков по психологическим аспектам разрешения межнациональных конфликтов В. Волкан рассматривает механизм национальной самоидентификации индивида как его стремление укрыться под общим «тендом» вместе с большой совокупностью людей. С одной стороны, под этим «тендом» он ищет защиту от угрозы со стороны враждебных «других», а с другой – лишь под ним все члены группы – мужчины и женщины, богатые и бедные, удачливые и неудачники, талантливые и не очень – ощущают себя равными[3].

Долголетний формальный глава советской этнографической школы Ю.В. Бромлей в своих последних работах также приблизился к этой позиции, отмечая большую трудность использования не только антропологических, политических и экономических, но даже отдельных культурных показателей в качестве этнодифференцирующих признаков и делая акцент на вопросах психики, самосознания этноса[4]. Современная отечественная этнография окончательно рассталась с рудиментами сталинской трактовки нации[5].

Таким образом, в современной научной трактовке нации доминируют субъективные, психологические моменты, хотя факторы объективного характера – экономические, демографические, нормативно-правовые, – разумеется, сохраняют чрезвычайно важное, а порой даже решающее значение. Но на практике они преломляются через это далеко не всегда достоверное и порой откровенно «кривое зеркало» субъективности. Исходя из подобного понимания, мы и будем рассматривать проблему межнациональных конфликтов.

3. О «национализации» государства.

Хотя национальные государства стали возникать в Европе еще в эпоху великих географических открытий, «второе дыхание» этот процесс получил в прошлом веке, на фоне почти повсеместного роста национального самосознания и локалистских

идеологий этнического возрождения. Причины возникновения романтических национально-почвеннических теорий движений в самых разных уголках Европы – предмет специального исторического анализа. Для нас же важно то обстоятельство, что возможность реализации потенциала того или иного этноса стала связываться прежде всего с созданием либо с укреплением национального государства. И подобный взгляд имел весьма серьезные исторические резоны, ибо очень многие этносы, особенно небольшие, на протяжении веков претерпевали серьезные лишения и унижения от чужеземного господства, связанного в первую очередь с имперским характером европейской исторической географии. Но для нашей темы существенны не мотивы, а последствия данной идеологии. Последствия же оказались по меньшей мере весьма противоречивыми.

Многие светлые умы XIX столетия предупреждали о возникающих опасностях националистического «присвоения» государства. Обратимся к суждениям наших соотечественников. Еще в первой половине столетия П.Я. Чаадаев предупреждал, что «вся эта (националистическая. – А.О.) философия своей колокольни, которая занята разбивкой народов по загородкам на основании френологических и филологических признаков, только питает национальную вражду, создает новые рогадки между странами, она стремится совсем « другим целям, а не к тому, чтобы создать из человеческого рода один народ братьев»[6].

Л.Н. Толстой, оценивая реальности и тенденции конца XIX в., пришел к еще более радикальным выводам относительно опасностей, кроющихся в «национализации государства», в «гипнотизации» народа через намеренное разжигание правящими классами патриотических чувств. Он писал: «Патриотизм... есть не что иное для правителей, как орудие для достижения властолюбивых и корыстных целей, а для управляемых – отречение от человеческого достоинства, разума, совести и рабское подчинение себя тем, кто во власти»[7].

Увы, эти и другие аналогичные оценки оказались пророческими. Эксплуатация патриотических чувств людей в нечистоплотных политиканских целях стала распространенной практикой нашего века, источником множества кровавых конфликтов, которые по своим последствиям принесли, думается, не меньше бед, чем притеснения не имевших государственности этносов.

4. О понятии национализма.

В 1888 г. русский мыслитель В. С. Соловьев писал, что национализм представляет «для народа то же, что эгоизм для индивида: дурной принцип, стремящийся изолировать отдельное существо превращением различия в разделение, а разделения в антагонизм»[8]. В другой работе он обозначил три фазы развития национализма – поклонение своему народу как носителю вселенской правды, поклонение его стихийной силе независимо от правды и, наконец, поклонение национальным односторонностям и аномалиям, отделяющим народ от остального человечества, т.е. поклонение своему народу с прямым отрицанием вселенской правды[9].

XX век дал нам многочисленные примеры всех трех фаз национализма, а также показал, как легко и незаметно могут они переходить одна в другую. И в наши дни, в самом конце столетия, мы видим, как одновременно с развитием интеграционных тенденций, денационализацией государственных институтов, интернационализацией хозяйственно-экономической деятельности (а отчасти и как реакция на них) происходит новый мощный всплеск национализма.

Не претендуя на универсальную дефиницию рассматриваемого феномена и памятуя о .конвенциональности любого определения, полагаем, что в рамках конфликтологии следует рассматривать национализм как особую концепцию мира, с точки зрения которой разные этносы являются прежде всего соперниками в борьбе за выживание, за достижение преимущественного положения и за различные блага, как искаженную форму естественных национальных чувств, акцентирующую фактор вражды по отношению к другим нациям. Национализм предполагает пренебрежение человеческими правами и достоинством живущих рядом людей других национальностей, «некоренного населения» да и вообще иностранцев – «чужаков»,

нетерпимость к их обычаям, нуждам и потребностям, а самое главное – идеологию «козла отпущения», когда причину всех своих бед и неудач ищут не в себе самих, но в происках тех или иных злокозненных чужеземцев, пришельцев, «малого народа», соседей...

И еще один парадокс национализма. Как ни странно, но по сути он опирается на национальный комплекс неполноценности, хотя эмпирически такую связь проследить нелегко, поскольку этот комплекс скрывается за, казалось бы, весьма высоким самомнением. В самом деле, как за чванным национализмом, априорно приписывающим соотечественникам высший ранг по сравнению со всеми прочими, разглядеть глубоко запятанную неуверенность в себе, ущербность массового национального сознания? Представляется, что базу для объяснений дает психология и особенно психоанализ, о чем ниже будет сказано более подробно. Комплекс этот бывает как агрессивным, так и, напротив, боязливым. Последнее чаще присуще малым нациям, не имеющим духовных ресурсов для противодействия политической и культурной ассимиляции, не способным сопротивляться нациям более сильным. Проявляется он, как правило, в форме попыток изоляционизма, обычно безнадежных. Антропологи описывали этот феномен на примере индейских племен Южной Америки и малых городов Севера, но сегодня нетрудно найти и более близкие примеры на территории бывшего СССР. Впрочем, порой он проявляется даже у таких этнических и культурных гигантов, как русская нация, у которой в течение столетий сохранялась – а в определенной мере сохраняется и до сих пор – пресловутая «западобоязнь» (в старину ее называли «латинобоязнью»), т.е. недоверчиво-опасливое отношение к Западу как к богатому и коварному соблазнителю. Впрочем, непроходимой границы между боязливым и агрессивным видами комплекса нет. При изменении соотношения сил они легко переходят один в другой. Очевидно, что подобное националистическое миропонимание в высшей степени благоприятствует возникновению, подогреванию, обострению различного рода межнациональных конфликтов, к рассмотрению причин которых мы сейчас переходим.

5. Предмет конфликта.

Предметом к. точки зрения права могут быть как территории, из-за преимущественного проживания на которых возникает спор между разными этническими группами (например, Пригородный район Владикавказа), так и различные элементы правового статуса представителей той или иной национальности, их имущественные и неимущественные права. В частности, речь может идти о правах гражданских, праве собственности, правах административных, культурных и др. Впрочем, обычно они довольно тесно переплетены, а дискриминация гражданская и административная порой автоматически порождает дискриминацию в области имущественных и социально-культурных прав.

6. Субъекты и стороны конфликта.

Наиболее общими субъектами конфликта являются различные национальные общины, проживающие на территории, находящейся под суверенитетом одного государства. Это, однако, не совпадает с понятием юридических сторон конфликта. В юридическом смысле общий межнациональный конфликт как бы распадается на множество более конкретных конфликтов, непосредственными сторонами которых выступают разные юридические и физические лица – депутатские фракции, партии, госорганы, должностные лица, хозяйственные структуры, всевозможные общественные объединения, отдельные граждане и семьи. Собственно же национальные общины действуют как своего рода лобби – группы интересов и давления.

7. Стадии конфликта

в юридическом смысле могут быть подразделены на доюридическую, юридическую по форме (и часто антиправовую по сути) и собственно правовую, на которой только

и возможно действительно справедливое разрешение конфликта. В случаях, требующих нормативного регулирования, конфликт решается в формах принятия конституций и конституционных законов либо внесения в них соответствующих поправок, а также принятия законов и подзаконных актов, отвечающих принципам права, международным соглашениям, национальным конституциям, конституционным законам. При решении конкретных споров это происходит (вернее, должно происходить) в первую очередь посредством судебных и арбитражных решений, а также законных действий административных органов. Однако такой правовой путь не является легким. На нем возможны коллизии норм, их различные интерпретации, всевозможные процедурные и процессуальные уловки сторон, прямая необъективность лиц, принимающих решения. Но все же лишь правовой способ удовлетворения притязаний участников и сторон конфликта (либо отказа в их удовлетворении) представляется наиболее надежным способом его урегулирования.

8. Причины конфликтов.

Можно различным образом типологизировать причины межнациональных конфликтов. Предлагаемая ниже их классификация, на наш взгляд, имеет общетеоретическое значение, но тематически «привязана» прежде всего к отечественной проблематике.

Политические причины. В первую очередь это кризис, а затем распад СССР – крупной транснациональной мировой державы. Данная причина имеет универсальный характер, поскольку противостояние этнических, а также конфессиональных групп всегда обостряется в периоды распада многонациональных асимметричных государств. Достаточно вспомнить хотя бы острейший конфликт, возникший между Индией и Пакистаном сразу же после объявления их независимости от Лондона, или совсем свежий пример с распадом «балканской империи» – Югославии. На таком фоне наша ситуация выглядит. еще далеко не самой трагичной. Вообще имперская модель правления обладает (в исторической ретроспективе) не только недостатками, но и определенными достоинствами. Фактически не признавая за входящими в империю нациями права на самоопределение и монополизировав средства государственного принуждения, имперская власть взамен минимизирует уровень беспорядка на контролируемой территории, не допуская, в частности, обострения межнациональных конфликтов. Конечно, при этом с разной степенью жесткости и жестокости подавлялись как национальные устремления народов, так и вообще потенциал социального развития (как в любой монополизированной системе), но это другой вопрос. По ряду причин имперская форма правления исторически изжила себя. Советский Союз еще продержался дольше других.

Отчасти это объясняется тем, что советская национальная политика была с функциональной точки зрения весьма эффективной. Режим искусно замораживал и подавлял конфликтный потенциал межнациональных отношений. В выборе средств он, разумеется, не стеснялся, но при этом действовал достаточно изощренно и разносторонне. Использовались не только прямые репрессии и тотальные переселения целых народов, но и более тонкие методы: перемешивание и «разбавление» этносов (наиболее очевидный пример – целенаправленное заселение Прибалтики выходцами из славянских регионов), создание «лоскутных» административно-политических единиц (Чечено-Ингушская АССР, Кабардино-Балкарская АССР) и, напротив, разделение этноса республиканской границей (так поступили с осетинами, с таджиками), а также другие варианты произвольного проведения границ (Средняя Азия), формирование во всех республиках компрадорских, т.е. связанных интересами и своей «пуповиной» прежде всего с Москвой, национальных элит, слегка закамуфлированная русификаторская политика и т.п. Разумеется, крышку многонационального «котла» нельзя было бесконечно держать закрытой. Давление нарастало, и в конце концов ее приоткрыли, рассчитывая «выпустить пар», но процесс очень быстро стал неуправляемым. Наружу вышли многочисленные исторические обиды – давнишние и новые, реальные и мнимые. Особенно это характерно для Кавказского и Прибалтийского

регионов. При этом даже то хорошее, что действительно было у нас в межнациональных отношениях (пусть это было интернационализмом коммунальной квартиры или общей тюремной камеры), разлетается на куски, покрываясь националистической пеной.

Другой, производной политической причиной конфликта является борьба как новых, так и старых политических элит за передел «имперского наследства». В этой борьбе национальный фактор используется без всякого стеснения. Ведется она в условиях фактического отсутствия правил политической «игры» (прежние правила отменены, а правила новые, новая политическая культура еще только начинают формироваться). Поэтому в ряде случаев можно наблюдать беззастенчивую спекуляцию на национальных чувствах, несмотря на очевидный ущерб, горе и даже кровь, которые подобные «игры» приносят населению всех национальностей. Более того, национальную «карту» порой не без успеха разыгрывают даже откровенно криминальные, мафиозные структуры.

Экономические причины тесно связаны с политическими. С одной стороны, здесь происходит во многом аналогичная политическая борьба за передел национального богатства, с другой – регионы традиционно бедные, обделенные природными ресурсами или не располагающие развитой экономикой, но получавшие определенную централизованную поддержку, теперь, лишившись ее, пытаются как-то выйти из положения путем апелляции к категориям национального выживания, сохранения национального очага и т.д., прибегая при этом к любым доступным им средствам экономического давления или даже шантажа. Кроме того, экономически более мощные регионы стремятся блокировать тенденции национального сепаратизма, тоже используя для этого экономические и финансовые рычаги. Строго говоря, во многих случаях все эти факторы нельзя отнести к сфере чистой экономики. Они носят скорее экономико-психологический характер, поскольку в их основе лежат субъективные, зачастую этнически окрашенные представления о несправедливом национально-региональном распределении общественного богатства и соответственно о несправедливости различий в уровне жизни населения тех или иных регионов.

Причины социально-культурные и социально-психологические. За семь послереволюционных десятилетий в стране сложилась новая метаэтническая общность – так называемый советский народ. Собственно, иначе и быть не могло. К данному факту можно относиться по-разному, но отмахиваться от него, объявляя его лишь порождением коммунистической пропаганды, вряд ли разумно даже при нынешнем преобладании дезинтеграционных процессов. В социально-психологическом плане это несомненная реальность, которая проявляется очень часто даже среди людей, полностью отрицающих свою принадлежность к «советскому народу». Для тех же, кто прожил всю свою жизнь с хотя бы относительно позитивным или даже ценностно нейтральным чувством советской самоидентификации, события последних лет – тяжелая и болезненная психологическая травма. Отсюда психологически объяснимо стремление части общества к восстановлению прежнего могучего государства.

Разумеется, эта идея носит отчетливый характер консервативной утопии. Она практически неосуществима и политически опасна как вследствие неизбежной острой реакции отторжения на любые попытки реставрации, так и потому, что ее стремятся «оседлать» реакционные и безответственные политические силы. Однако было бы и несправедливо, и психологически неверно пытаться сделать из этих людей отверженных. Общество должно не списывать этих людей, а пытаться помочь им обрести новую психологическую идентичность, адаптироваться к новой реальности. Иначе они попросту опасны. Здесь есть поле деятельности и для законодателя, и для органов социальной реабилитации.

Процессы, происходящие в последние годы, стимулировали рост национального самосознания у ряда народов, причем как у относительно слабых и действительно прошедших через унижения и притеснения (особенно в сталинские времена), так и у таких этнических гигантов, как украинская нация. Некоторые из этих этносов сейчас вошли, используя выражение Соловьева, в «стадию исключительной народности», в

рамках которой рациональные аргументы, даже апелляция <к подлинным, не сиюминутным национальным интересам, имеют немного шансов быть услышанными. К тому же некоторые этносы, уровень социально-экономического и социально-культурного развития которых по тем или иным причинам не может обеспечить им полноправного диалога и обменов в рамках нормальных межнациональных контактов, парадоксальным образом стремятся к изоляционизму, даже в ущерб собственному развитию. Здесь наблюдается консервативно-охранительная защитная реакция на объективные интеграционные процессы. С точки зрения таких хранителей национального очага, сохранение национальной самобытности важнее, чем полноценное развитие народа.

9. Синдром посттоталитарного сознания.

Межнациональные отношения – одна из сфер проявления этого общего синдрома, столь характерного сегодня для части нашего общества. Тоталитаризм, в более или менее равной степени подавляя всех людей, парадоксальным образом порождает у них иллюзию защищенности. Ныне этот механизм исчез. Свободному обществу присущи иные механизмы социальной защиты. Но они только начинают складываться. Такую ситуацию можно сравнить с сознанием людей, которые долгие годы провели в тюрьме и, выйдя на свободу, не могут адаптироваться к нормальной жизни, страдают различными видами неврозов, испытывая чувства потерянности, беспомощности, а то и аномии. Аналогичные чувства испытывают различные этнические группы, особенно в регионах со смешанным населением. Русские, например, живущие в бывших союзных и автономных республиках, считают, что «Москва их предала», покинула на милость местных националистов. С другой стороны, новые власти, выступая под лозунгами национального возрождения, часто стремятся создать для «коренной национальности» те или иные привилегии. Пожалуй, наиболее явно это проявляется в Латвии и Эстонии, где «мигранты» подвергаются различным формам дискриминации, имеющим целью постепенное «мягкое» выталкивание за их пределы «избыточного» по сравнению с 1940 г. некоренного населения. Не вдаваясь в детальное обсуждение этих вопросов, отметим лишь сомнительный правовой характер подобной политики (даже если она и получает надлежащее юридическое оформление), а также ее вызывающую недоумение недалёковидность, поскольку она буквально провоцирует конфликты между различными национальными общинами, закладывает основу для взаимной отчужденности, а то и для более острых форм межэтнической вражды. К тому же некоторые государства, если они достигнут своей цели вытеснения «мигрантов», поставят перед собой весьма трудно разрешимые экономические проблемы, ибо целые ключевые отрасли их экономики (например, весь топливно-энергетический комплекс Эстонии) традиционно основаны на труде этих самых «мигрантов». «Национализация» же образования (особенно высшего), науки, некоторых других областей социальной жизни неизбежно поведет к их провинциализации, упадку. Вообще, как показывает мировой опыт, интенсивная государственная поддержка отдельных национальных (а кстати, и социальных) групп приносит в итоге и самим этим группам, и обществу в целом больше вреда, нежели пользы. Моральный же аспект создания такой «тепличной атмосферы» для ранее дискриминированных групп также весьма сомнителен. Не случайно ведь в странах, уже испытавших плоды подобной политики, возник весьма характерный термин – «позитивная дискриминация», отражающий прежде всего осознание униженности юридических «ковровых дорожек» в среде как раз тех, кому льготы предоставляются.

10. Механизмы конфликта

во многом связаны с актуализацией чувств, «подогревающих» межгрупповое противостояние этнических «мы»- и «они»-групп. Потенциал для этого существует почти во всех регионах со смешанным населением, получая энергию от тлеющих в глубине сознания людей давних и недавних исторических обид (вполне реальных или отчасти надуманных). В объективном плане толчком для этого обычно служат

резкие социально-политические либо экономические перемены. В ситуациях нестабильности, неопределенности люди стремятся воплотиться на базе тех видов взаимоотношений, которые не зависят от происходящих перемен и сохраняются даже в условиях, когда все прочие связи – деловые, партийные, государственные, культурные и другие – разрушаются. На микроуровне их роль принимают на себя дружеские, неформальные отношения, на макроуровне – чувства национальной (а также конфессиональной) общности. В принципе данный механизм выполняет целительную функцию по отношению к людям, подвергающимся его воздействию. Однако он содержит в себе и негативный потенциал неприязни ко всем, в данную группу не входящим. «Чтобы объединиться, нужно размежеваться». Увы, размежеванию часто сопутствует отчуждение от всех, кто не принадлежит ж данной «избранной» общности.

Доминирующим дестабилизирующим фактором зачастую служит даже не какая-либо провокация или иной сколько-нибудь серьезный повод: острейшие конфликты возникают как бы спонтанно, без видимых причин. Думается, ответы надо искать в сфере психологии массовых состояний, в механизмах психического заражения и внушения.

11. Юридизация конфликтов.

Амплитуда конфликтов – от бытовых бытовых перепалок до войн на уничтожение, включая различные виды межобщинной розни, политической, идеологической и вооруженной борьбы. Вряд ли есть смысл перечислять их. Специфика предмета рассмотрения побуждает нас вместо этого более подробно остановиться на юридическом аспекте вопроса.

Конфликт облекается в юридические формы на трех уровнях: на уровне межгосударственных отношений взаимно независимых субъектов, в том числе и государственных образований в рамках одной федерации, на уровне отношений внутри федерации по «вертикали» (центр – места) и на уровне отношений внутри одного государства. Примером облекаемых в юридическую форму межнациональных конфликтов на межгосударственном уровне могут служить акты об аннексии части территории другого государства на основании или под предлогом национального состава ее населения (например, акт о присоединении в 1939 г. к СССР части земель Восточной Польши). Есть и другие формы национально-территориальных претензий: не признаваемые другим государством акты о специальной поддержке проживающих на его территории тех или иных национальных групп (представим себе гипотетический, но всерьез предлагаемый некоторыми ультрапатриотами российский закон о защите интересов русскоязычного населения за пределами Российской Федерации; вспомним о некоторых израильских законах или о коллизионных законах, касающихся признания лишь одним из субъектов международного права двойного гражданства). Конфликт в перспективе может возникнуть и в результате принятия актов, продиктованных самыми добрыми побуждениями (например, о передаче Украине территории Крымской области)

Конфликты «по вертикали» могут продуцироваться законодательными актами >как центральной, так и местной власти. Это хорошо видно на примере законодательного регулирования вопросов государственного языка. С одной стороны, конституции бывших союзных республик СССР признавали за национальным языком статус государственного лишь для республик Закавказья, что, естественно, провоцировало в других республиках межэтническую напряженность, особенно в контексте проводившейся тогда русификаторской политики. Но с другой стороны, принятые в последние годы на волне «парада суверенитетов» в некоторых новых государствах категоричные законы о национальном языке как единственном государственном игнорируют сложившиеся этническо-культурные реальности и тоже служат источником межэтнической напряженности.

Собственно, в последнем случае мы уже перешли на уровень внутринационального законодательства, что подчеркивает условность классификации. В этом последнем разделе есть и другие примеры национальных законов, провоцирующих межэтнические конфликты. Обратимся к Прибалтике. Если принятые там законы о

языке в целом вполне отвечают логике права и справедливости (с вопросами правоприменения дело, к сожалению, не столь благополучно), то с законодательной политикой в области гражданства и связанных с ним политических прав сложилось, к сожалению, иное положение. Мы имеем дело с так называемым правонарушающим законодательством, которое, естественно, создает почву для межэтнических конфликтов с разными вариантами развития. Думается, в подобных случаях следует говорить о квазиправовой (т.е. юридической по способу принятия, но во всяком случае отчасти неправовой по сути) форме межнациональных конфликтов.

12. О путях разрешения межнациональных конфликтов.

Даже в самых острых конфликтных ситуациях (а может быть, особенно в них) одной из первых промежуточных фаз урегулирования должна быть юридикация конфликта. Это предполагает: во-первых, прекращение насилия; во-вторых, организацию диалога между сторонами конфликта; в-третьих, обеспечение участия в таком диалоге полномочных и ответственных представителей каждой стороны, лучше всего – государственных органов (а не, скажем, лидеров экстремистских групп или «полевых командиров»); в-четвертых, формулирование требований и претензий каждой из сторон в категориях, хотя бы в принципе подлежащих юридическому переформулированию и правовой оценке; в-пятых, юридическую фиксацию итогов каждой из стадий переговоров, в том числе поддающихся контролю обязательств каждой из сторон; в-шестых, максимально определенное формулирование условий итогового соглашения, придание этому соглашению легитимности с помощью какой-либо из форм его ратификации или народного одобрения. Из перечисленного, думается, ясно, что среди ключевых фигур участников переговоров должны быть юристы. Очень важна также роль посредников, о которой будет сказано несколько позже. Но, разумеется, само по себе подписание каких-либо соглашений еще не гарантирует погашения конфликта. Определяющей является готовность сторон их выполнять, а не использовать в качестве «дымовой завесы» для продолжения попыток добиваться своих целей неправовыми средствами.

А для этого, в свою очередь, необходимо хотя бы частичное преодоление конфликта интересов или по крайней мере снижение его остроты, к чему может повести, например, появление в отношениях между сторонами новых стимулов. Скажем, суровая экономическая необходимость, заинтересованность сторон в ресурсах друг друга, «премии» за урегулирование конфликта в виде международной или иностранной помощи могут (правда не всегда) переключить интересы конфликтующих сторон в иную плоскость и значительно притушить конфликт.

Таким образом, в социально-политическом плане пути к преодолению конфликтов лежат либо через хотя бы частичное удовлетворение требований сторон, либо через понижение для них актуальности предмета конфликта. Но есть еще и другая, очень важная, эмоционально-когнитивная сторона проблемы.

Многие межнациональные конфликты можно в известном смысле назвать ложными, поскольку в их основе лежат не объективные противоречия, а непонимание позиций и целей другой стороны, приписывание ей враждебных намерений, что порождает неадекватное чувство опасности, угрозы. Примеров здесь можно привести очень много: это и недоверие к русскоязычной диаспоре в странах ближнего зарубежья, и боязнь кавказцев или уроженцев Средней Азии и Центральной России, и бредни относительно пресловутого «жидо-масонского заговора». Естественно, такие чувства рационализируются через тенденциозный подбор бытовых и иных примеров; воздействующих на обыденное сознание. И разумеется, эту благодатную почву всячески стараются использовать разыгрывающие национальную карту политики. Действительно, феномен психологического противопоставления «мы» и «они» коренится в глубоких слоях общественного подсознания, и бороться с ним очень непросто, хотя и абсолютно необходимо. В нашей теории это обозначается как снятие или хотя бы ослабление ложного конфликта. Его, в частности, можно достичь с помощью образовательной, воспитательно-разъяснительной работы среди населения. Причем апеллировать следует не только к рациональным,

интеллектуальным уровням человеческой психики, но и к эмоциям, к массовым настроениям[10].

В этой связи следует сказать несколько слов о роли национальной интеллигенции. Одной из благородных традиций российской интеллигенции всегда была поддержка народов, угнетаемых имперской властью на территории собственного государства, защита их от притеснений центральной власти. И такая позиция, как правило, отнюдь не рассматривалась в интеллигентских кругах как национальное предательство, а, напротив, имела отчетливую патриотическую мотивацию. Вспомним хотя бы герценовские слова 1863 г.: «Мы за Польшу потому, что мы за Россию», – или общественную позицию В.Г. Короленко в связи с так называемым мултанским жертвоприношением, или общественный резонанс в связи с «делом Бейлиса» в 1912 г. И в недавние времена, в период отнюдь не бескровной агонии СССР, российская интеллигенция в большинстве своем оказывала поддержку республиканским движениям за самоопределение – в вопросе о Прибалтике, в тбилисских событиях, в карабахском кризисе. Свой нравственный долг интеллигенции большой нации она видела в том, чтобы помочь нациям малым обрести свободу. И здесь она была едина с интеллигенцией этих малых наций.

[1] Weber M. Economy and Society. N Y, 1968. Vol. 1. P. 389.

[2] См.: Волжан В., Оболонский А. Национальные проблемы глазами психоанализа с политологическим комментарием//Обществ науки и современность. 1992. № 6. С. 32.

[3] Volkan V. The Need to Have Enemies & Allies From Clinical Practice to International Relationships. NY. 1988. P. 92.

[4] См.: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М, 1968 С. 50—57.

[5] См., напр.: Тишков В. А. Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе//Вопр. философии. 1990. – № 12. С. 3—15.

[6] Чаадаев П. Я. Афоризмы и заметки//Вопр. философии. 1986. № 1

[7] Толстой Л.Н.. Полн. собр. соч. В 90 т. М, 1970. Т. 39. С. 65

[8] Соловьев В. С. Русская идея//Россия глазами русского. М, 1991. С. 321.

[9] См.: Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Соч. В 2 т. М., 1989 Т. 1

[10] Об этом см, напр. Оболонский А.В. Общественное мнение и настроение как факторы демократического управления//Политические институты и обновление общества М, 1989 С. 45—55.

§ 15. ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ

1. Характер трудовых конфликтов.

Трудовая конфликтология – совершенно новое направление в науке трудового права. Термин «трудовой конфликт» появился в нашем законодательстве о труде лишь в 1989 г, когда был принят Закон СССР «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)»[1]. Тем не менее понятия «трудовой спор» и «трудовой конфликт» до сего времени и в теории, и в практике рассматриваются как синонимы. Думается, что это неверно.

Правовыми средствами разрешения трудового спора обычно являются нормы действующего трудового законодательства (сосредоточенные в основном гл. XIV КЗоТ «Трудовые споры»).

Трудовой конфликт представляет собой, с нашей точки зрения, конфликт интересов, значительно более широких, чем трудовые. Скажем, объявление забастовки может сопровождаться требованиями не только о повышении заработной платы, но и об улучшении снабжения продовольствием, товарами и т.п. Аналогичную картину можно наблюдать при возникновении трудовых конфликтов при заключении коллективного договора (соглашения) между работодателем и трудовым коллективом.)

Средства разрешения трудового конфликта – это не только нормы трудового законодательства, но и другие правовые и неправовые средства. Например, один из вариантов разрешения забастовки может сводиться к удовлетворению

работодателем требований бастующих об индексировании оплаты их труда (на основании ст. 811КЗоТ – нормы трудового права); кроме того, возможно решение региональных или центральных органов управления об улучшении снабжения бастующих продовольствием, о дополнительном строительстве жилья, объектов социального или культурного назначения и т.п. (иные правовые средства).

Индивидуальный трудовой конфликт также может выходить за рамки чисто трудового спора. В частности, спор по поводу увольнения с работы зачастую перерастает в конфликт не только трудовых, но и других интересов (например, требование работодателя освободить занимаемую работником служебную жилую площадь после увольнения и т.п.).

Сказанное позволяет сделать вывод, что трудовой конфликт (индивидуальный или коллективный) представляет собой спор между работником (группой работников), с одной стороны, и работодателем (а также иным лицом или органом) – с другой, по поводу применения законодательных и иных нормативных актов о труде коллективного, договора и других соглашений о труде, условий трудового договора (контракта), а также других условий, связанных с трудовыми правоотношениями или вытекающих из них.

За последнее время мы пересмотрели многие устоявшиеся десятилетиями воззрения, в том числе и связанные с понятием труда, трудовых отношений, трудовых конфликтов. Идеальная модель социалистических трудовых отношений, основанных, как писали некоторые теоретики права, «на взаимопомощи и сотрудничестве равноправных участников общественного производства, свободных от эксплуатации, безработицы, коллективных собственников средств производства», существовала только на бумаге. На практике мы убедились в том, что в советской модели социализма труд не был действительно свободным. Достаточно упомянуть классическую формулу Конституции бывшего СССР: «Труд – это право и обязанность». Этот принцип был основополагающим во всей политике государства, на нем основывались законы, принуждающие гражданина трудиться, определяющие, где и как он должен прилагать свои способности и таланты, и наконец, устанавливающие уголовную ответственность за уклонение от «общественно полезного труда».

Мы долго убеждали всех в том, что запреты на профессии, ограничения в выборе работы по своему усмотрению присущи только капиталистическому миру. Однако сегодня стала очевидной вся наивность подобных бесплодных рассуждений. Трудно поверить в то, что, когда занятие того или иного служебного места зависело от партийной принадлежности, возраста или пола (так называемые разнарядки на должность типа: нужен мужчина не старше 30 или женщина не моложе 25 лет и т.п.), наконец, от элементарной записи в паспорте, именуемой пропиской, в стране не было дискриминации в области труда, которая, кстати, зачастую носила не завуалированный, а явный характер, регламентированный к тому же законодательством (речь, в частности, идет о печально знаменитой ч. 2 ст. 254 КЗоТ РФ, предоставляющей работодателю право уволить работника фактически без всяких оснований).

Эти и многие другие причины оказывали и оказывают то или иное воздействие на возникновение трудовых конфликтов в стране на макроуровне. На микроуровне к причинам трудовых конфликтов можно отнести бюрократическое отношение к правам и законным интересам работников со стороны отдельных представителей администрации, попытки последних преуменьшить возможности предприятия по дальнейшему улучшению условий труда и быта работников, попытки избавиться от «неудобных» работников и т.п. Кроме того, причиной отдельных трудовых конфликтов может быть незнание, а в некоторых случаях сознательное игнорирование работодателем норм действующего трудового законодательства.

В теории трудового права доказано (и мы разделяем эту позицию), что эта отрасль права обладает двумя характерными для нее функциями – производственной и защитной[2]. Первая выражается в воздействии права на ту группу отношений, которые связаны с ростом производительности труда, повышением эффективности общественного производства и улучшением качества труда. Вторая же состоит в

воздействию на ту группу отношений, которые связаны с защитой здоровья работников, их физических, и моральных сил путем установления высокого уровня условий труда, охраны трудовых прав и интересов работающих.

Производственная функция не осуществляется самостоятельно. Обычно она связана с защитой, хотя степень этой связи не всегда одинакова. Трудовое право может служить интересам работников лишь тогда, когда происходит сбалансированное взаимодействие обеих функций. Всякое повышение удельного веса производственной функции в ущерб защитной автоматически работает против интересов трудящихся, создается благоприятная почва для возникновения конфликтов. Для прогрессивного и демократического правового регулирования трудовых отношений очень важна сбалансированность производственной и защитной функций, исключающая расширение первой функции за счет второй, обеспечивающая в равной степени интересы производства и интересы работника[3]. Однако сегодня, увы, можно говорить о расширении производственной функции в ущерб защитной, чему способствует действующее законодательство о труде. В обоснование сказанного можно привести ряд характерных примеров, в частности резкое снижение роли профсоюзов при установлении условий труда работающим, при увольнениях по инициативе работодателя; незначительный «удельный вес» коллективного договора по сравнению с другими локальными нормативными актами (особенно на частных предприятиях и фирмах).

На фоне провозглашенного курса на демократизацию общества нелогичными выглядят некоторые поправки и изменения, внесенные в КЗоТ РФ. Речь идет, например, о введении в 1988 г. правила о возможности существенного изменения условий труда работника без его согласия (ч. III ст. 25 КЗоТ), о появлении в законодательстве термина «контракт». По нашему мнению, введение в КЗоТ понятия «контракт» внесло в практику заключения договоров о труде серьезную сумятицу, вызвало значительный поток обращений граждан в органы по рассмотрению трудовых споров.

Как показывают выборочные социологические исследования, проведенные автором в одном научно-исследовательском институте г. Москвы, около 75% опрошенных рабочих и служащих института (всего было опрошено 100 работников) считают, что трудовой договор должен заключаться на государственных и муниципальных предприятиях, контракт – на частных предприятиях и фирмах. Кроме того, примерно такое же число опрошенных отметили, что трудовой договор и контракт – разные формы договоров. Как видим, вероятность возникновения трудовых конфликтов в связи с введением в КЗоТ термина «контракт» не уменьшилась, а, наоборот, увеличилась.

По нашему мнению, в настоящее время наметилась устойчивая тенденция к снижению трудовых и социальных гарантий работающих, что является основной причиной возникновения трудовых конфликтов.

Многие социологи все больше связывают процессы возникновения трудовых конфликтов с вызванными реформами социально-экономическими изменениями. В их ряду и несвоевременная выплата заработной платы, и рост безработицы, и явления, порождающие наиболее опасный вид трудовых конфликтов, – забастовки.

Не надо быть экономистом, социологом или политологом, чтобы увидеть порочный круг, в котором оказались экономические преобразования, проводимые в России. Для создания полноценной рыночной системы нужна быстрая приватизация. Но она чревата большой безработицей. Чтобы набежать ее, нужно сохранить госсектор или, по крайней мере, замедлить темпы приватизации. Но тогда практически не остается шансов на выход (в обозримой перспективе) из экономического кризиса.

Безусловно, решительное введение рынка увеличит число трудовых конфликтов не только на уровне отдельных предприятий, но и в масштабе всей системы экономических отношений страны. Сегодня формируется некая «ось» социально-экономических проблем и процессов, которая определит будущие конфликты, в том числе и трудовые. Эту «ось» образуют помимо других факторов, как мы уже отмечали, два связанных между собой процесса: безработица и забастовки. Известно, что в развитой рыночной системе масштабы забастовок зависят от

масштабов безработицы[4]. В России ситуация с безработицей пока далека от катастрофической, но в случае резкого и быстрого роста безработицы реакция людей может заметно измениться, и они от индивидуальных поисков новой работы (самый распространенный вид поведения в ответ на угрозу увольнения) могут перейти к коллективным формам протеста.

Очевидно, следует присоединиться к тем, которые считают, что обвальная безработица России не грозит. Наряду с переизбытком рабочей силы в отдельных регионах или отраслях народного хозяйства страны наблюдается реальная и значительная нехватка рабочей силы в районах Урала, Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера и во многих других местностях. В связи с этим особую роль приобретает эффективная, правильно организованная и скоординированная политика государства в области распределения и перераспределения рабочей силы. В этой области нужна кардинальная реформа. Необходимо в законодательном порядке установить нормы и правила, которые бы реально стимулировали работника к смене не только рабочего места, но в связи с этим и места проживания с целью занятия свободных или освобождающихся рабочих мест в других регионах страны. Возникновение новых рабочих мест, а следовательно, и снижение роста безработицы зависят также от того, насколько государство будет способствовать развитию частнопредпринимательского сектора, который мог бы оказывать все большее и большее влияние на урегулирование проблем занятости.

Весьма важно также проводить правильную политику по приватизации предприятий в интересах в первую очередь трудовых коллективов. Нарушения, допускаемые в этой сфере, носят массовый и грубый характер, создают почву для возникновения коллективных трудовых конфликтов.

Например, свободный профсоюз энергетиков Новосибирска собрал массу доказательств нарушений норм о приватизации в объединении «Новосибирскэнерто». В период акционирования объединения было проведено 45 собраний в подразделениях. И как выяснилось, сплошь и рядом совершались подтасовки. Так, на собрании коллектива управления ТЭЦ-4 при выборах делегатов на организационное собрание объединения были нарушены нормы представительства (один человек на 100 работающих) и 14 управленцев избрали трех делегатов. Мандатная комиссия утвердила этот результат. Кроме того, к поданной заявке на приватизацию не были приложены протоколы собраний. А в семи подразделениях вообще не проводилось собраний, но протоколы оттуда были присланы. Из 18 необходимых тюдписных листов было представлено всего два. К сожалению, на эти нарушения никто не обратил внимания, не проанализировал их. Однако это не смутило Госкомимущество, и «добро» на акционирование «Новосибирск-энерго» было дано. Все эти безобидные, на первый взгляд, погрешности привели к крупным нарушениям социальной справедливости: управленцы получили по 600 привилегированных акций, а рядовые члены коллектива – всего по 5[5].

Аналогичные грубые нарушения при проведении приватизации были допущены в Центральном институте типового проектирования (Москва), на московском заводе «Фрезер», Первом Московском часовом заводе, Московской тонкосуконной фабрике, в Государственном объединении «Профинформ» (Москва), на Челябинском металлургическом комбинате, белгородском заводе «Энергомаш», Минусинской перчаточной фабрике, самарской шоколадной фабрике «Россия», в Новосибирском метрострое, Онежской сплавной конторе Архангельской области, на Кинешемской прядильно-ткацкой фабрике, в НТО «Медтехника» в Коми Республике, Рыбинском объединении «Магма» и многих других[6].

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что снижение социальной напряженности в области трудовых конфликтов возможно лишь при условии улучшения экономического положения страны, стабилизации политической системы, цивилизованного подхода к рынку и проведения приватизации с участием трудовых коллективов, демократизации трудового законодательства, которое бы отражало интересы работающих и выполняло защитные функции.

2. Стороны трудовых конфликтов.

Сторонами индивидуальных трудовых конфликтов выступают, как правило, работник и работодатель. Гораздо сложнее вопрос о сторонах коллективного трудового конфликта. Проиллюстрируем эту проблему на примере заключения коллективного договора.

Сам по себе процесс заключения коллективного договора – это цепочка микроконфликтов по вопросам установления и применения условий труда, по различным социальным вопросам и т.д. Фактически конфликты возникают уже в стадии ведения так называемых коллективных переговоров, регламентированных Законом РФ «О коллективных договорах и соглашениях». Суть коллективных переговоров – разработка, заключение и (или) изменение коллективного договора. Инициатором таких переговоров может выступать любая из сторон. Законодательство о коллективных договорах относит к сторонам: а) работников в лице одного или нескольких профсоюзов, иных уполномоченных работниками представительных органов; б) работодателя или непосредственно уполномоченных им представителей.

Думается, что на государственном или муниципальном предприятии сторонами коллективного договора могут выступать любой представительный орган наемных работников (профсоюзный комитет, совет трудового коллектива и т.п.) и работодатель. На предприятиях других форм собственности (в акционерных обществах, товариществах, кооперативах и т.п.) стороной коллективного договора не может быть любой представительный орган, например правление или совет акционеров, поскольку эти представительные органы отражают скорее корпоративные интересы, чем интересы наемных работников.

Еще сложнее вопрос о сторонах коллективного трудового конфликта при забастовке. Ими могут быть, с одной стороны, работодатель, а с другой – коллектив предприятия, учреждения, организации, фирмы или, как отмечается в ст. 1 Закона РФ «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» и в ст. 220 КЗоТ РФ, профсоюз. Представляется, что помимо профсоюза стороной трудового конфликта при забастовке может также быть иной выборный представительный орган наемных работников (например, совет трудового коллектива). Возможны коллективные трудовые конфликты при забастовке между трудовыми коллективами двух и более предприятий, учреждений, организаций, фирм или между несколькими профсоюзами (иными выборными представительными органами наемных работников) и соответствующими органами управления.

2. Классификация трудовых конфликтов.

Как мы уже отмечали, трудовые конфликты можно разделить на две основные категории: индивидуальные и коллективные. Подобная классификация является необходимым условием для уяснения порядка их рассмотрения.

Предметом индивидуальных трудовых конфликтов может стать увольнение работника, либо отказ признать за работником те или иные права (например, на премию, тринадцатую зарплату, вознаграждение за выслугу лет, на дополнительный отпуск и т.п.) вопреки действующим законам, постановлениям, правилам, трудовому договору (контракту), локальным нормативным актам. Как в том случае, когда спорящий работник считает, что его права нарушены, так и тогда, когда он добивается признания за ним какого-либо нового права, речь идет либо о применении к данному типу нормативных условий, установленных законом, коллективным договором и т.п., либо об исполнении заключенного индивидуального трудового договора (контракта).

Таким образом, первая категория (конфликты индивидуального характера) охватывает все споры, касающиеся применения установленных условий труда (а также последствий этого применения) к конкретным лицам.

Вторую категорию споров составляют коллективные трудовые конфликты. Они могут возникать как по вопросам, регулируемым законами, указами Президента РФ, постановлениями правительства (зачастую спровоцированными изданием этих

актов), так и по вопросам, которые решаются либо по соглашению между работодателем и выборным представительным органом работников (например, при заключении коллективного договора), либо работодателем по согласованию с выборным представительным органом работников или с учетом его мнения. Такой конфликт может возникнуть или при заключении соглашения с работодателем (например, при заключении коллективного договора), или если выборный представительный орган работников считает неправильным тот или иной акт работодателя (приказ, распоряжение, инструкцию) об установлении или изменении существующих условий труда и быта.

Предмет такого конфликта касается не персонально конкретных лиц, а любого работника, работающего на данном предприятии.

Предметом конфликтов индивидуального значения является, как мы видим, восстановление или признание индивидуальных прав. Предметом же конфликтов коллективного значения служит установление или изменение либо тех или иных нормативных условий труда (для всех работников или отдельных категорий работников) на данном предприятии, либо конкретных обязательств работодателя или соответствующего органа управления по отношению ко всему коллективу предприятия по отношению ко всему коллективу предприятия (его подразделения) или коллективам нескольких предприятий.

По действующему российскому законодательству выдвинуть коллективные требования к работодателю имеют право:

- 1) коллектив работников всего предприятия или коллектив работников структурно-то подразделения предприятия;
- 2) профессиональный союз или объединенное представительство профсоюзов, ассоциация (объединение) профсоюзов.

Трудовой коллектив (или его часть) либо профсоюз вправе использовать для удовлетворения своих законных требований все предусмотренные действующим законодательством средства разрешения коллективных трудовых конфликтов, вплоть до полного или частичного прекращения работы (невыход на работу, невыполнение своих трудовых обязанностей) на предприятии – забастовки (стачки). Забастовка, согласно законам о труде Российской Федерации, рассматривается как крайняя мера разрешения коллективного трудового конфликта.

Решение о забастовке принимается на общем собрании (конфедерации) трудового коллектива или профсоюза тайным голосованием и считается принятым, если за него проголосовало не менее 2/3 членов данного коллектива либо профсоюза (делегатов конференции). Забастовку возглавляет уполномоченный трудовым коллективом или профсоюзом орган. Никто не может быть принужден к участию или к отказу от участия в забастовке. Администрация должна быть предупреждена письменно о начале забастовки и возможной ее продолжительности не позднее чем за две недели. О возможности предстоящей забастовки администрация незамедлительно предупреждает поставщиков и потребителей, транспортные организации, а также другие заинтересованные предприятия, учреждения, организации.

Забастовка как, с одной стороны, вид, а с другой – способ разрешения коллективного трудового конфликта крайне нежелательна не только для тех категорий лиц, которые прямо или косвенно оказываются втянутыми в этот процесс, но для всего государства. В конечном счете издержки, связанные с забастовкой, как правило, оказываются неизмеримо выше тех требований, которые в результате удовлетворяются, не говоря уже о еще большей «цене» забастовок, заканчивающихся безрезультатно или признанных в установленном порядке незаконными. Поэтому предупреждение забастовок – весьма важная задача, стоящая перед нашим обществом.

Возможны несколько путей предупреждения забастовок – одного из наиболее неблагоприятных для общества видов коллективных трудовых конфликтов.

Во-первых, это, как уже отмечалось, создание экономических условий, обеспечивающих возможность удовлетворения материальных интересов групп – участников забастовок путем мобилизации их собственных усилий.

Во-вторых, это создание работающего «переговорного механизма» между сторонами, причастными к забастовке. Основная направленность здесь должна состоять в поиске компромиссов между конфликтующими группами. Необходимо выяснять требования бастующих, искать компромиссы, объяснять перспективы, превращать бастующих в союзников по устранению нежелательной ситуации. Целесообразно в связи с этим создание специальной службы регулирования трудовых конфликтов, которая, кстати, предусматривается одним из вариантов проекта Основ законодательства о труде Российской Федерации.

В-третьих, целесообразно принять более эффективный закон о регулировании коллективных трудовых конфликтов и кодифицировать нормы, регулирующие отношения трудовых коллективов с работодателями.

В-четвертых, нужно более активно содействовать усилению роли независимых профсоюзов. Необходим закон о профсоюзах в Российской Федерации, где были бы урегулированы вопросы взаимоотношений и взаимодействия уже созданных и вновь создаваемых профсоюзов, более четко определены права профсоюзов в урегулировании забастовок.

4. Легальность рассмотрения трудовых конфликтов.

В большинстве случаев способы разрешения как индивидуальных, так и коллективных трудовых конфликтов легальны. Однако этот вопрос решается отнюдь не однозначно. Скажем, далеко не всякая забастовка, будучи средством разрешения коллективного трудового конфликта, может рассматриваться как легальная. Не секрет, что большинство забастовок выходят за рамки коллективного трудового конфликта, зачастую перерастая в остросоциальные, а порой к политические потрясения. Бесспорно, что с точки зрения действующего законодательства они должны признаваться незаконными; в этом случае вступает в действие механизм, предусмотренный ст. 9—17 Закона «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)».

Однако было бы совершенно неправильно слишком упрощенно трактовать вопросы о законности или незаконности забастовок.

Как известно, незаконными признаются забастовки:

- а) по политическим мотивам, в том числе с требованиями об изменении конституционного строя; созыве, роспуске или изменении порядка деятельности высших органов государственной власти, отставке их руководителей или руководителей государства и республик, а также с требованиями, влекущими нарушение национального и расового равноправия либо изменение границ;
- б) объявленные без соблюдения установленных законом процедур.

Прекращение работы как средство разрешения коллективного-трудоового конфликта не допускается, если это создает угрозу жизни и здоровью людей, а также на предприятиях и в организациях железнодорожного и городского общественного транспорта (включая метро), гражданской авиации, связи, энергетики, оборонных отраслей (в подразделениях, непосредственно занятых производством продукции оборонного назначения), в государственных органах, на предприятиях и в организациях, на которые возложено выполнение задач по обеспечению обороноспособности, правопорядка и безопасности страны, в непрерывно действующих производствах, приостановка которых связана с тяжелыми и опасными последствиями.

Трудовые коллективы указанных предприятий и организаций или профсоюзы после соблюдения установленных примирительных процедур имеют право обратиться за защитой своих законных прав и интересов к Президенту РФ или Премьер-министру РФ, другим высшим должностным лицам республики, которые рассматривают их требования и выносят по ним соответствующие решения в месячный срок.

Думается, что перечень оснований, дающих право соответствующим органам признать забастовку незаконной, требует уточнения и конкретизации. Скажем, нещадно обруганный в свое время в нашей стране американский закон Тафта — Хартли тем не менее с точки зрения юридической техники был совершенным. Он запрещал следующие виды забастовок: а) забастовки, проводимые в знак

солидарности с забастовавшими рабочими; б) забастовки государственных служащих; в) забастовки, имеющие целью заставить предпринимателя оплачивать время простоя; г) забастовки с требованиями принять на работу новых или ранее уволенных рабочих; д) забастовки так называемого юридического характера, т.е. с требованием к предпринимателю признать представителем рабочих данный профсоюз, а не какую-либо штрейкбрехерскую или подставную организацию. Кроме того, по этому закону суду было предоставлено право запретить забастовку в случае признания ее угрожающей общественной безопасности

Отнюдь не призывая законодателя к использованию положений закона Тафта – Хартли при разработке нового российского правового акта о забастовках (а такой документ просто необходим), мы тем не менее полагаем, что некоторые позитивные тенденции развития забастовочного законодательства ряда западных стран (и некоторых стран Восточной Европы, например Польши) могут быть нами учтены.

[1] Ведомости Верхов Совета СССР 1991. № 23 Ст. 654.

[2] См., напр : Трудовое право и повышение качества труда М, 1987. С 46—51; Лившиц Р.З. Трудовое законодательство: Настоящее и будущее М, 1989. С. 191.

[3] См . Трудовое право и повышение качества труда С. 52.

[4] Подр см. Киселев И Я. Трудовое право в условиях рыночной экономики опыт стран Запада. М., 1992.

[5] См.: Новое рабочее и профсоюзное движение: Информ.-аналит. бюлл. М., 1993. IV. С. 4 – 5.

[6] См.: Новое рабочее и профсоюзное движение: Информ.-аналит. бюлл. М., 1993. IV. С. 5 – 9.

§ 16. СЕМЕЙНЫЕ И МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ КОНФЛИКТЫ

1. Понятие семейного конфликта.

Человек – существо несовершенное. В нем одновременно уживаются добро и зло, достоинства и недостатки, смелость и осторожность, мягкость и строгость, честность и бесчестье. Поведение, настроение, эмоции человека изменчивы и зависят от его физического и психического состояния[1].

Повседневно вступая во множество контактов в магазинах, транспорте, на работе и т. д., человек испытывает психические, эмоциональные и физические перегрузки. Они сказываются на настроении, поведении и выливаются в длительное состояние депрессии человек испытывает неудовлетворенность, разлад с самим собой, внутреннее противоречие между разумом и чувствами, т. е. переживает внутренний конфликт, выход из которого зависит от его усилий и способностей.

Личная жизнь имеет первостепенное значение для человека. При достижении социальной зрелости мужчина и женщина добровольно создают брачный союз и семью. Однако брачные и семейные отношения регулируются правом, которому не подчиняются человеческие чувства.

Межличностные отношения, возникающие в преддверии образования семьи, могут давать сбои, ибо органы Государственной регистрации могут быть введены в заблуждение или неправильно информированы. Чтобы исключить подобные нежелательные ситуации, органы загса, регистрирующие брак, требуют указания в заявлении на отсутствие препятствий к браку, на наличие предшествующего брака и детей. Поэтому ранее состоявшие в браке должны представлять свидетельство о расторжении брака или свидетельство о смерти супруга. Вступающие в брак обязаны представить документы, удостоверяющие личность (паспорт, удостоверение, военный билет и т.д.), а также дать подписку, что им известно о состоянии здоровья друг друга.

Таким образом, предъявление перечисленных документов устраняет все сомнения в достоверности сведений брачащихся и предотвращает возможные конфликты в стадии оформления брачного союза.

Разные виды конфликтов на различных стадиях становления семьи находятся за пределами правового регулирования. Никакая норма права не может обязать человека быть выдержанным, спокойным, уступчивым, внимательным. Это зависит от самого человека, его умения управлять собой, уступать и идти на компромисс. Это не врожденные способности, они достигаются в результате упорной работы человека над самим собой и, конечно, воспитания.

Жизнь семьи не ограничивается эмоциями и чувствами. Это тот фундамент, на котором существуют семья и отношения между ее членами. Личные взаимоотношения мужа и жены дополняются правами и обязанностями, вытекающими из зарегистрированного брака. Статья 4 КоБС РСФСР относит к личным правам супругов право выбора фамилии, право на определение рода занятий и профессии, право на свободный выбор местожительства, право на совместное решение жизненно важных вопросов семьи.

Общие вопросы семейной жизни супруги должны решать совместно, по взаимному согласию, и никто из них не может иметь каких-либо преимуществ. Однако «должны» еще не означает, что все это реализуется в обыденной жизни. В качестве примера сошлемся на право выбора фамилии супругов. При вступлении в брак можно оставить добрачные фамилии, можно сделать общей фамилию одного из супругов, можно соединить через тире обе фамилии. Отсутствие согласия при выборе семейной фамилии, несогласие с доводами друг друга приводит к конфликту между супругами.

Невозможность самостоятельно решить спор заставляет супругов прибегать к помощи третьей стороны – соответствующего государственного органа: народного суда, органа опеки и попечительства и др. Если супруги приходят к общему решению и устраняют возникший спор, у обиженного супруга остается чувство досады и неудовлетворенности, которое дремлет до поры, до времени, чтобы затем вновь выплеснуться при очередном конфликте.

Жизнь семьи связана не только с личными взаимоотношениями супругов, родителей и детей, родственников, но и с имущественными отношениями. И те, и другие отношения могут приводить к конфликтам в семье.

Но как бы теоретически обоснованно не выглядели эти типы семейной экономики, все же объем труда в доме, выполняемый женщиной и мужчиной, различен. Так, в рабочие дни мужчина тратит на домашний труд 59 минут, женщина – 2 часа 48 минут, в выходные дни мужчины – 2 часа 17 минут, женщины – 5 часов 44 минуты[2]. Работа женщины на производстве и дома вызывает огромные перегрузки, которые не каждая женщина может выдержать. К перегрузкам добавляются материальная необеспеченность, нежелание мужа помогать по дому. В этих условиях женщины срываются и происходит конфликт. Только совместное участие мужа и жены в ведении домашнего хозяйства может обеспечить благополучие семьи. При определении экономики семьи важно учитывать, что экономика – это не только количество имеющихся в распоряжении семьи материальных благ, но и отношение супругов и детей к ним. Семейный бюджет складывается из денежных поступлений, льгот из общественных фондов потребления, натуральных доходов. Кроме того, в распоряжении супругов находится имущество, нажитое до оформления брака и во время брака.

В соответствии со ст. 20, 22 КоБС РСФСР добрачное имущество относится к категории личного имущества супругов, а нажитое ими в браке – к категории общего имущества.

В случае спора каждый из супругов может подтверждать принадлежность ему добрачного имущества, ссылаясь на свидетельские показания, представляя квитанции, чеки, другие документы. Например, в суде был предъявлен иск о разделе имущества между В. и Я.[3] Я. утверждала, что швейная машинка и кухонный стол были приобретены ею до брака. Она представила в качестве доказательства гарантию на швейную машинку, в которой стояла дата продажи. При сопоставлении этого документа и свидетельства о браке суд установил, что машинка куплена до заключения брака.

К личной собственности каждого супруга может быть отнесено имущество, полученное во время брака в дар или в порядке наследования. Но дарение или наследование должно быть персонифицированным. Если подарок преподносится обоим супругам, то такое имущество рассматривается как общее.

Личным имуществом являются индивидуальные вещи супругов (одежда, обувь и др.), даже если они приобретены на общие средства. Исключение составляют предметы роскоши (изделия из драгоценных металлов, редкие меха, драгоценные камни и т.д.). Поскольку законом не определено, что считать предметом роскоши, в случае спора суд решает вопрос исходя из конкретных условий.

Каждый супруг владеет, пользуется и распоряжается личным имуществом самостоятельно. Согласия другого супруга на отчуждение этого имущества, т.е. продажу, дарение или совершение иных актов распоряжения, не требуется.

Супруги имеют равные права владения, пользования и распоряжения имуществом, нажитым ими во время брака. Равенство прав проявляется в том, что при распоряжении имуществом одним из супругов не требуется согласия другого. Предполагается, что оно существует. Вместе с тем есть виды имущества, для распоряжения которыми требуется письменное согласие супруга. Это касается отчуждения (продажи, дарения, мены) дома (или части его), квартиры в доме ЖСК, автомашины. При отсутствии надлежаще оформленного согласия супруга договор об отчуждении указанных видов имущества признается недействительным, хотя бы приобретатель и был добросовестным. Согласно ст. 21 КоБС РСФСР, возможен раздел общего имущества супругов с целью определения долей в их общей совместной собственности. Такой раздел имущества допускается во время брака и при разводе. Когда разрушается семья и невозможно устранить конфликт между супругами, раздел имущества происходит болезненно, поскольку каждый отстаивает свои права, доказывает свое преимущественное право на владение тем или иным имуществом.

Б. обратилась в суд с иском к бывшему мужу Б. и просила признать за ней право собственности на автомашину «Москвич»[4]. В иске она указала, что машина приобреталась во время брака, но денежные средства в размере 588 руб. она получила от своей матери С., а 2500 руб. взяла у тетки бывшего мужа в долг, который позже ей возвратила Советский районный народный суд Курска принял решение о признании за истицей права собственности на 1/2 часть автомашины и передаче ей автомобиля. В пользу ответчика взыскивалась денежная компенсация за половину стоимости автомашины в размере 2905 руб. Вышестоящие судебные инстанции признали это решение неправомерным и подлежащим пересмотру. Внимание народного суда обращалось на следующие обстоятельства. Из материалов дела, объяснений сторон видно, что автомашина, по поводу которой возник спор, была куплена через два месяца после регистрации брака на средства матери истицы и тетки ответчика, а не нажитые в период брака. Эти обстоятельства нашли подтверждение в копиях лицевых счетов, представленных С. Следовательно, данная автомашина была приобретена супругами не на общие, а на личные средства супругов, переданные им родственниками не в равном, а в разных размерах. При решении спора важно определить доли каждого из супругов в праве собственности на автомашину исходя из размера денежных сумм, которые они потратили на покупку. При разрешении спора об имуществе в некоторых случаях сторона должна доказать свое право собственности на спорное имущество.

К. предъявил иск к Н. о разделе имущества[5]. Брак с ответчицей он расторг в 1980 г., но до 1986 г. проживал с ней одной семьей, имея общий бюджет, единое хозяйство и приобретая имущество. В 1986 г. К. прекратил совместное проживание с ответчицей. Истец просил суд выделить ему часть имущества: телевизор, мебель и другие вещи. Севастопольский районный народный суд Москвы удовлетворил иск, руководствуясь ст. 121 ГК РСФСР о выделе доли из общего имущества. Однако, применяя правила этой статьи, суд должен был потребовать от истца доказательства его права собственности на имущество, т.е. что имущество было им приобретено на его средства, либо ему подарено, либо унаследовано. Если какое-либо конкретное имущество приобретено сторонами совместно, то необходимо установить размер

участия каждой из сторон в его приобретении и учесть это при разделе имущества. Если спор идет о нескольких конкретных вещах, то вопрос о праве собственности на каждую из них суд должен исследовать отдельно. В нашем же примере при решении спора суд фактически применил ст. 20 КоБС РСФСР, говорящую о равном праве супругов на имущество, нажитое в период брака, хотя эта норма в данном случае не могла применяться, так как в период приобретения имущества стороны в браке не состояли. С учетом всех этих обстоятельств в соответствии со ст. 50 ГПК РСФСР и истец, и ответчик должны были представить суду доказательства своего права собственности на то или иное имущество, что не было сделано.

Столь подробное описание отношений, которые возникают, развиваются и прекращаются в семье, нам потребовалось для того, чтобы найти подходы к определению, что представляет собой семейный конфликт, его объективная и субъективная стороны. Объективной стороной семейного конфликта, на наш взгляд, являются отклонения в поведении супругов, во взаимоотношениях с другими членами семьи, столкновения позиций, точек зрения, мнений по поводу одного и того же вопроса в жизни семьи. Субъективная сторона семейного конфликта проявляется в том, что супруги и другие члены семьи в сложившейся ситуации не могут найти единственно правильное решение.

Определить семейный конфликт можно как противоречивое поведение супругов и других членов семьи в сфере семейных отношений (личных и имущественных), как столкновение супружеских и родственных амбиций с целью установления собственного приоритета в решении жизненно важных вопросов семьи.

Семейные и межличностные конфликты можно классифицировать по следующим признакам:

1) по субъектам конфликтных ситуаций: конфликты между супругами; супругами и их детьми; супругами и родителями каждого из супругов; бабушками и дедушками и внуками; членами семьи и воспитателем детского сада, учителем школы, врачом поликлиники и т.п.;

2) по содержанию самого конфликта: несовпадение чувств и реальных отношений супругов; несовпадающие подходы к воспитанию детей, ведению домашнего хозяйства; вмешательство родителей каждого из супругов в семейную жизнь; неадекватная реакция родителей на отношение к детям в детских учреждениях (детский сад, школа, поликлиника и т.д.);

3) по сфере проявления конфликтов: конфликт в семейных отношениях (личных или имущественных); в отношениях между родственниками; в отношениях членов семьи с членами коллективов различных государственных и общественных организаций.

Предложенная классификация не является исчерпывающей/ ибо другой исследователь может предложить свои критерии. Но в любом случае она будет полезной для уяснения сути семейного конфликта.

2. Причины семейных и межличностных конфликтов.

Трения, недомолвки, разлады характерны не только для молодой семьи, но и для семьи со стажем. Любая семья, будь то гармоничная или неблагополучная, испытывает трудности. Они мешают жизни супругов, но не обязательно вызывают чувство стойкой неудовлетворенности браком. Например, муж может курить в комнате, не считаясь с присутствием некурящей жены, маленьких детей или пожилых родителей, или кулинарные способности жены оставляют желать лучшего, но эти обстоятельства, вызывая определенный дискомфорт, не приводят к резким разногласиям. Хуже, когда у супругов возникает серьезное чувство неудовлетворенности семейной жизнью. Это чувство, появившись, нарастает изо дня в день и ведет к долговременному разладу в семье. Если супруги не проявляют стремления к его устранению, разлад приводит к прекращению семейных отношений. По утверждению Ю. Рюрикова, в быту распространены «три невежества»: психологическая неграмотность супругов; половое невежество; педагогическая малограмотность[6]. Они лежат в основе семейных конфликтов. Каждое из них рождает множество оснований для разлада. Одни причины связаны

непосредственно с супругами; другие возникают во внутрисемейных отношениях; третьи обусловлены внешними факторами,

В период, когда юноша и девушка встречаются, знакомятся друг с другом, чувство влюбленности, романтизма мешает им взглянуть на партнера с житейской позиции. Каждый из них, вступая в брак и создавая семью, имеет свои взгляды, привычки, которые отличаются от взглядов и привычек его партнера. Так, один из супругов приучен к порядку, другой не имеет об этом никакого представления, ибо всю предшествующую жизнь жил за спиной родителей. Уже на первых порах семейной жизни проявляется бережливость одного и отсутствие ее у другого супруга. Эти и другие штрихи можно отнести к издержкам воспитания, которые не способствуют установлению добрых отношений в семье, а уже с первых дней совместной жизни порождают конфликты.

Создавая собственную семью, молодые люди выходят из-под опеки родителей и начинают самостоятельную жизнь, не будучи к ней подготовленными. Их не приучили к самостоятельности, им не объяснили, что надо уживаться со своим избранником или избранницей, уступать, мириться с недостатками характера друг друга, быть внимательными и заботливыми.

Суммируя сказанное, эту причину конфликтов в семье можно обозначить как неподготовленность к браку. Она наиболее часто проявляется в начале семейной жизни и нередко приводит к разводу. И. В. Дорно отмечает, что в первый год жизни семьи вероятность развода велика и составляет до 30% от общего числа браков[7].

Причиной конфликта между супругами может быть дисгармония их интимных отношений, возникающая при утрате чувства любви, влечения друг к другу, утрате здоровья как следствии курения, злоупотребления алкоголем, незнании психогигиены брака, как, впрочем, и других сторон семейной жизни.

Таким образом, первая группа причин конфликтов связана с самими супругами, с их характером, неподготовленностью к браку, неналаженной половой жизнью.

Ко второй группе можно отнести причины внутрисемейных конфликтов, в которые вовлечены дети, представители старшего поколения и т.д.

Любящие мужчина и женщина, объединяясь в семью, стремятся к продолжению рода и воспитанию детей. Однако эта благородная идея семейного союза имеет свои негативные последствия, которые также порождают конфликты. С появлением в семье ребенка нагрузка по уходу за ним ложится, как правило, на жену. Она не работает и все свои силы отдает ребенку и дому. Первое время муж помогает, но затем его помощь становится все меньше и меньше то ли в силу нежелания и лени, то ли в силу неумения и неподготовленности к выполнению отцовской обязанности: отец не хочет лишиться раз подняться ночью к плачущему ребенку, сходить на молочную кухню за детским питанием, постирать пеленки, выйти с ребенком на прогулку. Нагрузки жены возрастают, а к физической добавляется еще и моральная усталость, раздражительность. Между супругами возникают трения, в адрес друг друга раздаются упреки. В такой ситуации конфликт неизбежен.

Следовательно, чрезмерные перегрузки жены, ее монотонная, однообразная жизнь, особенно в первый год после появления ребенка, к тому же отсутствие помощников по дому – одна из главных причин внутрисемейных конфликтов между супругами.

Процесс воспитания детей может также являться причиной разногласий, а нередко и конфликтов в семье. Каждый из родителей старается привнести в воспитание ребенка то, что он сам получил от своих родителей, или то, что он считает целесообразным. Поэтому подчас разрешенное одним из родителей запрещается другим. Если же к воспитанию детей в той или иной степени привлекается старшее поколение (бабушки и дедушки, тети и дяди и т.д.), которое придерживается взглядов и принципов, не совпадающих со взглядами и принципами родителей ребенка, то в сферу возникшего конфликта втягивается большое число участников. В тех случаях, когда побеждает здравый смысл, конфликт разрешается «мирными» средствами и негативных последствий не имеет.

От общих рассуждений необходимо обратиться к закону. В ст. 52 КоБС РСФСР закреплена обязанность родителей воспитывать своих детей, заботиться об их физическом развитии и обучении, готовить к общественно полезному труду, растить

достойными членами общества. Причем отец и мать имеют равные права и обязанности в отношении своих детей (ст. 54 КоБС).

Вряд ли родители строго выполняют предписания закона? Довольно часто один из родителей, а то и оба пренебрегают своими обязанностями и нарушают закон. Невыполнение родителями своих обязанностей по воспитанию детей может выражаться в проявлении недобросовестности по отношению к детям или в уклонении от своих прямых обязанностей по воспитанию детей.

Эмоциональная неустойчивость родителей или одного из них, нежелание уделять достаточное время детям ведет к отчуждению родителей и детей, к ссорам между родителями. На фоне экономических, социальных и иных неурядиц в нашем государстве снижается материальное благосостояние многих семей. В итоге возрастает загруженность родителей, совмещающих несколько видов работ. У женщины к работе на производстве добавляется домашнее хозяйство, вместе с тем уменьшается свободное время, которое можно было бы посвятить детям. Со стороны отца семейства может обнаружиться нежелание участвовать в домашних делах, увлечение алкоголем, праздное времяпрепровождение на стороне. Все это накаляет атмосферу в семье. Ссоры и выяснения отношений между родителями становятся постоянными спутниками семейной жизни. В атмосфере вражды и зла дети страдают больше, чем взрослые, но конфликтующие родители меньше всего думают о тех психических травмах, которые они наносят своим поведением собственным детям.

Степень социальной опасности возрастает при прямом уклонении родителей от воспитания детей. Оставшись без родительского попечения, испытывая отчуждение к самым близким людям, дети не стремятся улаживать конфликты с родителями. Они оставляют семью, уходят на улицу, в криминальную среду. Ежегодно в органы внутренних дел за различные преступления доставляется свыше 900 тыс. детей, 50 тыс. ребят уходят из семей и попадают в приемники-распределители, 90% воспитанников интернатов страны страдают психическими расстройствами, обусловленными длительным пребыванием в неблагоприятной семейной обстановке. В результате злостного уклонения родителей от выполнения своих обязанностей ежегодно около 100 тыс. детей остаются без родительского попечения[8].

Недостаток общих знаний у родителей, их низкая педагогическая культура, нежелание искать компромиссы в отношениях с детьми также приводят к негативным последствиям. В этих случаях нормы морали оказываются бессильными. Устранение конфликта между родителями и детьми становится прерогативой государственного органа, действующего на основе норм права. В этом случае оба родителя (или один из них) лишаются родительских прав. В ст. 59 КоБС подчеркивается, что лишение родительских прав возможно, если будет установлено, что родители уклоняются от выполнения своих обязанностей по воспитанию детей, злоупотребляют своими родительскими правами, жестоко обращаются с детьми, оказывают вредное влияние на детей своим аморальным, антиобщественным поведением, а также если родители являются хроническими алкоголиками или наркоманами.

Причиной внутрисемейных конфликтов могут быть несложившиеся взаимоотношения супругов с родителями. В современных условиях, когда жилищная проблема еще далека от разрешения, новобрачные вынуждены проживать с родителями одного из них. У старшего поколения имеются уже сложившийся образ жизни, устоявшиеся привычки, молодые же начинают свою жизнь с «чистого листа». Помимо трудностей «притирки» друг к другу они должны еще войти в мир родителей. Не всегда это проходит гладко, начинаются осложнения, ссоры. Стороны конфликта не стремятся к взаимопониманию, к устранению конфликтной ситуации. Семья распадается.

Такой же конец ожидает и те семьи, которые живут отдельно от родителей, но не могут противостоять влиянию старших, связаны с ними в силу материальной или иной зависимости.

Жизненные обстоятельства заставляют всех членов семьи вступать в те или иные отношения с различными организациями и лицами. Это и детский сад, и поликлиника, и школа, и предприятие, и учреждение, и т.д. Отношения с такими

организациями не всегда складываются гладко. Отсюда те межличностные конфликты, которые возникают вне семьи, но болезненно ею переживаются. Психологическая несовместимость между детьми в детских садах и школах, между детьми и воспитателями, учителями; между родителями и другими членами коллективов, в которых они работают; неумение управлять собой и своими чувствами, нежелание уступить в спорной ситуации являются теми основаниями, которые приводят к зарождению конфликта. Его устранение всецело зависит от воли сторон

Приведем такой пример. Мать проводила сына С. в армию. Первые письма были сдержанными и короткими. Спустя некоторое время письма стали тревожнее, пока, наконец, мать не получила письмо, которое заставило ее отправиться по месту службы сына и обратиться к его командиру. При выяснении обстоятельств было установлено, что между старшиной взвода Н. и С. возник конфликт. Н. унижал С. перед другими солдатами, занимался рукоприкладством и т.д. Чтобы устранить конфликтную ситуацию, избежать негативных последствий, командир расформировал весь взвод, в котором были конфликтующие стороны. Попав в другое подразделение, С. нормально закончил свою службу в армии и вернулся домой.

Мы рассмотрели далеко не все причины семейных и межличностных конфликтов. Разные жизненные обстоятельства порождают разные столкновения между людьми. Главная задача членов семьи – если и не исключить их, то по крайней мере свести к минимуму.

3. Специфика семейных конфликтов.

В течение жизни человек выполняет несколько ролей: семьянина, работника, гражданина и т.д. Эти роли проявляются в коллективах людей, в которые он вступает. Его стремление к контактам с другими людьми чрезвычайно велико. Люди объединяются в коллективы по разным основаниям: взаимные чувства, общее дело, определенные интересы. В каждом из таких коллективов складываются определенные отношения между их членами. В случаях, когда эти отношения дают сбой, возникают конфликты, имеющие свои особенности.

Говоря о специфических чертах семейных конфликтов, прежде всего необходимо отметить, что они затрагивают область человеческих чувств и интимных отношений. В таких случаях обращение за моральной помощью к друзьям и подругам не всегда дает положительный результат. Благоразумный, конструктивный совет полезен, ибо он направлен на нормализацию отношений, но позиция приятеля (подруги), выраженная в совете: не уступай, не соглашайся, – может только усилить конфронтацию супругов.

Завершение конфликта и восстановление мира не означает, что со столкновениями в семье покончено. И это тоже является особенностью семейного конфликта. Нанесенные обиды, размолвки, ссоры оставляют след в душе супругов, постепенно увеличивают трещину, возникшую между мужем и женой, между родителями и детьми. Накапливаясь, они становятся детонатором, способным взорвать семью. Хорошо, если человек не помнит зла. А если черта его характера – злопамятство, то от него не спасет ни мораль, ни право, ни другой человек. С этой особенностью семейных конфликтов необходимо считаться, ибо невозможно применять принуждение к конфликтующим супругам.

Учитывая, что регуляторами отношений в семье являются нормы морали и права, отметим, что их требования не всегда совпадают. Поэтому их эффективность в улаживании семейных конфликтов сравнительно невысока. Взять хотя бы случай, когда семья юридически распалась, а фактически продолжает жить под одной крышей. Не все и не сразу могут произвести размен жилой площади, а сейчас, в условиях рынка жилья, это для большинства людей практически невозможно. Озлобленные неудачной семейной жизнью и невозможностью быстро избавиться друг от друга, разведенные супруги продолжают конфликтовать. На бытовом уровне все выглядит не так, как предусмотрено в нормах права и морали. Серьезные семейные разногласия, перерастающие в постоянные конфликты, заканчиваются

распадом семьи, который, как правило, оформляется разводом. Многим развод приносит избавление от враждебности, неприязни, обмана и всего того, что омрачало жизнь. По мнению Ю.Б. Рюрикова, у нас в 10—15 раз больше несчастных, неудачных браков, а эта беда страшнее разводов[9]. Люди обрекают себя на существование в полуудачных или неудачных семьях. В одном случае они руководствуются чувством долга, в другом боятся перемен или одиночества, в третьем боятся повторить ошибку. Но это все из области чувств и эмоций. Куда более важная причина, сдерживающая супругов от решительных шагов, — это дети, которые страдают неизмеримо больше, чем их расставшиеся родители. Если родителям предоставляется возможность в дальнейшем обрести свое счастье с другим спутником жизни, то дети не выбирают родителей. Их надломленная психика, связанная с отсутствием одного из родителей, насмешки и колкости сверстников ожесточают подрастающих юношей и девушек, делают их агрессивными, неуживчивыми, что влияет на отношения в семьях, которые они со временем создадут сами. Таким образом, сама семья воспроизводит конфликтность, которая является не столько наследственной, сколько приобретенной.

4. Способы разрешения семейного конфликта.

Как разрешить конфликт в семье и можно ли его предупредить? В нормах права нет ответов на эти вопросы.

Определенные рекомендации даются в работах психологов. А.А. Ершов предлагает ряд правил предупреждения межличностных конфликтов[10]. Представляется, что некоторые из них можно было бы использовать для разрешения семейных конфликтов. В частности, речь идет о таком правиле - замечание супругу надо делать наедине и выяснять причины его поведения, чтобы устранить недоразумение. Конфликтующие супруги игнорируют это правило и выясняют свои отношения в присутствии всех членов семьи, включая детей. Негативные последствия такого поведения родителей очевидны: это снижение уважения к ним со стороны детей, влияние на психику детей, приучение их к вседозволенности. Это же правило применимо и к взаимоотношениям с ребенком. С точки зрения предупреждения конфликта с ребенком очень важно, чтобы родители оберегали его самолюбие, избегали публичного обсуждения его поведения и не допускали нецензурных выражений в его присутствии.

Второе правило, способное предупредить конфликт в семье, заключается в том, что члены семьи должны стремиться понять позицию друг друга, не отвергать ее сразу же и резко, дать человеку возможность высказаться до конца. Умение терпеливо выслушать другого человека, будь то взрослый или ребенок, определяет культуру общения в семье, которая не появляется в одночасье, а складывается в процессе всей жизни семьи. Прочитав эти строки, иной усмехнется: как можно терпеливо выслушивать пьяного супруга, не вяжущего лыка? В подобной ситуации вообще исключены какие-либо выяснения отношений, ибо они могут только ухудшить и обострить обстановку.

Третье правило, дающее надежду предупредить конфликт в семье, состоит в том, что свою ошибку надо признать быстро и решительно, опережая возможную критику и нелестные высказывания.

Есть в арсенале у психологов и еще одно правило. Суть его в том, что при конфликте вести разговор надо в доброжелательном тоне, но твердом и спокойном. Это значит, что надо сдерживать свои эмоции, следить за своей речью, т.е. уметь владеть собой. Казалось бы, что в этих правилах нет ничего особенного. Но особенное все-таки есть, ибо, как утверждает А.А. Ершов, в основе этих правил лежит общепринятый закон отклика, или взаимности[11].

В реальной жизни этих правил не знают, либо знают, но не придерживаются. Поэтому разрастается конфликт, участниками которого становятся все члены семьи. Как и предупреждение конфликта в семье, его разрешение лежит в плоскости психологии отношений. Устранение конфликта должно начинаться с выяснения и осознания причины и возможных последствий столкновения[12]. Зная характеры друг друга и членов своей семьи, супруги должны проявлять уважение к каждому

участнику конфликта, а также терпимость к той позиции или точке зрения, которой придерживается оппонент. Для разрешения конфликта важна нормальная атмосфера в семье. Нельзя обязать человека понять другого, посмотреть на столкновение с его позиции, но только доброжелательность и воля каждого конфликтующего могут способствовать нормализации отношений. Когда речь идет о конфликте с детьми, необходим индивидуальный подход, повышенное внимание к только еще формирующемуся человеку.

Нормализацией отношений в семье можно считать: а) достижение взаимного примирения и согласия; б) компромисс, т.е. согласие на основе взаимных уступок, но при сохранении своих основных позиций, взглядов, отношений; в) победу одной стороны над другой со всеми вытекающими отсюда последствиями[13].

Перманентные конфликты, превратившиеся в постоянные, приводят к распаду семьи. Финалом разногласий и столкновений является развод. По мнению психологов, ему предшествует процесс, состоящий из нескольких стадий: 1) эмоциональный развод, выражающийся в отчуждении, безразличии супругов друг к другу, утрате доверия и любви; 2) физический развод, приводящий к раздельному проживанию супругов; 3) юридический развод, требующий правового оформления прекращения брака[14]. Ю.Б. Рюриков рассматривает право на развод как право на исправление ошибки в выборе спутника жизни, право на новый поиск личного счастья[15]. Право на развод освобождает супругов от бесконечных конфликтов, от того дискомфорта, который они порождают. В то же время оно не устраняет межличностные конфликты в тех случаях, когда в семье есть дети. У них нет права на поиск новых родителей, они продолжают оставаться причиной споров теперь уже бывших супругов по поводу права на свидания, на воспитание, на алименты и т.д.

Закон предоставляет супругам право на прекращение брачного союза, когда их дальнейшая совместная жизнь становится невозможной. Реализация этого права не зависит от числа прожитых лет или достижения обоюдного согласия. Каждый из супругов добровольно принимает решение и обращается в государственный орган (загс, суд) с целью выполнения процедуры развода.

С заявлением о расторжении брака в загс или с иском в суд могут обращаться как оба супруга, так и один из них (ст. 30 КоБС). Вместе с тем закон ограничивает право мужчин требовать расторжения брака во время беременности жены и в течение одного года после рождения ребенка (ст. 31 КоБС). Это правило действует и в тех случаях, если ребенок родился мертвым или не дожил до года.

Представляется, что данная норма закона, предусматривающая отсрочку развода, важна с точки зрения не только попытки сохранить семью, но и смягчения того морального удара, который обрушивается на женщину, остающуюся одной с ребенком или без него.

После принятия искового заявления о расторжении брака, поданного одним из супругов, судья должен вызвать другого супруга, выяснить его отношение к исковым требованиям, принять меры к примирению сторон. Беседа судьи с разводящимися супругами о примирении иногда дает положительные результаты. Жизненный опыт судьи, используемые для примирения сторон убеждение и внушение – это те средства, которые помогают устранить негативные последствия семейного конфликта. Бывают случаи, когда в результате проведенных судьей в процессе подготовки дела к слушанию бесед как с каждым супругом отдельно, так и с участием обоих супругов и их родителей супруги забирают заявление о разводе. В тех случаях, когда воздействие судьи не дало положительного результата, им изучаются все обстоятельства, подлежащие исследованию в судебном заседании.

Рассмотрение дела о расторжении брака требует присутствия обоих супругов. От каждого из них суд получает объяснения о характере семейных отношений, мотивах и причинах разлада в семье. Иногда суды рассматривают бракоразводные дела, когда присутствует только одна сторона.

М. обратилась в суд с иском о расторжении брака с В. и взыскании с него алиментов[16]. В качестве причины развода она указала на злоупотребление мужем спиртными напитками, частые ссоры и скандалы из-за этого. Народный суд расторг брак М. и В. и взыскал с В. алименты. Ответчик в процессе не участвовал. Узнав о

решении суда, В. подал кассационную жалобу, в которой изложил свои доводы: копию- заявления истицы в народный суд ему не вручили, с мотивами развода, изложенными истицей, и судебным решением он не согласен, согласия на рассмотрение дела в его отсутствие он не давал. Таким образом, В. не мог дать свои пояснения по поводу требований, заявленных истицей. В связи с тем, что ряд обстоятельств не был проверен в судебном заседании, а в основу решения суд положил объяснения одной только М., вышестоящая судебная инстанция отменила решение суда.

Закон не содержит перечня причин и мотивов прекращения брака. Они могут быть самыми разными. Как показывает практика, женщины в качестве причин расторжения брака чаще всего называют пьянство, алкоголизм супруга, измену или подозрение в измене супруга, несходство характеров. У мужчин причинами развода выступают появление другой семьи, частые ссоры, несходство характеров, измена жены, потеря любви и т.д. К названным причинам расторжения брака И.В. Гребенников добавляет: необдуманность выбора одного из супругов, отсутствие общих интересов и взглядов, легкомысленное отношение к супружеским обязанностям, длительное раздельное проживание супругов, психологическую или сексуальную несовместимость, грубость, жестокость, бестактность, иждивенчество, отказ создавать общий бюджет семьи, осуждение одного из супругов к лишению свободы за совершение преступления, психические, венерические болезни, невозможность (нежелание) иметь детей, бестактное вмешательство родителей в жизнь молодой семьи, материальные и жилищные трудности[17]. Анализ каждой причины расторжения брака должен дать ответ на вопрос о том, возможны ли дальнейшая совместная жизнь супругов и сохранение семьи. Если нет, то суд, согласно ст. 33 КоБС, выносит решение о прекращении брачных отношений между супругами. Юридически оформлен распад семьи. Можно было бы считать, что устранены основания для конфликтов. Однако в быту все гораздо сложнее. Остаются дети, жилищная и материальная проблемы, обостренные отношения между бывшими супругами в одних случаях до размена квартиры, в других – на всю оставшуюся жизнь.

Хотя развод можно считать радикальным средством разрешения конфликта в семье, тем не менее он имеет свои негативные последствия. Они различны для разных субъектов – для разводящихся, для детей, для общества. Наиболее уязвима при разводе женщина, у которой обычно остаются дети. Она больше, чем мужчина, подвержена нервно-психическим расстройствам. У разведенной женщины остается нереализованной репродуктивная функция. Негативные последствия развода для детей не идут ни в какое сравнение с последствиями для субъектов. Ребенок теряет одного (подчас любимого) родителя, воспитывается одним родителем, ибо во многих случаях матери препятствуют отцам встречаться с детьми. Ребенок часто испытывает издевки сверстников по поводу отсутствия у него одного из родителей, что сказывается на его нервно-психическом состоянии. В результате ухудшается его здоровье, успеваемость в школе, что приводит к осложнению отношений с тем родителем, с которым он проживает. Развод супругов ведет к тому, что общество получает неполную семью, увеличивается число подростков с отклоняющимся поведением, растет преступность. Все это создает для общества и государства дополнительные трудности.

Развод как средство выхода из семейного конфликта до конца не решает всех проблем. Столкновения между бывшими супругами возможны и после расторжения брака, в частности по поводу имущества, алиментов и т.д.

Например, одновременно с иском о расторжении брака не могут рассматриваться иски о взыскании алиментов на детей, если предъявлен встречный иск о признании недействительной актовой записи об отце или матери ребенка; требования имущественного характера, связанные с членством одного из супругов в садоводческом товариществе, гаражно-строительном и дачно-строительном кооперативе; требования о разделе жилой площади, так как при этом затрагиваются права третьих лиц.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что в арсенале правовых средств практически нет радикальных мер, способных разрешить семейные конфликты. Все

находится во власти людей, их умения найти общий язык, избежать нежелательных инцидентов.

-
- [1] См Донченко Е.А, Титаренко Т.М. Личность. Конфликт. Гармония. Киев, 1989 С. 134; Рюриков Ю. Трудность счастья (любовь и молодая семья). М., 1977. С. 58.
 - [2] См.: РСФСР в цифрах в 1990 году. М., 1991. С 57.
 - [3] См.: Бюлл. Верхов. Суда РСФСР. 1986 № 7. С 9.
 - [4] См.: Там же. 1990. № 9. С. 11
 - [5] См.: Там же. № 1. С. 12.
 - [6] См.: Рюриков Ю. Указ, соч. С. 40.
 - [7] См.: Дорно И. В. Современный брак проблемы гармонии. М., 1990. С. 125
 - [8] См.: Белякова А..М. Вопросы советского семейного права в судебной практике. М, 1989. С. 105
 - [9] См. Рюриков Ю.Б. Мед и яд любви. М., 1989. С. 159
 - [10] См. Ершов А.А. Личность и коллектив (Межличностные конфликты в коллективе, их разрешение). Л, 1976 С. 28.
 - [11] См. Ершов А.А. Личность и коллектив (Межличностные конфликты в коллективе, их разрешение). Л, 1976 С. 28.
 - [12] См. Ершов А.А. Личность и коллектив (Межличностные конфликты в коллективе, их разрешение). Л, 1976 С. 31.
 - [13] См. Ершов А.А. Личность и коллектив (Межличностные конфликты в коллективе, их разрешение). Л, 1976 С. 32.
 - [14] См.: Рюриков Ю.Б. Мед и яд любви. С. 158.
 - [15] См.: Этика и психология семейной жизни/Под ред. И.В. Гребенникова. М., 1984. С. 208.
 - [16] См.: Бюлл. Верхов. Суда РСФСР. 1983. № 12. С. 7.
 - [17] См.: Гребенников И. В. Основы семейной жизни. М., 1991. С. 78.

§ 17. ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ

1. Понятие.

Экологические конфликты – одна из наиболее часто встречающихся разновидностей, или групп, социальных конфликтов, возникающих практически на протяжении всей истории существования человечества. Подход к ним основан на двух допущениях. Первое: экологические конфликты имеют сущностные черты и механизм развития, присущие любому социальному конфликту. Второе: эти конфликты обладают одновременно весьма существенной спецификой. Своеобразны предмет и причины экологических конфликтов, процессы их возникновения, протекания и разрешения. Особыми являются последствия этих конфликтов, весьма опасна их неосознанность, непонятность. Своеобразны и внешние условия динамики экологических конфликтов. Констатация существования экологических конфликтов порождает необходимость специфического вмешательства со стороны заинтересованных сил (общества, государства, государственных структур, социальных групп), основанного на праве и использующего его возможности.

Рассмотрим сначала экологические конфликты как социальный феномен, некоторую данность, определяющую потребность в правовом регулировании и служащую объектом действия права, а на этой основе и некоторые вопросы, связанные с оптимизацией правового регулирования экологических конфликтов. При этом будет использована информация, полученная при изучении различных сторон механизма действия экологического права, экологически значимого поведения людей и причин экологических правонарушений в различных сферах охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов[1].

Первая специфическая черта экологических конфликтов, определяющая как методику их распознавания и оценки, так и способы правового и иного регулирования, состоит в их имманентности обществу. Экологические конфликты,

будучи, с нашей точки зрения, в принципе порождены самим взаимодействием общества и природы, отражают содержание процессов жизни людей в существующих природных условиях, специфику сложившихся экологических ниш. Как известно, в работах по конфликтологии спорят о существовании полезных конфликтов; возможно, нужно четче различать такие оценки конфликтов, как нормальность, объективность и полезность, и уточнить понятие полезности. Экологический конфликт есть объективное явление и не обязательно негативное. Общество, люди вынуждены жить в условиях экологических конфликтов, считаться с ними, а также с возможностью их возникновения и необходимостью преодоления. Взаимодействие общества и природы осуществляется на принципиально ограниченной базе и связано с расходом объективно ограниченных, трудно восстанавливаемых или вообще невозможных ресурсов. Это обуславливает характер экологического конфликта. Действительно, проблема выбора между различными вариантами поведения, которая присуща всему социальному развитию, особенно сказывается на поведении в ограниченной нише и при ограниченных возможностях. В современных условиях это постоянное свойство экологического поведения обостряется тем, что, по мнению многих специалистов, человечество живет в долг у природы, так как уровень потребления природных ресурсов превышает способность природы к их пополнению или восстановлению, воспроизводству[2].

Собственно говоря, не столько теоретический анализ, сколько данные экологического мониторинга показывают, что практически каждое крупномасштабное решение в сфере взаимодействия с природой является началом конфликта либо попыткой его решения, так как связано с выбором между реально непримиримыми или плохо примиримыми альтернативами. Самые разнообразные процессы поведения, казалось бы, признанные обществом и не осуждаемые им, в части, обращенной на потребление или переделку природы, чреваты возможностью возникновения конфликта и связаны с его преодолением. Из сказанного можно сделать как минимум два предварительных вывода. Первый состоит в том, что объектом экологического права должны быть конфликты как имманентное свойство экологического поведения и экологических процессов, существующее латентно или открыто, т.е. конфликтогенные и конфликтные ситуации различной зрелости. Второй вывод связан с необходимостью настройки экологического мониторинга на выявление и анализ экологических конфликтов как на его нормальную и повседневную функцию[3].

Следующая специфическая черта экологических конфликтов состоит в их социальности, общественной природе и значимости. В сущности, экологические конфликты в принципе невозможно представить себе как столкновение людей и окружающей среды, общества и окружающей среды. Это всегда столкновения между людьми. Любой выигрыш одного участника взаимодействия с окружающей средой, природой может оказаться проигрышем для другого, хотя понятно, что никто не страдает от того, что Волга, Рейн или Миссисипи стали действительно чище. Но уж во всяком случае любой действительной экологический проигрыш одного участника есть проигрыш и всех остальных. Это означает, что в принципе невозможно нанести ущерб окружающей среде так, чтобы не задеть интересы третьих лиц.

Следовательно, человечество заинтересовано в разрешении конфликта, даже если это не осознается при анализе данного конфликта. Разумеется, в конкретной ситуации разрешения конфликта могут быть лучше или хуже учтены интересы группы населения или страны, но в целом последствия экологического конфликта связаны с сохранением или нарушением общего и единственного базиса жизни людей. Экологические конфликты имеют не просто социальный, но экзистенциальный характер и относятся к проблеме жизни, существования людей. Возможно, выбор политической власти, политический конфликт менее значим для людей, чем экологический, ибо первый может и не подрывать условия жизни, тогда как экологические конфликты на деле соотносятся именно с ними. Это положение значимо как для выявления действительных участников экологического конфликта, так и для выбора способов и определения возможностей его разрешения.

Экологические конфликты должны решаться не в пользу одной из сторон, а в пользу окружающей среды или природных объектов как таковых.

Далее, существенной чертой экологического конфликта, характерной, возможно, и для иных конфликтов, можно считать гносеологические трудности их оптимального решения. Это относится не только к экологическим конфликтам в целом, но едва ли не к каждому экологическому конфликту в отдельности. Объясняется это тем, что выбор в сфере взаимодействия с природой ограничен уровнем человеческих знаний, которые в принципе недостаточны, их переоценка уже много раз приводила к неверным решениям, к выбору худшей модели снятия конфликта. Известно, что, кроме того, внешние и внутренние факторы принимаемых решений изменчивы; человечество в целом, равно как и его отдельные представители, в сущности, не имеют достаточных возможностей просчитать и предвидеть последствия того или иного решения конфликта. Так, конфликт, связанный с колебаниями уровня Каспийского моря и требовавший выбора одного из способов решения в определенный период, как будто разрешился. Но впоследствии оказалось, что принятые решения принесли огромный экологический вред. Сторона, настаивавшая на щадящем подходе к регулированию Каспия, проиграла, хотя была права. Сейчас продолжается конфликт вокруг дамбы в Финском заливе в районе Санкт-Петербурга. Не видно, чтобы кто-то из участников этого конфликта, как и мировая экологическая мысль, мог показать, каким путем следует решать этот конфликт.

Из этого вытекает необходимость достаточно осторожного отношения к возможностям человеческого мышления, науки, а соответственно, государственного регулирования экологических конфликтов правовыми средствами. Стремление к осознанию и решению экологических конфликтов должно сочетаться с пониманием ограниченности человеческих возможностей и необходимости их непрерывного приложения к экологическим процессам. С собственно правовой и государственно-правовой точек зрения этим ограничиваются возможности императивного регулирования и подчеркивается потребность в расширении начала диспозитивности, а шире – альтернативности правовых предписаний.

Таким образом, экологические конфликты и конфликтогенные ситуации имманентны экологическим процессам и экологическому поведению, имеют жизненное значение для человечества, должны постоянно быть предметом социального контроля (мониторинга).

2. Изучение конфликтов.

Подход к экологическим конфликтам как к социальной реальности неизбежно ставит задачу их распознавания и описания, будь то в теоретически обобщенной или эмпирической форме. Здесь возникает ряд практических вопросов. Дело в том, что общество должно иметь определенное представление о распространенности и реальном состоянии того, что условно можно назвать экологической конфликтностью, а для этого следует определить объекты наблюдения. Эти вопросы могут решаться с использованием возможностей юридической социологии, в частности криминологии и социологии отклоняющегося поведения. Это, в частности, означает, что любой, и прежде всего регулятивный, подход к экологическим конфликтам, особенно в сфере их правового регулирования, должен быть основан на эмпирических данных, полученных и обработанных в ходе отдельных конкретно-социологических исследований и постоянного осуществления экологического мониторинга.

Вполне понятно, что на практике существует более общая необходимость изучения внешних проявлений и внутреннего содержания экологических конфликтов. Чтобы доказать актуальность такого изучения, достаточно, например, обратить внимание на специфику поведения участников экологического конфликта, например на поведение членов постоянно нацеленной на участие в экологических конфликтах организации «Гринпис», движения зеленых. Специфична и весьма изменчива мотивация поведения участников экологических конфликтов.

Но сначала, разумеется, экологические конфликты нужно сделать объектом наблюдения, а затем уже изучать подробно.

Между тем, как свидетельствует огромный опыт изучения юридически значимого поведения, и прежде всего преступности, эмпирическое, конкретно-социологическое изучение и отражение экологических конфликтов – весьма сложная задача. В сфере экологической конфликтности несомненно значимой является проблема латентности и маскировки конфликтов. Нелегко определить границы единиц наблюдения, выделить основания их учета на эмпирическом материале, классифицировать (сгруппировать) экологические конфликты, ориентируя такую классификацию (структурную характеристику) на практическое использование.

Наиболее показательным признаком экологического конфликта (иногда его считают достаточным) является предмет конфликта, т.е. действия, которые совершаются или должны (могут) совершаться по отношению к окружающей среде, природному объекту. Стороны в случае экологического конфликта занимают ясно или неявно, осознанно или неосознанно различные позиции относительно субъекта и характера присвоенности и использования природного объекта либо его свойств, независимо от того, идет ли речь собственно об использовании объекта или о возможных либо существующих последствиях такого использования.

Практика показывает, что к негативным экологическим последствиям вполне могут приводить технические, политические, экономические, национальные и иные конфликты, приобретая тем самым более сложный, смешанный характер. Так, военные действия, блокада путей сообщения, иные формы политических конфликтов связаны с принятием решений, наносящих экологический ущерб, с прямым уничтожением объектов окружающей среды. Национальные и иные конфликты отвлекают от решения достаточно традиционных экологических задач. Широко известны факты уничтожения лесов, парков, гибели животных в ходе военных столкновений в межнациональных конфликтах, нанесение во время войны ущерба ландшафтам, заповедникам, загрязнение водных источников, вырубка зеленых насаждений в городах (Ереване, например) для отопления жилья в связи с блокадой нефте- и газопроводов.

Следующим шагом после выявления экологической составляющей конфликта является установление и описание ее действительной роли в механизме данного конфликта. Многочисленные исследования показали, что существуют (или можно корректно выделять) реальные и формальные экологические конфликты, а также псевдоэкологические конфликты. Их разграничение – основа подхода к анализу анатомии и физиологии, статике и динамике конфликта, а соответственно и к поиску путей его разрешения, в чем бы они ни состояли.

В этом смысле признаками реального экологического конфликта являются:

- а) степень противостояния сторон в решении вопроса о судьбе природных объектов;
- б) характер значимых для сторон целей, которые в таком конфликте соотносятся с рациональным использованием и более эффективной охраной окружающей среды.

Реальность конфликта – это его социальное сущностное и финальное (целевое) качество, которое окончательно устанавливается в каждом отдельном случае. При реальном конфликте доминантой его разрешения является принятие решения об изменении (определении) судьбы природного объекта, окружающей среды в целом, способов воздействия на нее.

Однако необходимо подчеркнуть, что реальность экологического конфликта определяется по отношению к природе как его объекту. Для многих участников конфликта его экологическая составляющая может быть только фоном, средством, аргументом. Более того, такое положение можно считать распространенным. Часто конфликт происходит между участниками, заинтересованными в охране природы, мотивированными экологически, и субъектами, пренебрегающими ею.

Напомним об одном из самых известных экологических конфликтов нашего времени – проекте переброски северных рек на юг. Степень противостояния участников конфликта – Минводхоза, ряда правительственных структур, региональных властей и ученых-экологов, юристов, общественности – была чрезвычайно высокой; на определенной стадии конфликт широко отражался в прессе; существовала и четкая дифференциация целей участников конфликта – экономическая выгода и политический капитал у одних и недопущение разбазаривания и прямого

уничтожения водных ресурсов, затопления сельскохозяйственных земель – у других. Другой пример – регулирование режима Волги в связи со строительством крупных ГЭС, когда необходимость развития производительных сил, получения энергии для промышленного производства вступила в противоречие с необходимостью сохранения рыболовства, условий отдыха и быта населения, с рядом социально-психологических факторов (особая роль Волги и др.).

Формальный экологический конфликт состоит в противостоянии сторон, рассматривающих экологическое состояние этого объекта не как основание и цель конфликта, а как аргумент для противостояния. Типичным примером формальных экологических конфликтов могут служить конфликты, возникшие в связи со строительством и эксплуатацией атомных электростанций, в частности Игналинской и Ереванской АЭС, когда экологические сложности на определенном этапе использовались для показа «происков» имперского центра, эксплуатации народов и чуть ли не планов их уничтожения, а на другом этапе – как необходимый и оправданный риск для поддержания определенного уровня жизни и благополучия. Аналогичны и примеры с конфликтами по поводу эксплуатации нефтяных месторождений и возможного ущерба для окружающей среды, возникающими при решении вопроса о том, кому предоставить лицензию на эксплуатацию.

Псевдоэкологический конфликт – это заведомо фальсифицированное, искусственное использование экологических аргументов для достижения политических, экономических либо иных целей, например захвата политической власти, приобретения права распоряжаться экономически значимыми природными ресурсами, дискредитации политических противников и т.п.

Есть две опасности, которые имеют особое значение для экологических конфликтов и должны учитываться в рамках юридической конфликтологии. Первая состоит в размывании специфики конфликта, если под ним будут пониматься любые виды и формы расхождений между субъектами, пусть и обозначенные как противостояния. Вторая опасность связана с затушевыванием наличных или потенциальных конфликтов в сфере экологического поведения. Практически такой подход сводит проблемы охраны и рационального использования природных ресурсов к противостоянию «общество как единое целое – окружающая среда», а попытки решения конфликта – к расширению инвестиций и к собственно технико-технологическим задачам. Между тем в условиях экологического конфликта весьма распространены ситуации, когда без устранения противоречий между субъектами любые инвестиции могут оказаться бесполезными и даже вредными. Так, разногласия относительно возможности добычи нефти на континентальном шельфе, межгосударственные споры о допустимости строительства нефтяного терминала никак не сводятся к проблеме инвестиций. Выходит за пределы разрешения рутинных технических и экономических трудностей и противостояние при выборе между альтернативными источниками энергии, одобрение или неодобрение строительства автотрасс.

Дело в том, что в рамках юридической конфликтологии и ее экологического направления необходимо обозначить ядро конфликта как особую форму, особый вид поведения, который обладает некими дополнительными свойствами и в силу этого порождает специфические потребности в правовом регулировании[4].

Разумеется, определение этих идентификационных черт экологического конфликта, основываясь на общем понятии и общей теории конфликта, должно отражать его экологичность, подтверждать наличие экологической составляющей конфликта, как бы она ни была осложнена или замаскирована иными конфликтными элементами.

На наш взгляд, имеющееся противоречие оценивается как конфликт в экологической сфере (экологический конфликт) на основе нескольких связанных между собой признаков, к которым относятся:

а) наличие несовместимых интересов субъектов взаимодействия с окружающей средой, что может выражаться в стремлении лица или группы лиц использовать определенным образом тот или иной природный объект или ресурс; применять определенный способ воздействия на окружающую среду; сохранить в

неприкосновенности или, напротив, изменить титул и содержание прав на объекты природы и возможность их присвоения;

б) формирование целей одностороннего выигрыша при возникновении ситуации выбора, по сути дела постоянно присутствующей в сфере взаимодействия общества и окружающей среды;

в) подготовка и осуществление действий, направленных на выигрыш.

На этой основе можно указать на различия между конфликтогенной ситуацией в сфере экологии, которая охватывает несовместимые или противоречивые интересы и возможности их отстаивать, и экологическим конфликтом, который представляет собой реализацию, проявление конфликтогенной ситуации. Следовательно, ядром конфликта является сочетание трех элементов:

а) наличия полностью или частично несовместимых, осознанных или неосознанных интересов в сфере экологии;

б) выбора стратегии на подавление или исключение интересов иной стороны;

в) реализации деятельности по обеспечению собственных интересов и вариантов их осуществления.

Такой подход, на наш взгляд, наиболее полно отражает специфику охраны окружающей среды, поскольку именно в собственно экологических конфликтах достаточно сильно проявляется рациональная, целевая сторона.

Разумеется, все эти элементы должны быть интерпретированы и конкретизированы в контексте взаимодействия общества и окружающей среды.

На наш взгляд, выделенные признаки – элементы ядра экологического конфликта – хорошо фиксируют реально протекающие конфликтные отношения. Возьмем конфликты вокруг АЭС. Они связаны с выбором способа, а значит, и источника получения энергии, необходимой обществу.

В этой ситуации общество, субъекты социального действия должны зафиксировать наличие конфликта и предпринять вначале усилия по его анализу, структурированию интересов, выявлению установок на поведение и т.п., а затем уже регулировать этот конфликт.

В сущности, именно такой подход необходим по практическим соображениям, для реального осуществления экологического мониторинга, если считать появление конфликтов одной из его задач.

Пока же, по нашим наблюдениям, общество имеет слабое представление об экологической конфликтности. Контент-анализ прессы, опросы специалистов (правда, имевших лишь косвенное отношение к проблеме экологических конфликтов) показали, что внимание привлекают экологические конфликты, которые возникают: а) по поводу появления дополнительных или новых источников угрозы для окружающей среды; б) в связи с определением судьбы факторов, прежде всего техногенных, негативно воздействующих на состояние окружающей среды, причиняющих ей вред; в) из-за использования или планов использования природных объектов, причем эти конфликты обычно связаны с противостоянием по поводу вариантов использования объектов, масштабов такого использования, применяемых технологий и т.п.

К числу наиболее известных таких экологических конфликтов относятся споры относительно судьбы существующих и строительства новых АЭС, допустимости генной инженерии, международный конфликт из-за сброса радиоактивных отходов в морские воды, строительство на территории заповедников, захоронение на территории России токсичных и радиоактивных отходов и т.д.

Далее, на наш взгляд, в конфликте следует выделять его стадии, т.е. основание конфликта, формы противостояния, позиции как систему так или иначе выраженных взглядов о необходимом поведении, аргументы этих взглядов и др. При социологическом подходе особое значение имеют также масштабы и глубина конфликтов, затраты на их преодоление, связь с интересами различных групп граждан, формальных и неформальных структур.

Эта группа вопросов в принципе должна находиться в центре внимания экологов. На основе имеющегося материала наметим здесь предмет исследования.

На наш взгляд, в связи с предложенным пониманием экологического конфликта необходимо:

а) дать классификацию реальных и возможных участников экологического конфликта и носителей конфликтотенной ситуации; здесь подлежит учету характер и степень заинтересованности и осознанности интересов, позиций, иерархия интересов, возможности их отстаивания и т.п.;

б) определить выраженность и осознанность позиций в конфликте как некоторых артефактов, имеющих огромное социальное значение, связанных с участниками конфликтов и одновременно существующих как бы самостоятельно, т.е. речь идет, по существу, о целевом анализе экологического сознания и экологического мышления;

в) выявить принятые и ожидаемые процедуры, стереотипы действия, реализации принятых позиций, аргументы осуществляемой стратегии, степень воли к действию, интеллектуального уровня и интеллектуальной насыщенности;

г) оценить соотношение целей, решаемых в экологическом конфликте, с иными потребностями и целями поведения личности, социальной группы, т.е. участника экологического конфликта.

Наряду с этим целесообразно выделить и исследовать некоторые черты экологической конфликтности как одного из качеств общего состояния общества, как некоторого самостоятельного феномена, характеризующего процессы взаимодействия общества и окружающей среды.

Таковыми признаками могут быть:

а) место экологических конфликтов в социальной ситуации в целом и в системе социальных конфликтов в частности;

б) распространенность экологических конфликтов по кругу субъектов и объектов (ситуаций) и связанная с этим напряженность экологической конфликтности;

в) содержание экологической конфликтности и структура экологических конфликтов, взятая в соотношении групп экологических конфликтов;

г) контекст экологических конфликтов, т.е. социальная ситуация их протекания.

Все эти характеристики даются во времени (в динамике), в пространстве и по кругу лиц.

Вполне возможно, что знания об экологических конфликтах в связи с проблемой их правового регулирования могут быть конкретизированы несколько иначе либо полнее. Несомненно, однако, что предложенный подход позволяет определить личностный состав экологических конфликтов и вектор его возможного изменения; изучить поведение участников конфликта и остающихся нейтральными социальных сил; выявить значимость конфликтов для общества и демаскировать ложные, псевдоэкологические или выявить реальные конфликты и т.д. Без этого регулировать экологические конфликты нельзя.

3. Динамика экологических конфликтов.

Попытаемся с учетом сказанного о видах экологических конфликтов высказать некоторые суждения о современном состоянии экологической конфликтности в стране.

В настоящее время произошли, на наш взгляд, показательные и ожидаемые изменения в состоянии экологической конфликтности. Она довольно интенсивно перемещается на более низкий уровень в иерархии конфликтов, вытесняясь политическими и экономическими конфликтами (передел собственности и передел власти). Разумеется, происходящие перемены не свидетельствуют об улучшении экологической обстановки. Уход экологических конфликтов на периферию социального внимания не снимает самих этих конфликтов.

На фоне общих негативных процессов в сфере экологии, характеризующихся во многих случаях как экологическая катастрофа, в стране происходят конфликты как на общенациональном, так и на местном уровне, в рамках как общества в целом, так и отдельных социальных групп. По нашим данным, наиболее распространены конфликты в сфере межгосударственных отношений и конфликтотенные ситуации в сфере использования потребительских природных ресурсов (охота, рыбные промыслы, разработка нерудных ископаемых и т.п.), в сфере землепользования, городского строительства. Показателями этих конфликтов являются данные (хотя и

недостаточно полные) об административной ответственности и гражданско-правовых спорах. В Государственном докладе о состоянии окружающей природной среды в Российской Федерации отмечается, что в 1991 г. только за нарушения природоохранного законодательства предприятиями и организациями к административной ответственности было привлечено более 50 тыс. человек, а из 32 тыс. проектных и других материалов, проходивших экологическую экспертизу, треть не прошла согласование (т.е. в них заведомо были заложены нарушения экологических требований).

Крупномасштабные, условно говоря, общенациональные, экологические конфликты оказались в состоянии определенного замораживания. Практически затихло противостояние по поводу загрязнения Байкала, судьбы Аральского и Азовского морей, отсутствуют средства для крупномасштабной мелиорации и т.п. Даже конфликты вокруг АЭС приобретают иной характер и перестают быть столь напряженными, как это было раньше.

По нашим наблюдениям, экологическая конфликтность реально не снята, но загнана вглубь. Это проявляется в том, что продолжает наращаться негативное воздействие на окружающую среду, а следовательно, углубляется размежевание экологических интересов. В экологической сфере существует высокая степень конфликтности.

Пока что она ослабляется тем, что в новых условиях экологические интересы многих групп населения осознаны слабо; они подавляются актуальностью экономических потребностей, страхом перед насилием, общей неопределенностью развития, неадаптированностью отдельных групп населения к происходящим переменам. Можно с высокой степенью вероятности утверждать, что это временное состояние и что уже в ближайшее время пружина экологических разногласий может привести к возникновению острых экологических конфликтов. Во всяком случае возможно дальнейшее использование экологической аргументации при территориальных и межнациональных конфликтах, спорах по поводу собственности на землю, в процессе структурной перестройки горнодобывающей промышленности и энергетики.

4. Правовое регулирование экологических конфликтов

— одна из важнейших задач экологического права. В своей основе оно должно отражать реальное состояние этих конфликтов, их распространенность, предмет, содержание и иные показатели.

В связи с постановкой такой задачи, на наш взгляд, возникает ряд специфических проблем. Прежде всего, появляется необходимость в установлении соотносимости права и экологических конфликтов. При этом должны быть: уяснены общие возможности права, пределы государственного вмешательства, поскольку оно связано с регулятивными функциями права в данной сфере; прояснен механизм действия права применительно к конфликтной ситуации, конфликтному экологическому поведению; исследован собственно процесс регулирования правом поведения в сфере экологических конфликтов. Причем особый интерес вызывает связь права в целом и экологического права в частности с разрабатываемыми в рамках конфликтологии приемами разрешения конфликтов, с институционализацией, переговорами и т.п. Крайне важно, далее, найти необходимое соотношение между различными методами воздействия на конфликт: применением запретов с целью хотя бы временного подавления конфликта, достижением компромисса на основе права, расширением полномочий участников по определению судьбы конфликта и т.д.

Возможности действующего права в сфере разрешения экологических конфликтов весьма широки. Их использование обуславливается степенью развитости правового регулирования, принципиальной нацеленностью на предупреждение и разрешение различного рода конфликтов. Несмотря на споры относительно сущности права, соотношения права и закона, все же бесспорно, что право направлено на упорядочение общественных отношений, достижение стабильности и предсказуемости деятельности людей.

Поэтому возможности экологического права в сфере экологической конфликтности (а это относится, по-видимому, и к другим отраслям права) определяются его упорядочивающим воздействием, стабилизирующим потенциалом. Наиболее наглядным и одновременно крайне актуальным примером этого может служить роль права в идентификации природных объектов и определении титула собственника на них. Бесконечные изыски относительно обозначения характера присвоенности земли, иных природных ресурсов хотя и утоляли идеологические потребности, но приводили и приводят к многочисленным спорам между ветвями власти, звеньями управления, субъектами Федерации и др. Неопределенность титула собственности, которая может быть государственной, но должна быть жестко обозначенной, есть один из факторов возникновения, развития и усиления конфликтов. Все это усугубляется и технико-юридическими слабостями структурирования прав на природные ресурсы. Многие институты римского права еще не применялись; новейшие приемы, характерные для рыночного хозяйства, не использовались. Это требует в каждом отдельном случае особого обсуждения, но общие возможности регулирования экологических конфликтов представляются весьма обширными.

Вместе с тем возможности права в разрешении экологического конфликта в принципе ограничены. Это может быть вызвано тем, что стороны конфликта противопоставляют себя праву и правовые предписания в данном случае не срабатывают; позиции сторон не квалифицируются на основе правовых норм, т.е. являются юридически нейтральными; не определяются правом и процедуры решения конфликтов.

На наш взгляд, с точки зрения соотносимости права и экологических конфликтов (а эта проблема не сводится к конкретизации права собственности) следует рассматривать два основных направления: использование общих институтов права в сфере действия (возникновения, преодоления) конфликта; дальнейшее развитие специальных правовых предписаний, рассчитанных на разрешение возникающих экологических конфликтов. При этом должна, разумеется, учитываться тесная взаимосвязь этих, в сущности, достаточно мягко разграничивающихся правовых норм и институтов.

В связи со сказанным можно считать наиболее близкими к проблеме разрешения конфликтов следующие группы норм: нормы, определяющие права и обязанности потенциальных участников конфликта; нормы, устанавливающие отношение различных субъектов права к природному объекту и фиксирующие их интересы, причем в данном случае речь должна идти о носителях вещных прав, субъектах обязательственных гражданско-правовых и хозяйственно-правовых отношений, гражданах, имеющих права на использование природного объекта, гражданах, имеющих общее право на благоприятную окружающую среду; нормы, устанавливающие режим использования или охраны объекта природы; наконец, процедурные нормы, регламентирующие порядок разрешения конфликтов именно в сфере экологии.

С учетом сказанного представляется, что в настоящее время наиболее продуктивными направлениями адаптации экологического права к воздействию на экологическую конфликтность следует считать:

- дальнейшую разработку права собственности на окружающую среду и природные ресурсы со стороны его публично-правового и частноправового содержания, поскольку ни понятие суверенитета, ни понятие гражданско-правовой собственности в нынешних условиях не делает позиции заинтересованных лиц в данной сфере легитимными;
- юридико-техническое совершенствование экологических прав и обязанностей по отношению к своей и чужой, государственной, частной, муниципальной, общественной и иной собственности;
- пополнение, развитие и совершенствование процедур решения экологических конфликтов, включая, например, право на независимую экологическую экспертизу, усиление роли третейского суда и т.п.;
- диверсификацию и углубление экологической ответственности, включая обеспечение реального прекращения вредной предпринимательской деятельности, а

возможно, и введение уголовной ответственности юридических лиц за экологические преступления.

Как уже говорилось, право имеет ограниченные возможности в разрешении экологических (Конфликтов. Однако соединение профилактического и собственно правового подхода может в значительной мере способствовать снижению экологической конфликтности в стране и в мире.

[1] См.: Дубовик О.Л. Механизм действия права в охране окружающей среды. М., 1984; Дубовик О.Л., Жалинский А.Э. Причины экологических преступлений. М., 1988; Иконичкая И.А. Проблемы эффективности в земельном праве. М., 1979; Колбасов О.С. Экология: политика – право. М., 1976; Право и чрезвычайные ситуации. М, 1992; Эффективность юридической ответственности в охране окружающей среды. М., 1985.

[2] См., напр : Право природопользования в СССР. М, 1990; Сан-Марк Ф. Социализация природы. М., 1977; Фешбах А. Экоцид в СССР Здоровье и природа на осадном положении. М., 1992.

[3] В соответствии с Законом РСФСР «Об охране окружающей природной среды» экологический мониторинг осуществляется ныне как государственная служба наблюдения за состоянием окружающей среды специально уполномоченными на то государственными органами Российской Федерации в области охраны окружающей среды при участии министерств и ведомств через систему наблюдения в городах, промышленных центрах, на водных объектах в отдельных регионах, в космическом пространстве (п. 2 ст. 69), а также подкрепляется системами государственного, производственного, общественного экологического контроля (ст. 70—72), научными экологическими исследованиями (ст 77). Выявление и анализ экологических конфликтов, разумеется, пока еще специально не выделены.

[4] Можно эту проблему обозначить и как определение начала конфликта. Но в данном случае делается попытка определить качество явления, а не точку его отсчета.

§ 18. КРИМИНАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ

1. Понятие.

Вряд ли нуждается в специальном пояснении утверждение о том, что преступление, преступное поведение, а значит, и интересы преступника противоречат интересам общества и его отдельных граждан. Очевидно, что само уголовное законодательство, определяющее, что же является преступным, вытекает из необходимости защиты определенных общественных интересов. В уголовно-правовой и криминологической литературе рассуждения на подобные темы давно уже стали общим местом.

Однако эти, казалось бы, банальные мысли имеют вполне конкретный и емкий смысл в применении к предмету нашего рассмотрения.

Противоречие преступных и общественных интересов во многих случаях выливается в противостояние интересов преступника (преступников) и конкретной личности (группы). Преступление, где имеются потерпевшие – конкретные лица, как правило, создает конфликтную ситуацию или прямой межличностный (межгрупповой) конфликт, разрешаемые затем путем усилий частных лиц, в том числе самих потерпевших, а также с помощью государственных институтов, в процессе уголовного судопроизводства. Кража личного имущества и частной собственности, телесные повреждения и клевета, а также многие другие виды преступлений представляют собой такое ущемление личных или групповых интересов, которое всегда создает почву для конфликтов.

Но во многих случаях преступление не только создает почву для конфликтов, но и само является следствием конфликтов и их заключительной стадией. Особенно явно подобная причинно-следственная взаимосвязь прослеживается на примере

насильственных преступлений, таких, как умышленное убийство, телесные повреждения различной степени тяжести и злостное хулиганство.

Традиционная криминологическая модель анализа насильственных преступлений почти не учитывает межличностного взаимодействия между преступником, и жертвой, происходящего до совершения преступления. Одними из первых на это обратили внимание Ш. Шохам и его коллеги, подвергшие критике устаревшие взгляды юристов[1]. Было, в частности, показано, что событию насильственного преступления обычно предшествует последовательность циклов взаимодействия, состоящих из взаимных стимулов и реакций преступника и потерпевшего. Достаточно определенно поэтому поводу высказались западные и отечественные виктимологи, не только занявшиеся анализом поведения жертвы, но и уделившие внимание – правда, главным образом в теоретическом плане – межличностному взаимодействию преступника и жертвы. В частности, А.В. Ривман и Л.В. Франк, воспринявшие западный виктимологический опыт и сами осуществившие углубленные эмпирические исследования, пришли к выводу, что основным содержанием преступных и допреступных событий является межличностное взаимодействие[2]. Виктимолог В.Я Рыбальская напрямую отождествила допреступные события с конфликтом, развивающимся по спирали[3]. Насильственные и некоторые другие преступления Ю.М. Антонян точно, на наш взгляд, назвал «преступлениями отношений»[4].

Для осознания того, что этим преступлениям, как правило, предшествует конфликтная ситуация, достаточно обратиться к формулировкам Уголовного кодекса и традиционно применяемым в отечественной криминологии обозначениям мотивов насильственных преступлений. Такие, например, часто используемые понятия, как «мечь» и «ревность», «злоба» и «неприязнь», имеют прямую связь с конфликтными взаимоотношениями. К понятию конфликта, как нетрудно увидеть, протягиваются нити от таких понятий и формулировок, как «необходимая оборона» и «превышение пределов необходимой обороны», «сильное душевное волнение, вызванное противозаконными действиями потерпевшего», «сопротивление представителю власти или иным гражданам, пресекающим противоправные действия», «воспрепятствование правомерной деятельности потерпевшего, связанной с выполнением им служебного или общественного долга» и т.п. Известно, что хулиганским действиям обычно предшествует тот или иной повод, данный потерпевшим, и их, как правило, ошибочная квалификация в процессе следствия или в суде в качестве «беспричинных» чаще всего связана лишь с явной несоразмерностью повода и ответных действий.

Многими эмпирическими исследованиями причин насильственных преступлений установлено, что таким преступлениям чаще всего предшествуют различные скандалы, ссоры, бытовые неурядицы, неприязненные отношения. Обобщение значительного числа фактов насильственных проявлений в обществе позволяет прийти к выводу, что в большинстве случаев применения насилия источником является межличностный конфликт[5].

Таким образом, в качестве специфической разновидности конфликтов, затрагивающих сферу правовых отношений, могут быть выделены конфликты, касающиеся уголовно-правовой сферы, или криминальные конфликты. Криминальный конфликт, конечно, специфичен прежде всего своими результатами, или завершающей стадией, но это, впрочем, нередко характеризует особенности его возникновения и развития. Насильственное преступление или серия таких преступлений, завершающих криминальный конфликт, являются результатом и проявлением особых механизмов динамики конфликта. Сам факт применения насилия в конфликте характеризует его как конфликт интересов – либо изначально, либо только на завершающих стадиях.

2. Длящиеся конфликты.

Криминальные конфликты неоднородны. Прежде всего различны преступления, которыми они завершаются. Кроме того, различно число участников в этих конфликтах. Нередко это всего лишь два человека (будущие преступник и потерпевший), но достаточно часто конфликтующих субъектов (и, соответственно,

преступников и (или) потерпевших) больше. Встречаются также межгрупповые криминальные конфликты. Различны предметы и объекты этих конфликтов, а также поводы к их возникновению. Одним из важных критериев дифференциации криминальных конфликтов является критерий временной, т.е. их длительность и число эпизодов конфликтного взаимодействия. По этому критерию криминальные конфликты можно разделить на длящиеся и ситуативные (спонтанные).

Длящиеся конфликты – это, как правило, целая серия конфликтных эпизодов. Их субъектами выступают родственники, члены семьи, сожители, соседи, знакомые, сослуживцы и другие люди, в отношениях которых накапливается неприязнь, присутствуют постоянные предметы разногласий, периодически возникают споры. Завершает такие конфликты конкретный эпизод взаимодействия, который и реализуется в преступлении, но сам этот заключительный эпизод вызывается общим состоянием отношений, напряженность которых достигает некоего критического уровня. Конкретные темы разногласий здесь различны: это могут быть проблемы власти и подчинения в межличностных отношениях совместно проживающих людей, проблема владения и дележа имущества, аморальное и распущенное поведение одного из субъектов, плохое ведение хозяйства кем-то из родственников или соседей, ревность во взаимоотношениях мужа и жены или сожителей. Подобные конфликтные отношения могут растягиваться на месяцы или на долгие годы.

Длящиеся криминальные конфликты – это, как правило, бытовые конфликты, значительную часть которых составляют семейные. Примером длящегося конфликта на почве семейных противоречий может послужить дело К. (умышленное убийство, совершенное с особой жестокостью)[6]. Женившись на М., К. узнал от нее, что ранее она встречалась с молодым человеком, который до ее замужества был призван в армию. Через некоторое время бывший возлюбленный М. вернулся из армии, и М. стала поздно возвращаться домой. К. заподозрил ее в измене, в доме начались ссоры (позднее М. призналась, что вновь встречалась с тем же человеком и что любит его). Ссоры усилились, и однажды К. избил жену и в результате по ее требованию был вынужден переехать жить к своим родителям, хотя продолжал каждый день приходить к М. и уговаривать ее жить вместе. М. отвечала отказом и среди прочих претензий к К. говорила ему, что он не удовлетворяет ее как мужчина. К. в один из своих приходов на квартиру к М. вновь поссорился с ней и нанес ей множество ударов ножом.

Как видно из приведенного примера, криминальный конфликт может включать эпизоды применения насилия уже на ранних стадиях, в процессе развития. В одних случаях насильственные действия совершаются в ходе развития конфликта только одной стороной (будущим преступником или будущим потерпевшим), в других заключительному криминальному инциденту предшествуют взаимные побои и драки. В большинстве подобных ситуаций противоправные насильственные действия не являются совсем неожиданным и экстраординарным событием для участников конфликта. На наш взгляд, не только накопление взаимных обид и неприязни, но и привычка использовать в отношениях физическую силу (или быть жертвой насилия) играют решающую роль в обусловливании насильственного преступления. «Стаж» взаимоотношений с применением физического насилия может быть достаточно высок. По данным одного из опросов, 68% жертв применения насилия в семье подвергались побоям в течение всей супружеской жизни, 19% стали жертвами насилия еще во время совместной жизни до женитьбы, а 13% – еще даже до начала совместной жизни с будущим супругом[7]. Хотя среди опрошенных в ходе этого исследования подавляющее большинство составляли женщины, в реальной семейной жизни мужчины почти столь же часто становятся жертвами женского насилия[8]. Важнейшая особенность криминальных конфликтов с «насильственной историей» развития заключается в том, что частота и интенсивность применения насилия постоянно увеличиваются и дело кончается, как правило, тяжким преступлением. При применении насилия в семье даже в «малых дозах» значительно увеличивается риск дальнейшего повышения его жестокости[9].

Длящиеся криминальные конфликты, однако, не всегда имеют подобную насильственную историю развития. Но в их «продвижении» к насильственному

преступлению существенную роль играет аккумуляция отрицательных эмоций и взаимного недоверия. Конкретным же поводом для преступления могут послужить старые счеты или кровные обиды. Решающее значение при этом имеют угрозы, к которым прибегают стороны в бесчисленных мелких стычках и ссорах. Установлено, что чем дольше и чаще угрозы используются в конфликтах между близкими людьми, тем выше вероятность насильственного разрешения возникающих инцидентов[10].

Таким образом, можно заключить, что в ходе развития длящихся криминальных конфликтов проявляется тенденция к их эскалации. Эта эскалация может иметь как явный, так и скрытый характер, проходить на глазах у окружающих или протекать имплицитно, прорываясь в акт насилия лишь на завершающей, собственно криминальной стадии конфликта.

3. Ситуативные конфликты.

Другая разновидность криминальных конфликтов возникав и протекает в рамках одной ситуации, одного эпизода взаимодействия и. как правило, имеет место в инцидентах, возникающих в общении ранее незнакомых людей.

Для социологической и криминологической характеристики подобных «ситуативных» конфликтов немаловажно отметить, что в отличие от конфликтов между близкими или хорошо знакомыми людьми они чаще всего происходят в общественных местах: на улице, в парке, в барах, кафе и т.д. Эти спонтанно возникающие межличностные или межгрупповые коллизии не имеют никакой предыстории и разворачиваются из-за самых разнообразных мелких и не столь мелких проблем, часто на глазах у множества свидетелей. Последнее обстоятельство позволяет выделить частную разновидность ситуативных конфликтов, возникающих в результате вмешательства в чужой конфликт посторонних людей, пытающихся остановить противоправные действия и фактически своим вмешательством инициирующих новый конфликт с собственным участием.

Хотя ситуативные конфликты являются самостоятельным объектом изучения, результаты их анализа отчасти могут быть перенесены и на другой самостоятельный объект – длящиеся конфликты. В особенности они могут быть использованы для понимания того, как разворачивается борьба на заключительной стадии длящегося конфликта, в ходе завершающего инцидента. Однако в длящемся конфликте его последний эпизод всегда оказывается под сильным влиянием всей «прошлой истории» конфликта, на реакции, мысли и поступки его участников существенное давление оказывает прошлый отрицательный опыт общения с данным субъектом (субъектами). В ходе длящегося конфликта, как правило, характеризующегося цикличностью, повторяемостью конфликтных эпизодов, у его участников вырабатываются привычные, стереотипные реакции, и потому заключительный криминальный эпизод нередко является как бы «слепком» с прошлых ситуаций, отличающимся от прошлых эпизодов более мощным воздействием скрытых механизмов. Эти скрытые механизмы внезапно прорываются во внешний план и, казалось бы, в достаточно стереотипном инциденте дают криминальный результат. Так, преступник П., осужденный за умышленное убийство с особой жестокостью, в какой-то момент, по его словам, «вспомнил все» все обиды, причиненные ему потерпевшей, и, схватив оружие убийства, бросился за жертвой. Именно поэтому динамические особенности ситуативных криминальных конфликтов, которые мы далее рассмотрим подробнее, лишь отчасти характеризуют завершающиеся эпизоды длящихся конфликтных взаимоотношений.

4. Причины ситуативных конфликтов.

Конфликтные инциденты, завершающиеся насильственным преступлением, имеют, конечно, различные причины, однако в их генезисе есть много общего. Как показало ранее проведенное исследование[11], все они разворачиваются как конфликты интересов и имеют либо «объектную», либо «безобъектную» основу.

Часть конфликтов характеризуется наличием объекта обоюдных потребностей сторон, фактическая и (или) психологическая «неделимость» которого заставляет

каждого участника конфликта единолично претендовать на этот объект, отвергая аналогичные попытки другой стороны. Подобные разногласия возникают, например, в тех случаях, когда два ранее незнакомых субъекта одновременно останавливают одно и то же такси или одновременно претендуют на один и тот же столик в ресторане. Каждый из противостоящих индивидов стремится захватить некий объект и помешать сделать то же самое другому. Из-за этого возникает ссора, переходящая, как правило, в драку.

Другие криминальные инциденты не имеют подобной основы и могут быть отнесены к категории «безобъектных». Их суть состоит в том, что стороны чинят помехи друг другу в осуществлении определенной деятельности, не связанной с попытками обладания тем или иным объектом. Такой, например, была ситуация по делу Г., осужденного за нанесение умышленных легких телесных повреждений. В то время как машинист электропоезда Г. вел поезд в депо, в одном из вагонов находился С., обнаруживший, что забыл в поезде часть своих вещей. Когда поезд начал отходить от платформы, С. сорвал стоп-кран и поезд остановился. Г. отключил стоп-кран и продолжал движение. С. вторично сорвал стоп-кран. Г. попросил своего помощника привести С. и, увидев его, ударил кулаком по лицу. Такие же «безобъектные» ситуации встречаются в тех случаях, когда, например, случайный прохожий делает замечание человеку, совершающему хулиганские действия, или прямым вмешательством пресекает его противоправную деятельность.

Исследование криминальных конфликтных инцидентов, происходивших в американских и ирландских барах, показало широкую вариацию проблем, из-за которых чаще всего возникают подобные конфликты[12]. Конфликты обычно возникают из-за отказа работника бара обслужить клиента, из-за прямых оскорблений и чьего-то неправильного поведения, из-за тем, связанных с политикой и спортом, а также с работой, из-за противоположного пола, денег и собственности, а также в процессе игр или из-за их результата. Это исследование со всей очевидностью показывает, что в генезисе ситуативных конфликтов могут лежать не только «объектные» (например, из-за денег) или «безобъектные» противоречия (например, из-за чужого неправильного поведения или отказов обслужить клиента), но и когнитивные конфликты. Споры на темы политики или спорта, если они не имеют своей скрытой основой противоречия интересов (попытки доказать, что собеседник менее компетентен, например), – это вариант когнитивного конфликта, который в какой-то момент перерастает в конфликт интересов. В иных случаях, как мы уже сказали, спор изначально может существовать как «ширма» для реализации собственных амбиций, как чисто внешняя форма или как «язык», на котором разворачивается не всегда заметная наблюдателю подлинная борьба интересов.

Важно отметить и то обстоятельство, что ситуативные конфликты иногда начинаются, так сказать, с более высокого «стартового уровня», например с прямых оскорблений и обидных действий. Этот вариант «безобъектного» конфликта можно обозначить как «персонализированный», поскольку сталкиваются не частные интересы сторон, а физические и социальные «Я» субъектов, их самолюбия, самооценки, защитные механизмы. Аналогичным образом некоторые «объектные» конфликты могут быть отнесены к категории персонализированных; типичным представляется случай, когда кто-либо пытается задержать (пленить) субъекта, нарушающего общественный порядок или совершающего иные противоправные действия. Объектом разногласий фактически является сам задерживаемый, который сопротивляется захвату и защищает право на собственную автономию.

5. Динамика ситуативных конфликтов.

Развитие ситуативных конфликтов от момента их возникновения до завершающих насильственных действий проанализировано в небольшом количестве эмпирических исследований. Такие исследования, как вытекает из самого их предмета, практически не могут быть проведены путем непосредственного наблюдения за ходом развития конфликта; они всегда опираются на материалы конкретных уголовных дел или в крайнем случае на другие документы, зафиксировавшие происшедшее. Причем эти дела не дают сразу прямой картины событий и исследователь вынужден по крупицам

восстанавливать фабулу конфликта, сопоставляя различные материалы дела (в основном различные показания, данные в ходе следствия). Многие детали при этом все же неизбежно ускользают, и : потому восстанавливаемая фабула, к сожалению, почти всегда оказывается приблизительной. Тем не менее выявленные общие закономерности оказываются вполне пригодными для дальнейшего научного анализа.

Д. Лакенбилл, изучивший конфликты, завершающиеся убийством, показал, что они имеют в среднем шесть стадий развития: 1) будущая жертва оскорбляет будущего преступника или не подчиняется его требованиям; 2) преступник интерпретирует эти действия как враждебные и 3) отвечает вызовом или физически атакует преступника; 4) жертва не подчиняется вызову или ответно физически атакует преступника; 5) стороны вступают в физическое столкновение или достигают «рабочего соглашения»; 6) стороны продолжают противоборство или вновь вступают в борьбу[13].

Р. Фелсон и Х. Стэдмен, проанализировав динамику развития конфликтов, предшествующих различным типам тяжких насильственных посягательств, установили последовательность, состоящую из восьми этапов: 1) различные атаки, не приносящие физического ущерба (оскорбления, обвинения, толчки и т.п.); 2) попытки влияния (просьбы, уговоры, требования и пр.); 3) неподчинение; 4) подстрекательство наблюдателей; 5) посредничество наблюдателей; 6) угрозы (вербальные и невербальные) со стороны преступника; 7) попытки жертвы уклониться от борьбы; 8) физическая атака преступника[14].

Таким образом, важной особенностью инцидентов является постепенная эскалация конфликтных взаимоотношений, завершающаяся применением насилия. Ш. Шохам и его коллеги вообще установили, что в подобных криминальных инцидентах количество циклов взаимодействия, состоящих из одноразового «обмена» реакциями, ограничено и чем выше интенсивность взаимодействия (т.е. чем с более высокого «стартового уровня» конфликт начинается), тем меньше подобных циклов предшествует применению насилия[15].

Нами была предпринята попытка выявить основные типы взаимных действий в криминальных конфликтах и проследить основные варианты их развития[16]. Все действия, предпринимавшиеся сторонами в ходе этих конфликтов, были разделены на семь групп: 1) создание помех; 2) захват объекта; 3) просьбы, требования, отказы; 4) толчки; 5) угрозы; 6) оскорбления; 7) физическое насилие.

Развитие криминальных инцидентов характеризуется эскалацией, представляющей собой, как правило, постепенный переход от менее интенсивных к более интенсивным конфликтным действиям. Эскалация, однако, может быть и не столь постепенной, а иметь скачкообразный, подчас «взрывной» характер. Стороны часто вовсе не одинаковы в своем поведении, и обычно одна из них более активна и агрессивна, и это не обязательно преступник.

Существенно, что динамика криминальных инцидентов характеризуется не просто изменением (ростом) интенсивности конфликтных действий, а качественными изменениями в природе самого конфликта. На стадии оскорблений и физического насилия обычно происходит оттеснение на второй план первоначального предмета конфликта, связанного с теми или иными частными проблемами, и доминирующей темой становятся несуществовавшие прежде противоречия в личных взаимоотношениях – «персонализированные» противоречия. Благодаря действию определенных внутренних механизмов конфликт перерастает в более глубокую и труднее разрешаемую коллизию. Каковы же эти механизмы?

6. Эскалация.

Анализируя ход криминальных инцидентов, можно обратить внимание на несколько ключевых, на наш взгляд, механизмов эскалации. Прежде всего сам «переговорный процесс» в этих конфликтах обычно очень краток и, главное, представляет собой столкновение непримиримых позиций, т.е. характеризуется бескомпромиссностью. (Попытки договориться и найти взаимно приемлемое решение в таких случаях обычно отсутствуют, каждое требование или просьба вызывает решительный отказ

или ответное конфликтное действие. А ведь известно, что определенные уступки в ходе переговоров часто служат тем средством, которое может затормозить конфликт.

Кроме того, попытки высказать свою позицию в конфликте, как правило, предпринимаются с нескрываемой враждебностью. Это проявляется в тоне, которым высказывается требование или отказ, в агрессивной позе или выражении лица. Таким образом, «переговорное сообщение», предназначенное для прояснения позиции стороны, становится фактором, углубляющим сложившуюся проблемную ситуацию и переводящим ее в план личного противостояния, конфликта амбиций, самооценок, физических «Я». В этом смысле самую провокационную роль играют угрозы. Предназначенные принудить другую сторону уступить притязаниям, они являются типичным и универсальным «бескомпромиссным» средством. Но в формулу угрозы включены возможные санкции за неподчинение требованию. А они предполагают посягательство на более существенные интересы противника и тем самым открыто сигнализируют о проявляемой враждебности. Именно в связи с этим многие «объектные» или «безобъектные» конфликты переходят на следующую ступень эскалации.

Существенную роль в интенсификации конфликта играют конфликтные действия «утилитарного» предназначения, промежуточные, тактические элементы конфликта – толчки, отталкивания, а также другие различные «легкие» формы насилия, применяемые сторонами для того, чтобы отдалить противника от пространственного «эпицентра» конфликта. Эти действия по своему результату выходят за рамки своего функционального предназначения и, будучи примененными для того, чтобы разрешить в пользу одной из сторон возникающую относительно частную проблему, на самом деле сигнализируют о проявляемой враждебности и вызывают ответную персонально направленную атаку. Борьба переходит в «личностный план».

Помимо названных механизмов в ходе конкретного криминального инцидента, как и в ходе длящегося конфликта, особое значение имеет накопление отрицательных воздействий, приводящее к «взрывным» изменениям в конфликтной динамике. Постоянноесоздание помех, например, или продолжающееся нереагированиена просьбы или требования формирует у противника впечатление неуважительном и враждебном отношении к его личности, а это также продвигает конфликт по витку спирали, приводя к пронализированному столкновению.

Наконец, распространенной причиной интенсификации криминальных инцидентов являются разнообразные ошибки восприятия, социально-перцептивные искажения. Как известно, любой человек в ситуации взаимодействия поступает в соответствии с тем образом ситуации, противника, его действий, который складывается у него в настоящий момент. Искажения этого образа способны вызвать неадекватные действия и модифицировать ситуацию – как правило, в худшую сторону. В конфликте такие искажения часто связаны с преувеличением чужой враждебности и интенсивности (оскорбительности) действия. Бывают случаи, когда простое замечание воспринимается как оскорбление, а неосторожное действие – как предумышленное. Подобное восприятие вызывает контрдействие иного «стартового» уровня и влечет за собой ответное не менее интенсивное действие. Искажениям восприятия способствует состояние алкогольного опьянения, они также связаны с особенностями склада характера, с общей тревожностью и подозрительностью личности.

Особо следует сказать о тех случаях, когда конфликт не является спонтанным проявлением случайно сложившихся противоречий, а возникает вследствие сознательной провокации одной из сторон. Такие случаи достаточно распространены в уголовно-правовой практике и обычно связаны с квалификацией действий одной из сторон как хулиганских. Распространены случаи приставания к находящимся с другим мужчиной женщинам ради того, чтобы затеять драку с этим мужчиной. Широко известны примеры хулиганского поведения, начинающегося с просьбы закурить или дать немного денег. Цель провокатора – любая отрицательная ответная реакция провоцируемого, отказ, несогласие, как бы «обосновывающее»

затем его враждебность и хулиганские действия. Преступник разрабатывает своеобразный «мини-сценарий» взаимодействия, где уже определена участь жертвы. К особому типу конфликтов с применением насилия следует отнести ритуализированные формы конфликтных столкновений, так называемые честные драки[17]. Они «генетически» восходят к широко практиковавшимся в прошлом дуэлям или кулачным боям. Подобный тип насильственного взаимодействия сопряжен с определенными правилами, в частности с теми или иными запретами и ограничениями, например «драться один на один», «до первой крови» и т.п. Эти правила могут быть более жестокими и допускать серьезные ранения или даже смерть одной из сторон. Подобные ритуализированные формы конфликтов представляют собой стадию конфликтного процесса, переход к которой происходит в результате соглашения участников.

В целом можно сказать, что криминальные конфликты различны по формам своего протекания и конкретным механизмам динамики или их сочетаниям. Эти различия зависят от многих факторов, таких, как особенности личности сторон-участников, их возрастные и половые особенности, окружение, временные и пространственные факторы и т.п. Безусловно, механизмы развития длящихся конфликтов с множеством «скрытых» пружин развития сложнее. Но все они имеют ряд общих причин как субъективного, психологического, так и объективного свойства.

Комплекс психологических причин криминальных конфликтов связан прежде всего с опытом формирования личности и общей культурой поведения. И главное здесь, на наш взгляд, – неумение идти на компромиссы, гипертрофированное «чувство врага», связанное с повышенной подозрительностью и ранимостью, а также нормы поведения, предписывающие возмездие за нанесенный ущерб. Традиции мести и насыщенность человеческой культуры образцами насильственного поведения самым роковым образом проявляются в общении конкретных субъектов.

Повседневная жизнь создает множество поводов и объективных причин для разногласий, приобретающих криминальный характер в основном благодаря психологическим причинам. Бытовая неустроенность, дефицит тех или иных товаров и услуг, нехватка денег или иные препятствия к нормальному существованию создают кратковременные или постоянные очаги фрустрации, которые не только вызывают повышенную раздражительность людей, но и формируют конкретные межличностные проблемы, становящиеся причинами конфликтов.

[1] Shoham S Points of No Return Some Situational Aspects of Violence//The Prison Journal 1968 Vol XLYIII N 2, Shoham S et al The Cycles of Interaction in Violence Unpublished manuscript, 1972.

[2] См.: Ривман А.В. Виктимологические факторы и профилактика преступления Л , 1975; Франк Л. В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977.

[3] См.: Рыбальская В.Я. Виктимологические исследования в системе криминологической разработки проблем профилактики преступлений несовершеннолетних//Вопр борьбы с преступностью. М., 1980. Вып. 33.

[4] См.: Антонян Ю.М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления М., 1973.

[5] Hazlehurst K. M. Violence Disputes and Their Resolution//Violence Today. Dec. 1989. № 7.

[6] Этот и другие примеры в настоящем параграфе взяты из реальных уголовных дел, использованных в монографии: Кудрявцев С. В. Конфликт и насильственное преступление. М, 1991.

[7] Mug ford J. Domestic Violence//Today. Apr. 1989. № 2.

[8] Ibid. P. 2.

[9] Feld S. L., Straus M A. Escalation and Desistance of Wife Assault in Marriage//Crimmology. 1989. Vol. 27. № 1.

[10] Intimate Victims: A Study of Violence Among Friends and Relatives//U S. Department of Justice. A National Crime Survey Report. Jan. 1980. P. 7.

[11] См.: Кудрявцев С. В. Указ соч.

- [12] Felson R. B., Baccaglini W., Gmelch G. Barroom brawls: Agression and Violence in Irish and American Bars// Campbell A., Gibbs J. I. (Eds). Violent Transactons. The Limit of Personality. Oxford; N.Y., 1986. P 25.
- [13] Luckenbill D. F. Criminal Homicide as a Situated Transaction//Social Problems 1977. Vol 25 №. 2.
- [14] Felson R. B., Steadman H. J. Situational Factors in Disputes Leading to Criminal Violence//Criminology. 1983 Vol 21 № 1.
- [15] Shoham S. et al. Op. Cit.
- [16] См.: : Кудрявцев С. В. Указ. соч.
- [17] Подпр См.: Campbell A The Streets and Violence//Violent Transactions Oxford, N.Y, 1986

§ 19. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ

Представляя собой в определенном аспекте способ выявления и разрешения криминального конфликта, уголовное судопроизводство само по себе исполнено разнообразных (конфликтов. Преследуя несовпадающие, часто противоположные цели, участники судопроизводства вступают в столкновения, в противоборство, используя при этом свои права и осуществляя обязанности, установленные уголовно-процессуальным законом. Эти конфликты (назовем их уголовно-процессуальными) возникают обычно на предварительном следствии как реакция на обвинение (подозрение), когда обвиняемый (подозреваемый) еще не знает, из каких доказательств исходит следователь, и, будучи невиновным, не может разъяснить ему его ошибку либо, будучи виновным, не теряет надежды уйти от ответственности за содеянное.

1. Концепция конфликтного следствия.

Не без влияния детективной литературы в криминалистике утвердилась трактовка расследования как «конфликта, схватки, поединка». Существует взгляд, согласно которому уголовно-процессуальный конфликт представляет собой стадию, этап развития криминального конфликта. «В основе каждого преступления, – писал Р. С. Белкин, – лежит конфликт правонарушителя с законом, с интересом общества и государства. Восстановление попранного права начинается с раскрытия и расследования преступления, в ходе которого конфликт с законом может обрести форму конфликт со следователем – лицом, призванным установить истину»[1]. Ту же мысль высказывает О.Я. Баев: «Разновидностью, формой уголовно-правового конфликта является облечение его в уголовно-процессуальные отношения, возникающие между государством и лицом, совершившим преступление»[2].

Через призму конфликта рассматриваются иногда и отдельные следственные действия. Так, Г.Г. Доспулов пишет о «конфликтной ситуации допроса», которая возникает, когда «допрашиваемый отказывается от дачи показаний или дает ложные показания»[3]. Из этого следует суждение, относящееся уже к оценке доказательств: дескать, «материалы показаний обвиняемого (подозреваемого) складываются в ходе подготовки к совершению, совершения преступления и сокрытия следов»[4]. Эти и подобные им суждения составляют своеобразную концепцию конфликтного расследования.

Из отождествления процессуального конфликта с криминальным (с его этапом, формой) неизбежно следует вывод о тождестве подозреваемого (или обвиняемого) с преступником.

Такие отождествления несовместимы с конституционным принципом презумпции невиновности, по которому обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда. Отсюда оговорки, к которым прибегают сторонники таких отождествлений: «В уголовном процессе борются не с обвиняемым как с личностью, а с отдельными проявлениями отсталого сознания, низменных побуждений, за лучшее в этой личности»[5], «...причиной конфликта в процессе допроса, как правило, оказываются несовпадения

систем нравственных ориентации общества и личности – свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, а источником конфликта – стремление допрашиваемого помешать следователю в достижении цели допроса»[6]. Затуманивая расхождение подобных воззрений с презумпцией невиновности, А.Р. Ратинов писал о возможности конфликта следователя с недобросовестным обвиняемым, который может быть и невиновным[7]. Мысли же о том, что конфликт может быть инициирован легкомысленным или недобросовестным следователем, предъявившим обвинение невиновному, в этих рассуждениях нет. Между тем такие ситуации нередки. Достаточно вспомнить широко освещавшееся в свое время в печати дело Михалевича, который изнасиловал и убил 34 женщины. До его изобличения за эти преступления были осуждены 14 невиновных, один из которых был расстрелян, а другие, подвергшиеся длительному лишению свободы, стали инвалидами[8]. Такова цена некоторых «побед» следователей в конфликтах с обвиняемыми.

Концепция «конфликтного следствия», а также выводимые из нее и оправдываемые ею практические рекомендации были подвергнуты критике в ряде трудов по теории уголовного процесса и судебной этике[9]. Сторонники же ее как антитезу собственной позиции и объект встречной критики сконструировали и приписали своим оппонентам «концепцию бесконфликтного следствия». По разъяснению Р.С. Белкина, эта концепция трактует следствие как «сотрудничество» правонарушителя и следователя, «трогательный союз единомышленников». Он предупреждает: «Розовые очки концепции «бесконфликтного следствия» только искажают действительность. Это средство не защиты закона и морали, а их нарушения»[10]. Однако еще 20 лет назад опубликована монография коллектива ученых во главе с М.С. Строговичем, содержащая, в частности, и такие констатации: «Следователь нередко встречается с активным противодействием лиц, заинтересованных в том, чтобы преступление не было раскрыто, стремящихся направить следствие по ложному пути. Все это порождает порой конфликтные ситуации, которые требуют от следователя немалой нравственной стойкости»[11].

А вот что писал о конфликтах на предварительном следствии М.С. Строгович в своей последней, изданной посмертно книге: «Такие конфликты нередко возникают, и они имеют различный характер: например, конфликт между обвиняемым и потерпевшим, конфликт между свидетелями, дающими противоречащие друг другу показания по одному и тому же вопросу (очная ставка). Бывают и конфликты разной силы между следователем и лицами, заинтересованными в том, чтобы скрыть истину, направить следствие по ложному пути (представление подложных документов, подговаривание свидетелей к даче ложных показаний, сокрытие или уничтожение предметов, могущих быть вещественными доказательствами, и т.п.). Ясно, что такие конфликты следователь должен исследовать и разрешить, преодолеть сопротивление обнаружению истины, используя предоставленные ему законом полномочия»[12].

Наличие конфликтов в судопроизводстве неоспоримо. Тем не менее «конфликтологическая» трактовка расследования и уголовного процесса в целом, сводящая расследование к конфликту следователя с обвиняемым, неприемлема. Одиозно в этой трактовке прежде всего жесткое распределение ампулы, когда следователи и прокуроры неизменно, все подряд рыцари без страха и упрека, проникательные правдолюбцы, неуклонно постигающие истину, а обвиняемые и подозреваемые – сплошь коварные злодеи, любыми путями стремящиеся ускользнуть от заслуженной ответственности. При таком подходе из поля зрения выпадают ситуации иного рода – когда из-за ошибки или безответственности следователя или прокурора уголовному преследованию подвергается невиновный, тщетно силящийся добиться правды, в то время как следователь или прокурор настаивает на своем заблуждении. Отождествление обвиняемого с преступником служит оправданию неразборчивости в подыскании средств «борьбы», нарушению нравственных и правовых норм уголовного судопроизводства.

2. Соотношение процессуального и криминального конфликтов.

Уяснению сущности процессуального конфликта может способствовать сопоставление его с криминальным конфликтом.

Различия между ними прослеживаются по ряду признаков.

1) Сферой криминального конфликта могут быть самые разнообразные социальные отношения, охраняемые уголовным законом: государственная и общественная безопасность, права и свободы граждан, общественный порядок и порядок управления, воинская служба и др. Уголовно-процессуальные же конфликты возникают, развиваются и разрешаются в сфере уголовного судопроизводства (расследования и рассмотрения в судах уголовных дел)

2) Различна юридическая природа этих конфликтов. Криминальный конфликт – всегда преступление, нарушение уголовного закона. Процессуальный же конфликт во многих случаях представляет собой нарушение одной из сторон (или несколькими сторонами) процессуального закона в ущерб интересам и целям другой стороны. Но наряду с этим существуют процессуальные конфликты, в которых действия противостоящих сторон правомерны. Таковы, например, споры обвинения и защиты, гражданского истца и гражданского ответчика в судебном разбирательстве, непримиримое расхождение между присяжными по вопросам вердикта.

3) Фактическое содержание криминального конфликта составляет действие или бездействие преступника, а иногда также ответные действия пострадавшего или иных лиц (необходимая оборона, крайняя необходимость) либо провоцирующие действия потерпевшего. Уголовно-процессуальный же конфликт по своему фактическому содержанию состоит из действий, решений, обращений, предписанных, дозволенных или запрещенных уголовно-процессуальным законом.

4) Криминальный и уголовно-процессуальный конфликты различаются по составу участников.

В криминальном конфликте сторонами являются преступник и носитель охраняемых уголовным законом социальных ценностей, нарушенных или поставленных под угрозу нарушения преступлением: личность, организация, общество, государство. Роль арбитра, разрешающего этот конфликт, принадлежит суду, который констатирует наличие преступления, назначает наказание виновному или освобождает его от наказания.

В процессуальные же конфликты вступают обвинители и обвиняемые, защитники, потерпевшие, гражданские истцы, гражданские ответчики, их представители и другие участники процесса. Роль арбитров в этих конфликтах принадлежит органам и представителям власти, ответственным за производство по делу в данной стадии или уполномоченным рассматривать жалобы на их действия: следователю, прокурору, судье, суду.

5) Существенное различие по составу участников связано с временным параметром. Криминальный конфликт – в том, что касается деяния, – на момент возбуждения уголовного дела, как правило, относится к прошлому и потому необратим, неизменен.

Процессуальные же конфликты могут относиться и к прошлому (например, нарушение обвиняемым обязательства являться по вызовам и сообщать о перемене места жительства), и к настоящему (например, уклонение обвиняемого от явки по вызовам при неизвестности места его пребывания).

6) Некоторое методологическое и практическое значение имеет классификационное деление, основанное на признаках, относящихся, строго говоря, не к отдельным группам процессуальных конфликтов как таковых, а к характеру представлений, составленных о них следователем или судьей. По этому основанию можно различать конфликты достоверные и предполагаемые. К последним относятся, в частности, предвидимые (ожидаемые, прогнозируемые) конфликты. Для правильного развития процесса по уголовному делу важно, чтобы следователи, суды своевременно предвидели возможные деструктивные, направленные на срыв расследования и судебного разбирательства действия обвиняемого и его сообщников. Практическое значение этого деления состоит в том, что меры процессуальной ответственности за неправомерное конфликтное поведение допустимы лишь в случаях достоверных конфликтов, но не предполагаемых. Меры же процессуального принуждения

профилактического характера оправданы и для предупреждения или пресечения обоснованно прогнозируемых, вероятных неправомерных конфликтных действий.

7) Сопоставляя криминальные и процессуальные конфликты, следует отметить и относительность различия между ними. Ряд конфликтов между участниками процессуальных отношений квалифицируются уголовным законом как преступления, т.е. представляют собой одновременно и криминальные конфликты. Таковы преступления против правосудия: привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности; вынесение заведомо неправосудного приговора, решения, определения или постановления; заведомо незаконный арест или задержание; принуждение к даче показаний; заведомо ложный донос; заведомо ложное показание; отказ или уклонение свидетеля или потерпевшего от дачи показаний или эксперта от дачи заключения и др. Некоторые из криминальных конфликтов, предусмотренных той же главой УК, возможны как в пределах процессуальных отношений, так и вне их. К последним относятся вмешательство в рассмотрение судебных дел, угроза по отношению к судье или народному заседателю, оскорбление судьи или народного заседателя и др. Деликты «двойной» правовой природы, представляющие собой нарушения норм уголовного материального и в то же время процессуального права, могут быть названы криминально-процессуальными конфликтами.

Наконец, объединяет криминальные и процессуальные конфликты синхронность их разрешения. Вступивший в законную силу приговор или постановление (определение) о прекращении дела является актом одновременного разрешения криминального и процессуального конфликтов.

3. Процессуальный конфликт как система правоотношений.

Должностное лицо или орган, ответственный за производство по уголовному делу, а также участвующие в деле физические и юридические лица вступают в процессуальный конфликт, исполняя свои обязанности и осуществляя права, ввиду чего их взаимодействия приобретают характер системы правоотношений[13]. Реализация прав и обязанностей приводит к возникновению новых юридических фактов, влекущих изменение, развитие и прекращение прежних правоотношений, возникновение новых.

Предпосылками участия субъектов уголовного судопроизводства в процессуальной деятельности, а значит и в процессуальных конфликтах, служат определенные юридические факты. Для прокурора таким фактом может служить возбуждение уголовного дела на обслуживаемом объекте (территории), для следователя – принятие дела к производству, для подозреваемого – задержание или применение к нему меры пресечения без предъявления обвинения, для обвиняемого – привлечение к участию в уголовном деле в качестве обвиняемого, для потерпевшего и гражданского истца – постановление о признании потерпевшим, гражданским истцом и т.д.

С момента принятия такого решения лицо вправе участвовать в конфликте, осуществляя свои функции, защищая свои интересы. Основания решений о привлечении и признании зафиксированы в легальных дефинициях. К сожалению, не все они соответствуют целям закона, его правовой концепции. И это отражается на решении практических задач.

Так, в УПК РСФСР установлено, что потерпевшим признается «лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред», а гражданским истцом – гражданин, предприятие, учреждение или организация, «понесшие материальный ущерб от преступления» (ст. 53, 54). Как видно, в этих определениях понятиям потерпевшего и лица, понесшего материальный ущерб (или, что то же, имущественный вред), придано то же значение, что и одноименным понятиям, используемым в нормах уголовного и гражданского законодательства.

В таком контексте потерпевший и гражданский истец выглядят лицами, достоверно понесшими вред (ущерб) от преступления, а значит, участниками криминального конфликта.

Между тем в предписаниях того же УПК, которые регламентируют процедуры с участием потерпевшего, это понятие приобретает иное, специфически процессуальное содержание. Так, ст. 27 УПК РСФСР предусматривает, что дела о некоторых преступлениях против личности могут быть возбуждены не иначе как по жалобе потерпевшего. Таким образом, жалобщик в этих делах считается потерпевшим уже с момента первого обращения к органу или должностному лицу, уполномоченному возбудить уголовное дело. Очевидно, однако, что к этому моменту собрать, проверить и оценить доказательства, достоверно устанавливающие факт преступления и его последствия для жалобщика, удастся далеко не всегда. Жалоба потерпевшего может быть подтверждена или опровергнута, как правило, лишь в итоге расследования и судебного разбирательства. Практике известны дела о причинении телесных повреждений и об убийствах, прекращенные за отсутствием события преступления ввиду того, что действия, инкриминированные обвиняемому, совершены в состоянии .необходимой обороны; дела об изнасилованиях, прекращенные после того, как установлено, что инкриминируемые действия совершены с согласия жалобщицы, и т.п.

Буквальное же ригористическое толкование закона в том смысле, что потерпевшим в уголовном процессе может быть только тот, кто действительно пострадал от преступления, имеет своими последствиями затяжку в признании лица потерпевшим и, следовательно, в обеспечении ему права отстаивать свои процессуальные интересы, а в иных случаях – некритическое восприятие его жалоб и показаний, которые могут быть ошибочными или заведомо ложными.

Решение о действительных ролях потерпевшего и обвиняемого в криминальном конфликте достигается в итоге предварительного следствия и судебного разбирательства – при постановлении приговора или прекращении дела. Информационной неопределенности же, неизбежной на предшествующих этапах судопроизводства, соответствовали бы нормы о том, что основаниями к признанию лица потерпевшим или гражданским истцом, а равно к привлечению в качестве обвиняемого служат сведения, необходимые и достаточные для предположения об их участии в криминальном конфликте.

По мере развития правоотношений изменяется статус конкретного участника судопроизводства, его роль в процессуальном конфликте. Так, следователь совмещает на предварительном следствии функции процессуального руководства и разрешения уголовного дела с функцией уголовного преследования. Он определяет направление расследования, принимает решения о признании потерпевшим или гражданским истцом, задерживает подозреваемых, избирает меры пресечения, разрешает ходатайства и заявления об отводах и наряду с этим привлекает к участию в деле в качестве обвиняемого, предъявляет обвинение, вступая таким образом в конфликт с защитой.

Удовлетворяя ходатайство о прекращении дела или реагируя на отвод заявлением о самоотводе, следователь снимает, разрешает конфликт[14]. Отказ же следателя удовлетворить такое ходатайство или его возражение против отвода может повлечь жалобу и перенесение конфликта на более высокий уровень. Здесь роль арбитра, разрешающего конфликт, переходит к прокурору или к суду (ст. 219, 2201, 2202 УПК). При несогласии с прокурором по узловым вопросам предварительного следствия следователь вправе представить дело со своими возражениями вышестоящему прокурору (ч. 2 ст. 127 ГПК РСФСР)[15]. Круг решений прокурора, которые могут быть обжалованы вышестоящему прокурору, равно как и круг жалобщиков, закон не ограничивает (ст. 219 УПК). На этой ступени развития конфликта стороной оказывается уже надзирающий, за расследованием прокурор, которому противостоит недовольный его решениями жалобщик либо следователь со своими возражениями, а вышестоящий прокурор становится арбитром, разрешающим конфликт. Наконец, в суде первой инстанции и в кассационной инстанции прокурор выступает в качестве стороны наравне с подсудимым, защитником, а также гражданским истцом, гражданским ответчиком и их представителями (ст. 245 УПК РСФСР).

4. Конфликт и позиции.

Возникновение и развитие процессуального конфликта обусловлено не только и даже не столько статусом и функциями действующих лиц, сколько конкретными позициями, которые они избирают.

Так, конфликт отсутствует, если обвиняемый признает себя виновным либо обвинитель отказывается от обвинения[16].

Конфликты возникают и между участниками судопроизводства, принадлежащими к одной и той же стороне процесса. Например, один из обвиняемых или его адвокат может строить защиту на доказывании обстоятельств, уличающих другого обвиняемого по тому же делу или отягчающих его участь. Предусматривая такие ситуации, УПК РСФСР устанавливает обязательность участия защитников на стороне лиц, между интересами которых имеются противоречия, если хотя бы одно из этих лиц имеет защитника (п. 6 ч. 1 ст. 49), и исключает участие в деле адвоката, «если он по данному делу оказывает или ранее оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам лица, обратившегося с просьбой о ведении дела...» (ч. 1 ст. 67).

5. Коллизия защиты.

Это особая разновидность процессуального конфликта. Речь идет о ситуации, когда обвиняемый настаивает на своей невиновности, а защита находит его вину доказанной.

Практически такие конфликты носят, как правило, латентный характер. Обвиняемый и защитник используют возможность сопоставить и обсудить свои позиции наедине, в непроцессуальной форме, а при недостижении согласия расторгнуть соглашение (или аннулировать поручение) о защите. Для этого достаточно, чтобы подзащитный заявил (без приведения мотивов) об отказе от защитника.

Коллизия выходит из латентной фазы, переходит в открытый процессуальный конфликт, когда о несогласии с подзащитным, отрицающим свою вину, защитник заявляет следователю или суду. Правомерны ли такие конфликты?

Утвердительный ответ Е. Г. Мартыничка на этот вопрос не лишен патетики: «Нельзя лишать адвоката права самостоятельно определять свою позицию по делу и в тех случаях, когда подсудимый отрицает свою причастность к преступлению, а доказательства, исследованные в судебном заседании, приводят адвоката к противоположному выводу»[17]. Разделяя, по сути, этот взгляд, Е.Т. Матвиенко делает оговорку: «Адвокат может избрать иную линию защиты, расходящуюся с позицией подзащитного, только поставив его в известность и получив на это прямое или молчаливое согласие»[18]. То что спор с адвокатом в процессе гоним для подзащитного и согласиться на это он может лишь по неведению, автор в расчет не берет. Подобная точка зрения возобладала в одной из коллегий адвокатов. Председатель коллегии Я. Янош оповестил юридическую общественность о привлечении к дисциплинарной ответственности восьми адвокатов, которые в соответствии с позицией подзащитных просили их оправдать, а суд вынес обвинительные приговоры[19]. Эта дисциплинарная практика резко осуждена видными деятелями адвокатуры[20].

При подготовке постановления Пленума Верховного Суда СССР «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту»[21] вносилось предложение разъяснить судам недопустимость коллизий защиты. По инициативе одного из членов Пленума предложение было отклонено, как относящееся к сфере этики, а не законодательства.

Этическое содержание данного запрета несомненно. Врач не может отказать в медицинской помощи из-за того, что больной не следует его советам, болезнь тяжела, запущена и надежд на выздоровление мало. Так же нравственно недопустимо, чтобы адвокат уклонился от защиты по причине суровости обвинения, внушительных уличающих доказательств и неубедительности объяснений обвиняемого, отрицающего свою вину.

Проблема, однако, имеет не только этическую, но и правовую сторону. Статья 51 УПК РСФСР устанавливает: «Адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого или обвиняемого». Эта норма категорична, она не допускает

исключений. Понуждение же обвиняемого к отказу от адвоката под угрозой открытой коллизии, т.е. выступления защитника против подзащитного или хотя бы заявления о несогласии с ним, – коварный завуалированный отказ от защиты.

Характерен следующий инцидент. В суд поступило заявление обвиняемого о несогласии с дальнейшим участием в деле назначенного ему адвоката. Как выяснилось, обвиняемый настаивал на своей непричастности к преступлению. Адвокат же сказал ему, что находит его вину доказанной, отрицание – бесполезным и если сам обвиняемый не сознается, то защищать его невозможно. Оценивая поведение адвоката в этом случае, суд указал: «Защитник необходим не для того, чтобы излагать суду свой личный взгляд на дело, а для извлечения из его материалов всего, что свидетельствует в пользу подсудимого. Поведение адвоката Л. лишило подсудимого права получить юридическую помощь, что не соответствует целям и задачам судопроизводства»[22].

Как же быть защитнику, когда собраны веские доказательства обвинения, а показания обвиняемого, отрицающего свою вину, неубедительны? Вопрос этот решается на основе презумпции невиновности. Обвиняемый не только заинтересован в исходе дела, но и, как правило, наиболее осведомлен о своем отношении к преступлению. Его показания – один из источников доказательств.

Чему отдаст суд предпочтение – доказательствам обвинения или показаниям подсудимого, – адвокат предугадать не может и не должен. Но он может и должен сделать все от него зависящее, чтобы решение было благоприятно для подзащитного. Возможность же действовать в этом направлении имеется всегда. Какой бы монолитной, несокрушимой ни казалась система доказательств обвинения, при тщательном анализе в ней обнаруживаются какие-то несоответствия, слабые места. Какими бы сомнительными ни казались на первый взгляд показания подсудимого, нельзя заранее отказаться от попыток найти подтверждение им. В какой мере это удалось сделать защитнику, в конечном счете решает суд. Задача же защитника состоит в том, чтобы обнаружить, подчеркнуть, продемонстрировать суду все, что не соответствует, противоречит версии обвинения, все, что может быть истолковано в пользу подзащитного. Непримируемый конфликт с обвинением – вот главное и, пожалуй, единственное, ради чего защитник вступает в процесс.

Считается, что адвокат вправе и нравственно обязан оспаривать и опровергать показания подзащитного, полагая, что его признание своей вины является самооговором. Это верно. Но и в данном случае он выступает не против подзащитного, а против обвинителя, против обвинения, построенного на ложном признании.

6. Коллизия обвинителя и потерпевшего.

Правило ст. 248 УПК РСФСР об отказе прокурора от обвинения носит сугубо этический характер. Здесь отказ от обвинения не влечет юридических последствий. «Отказ прокурора от обвинения не освобождает суд от обязанности продолжать разбирательство дела и разрешить на общих основаниях вопрос о виновности или невиновности подсудимого». Иначе говоря, процесс продолжается, как будто отказа от обвинения и не было.

Совершенно иное правило, впрочем, относящееся только к рассмотрению дела судом с участием присяжных, устанавливает Закон от 16 июля 1993 г. Не отменяя и не изменяя ст. 248 УПК РСФСР, этот закон дополняет кодекс ст. 403, которая содержит, в частности, следующее положение: «Отказ прокурора от обвинения в стадии судебного разбирательства при отсутствии возражений со стороны потерпевшего влечет прекращение дела полностью или в соответствующей части за недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления либо, если это деяние не содержит состава преступления, за отсутствием в деянии состава преступления». Предусматривая таким образом коллизию между прокурором и потерпевшим, закон в данном случае, однако, не устанавливает процессуальной формы возражений потерпевшего и их правовых последствий. Между тем речь идет о значительных социальных ценностях – о конституционном праве жертв преступления на доступ к правосудию и на скорейшую компенсацию за причиненный

ущерб. Государственное обвинение, осуществляемое прокурором, – одна из весомых гарантий этого права. Чем же может быть восполнено выпадение этой гарантии при отказе прокурора от обвинения? Как видно, здесь налицо существенный пробел закона, который может быть преодолен предоставлением потерпевшему, а также общественному обвинителю права поддерживать обвинение наряду с прокурором или вместо прокурора, не явившегося в суд или отказавшегося от обвинения.

-
- [1] Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. М., 1979. Т. 3. С. 80.
- [2] Баев О. Я. Конфликты в деятельности следователя. Воронеж, 1981. С. 57.
- [3] Доспулов Г.Г. Психология допроса на предварительном следствии. М., 1978. С. 13.
- [4] Доспулов Г.Г. Психология допроса на предварительном следствии. М., 1978. С. 18.
- [5] Ратинов А.Р. Советская судебная психология. С 30.
- [6] Доспулов Г.Г. Указ. соч. 14.
- [7] См.: Ратинов А.Р. Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике//Правовая кибернетика. М., 1970. С. 186.
- [8] См: Петрухин И.Л. Правосудие: время реформ. М., 1981. С. 41.
- [9] См.: , напр. Строгович М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности М, 1984 С 127—139, Пантелеев И Ф Некоторые Вопросы психологии расследования преступлений//Труды ВЮЗИ М, 1973. Вып. 29 С. 218- 233, Любичев С.Г. Этические основы следственной практики. М., 1980. С. 13—14.
- [10] Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. Т 3 С. 85. См.: также Там же С 80—85; Он же: Криминалистика проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике М, 1988 С. 98—103.
- [11] Проблемы судебной этики/Под ред. М.С. Строговича. М., 1974. С. 154. Автор главы Ю.В. Кореневский.
- [12] Строгович М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. С. 131—132.
- [13] См.: Божьев В. П. Уголовно-процессуальные отношения. М., 1975. С. 77— 97, 136—175
- [14] Следователь прекращает уголовное преследование, установив ошибочность, несостоятельность обвинения. На пути к такому решению неизбежны некоторые психологические барьеры. Высота их, однако, снижается, если это ошибки не следователя, принимающего решение, а его предшественника – следователя, ранее расследовавшего данное дело. В этом смысл правила о передаче дела от одного следователя к другому (п. 9 ст. 211 УПК РСФСР).
- [15] Следователь несомненно вправе направить вышестоящему прокурору возражения и по поводу других действий и решений нижестоящего прокурора. Однако в случаях, помимо перечисленных в ч. 2 ст. 127 УПК РСФСР, возражения следователя не приостанавливают исполнения указаний прокурора и не сопровождаются представлением дела вышестоящему прокурору.
- [16] Впрочем, практике известны парадоксальные конфликты, в которых обвиняемые упорствовали в самооговоре после прекращения уголовного преследования, чаще всего для того, чтобы отвести обвинение от действительного преступника. Возможны и другие мотивы. Неоднократно судимый Швырев настаивал на признании в убийстве и после обнаружения настоящего убийцы. Впоследствии оказалось, что он принял на себя поручение преступной группировки совершить это преступление, но не успел и взял на себя вину неизвестного лица, чтобы избежать подозрений в трусости.
- [17] Мартынчик Е.Г. Гарантии прав обвиняемого в суде первой инстанции. Кишинев, 1978. С. 163—164.
- [18] Матвиенко Е.Г. Судебная речь. Минск, 1972. С. 50.
- [19] См: Янош Я. Коллизия защитника и подзащитного//Соц. законность. 1977. № 12. С. 40—41.
- [20] См.: Поляк А., Вуколов А., Фурер И., Мельниковский М. Отклики на статью Я. Яноша//Соц. законность 1978. № 4. С. 60—62; № 5 С. 66—67; № 6. С. 68—69.
- [21] Это постановление принято 17 декабря 1978 г. См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1986 М., 1987. С 805—812.

§ 20. МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНФЛИКТ

1. Взаимодействие международного конфликта и международного права.

Хотя концепция «конфликта» появилась в международных исследованиях лишь в первые годы деятельности Лиги Наций, а окончательно утвердилась в 50-х годах, международное право в значительной своей части всегда было традиционно связано с регулированием возникающих в отношениях между государствами войн, споров, столкновений, разногласий и других ситуаций, выражаемых ныне словосочетанием «международный конфликт». Вместе с тем характер взаимодействия международного конфликта и международного права в послевоенные десятилетия претерпевает достаточно осязаемые изменения.

Социологическими исследованиями зафиксирована, в частности, тенденция уменьшения удельного веса международных насильственных конфликтов в общем количестве войн – наиболее крупномасштабных конфликтов, связанных с использованием насилия. Так, по подсчетам английского социолога-международника Э. Луарда, если за период с 1400 г. по настоящее время примерно половина случившихся в мире вооруженных конфликтов произошла между государствами, то за четыре послевоенных десятилетия из 127 «значительных» войн лишь 37 принадлежали к категории международных[1]. По подсчетам же, проведенным Центром методологии международных исследований Дипломатической академии МИД РФ, удельный вес собственно международных насильственных конфликтов, происшедших в 1945—1989 гг., еще меньше – лишь 22 из 147 крупных вооруженных конфликтов имели исключительно межгосударственную структуру, а остальные – преимущественно внутригосударственную.

Эти наблюдения подтверждают выводы тех теоретиков[2], которые констатируют факт(переживаемой нынешним человечеством смены самого типа (парадигмы, образа, модели) международных отношений, когда на смену так называемой реалистской модели, концентрировавшейся на государстве и потому устанавливавшей четкую границу между его внешними и внутренними отношениями, приходит «плюралистская» парадигма, или модель «комплексной взаимозависимости», ориентированная на «дисагрегированное» государство, отдельные компоненты которого самостоятельно вовлекаются в транснациональные процессы, приобретающие форму, в частности, внутренних по прежним меркам конфликтов.

Поскольку же международное право, как и право вообще, не может быть независимым от общества, в котором оно действует, оно не только выполняет свои обычные регулятивные функции, но и, как очень точно выразился В. Леви, «служит индикатором состояния общества», является «зеркалом своего общества»[3]. Именно поэтому после второй мировой войны сфера международного праворегулирования все дальше и дальше уходит (прежде всего это видно на примере норм международного гуманитарного права) за пределы собственно межгосударственных отношений и конфликтов, придает некоторым видам конфликтов, которые еще недавно оценивались как внутренние, в прямом смысле международный характер.

2. Стороны международного конфликта.

Все конфликты, происходящие в международной системе или выходящие на ее уровень, неизбежно связаны с поведением государств как основных участников (сторон, субъектов, акторов) этой системы – международных отношений. «Однако в зависимости от того, представлены ли обе противостоящие стороны в конфликте государствами, либо лишь одна из них является государством, либо государство выступает в качестве третьей стороны во внутреннем конфликте на территории

другого государства, появляется возможность для первичной классификации международных конфликтов, для выделения их отдельных видов (категорий, типов). Межгосударственный конфликт в той же степени органичен, естествен и традиционен для системы международных отношений, в какой эта система является по своей природе межгосударственной.

В англоязычной литературе, как известно, слова «nation» и «state» взаимозаменяемы, в связи с чем такие ключевые для всех международных дисциплин категории, как «international relations», «international law» или «international war», понимаются соответственно как «межгосударственные отношения», «межгосударственное право» и «межгосударственная война». Эта лингвистическая особенность напоминает тем не менее о том, что важнейшей чертой «войны» выступает «легитимность», а именно убежденность в том, что только «легитимные власти» – государства и их представители – обладают правом обращения к войне, осуществляют «признание и защиту в войне»[4].

Такой подход подтверждается и Уставом ООН, в п. 4 ст. 2 которого в формулировке принципа неприменения силы используется выражение «international relations». Поэтому считается, что сферой соблюдения принципа неприменения силы являются именно «межгосударственные отношения», а не отношения внутри государств – межнациональные отношения внутригосударственного типа.

Вот почему с международным (межгосударственным) конфликтом связывается прежде всего такое понятие, как «агрессия», которой в соответствии с Определением агрессии, принятым Генеральной Ассамблеей ООН в 1974 г., является «применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства». Как пишет, комментируя эту формулировку, специалист из Стокгольмского университета А. Рифаат, «агрессия, в соответствии с этим Определением, существует только в том случае, когда реальная вооруженная сила применяется одним государством против другого государства»[5].

Определение агрессии (ст. 3) относит к актам агрессии такие, в частности, межгосударственные действия, как:

- вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она ни носила, являющаяся результатом такого вторжения либо нападения, или любая аннексия с применением силы территории другого государства или части ее;
- бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства;
- блокада портов или берегов государства вооруженными силами другого государства;
- нападение вооруженными силами государства на сухопутные, морские или воздушные силы либо морские и воздушные флоты другого государства;
- применение вооруженных сил одного государства, находящихся на территории другого государства по соглашению с принимающим государством, в нарушение условий, предусмотренных в соглашении, или любое продолжение их пребывания на такой территории по прекращении действия соглашения.

Если действия одного государства в международном конфликте классифицируются как агрессия, то ответные действия другого или других государств оцениваются в качестве самообороны или международных санкций, поскольку, как пишет американский исследователь М. Уальцер, «все агрессивные акты имеют одну общую черту: они оправдывают насильственное сопротивление»[6].

Пример с агрессией и самообороной, демонстрирующий двусторонний механизм конфликтного взаимодействия государств в наиболее важной для них сфере столкновения интересов безопасности, одновременно иллюстрирует особое значение принципа взаимности для всей координационной по своей природе системы международных отношений. Каждое государство связывает в этой системе свою волю каким-либо международным обязательством по отношению к другому государству, как правило, при условии, что последнее также признает это обязательство. Это означает, что поведение одного из государств, противоречащее ранее принятому им на себя международному обязательству, освобождает потерпевшее государство от соблюдения этого же обязательства по отношению к

нарушителю и предоставляет. ему право добиваться того положения, которое существовало до правонарушения, используя для этого меры принуждения.

Международное право имманентно воспринимает, следовательно, присущий системе международных отношений дуалистический механизм конфликтного взаимодействия государств, облекая его в присущие праву юридические формы. Так, разграничение в международно-правовой доктрине и практике наряду с агрессией и самообороной санкционного и несанкционного принуждения, международных правонарушений и самопомощи, деликтов и репрессалий, недружественного акта и реторсии, выделение между[^] народных споров как политического, так и правового характера – все это указывает на идущую из веков традиционную функцию международного права быть регулятором межгосударственных конфликтов.

Национально-освободительные войны как особая категория международных конфликтов приобрели это качество после второй мировой войны. Если ранее подобные конфликты оценивались как внутренние, то, согласно Дополнительному протоколу № 1 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г., «вооруженные конфликты, в которых народы борются против колониального и расистского господства и оккупации, за осуществление их права на самоопределение, являются международными вооруженными конфликтами».

В практике ООН эта категория международных конфликтов включала: 1) войны колониальных стран и народов, под которыми понимаются войны народов самоуправляющихся, а также подмандатных и подопечных территорий, находящихся под колониальным господством; 2) войны народов, борющихся против расистского господства; 3) войны, которые ведутся «народами против правительств, хотя и не являющихся колониальными или расистскими, однако действующих в противоречии с принципом равноправия и самоопределения»[7].

Первая группа из этих конфликтов – «колониальные войны» – была связана с послевоенной эпохой деколонизации и велась колониальными народами против государств-метрополий. По подсчетам Л. Блумфелда и А. Лейс, из 54 вооруженных конфликтов, происшедших в мире в 1946—1965 гг., 12 были колониальными войнами[8]. По статистике Э. Луарда, таких конфликтов было 17 из 127 «значительных войн», случившихся в первые 40 послевоенных лет. Естественно, что по мере приобретения независимости колониальными странами и народами эта группа национально-освободительных конфликтов перестает существовать. Такова же судьба национально-освободительных войн, направленных против расистского господства.

Иные перспективы у национально-освободительных конфликтов типа войн в Палестине, в Восточной Бенгалии и Сахаре, которые возникли на почве нацеленных на изменение «политической общности» (целостности) государств внутренних этнополитических или «легитимных» конфликтов. Поразившие весь мир на пороге 80—90-х годов этническо-религиозные или, как их еще называют, межнациональные либо «идентичностные» конфликты питают легитимную нестабильность многих современных государств, ставят под угрозу их целостность. Как сообщает К. Рупесингх, из зафиксированных в 1989 г. 75 вооруженных конфликтов большая часть принадлежала к «идентичностным», нацеленным на существенное перераспределение власти, получение территориальной автономии или независимости[9].

С целью предотвращения ссылки на принцип равноправия и самоопределения народов для расширения практики использования «идентичностных» конфликтов как базы для развития сепаратистских движений, расчленяющих существующие государства, ООН в своей деятельности следует правилу так называемой предохранительной оговорки, в соответствии с которой не подлежат санкционированию или поощрению «любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов». Под охрану этой оговорки подпадают лишь те государства, которые имеют

«правительства, представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории»[10].

Это означает, что принцип равноправия и самоопределения народов как правовая основа для требования об отделении и создании собственного государства может быть использован лишь теми группами населения, которые не имеют пропорционального представительства во властных структурах прежнего государства. Кроме того, в соответствии с современной практикой для применения принципа равноправия и самоопределения народа к конкретным ситуациям и установления, является ли та или иная группа населения народом, обладающим правом на самоопределение, необходима коллективная легитимация в рамках ООН или, например, СБСЕ.

Внутренние интернационализированные конфликты, или «смешанные войны», – это особый вид международного конфликта, появившийся в послевоенный период как своего рода свидетель процесса трансформации межгосударственных отношений в действительно международные

Традиционные военные исследования игнорировали революции и войны, происходившие в отдельных государствах, поскольку они выходили за рамки межгосударственных войн и международных отношений. Считалось, что принцип невмешательства во внутренние дела как бы отделял международную сферу от внутренней, оставляя гражданские конфликты за пределами поля международного рассмотрения. И только после второй мировой войны ученые стали уделять значительно большее внимание гражданским войнам, осознав, что они «заменили международную войну в качестве войн ядерного века»[11].

Действительно, практически все крупные международные кризисы, происшедшие после 1945 г., имели свои корни в гражданских войнах, перераставших в смешанные конфликты. Как утверждают Блумфелд и Лейс, в первые два десятилетия после второй мировой войны из 26 гражданских войн лишь 10 были «преимущественно внутренними», а 16 – «внутренними со значительным внешним вовлечением». Роль этой категории конфликтов еще более возросла в последующие годы, и это видно из того, что почти каждые два из трех «режимных», или «идеологических», внутренних конфликтов (34 из 54), происшедших после 1945 г., были, по нашим подсчетам, интернационализированы путем прямого или косвенного вовлечения чаще всего «сверхдержав». Любопытно что в это время подвергался интернационализации лишь один из трех этнополитических конфликтов (12 из 41), причем уже со сравнительно редкой вовлеченностью «сверхдержав».

Поэтому в 60-е годы многим исследователям стало ясно, что международный правопорядок, созданный Уставом ООН на базе принципа неприменения силы, явно не адекватен возникшей реальности преобладания внутренних вооруженных конфликтов над межгосударственными

С одной стороны, как писал профессор Принстонского университета Р. Фолк, было понятно, что международное право традиционно держится как бы в стороне от феномена гражданской войны. Даже Устав ООН не содержит прямого указания на зависимость международного мира от контроля над «внутренним политическим насилием в отдельной стране»[12]. Английский юрист-международник М. Эйкхарст следующим образом описывает эту ситуацию: «В международном праве отсутствует норма, запрещающая гражданские войны. В п. 4 ст. 2 Устава ООН запрещается применение силы или угрозы силой только в «международных отношениях». Возможно, что каждая сторона рассматривает другую сторону как изменников с позиций внутреннего права, но ни повстанцы, ни правящая власть не виновны в каком-либо нарушении международного права»[13]. Единственная функция, выполняемая в данном случае международным правом, состоит в том, что, как говорится в Декларации ООН о принципах международного права 1970 г., «ни одно государство не должно... вмешиваться во внутреннюю борьбу в другом государстве».

С другой же стороны, писал в свое время Л. Хенкин, «все государства признают, что «интервенция» - является противоправной, но они с трудом соглашаются в отношении того, какая интервенция противоречит праву»[14]. «Если право, направленное против международной войны, – развивал он эту же мысль в другом

исследовании, – поживает неплохо, то право, запрещающее вмешательство во внутренние войны, живет уже не так хорошо, и оно живет. еще хуже, когда во внутренних войнах проявляется основная идеологическая борьба наших дней»[15]. Современное международное право до сих пор по-разному оценивает помощь, оказываемую третьими государствами сторонам внутренних конфликтов.

Не вызывает, пожалуй, сомнений, что неправомерной следует считать прежде всего помощь, предоставляемую восставшей стороне. В международной практике такая помощь квалифицируется как «подрывное вмешательство». Вместе с тем, хотя в ряде деклараций Генеральная Ассамблея ООН исходит из противоправности «подрывного вмешательства», международное право, действующее на основе принципа взаимности, не может не соотносить этот запрет с решением проблемы оказания помощи правительству как другой стороне внутреннего конфликта. Если существующее правительство утратило народную поддержку и удерживается у власти лишь благодаря иностранной помощи, то разве эта ситуация не создает условий для правомерного контрвмешательства на стороне повстанцев, тем более если они борются за независимость страны?

Сторонники оказания помощи правительству обосновывают правомерность такого шага тем, что только правительство, представляя государство, правомочно выразить «просьбу и согласие», являющиеся главным основанием для вступления иностранных войск на территорию страны и оказания ему иных видов материальной поддержки. Однако этот тезис не менее аргументировано опровергается теми, кто считает, что сам факт гражданской войны ставит под сомнение компетенцию правительства и его правомочность действовать от имени государства. Следовательно, в этом случае речь идет, надо полагать, о помощи не государству, а лишь правительству как одной из сторон в конфликте, претендующей наравне с другой стороной – повстанцами – на власть и представительство своего государства. Такая помощь правительству оправдывает оказание заинтересованными государствами на основе взаимности помощи восставшей стороне, что создает в конечном счете условия для эскалации и интернационализации внутреннего конфликта.

Вместе с тем если принцип взаимности обуславливает запрет на оказание помощи повстанцам отказом в помощи правительству, то нет оснований ставить и правительство в положение, худшее по сравнению с повстанческим движением. Ведь восстание с самого начала может быть результатом иностранного «подрывного вмешательства», приравняваемого современным международным правом к акту косвенной агрессии. Если это так, то иностранная помощь правительству расценивается как форма осуществления третьим государством права на коллективную самооборону.

Юридическая сложность оценки вовлеченности третьих государств во внутренний конфликт связана, таким образом, с разным объемом запретов на оказание помощи повстанцам и правительству. Под «подрывным вмешательством» понимается запрет на оказание практически любой (за исключением гуманитарной) помощи повстанцам. Что же касается помощи правительству, то требования современного международного права сводятся к тому, что «государствам разрешается снабжение существующих властей деньгами и оружием в ходе любого типа гражданской войны, но запрещается посылка войск для помощи властям, за исключением случаев противодействия подрывной деятельности»[16].

Такая асимметрия существующих международных обязательств может быть преодолена путем применения к конкретному внутреннему конфликту принципа пропорциональности, с помощью которого можно было бы уравновесить запреты на оказание помощи обеим сторонам. Речь идет о распространении на каждый внутренний конфликт режима нейтралитета, который предусматривал бы запрещение поставок оружия и предоставления финансовой помощи обеим сторонам, ставя их в условия материального равенства по отношению друг к другу. В правовом же плане это позволяло бы предотвращать «подрывное вмешательство» ссылками на «марионеточность» правительства, а значит, исключало бы возможность злоупотребления правом на самооборону недостаточно легитимными

правительствами и поддерживающими их по идеологическим причинам государствами.

3. Структура международного конфликта.

Все более прочно утверждающаяся в конфликтологической литературе категория «структура международного конфликта» позволяет описать взаимодействие таких основных его элементов, как конфликтная ситуация, конфликтные установки и конфликтное поведение[17].

Конфликтная ситуация – это ситуация, в которой два или более государства осознают, что обладают взаимно несовместимыми целями.

Степень несовместимости, или конкуренции, целей во многом зависит от того, является ли конфликтная ситуация результатом «конфликта ценностей» или «конфликта интересов». В первом случае принципиальная разница в системе ценностей, которыми руководствуются стороны, приводит к возникновению «ситуаций глубоко разделенных сообществ» (или к так называемому идеологическому конфликту), порождающих столкновение взаимоисключающих целей. Во втором случае источником несовместимости целей служит, как правило, недостаток в единых для взаимодействующих государств материальных или статусных ценностях, порождающий конкуренцию интересов или их несовместимость по системе приоритетов.

Хотя практически в каждом международном конфликте сочетается столкновение как ценностей, так и интересов, мера такого сочетания объясняет, почему в одних конфликтах стороны нацелены на победу, тогда как в других их цели ограничиваются преобладанием и даже реальным стремлением к миру[18].

Если реализация ценностей одной стороны исключает возможность реализации ценностей другой стороны, то основанная на этой ситуации цель – победа – либо никогда не будет достигнута, либо приведет к «игре с нулевой суммой», когда выигрыш одной стороны становится возможным за счет уничтожения, разоружения или подчинения оппонента. Ориентация на победу характерна для «завоевательных» войн, направленных на установление господства над территорией или ресурсами другого государства, а также «режимных» войн, нацеленных на свержение правительства в другом государстве. По подсчетам американского исследователя В. Домке, из 61 межгосударственной войны, происшедшей с 1815 по 1986 г., 17 были «завоевательными» и 8 – «режимными»[19]. После второй мировой войны практика «завоевательных» войн сходилась на нет (последний случай – попытка аннексии Ираком Кувейта в 1991 г.), тогда как удельный вес «режимных» войн возрос (15 из 37 межгосударственных войн).

Что касается «конфликта интересов», то теоретически и практически важное значение продолжает играть предложенное в начале XVIII в. известным швейцарским юристом-международником Э. Ваттелем деление интересов (прав) государства на основные (жизненные, существенные) и производные (специальные). Ваттель считал, что при угрозе первым из них «нация должна последовать совету только своего мужества», тогда как при столкновении вторых она «должна показать готовность обратиться ко всем средствам примирения»[20].

С этих позиций при столкновениях жизненных интересов, следствием которых является возникновение политических споров и нередко «легитимных» войн, направленных на обладание, например, спорными территориями (по данным Домке, с 1815 по 1986 г. таких войн было 36 из 61 межгосударственной войны), каждое из конфликтующих государств стремится занять более выгодную позицию по сравнению с оппонентом, иначе говоря, стремится к преобладанию, получению в свою пользу уступок от оппонента. В отличие от победы, которая рассчитана на изменение существующей структуры отношений конфликтующих сторон путем ликвидации одной из них, достижение преобладания в конфликте сохраняет существующую структуру отношений, не исключая вместе с тем будущего изменения этой структуры в пользу преобладающей стороны.

Наконец, целью сторон может быть мир, когда конфликтующие государства подтверждают незыблемость существующей структуры международных отношений

без ущерба для позиций каждого из них. Ориентация на мир чаще всего возникает в конфликтных ситуациях, ведущих к правовым спорам, в которых общие или совпадающие интересы сторон как участников международной системы берут верх над столкновением их специальных интересов.

Таким образом, победа, преобладание и мир как цели государства опосредуют противоречия, в которых в первом случае на передний план выходят столкновения их ценностей, во втором – их жизненные интересы и в третьем – интересы специальные.

Конфликтная ситуация как элемент структуры международного конфликта предполагает, что одно из сталкивающихся государств преследует активные (позитивные) цели изменения существующего status quo, тогда как другое – пассивные (негативные) цели сохранения существующего положения, противодействия каким-либо изменениям или инновациям. Это различие проявляется, например, при оценке поведения государств в качестве агрессии или самообороны. Если цель самообороны состоит в обеспечении территориальной неприкосновенности и политической независимости государства от актов применения силы в форме вооруженного нападения, то вооруженные действия государства оцениваются как агрессия, если они, как утверждали при подготовке Определения агрессии представители западных государств, не просто предприняты первыми, но совершены «в целях: 1) сокращения территории или изменения границ другого государства; 2) изменения согласованных в международном плане демаркационных линий; 3) нарушения ведения дел другого государства или вмешательства в ведение его дел; 4) достижения изменения в правительстве другого государства; или 5) нанесения вреда для получения каких-либо уступок»[21].

С вопросом о целях конфликта тесно связана проблема предмета конфликта, отвечающая на вопрос о том, в связи с чем (по поводу чего) конфликтуют государства.

Одним из распространенных является деление конфликтов на «ресурсные», в которых одна сторона абсолютно или относительно выигрывает, а другая проигрывает, хотя обе они продолжают существовать по окончании конфликта, и на «конфликты выживания», в которых существование одной из сторон ставится под вопрос. К. Митчелл помимо этого проводит следующую классификацию предметов конфликта: 1) использование ресурсов или собственность на них; 2) исключительное право на ресурсы или контроль как над существующими, так и над потенциальными ресурсами (приобретение юридических прав или «суверенитета», политической власти или контроля); 3) продолжение существования одной из сторон конфликта в прежней форме или в форме, приемлемой для отдельных членов этой стороны; 4) статус, престиж или старшинство сторон; 5) убеждение, установки, поведение и социально-экономическая организация какой-либо общности, не отвечающие желательным стандартам другой стороны[22].

Конфликтные установки – психологическое состояние сторон, которое возникает и сопровождает их в связи с вовлеченностью в конфликтную ситуацию.

Осознание факта несовместимости своих целей с целями другого государства порождает как в массах, так и, что особенно важно, в руководстве оказавшегося в конфликтной ситуации государства определенные эмоциональные реакции и восприятия, которые с неизбежностью воздействуют на процесс принятия политических решений по поводу идентификации конкретного соперника, оценки важности для себя предмета разногласий и выбора на этой основе формы и средств конфликтного поведения.

В контексте анализа конфликтных установок сторон принято различать:

- эмоциональные оценки, такие, как чувства страха, недоверия, гнева, зависти, негодования и подозрения, в отношении намерений противной стороны;
- познавательно-ориентационные процессы определяющие отношение к сопернику, такие, как создание стереотипов или отказ принять неприемлемую для себя информацию, чтобы сохранить уже сложившуюся структуру восприятия внешнего мира и особенно своего оппонента[23].

Цели, которые ставят перед собой стороны в конфликтной ситуации, как и внутреннее восприятие ими факта несовместимости этих целей, являются предпосылкой конфликтного поведения.

Конфликтное поведение – предпринятые одной стороной в любой конфликтной ситуации действия, направленные на ее оппонента.

В отличие от соперничества, при котором государства стремятся к достижению целей, находящихся вне границ возможностей друг друга, действия государств в конфликте нацелены на «командование чем-либо, представляющим ценность для каждого из них, хотя лишь одно может осуществлять такое командование»[24]. Иначе говоря, конфликтное поведение государства призвано воздействовать на оппонента либо в форме его подчинения, либо реакции на его действия, либо с намерением заставить оппонента отказаться от своих целей или модифицировать их.

По форме конфликтное поведение может быть прямым или опосредованным, усиливая в последнем случае политические или материальные способности клиента в его непосредственном противоборстве с оппонентом, как это происходит, например, при «негативном вовлечении» третьей стороны в межгосударственный или во внутренний политический конфликт на территории другого государства.

Наконец, по выбору средств конфликтное поведение может осуществляться как мирными средствами, так и путем насилия, крайним средством которого является война. Поскольку ведение дел между государствами с помощью мирных средств раскрывает основное содержание дипломатии, то ее целью, как пишут Н. Палмер и Г. Перкинс, «является защита безопасности государства, если это возможно, мирными средствами либо, если не удалось избежать войны, предоставление всяческой поддержки военным операциям»[25].

Устав ООН, провозглашая принцип неприменения силы, одновременно обязывает государства «проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира» (п. 1 ст. 1). И хотя в целом, как обобщает послевоенный опыт польский теоретик Ю. Кукулка, «на основе достигнутого развития международных отношений можно осмелиться на формулирование закономерности, согласно которой... возрастает эффективность... дипломатических средств и снижается действенность инструментов силы и войны»[26], тем не менее выбор государствами в конкретном конфликте средств и самого типа поведения объективно предопределяется характером конфликтных целей и лежащих за ними сталкивающихся интересов сторон.

На эту закономерность в одной из своих ранних работ обратил внимание А. Рапопорт, разграничив такие типы поведения в конфликте, как борьба, игра и дебаты[27]. Если государство ориентировано на победу, то его поведение выражается в борьбе, которая в свою очередь немыслима без ставки на применение силы. Преследуя цель преобладания, государство в своем поведении использует модель игры, предполагающую комплексное использование дипломатических и силовых средств из расчета получения преимущества по окончании конфликта, в том числе на основе взаимно согласованных правил поведения. Наконец, ставя целью достижение мира, государство с самого начала конфликта рассчитывает на дебаты, осуществляя их мирными средствами, включая использование услуг третьей стороны.

Вместе с тем эта объективно существующая зависимость конфликтного поведения сторон от преследуемых ими целей в свою очередь обуславливается как динамикой их собственных взаимоотношений в конфликте, так и их взаимодействием с внутренней и внешней средой конфликта.

4. Динамика международного конфликта.

Необходимость изучения динамики конфликта диктуется тем, что любой реальный международный конфликт состоит из множества сменяющих друг друга стадий, проходит в процессе своего развития через определенные фазы.

Как правило, используемые сталкивающимися государствами средства поведения объясняют динамику международного конфликта – определенную последовательность сменяющих друг друга стадий (фаз). Столкновение поведения государств с помощью средств дипломатии приводит в данном случае к возникновению спора – мирной (невоенной) стадии конфликта. Степень несовместимости целей, преследуемых сторонами спора, может заставить их (или одну из них) пренебречь своими международными обязательствами и обратиться к угрозе силой или применению силы. Соответственно международный конфликт, переходя с дипломатических на силовые средства поведения сторон, может после мирной стадии (спора) сначала эволюционировать в промежуточную фазу, а затем в военную стадию[28].

-
- [1] Luard E. *The Blunted Sword: The Erosion of Military Power in Modern World Politics* L., 1988. P. 58, 61—67.
- [2] См.: напр.: Viotti P. R., Kauppi M. V. (ed) *International Relations Theory: Realism, Pluralism, Globalism*. N. Y., 1987.
- [3] Levi W. *Law and Politics in the International Society*. L., 1976. P 28, 30.
- [4] Howard M. (ed) *Restraints an War: Studies in the Limitation of Armed Conflict*. Oxford, 1979. P. 13.
- [5] Rifaat A. M. *International Agression A Study of the Legal Concept//Deve-lopment and Definition in International Law*. Stockholm, 1979, P. 121—122.
- [6] Walzer M. *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations*. L., 1977. P. 52.
- [7] Ronzitti N. *Resort to Force in Wars of National Liberation: Current Problems of International Law//Essays on UN Law and on the Law of Armed Conflict*. Milano, 1975. P. 319.
- [8] Bloomfield L. P., Leiss A. C. *Controlling Small Wars: A Strategy for the 1970s* N Y, 1969 App. C.
- [9] Rupesinghe K. *Programme on Governance and Conflict Resolution*. The UN University, 1992 P 7—8.
- [10] Арчага Э. Х. *Современное международное право*. М., 1983. С. 169.
- [11] Henkin L. *How Nations Behave Law and Foreign Policy* L, 1968 P 141.
- [12] Falk R. A. *The International Regulation Internal. Violence in Developing Countries//Proceedings of the American Society of International Law*. Wash., 1966. P. 60
- [13] Akehurst M. A. *Modern Introduction to International Law*. L., 1984. P. 216—217.
- [14] Henkin L. *Force, Intervention and Neutrality in Contemporary International Law//Proceedings of the American Society of International Law*. Wash., 1963 P. 153.
- [15] Henkin L. *How Nations Behave*. P. 150.
- [16] Akehurst M. *Op. cit*. P. 246. 184.
- [17] Mitchell C. R. *The Structure of International Conflict* L, 1981.
- [18] Fisher R. *Points of Choise: International Crisis and the Role of the Law*. L, 1973. P. 10, 14.
- [19] Domke W. K. *War and the Changing Global System*. New Haven, 1988. P. 99—101.
- [20] Ваттель Э. *Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов*. М., 1960. Кн. II. Гл XVIII, § 332.
- [21] Скакунов Э. И *Самооборона в международном праве*. М, 1973 С. 173.
- [22] Mitchell C. R. *Op. cit* P. 43—44.
- [23] *Ibid*. P. 29
- [24] Lewi W. *International Politics: Foundations of System* Minneapolis, 1974. P 171.
- [25] Palmer N. D., Perkins H. C. *International Relations. The World Community in Transition*. N. Y, 1969. P 85.
- [26] Кукулка Ю. *Проблемы теории международных отношений*. М., 1980. С. 273—274.
- [27] Rapoport A. *Fights, Games and Debates*. Ann Arbor, 1960.
- [28] См.: Скакунов Э. И. *Международно-правовые гарантии безопасности государств*. М., 1983 С. 99—115.

Глава IV. РАЗРЕШЕНИЕ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КОНФЛИКТА

§ 21. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Формы завершения конфликта.

Типология конфликтов, как отмечалось выше, неоднозначна, конфликты изменчивы, не похожи друг на друга. В этой ситуации трудно указать на единые формы завершения конфликтов или искать какие-то универсальные способы их разрешения. Но при всей сложности проблемы все же можно сделать некоторые выводы, исходя из накопленного теоретического и практического опыта.

Прежде всего необходимо сказать, что завершение конфликта – более широкое понятие, чем его разрешение. Конфликт может завершиться, скажем, гибелью обеих сторон, и это не означает, что он тем самым был разрешен. Если под завершением конфликта понимается всякое его окончание, прекращение по любым причинам, то под разрешением мы будем понимать только то или иное положительное действие (решение) самих участников конфликта либо третьей стороны, прекращающее противоборство мирными или силовыми средствами.

Опыт практической деятельности показывает, что для разрешения конфликта, как правило, приходится прилагать более или менее значительные усилия. Было бы безнадежным делом уповать на «саморазрешимость» конфликта. Конечно, конфликт можно стараться вообще не замечать, игнорировать, а в лучшем случае объяснять. Но он будет развиваться стихийно, обостряться, агрегироваться с другими конфликтами и может в результате полностью разрушить систему.

Предпосылки благополучного разрешения конфликта определяются в значительной мере возможностями сторон и других участников, их доброй волей. Главная, наиболее действенная предпосылка прекращения конфликта состоит в устранении тех объективных причин, которые породили конфликтную ситуацию. Ниже мы рассмотрим основные формы и способы разрешения конфликта, а здесь только отметим, что поскольку конфликт зависит как от внешних обстоятельств, так и от самих конфликтующих субъектов, то и его разрешение также связано с этими двумя группами факторов.

В отечественной литературе к вероятным исходам конфликта относят:

- прекращение конфликта в результате взаимного примирения сторон;
- прекращение конфликта путем симметричного его разрешения (обе стороны выигрывают или проигрывают);
- то же – путем асимметричного решения (выигрывает одна сторона);
- перерастание конфликта в другое противоборство;
- постепенное затухание конфликта[1].

Нетрудно видеть, что в этой классификации соединены объективные исходы конфликта с субъективными способами его разрешения. Если их разделять, то получим несколько иные виды. Американский исследователь Р. Даль выделяет три возможные альтернативы завершения: тупик, применение насилия и мирное урегулирование[2]. Иначе комбинируя различные варианты, можно сказать, что конфликт завершается гибелью одной или обеих сторон, приостанавливается «до лучших времен» или получает то или иное конструктивное разрешение.

О приостановлении, замедлении конфликта на то или иное время можно было бы сказать, что полным завершением борьбы такой вариант развития событий назвать нельзя. Но все же конфликт как открытое противоборство не продолжается и напряженность ослабевает. Это может быть связано с ослаблением сторон, с необходимостью накопления сил для новой борьбы. Временное затухание конфликта, однако, может быть лишь видимым, но не отражающим действительное его развитие: просто «явный» конфликт может на время перейти в «скрытую» форму.

2. Предпосылки и механизмы разрешения конфликта.

В отечественной литературе к успешным предпосылкам разрешения конфликтов относят: диагностику противоборства, включая выяснение его причин, мотивов поведения сторон и т.д.; осуществление ситуационного и позиционного анализа (т.е.

прояснение сложившейся ситуации и позиций сторон); прогнозирование хода и последствий конфликта (в том числе определение выгод и ущерба для каждой стороны в случае того или иного завершения конфликта). Полезно, чтобы все эти действия совершались не только третьей стороной (посредником, органом власти), но и самими субъектами, которые после проведенного анализа подойдут ближе к пониманию необходимости выработать общее решение.

Прояснение сути конфликтной ситуации, ее объективное понимание, адекватное осознание участниками конфликта может послужить основой для выработки компромиссов, а также в некоторых случаях может вообще ликвидировать конфликт, если окажется, что восприятие ситуации сторонами было искаженным. Чем точнее и жестче очерчен предмет разногласий, тем больше шансов, что конфликт будет эффективно разрешен.

Рассматривая эти формы и средства разрешения конфликтов, И.А. Ильева приводит следующий пример. Назрела забастовка на транспортном предприятии. При выяснении причин конфликта выяснилось, что работников предприятия никогда не спрашивали об их нуждах и интересах, их недовольство условиями труда загонялось вглубь. Достаточно было поговорить с людьми, внимательно их выслушать, и спокойствие было восстановлено[3]. По сути дела речь идет о рационализации интересов участников конфликта и снятии эмоционального возбуждения. Разумеется, в данном случае устранение непосредственных причин конфликта не должно ограничиваться разговорами, необходимы практические поступки, направленные на полное удовлетворение нужд работников.

Использование упомянутых предпосылок разрешения конфликта приводит к механизмам его разрешения. Они в общем сводятся к двум видам: а) разрешение конфликта самими участниками; б) вмешательство третьей стороны. Кроме того, конфликт может быть разрешен на разных стадиях. В некоторых случаях его развитие можно приостановить на ранних стадиях, когда стороны только вступили в противоборство и ощутили первые неудобства и потери. В иных случаях конфликт разрешается уже тогда, когда им причинен непоправимый ущерб (гибель людей, разрушение жилья, уничтожение имущества и т.п.).

Распространенный путь разрешения конфликтов – вмешательство тех или иных миротворческих сил. Эти силы могут воздействовать как на саму конфликтную ситуацию (1), так и на обстоятельства, поддерживающие конфликт (2), а также на самих его участников (3). Одно из важнейших правил успешного разрешения конфликта – не противопоставление «правой» и «неправой» сторон, даже если они в действительности могут быть таким образом обозначены, а поиски такого разрешения, которое по возможности полностью или хотя бы частично удовлетворяло интересы обеих.

Мы неоднократно отмечали, что основа конфликта – противоречия между интересами субъектов. Поэтому лучший и наиболее результативный путь разрешения конфликта – это устранение указанных противоречий. Этот путь, увы, не всегда доступен. К тому же следует учитывать различие типов противоречий (явные, скрытые, объектные, безобъектные), их уровни, особенности субъектов, а также объективные возможности, которыми располагают силы, стремящиеся к прекращению конфликта.

Если суммировать основные способы устранения противоречий, лежащих в основе конфликта, то ими могут быть следующие:

- устранение объекта конфликта;
- раздел объекта конфликта между сторонами;
- установление очередности или иных правил обоюдного использования объекта;
- компенсация одной из сторон за передачу объекта другой стороне;
- разведение сторон конфликта;
- перенос отношений сторон в другую плоскость, предполагающую выявление у них общего интереса и др.

Разрешение конфликта – это, по сути дела, достижение соглашения по спорному вопросу между участниками. В принципе, и это мнение разделяют многие авторы, существует три главных вида такого соглашения[4]: 1) соглашение в результате

совпадения мнений сторон; 2) соглашение в соответствии с законодательной или моральной волей внешней силы, 3) соглашение, навязанное одной из противоборствующих сторон⁴. – Нетрудно видеть, что в первом и третьем случаях разрешение конфликта предполагает обоюдную активность соперников. Международная и внутривнутриполитическая практика показывает, что в большинстве случаев процесс разрешения конфликта нельзя трактовать как одностороннее навязывание воли более сильного партнера более слабому. И это понятно, потому что, если решение навязано, оно долго не просуществует, конфликт в той или иной форме возобновится. Достаточно напомнить об искусственности существовавших границ в ряде регионов нашей страны После распада СССР и возникновения в этой связи межнациональных трений проблема территориального размежевания народов сразу же дала о себе знать довольно неожиданным образом.

Поэтому, строго говоря, силовое, в том числе военное, решение конфликта является большей частью иллюзорным. Проигрыш войны влечет реваншистские настроения и стремление к возврату утраченных интересов Русско-японская война 1905 г. закончилась поражением России Но СССР взял реванш в 1945 г. Это, в свою очередь, не устроило японскую сторону, которая уже в течение многих лет обсуждает проблему Курильских островов. Конфликт между двумя странами сейчас, казалось бы, приостановлен. Но окончательное решение еще не найдено. Дают о себе знать и другие территориальные проблемы, возникшие в результате тех или иных войн.

Но как: быть, если решения, удовлетворяющего обе стороны, найти не удастся? Такая ситуация способна в некоторых случаях повлечь за собой изменение направленности конфликта. Это означает не только замену предмета и мотивов противостояния сторон, но иногда и замену самих участников. В судебной практик⁵ по гражданским и трудовым спорам подобная ситуация встречается не так уж редко.

Нередко трудовые и гражданско-правовые споры перерастают в сутяжничество, склоки, которые тянутся годами Давно уже нет предмета конфликта, изменился и состав руководителей учреждения, принимавших спорное решение, а жалобщик все продолжает добиваться изменения ситуации в свою пользу, не обращая внимания на требования закона. Здесь происходит подмена мотивации, имеет место «сдвиг мотива на цель» Иначе говоря, конфликт деформируется, приобретая новые черты Некто Махотина, работавшая медицинской сестрой, была уволена из санатория по сокращению штатов Она не согласилась с мотивами увольнения, ссылаясь на то, что действительной причиной увольнения были плохие взаимоотношения ее с главным врачом. Решение администрации санатория было ею обжаловано в суд, но безрезультатно. Тогда Махотина написала жалобу на главного врача санатория в прокуратуру, профсоюзный комитет и в центральную газету. Всюду она получила отказы. Продолжая писать жалобы (вплоть до Конституционного Суда), Махотина вовлекла в этот конфликт более 50 организаций. Сама она заявила, что ее уже не интересует восстановление на работе (к тому времени Махотина уже работала в платной кооперативной клинике), а что речь идет о «принципе»: наказании главного врача и других работников санатория за «бездушное отношение к человеку».

Искусство цивилизованной жизни состоит в том, чтобы не плодить недовольных, обиженных, «мучеников», а строить благополучие людей в контексте их долгосрочных отношений друг с другом. Исторический опыт показывает, что успехи, вырванные силой и обманом у другой стороны, возможны. Возможно и их закрепление в системах власти и собственности. Но история в этом случае выступает как игра с нулевой суммой. В нее закладывается механизм цикла: «Побежденная сторона ждет своего часа, чтобы развернуть маховик истории в противоположном направлении»[5].

Усилия лиц и групп, направленные на предотвращение конфликта, должны учитывать во всех случаях интересы не одной, а обеих сторон. Пусть не права одна сторона, а другая безгрешна. Но и у первой стороны есть свои интересы, и если их вообще игнорировать, то конфликт может временно затихать, но, не исчезнет. Специалистами-конфликтологами разработан ряд приемов мирного разрешения конфликта, в том числе выяснены необходимые для этого факторы. К ним относятся, в частности, следующие:

- институциональный: существование в обществе механизмов для проведения консультаций, переговоров и поиска взаимовыгодных решений, в том числе и механизмов в рамках законодательной, судебной и исполнительной власти (конституционный суд, арбитраж и др. Эта сторона дела будет рассмотрена в последующих параграфах);
- консенсуальный: наличие согласия между конфликтующими сторонами по поводу того, что должно собою представлять приемлемое решение. В этой связи следует привести замечание В.А. Ядова о том, что «конфликты более или менее регулируемы, когда у их участников есть общая система ценностей»[6].. При этом и поиски взаимоприемлемого решения становятся более реалистичными;
- фактор кумулятивности: чем он меньше, тем выше вероятность мирного урегулирования. Иными словами, хорошо, когда конфликт не обрастает новыми проблемами и участниками;
- фактор исторического опыта, в том числе примеров разрешения подобных конфликтов. Здесь важную роль могут сыграть старейшины и другие уважаемые лица;
- фактор равновесия сил: если конфликтующие стороны приблизительно равны по возможностям принуждения, то они будут вынуждены искать пути к мирному решению конфликта;
- психологический: многое зависит от личностных особенностей тех, кто принимает решения во время конфликта[7].

Как писал Л. Козер, субъекты конфликта, если они понимают его бесперспективность или неуместность, перестраивают свое поведение таким образом, чтобы уже не столько достичь первоначальной цели, из-за которой возник конфликт, сколько снизить социальное напряжение, порожденное сложившейся ситуацией[8].

Не только в межнациональных, но и во многих других конфликтах может быть использован такой метод, как разведение сторон, их изоляция друг от друга. В бытовом конфликте это, например, расселение соседей, в семье – развод, в управлении – перевод конфликтующих сотрудников в разные отделы. В международной практике разведение сторон предполагает установление «коридора безопасности», введение миротворческих сил и т.п. Естественно, что разведение сторон может встретить сопротивление противоборствующих сил, но иногда, как показала международная практика, оно является единственно эффективным.

Важно также воздействовать на идеологические и социально-психологические элементы конфликта, в частности стараться развеять ложные представления и о другой конфликтующей стороне, о ее действиях и мотивах ее поведения. Такого искаженных представлений, предубеждений, ложной информации, слухов бывает обычно немало, а в межнациональных отношениях – особенно.

3. Разрешение конфликтов социальных групп.

Для исследователя конфликта, да и для самих участников важно осознать необходимость регулирования крупных социальных проблем, на базе которых складываются многие конфликты.

Весьма значимы действия – формальные или неформальные— руководителей тех или иных конфликтующих сторон. По своему изначальному предназначению центры власти должны уметь согласовывать противоречивые интересы людей. Руководители гласных структур непременно должны обладать как минимум волей, умением и определенным интеллектом.

Замечено, что при сколь-либо значимом конфликте общественных групп у лидеров может возникнуть желание быстрого его разрешения. Как правило, и история об этом постоянно свидетельствует, принимаются меры по ограничению, если не подавлению, одной из сторон. В этом случае применяются пропагандистские, административные, силовые средства, которые естественно имеют временный эффект. Но здесь особенно важны сопутствующие усилия по разрешению долговременных, лежащих в основе конфликта противоречий.

В то же время лидер, несмотря на соблазны «волевого» решения, может принять меры по разрешению конфликта, которые хотя бы временно удовлетворили все стороны (компромиссный стиль руководства). Правда, возможности руководителя

бывают довольно невелики – его разгоряченные сторонники и советники нередко подталкивают. его к кардинальному решению.

4. Переговоры как метод разрешения конфликтов.

Из всех способов преодоления противоборства сторон переговоры между ними являются наиболее эффективными. Для так называемого переговорного типа взаимодействия характерно то, что стороны пытаются добиться хотя бы части желаемого, пойти на определенные компромиссы. Полагают, что процесс переговоров может быть начат при следующих условиях: 1) стороны, помимо противоречащих интересов, имеют и значимые общие интересы; 2) стороны считают возможным достижение определенного понимания или соглашения, которое для них более выгодно, чем другие альтернативы; 3) они вступают в дискуссию в поисках взаимно удовлетворяющего решения[9].

На наш взгляд, готовность сторон идти на компромиссы или забота о получении другой стороной определенной выгоды не являются обязательными атрибутами переговоров. Ведь возможна и такая ситуация, при которой каждая из сторон выражает просьбу или выдвигает требование, не намереваясь идти на компромисс, а надеясь лишь на уступки другой стороны. Подчас сами переговоры могут привести к обострению отношений. Тем не менее отказываться от них ни в коем случае нецелесообразно.

Примером более или менее эффективного использования переговорного процесса может служить конфликтная ситуация в Приднестровье. Там весьма позитивную роль сыграли посредники, сумевшие хотя бы на время примирить противоборствующие стороны и тем избежать кровопролития. Этого не произошло в Чечне.

Для того чтобы погасить конфликт, стороны должны договориться о спорных вопросах и об условиях дальнейшего сосуществования. При этом чем точнее и жестче очерчен предмет спора, тем больше шансов, что конфликт будет разрешен окончательно. Ведь если предмет не определен и конфликт в значительной степени перешел в фазу межличностной неприязни, погасить его трудно: врагов не сделаешь друзьями. В международных отношениях такого рода неопределенные конфликты особенно опасны, так как они могут тянуться десятилетиями.

Переговоры, будучи разговором о противоречиях, обусловленным стремлением их разрешить, включают в себя различные типы действий. Это могут быть просьбы, требования, предложения, обещания, отказы и пр.

Люди на всем протяжении истории накопили огромный опыт ведения переговоров. Этот опыт стал достоянием не только профессиональных политиков, но и экспертов, журналистов, управленцев, ученых. В последние десятилетия выкристаллизовались несколько правил и процедур их ведения. Определены и элементы переговоров: их стороны, непосредственные участники, предмет, каналы взаимной коммуникации, информация. По мнению многих исследователей, недостаток информации ведет к подозрительности и недоверию участников, т.е. к углублению конфликта. Замечено также, что существуют трудности с выработкой критериев оценки как хода, так и результатов переговоров. В целом же поведение участников во многом зависит от сложившейся ситуации, а также их образовательного и культурного уровня, волевых и иных личностных характеристик.

В работах, посвященных менеджменту, большое внимание уделяется проблеме решения производственных конфликтов. Здесь весьма важной считается сама подготовка переговоров. В нее входит сбор сведений о противнике (партнере по переговорам), его личностных характеристик, вероятных аргументов. Во время самих переговоров рекомендуется такая линия поведения, которая противодействует обострению конфликта. Основные правила при этом достаточно просты: 1) признавать права друг друга; 2) выслушать партнера не перебивая; 3) демонстрировать понимание точки зрения партнера; 4) выяснить, как партнер воспринимает конфликт; 5) четко формулировать предмет обсуждения; 6) констатировать общие точки зрения; 7) спокойно выяснить, «то вас разъединяет; 8)

после этого снова обрисовать содержание конфликта; 9) искать общее решение; 10) принять общее «коммюнике», отметив согласие и оставшиеся расхождения.

Приводится и перечень типичных ошибок, в том числе с тяжелыми для переговоров последствиями. Допуская такие ошибки, переговоры в принципе можно и выиграть. Но это будет временная победа и конфликт может снова появиться, так как противник, проиграв, не всегда будет соблюдать заключенное соглашение. Эти ошибки большей частью состоят в следующем:

- партнер изображает собственный промах как ошибку противника;
- партнер частично скрывает свои интересы;
- партнер принимает «боевую стойку» или уходит в оборону без необходимости;
- партнер настаивает на признании своего превосходства (преимуществ);
- припоминаются старые обиды, акцентируются уязвимые места противника;
- в конце переговоров объявляются «победитель» и «побежденный»[10].

Как мы уже говорили, очень часто источники напряженности при переговорах существуют всего лишь в воображении его участников. Справиться с «ложными» конфликтами гораздо труднее, чем с действительными. Только квалифицированно проведенные переговоры могут снять с повестки подобные «конфликты-призраки», что в значительной мере облегчит разрешение реально существующих конфликтов. Переговоры становятся более успешными по мере укрепления доверия между их участниками. Если их потребности удовлетворены хотя бы частично, то это обычно означает большее, чем простое устранение осложнений.

Как известно, переговоры между армянской и азербайджанской сторонами по прекращению огня в зоне конфликта велись постоянно. Подписывались соглашения, которые затем стороны не выполняли. Причина, на наш взгляд, заключалась в том, что коренная проблема, связанная со статусом Карабаха, так и не была решена; она разводила стороны на диаметрально противоположные позиции. Немаловажную роль играла подозрительность в отношениях, сложившаяся в ходе самих переговоров. Каждая сторона чувствовала, что к ее мнению в очередной раз не прислушались. Тем самым никакого доверия между сторонами не создавалось.

Множество рекомендации по ведению переговоров, касающихся разрешения трудовых, ведомственных и международных конфликтов, выработано американскими исследователями. На семинаре в Москве, проведенном организацией «Поиск общего пути» (директор программы Бэтси Козэн), были, в частности, представлены в качестве ключевых следующие элементы переговоров-

- 1) переговоры должны вестись как по процедуре, так и по существу дела;
- 2) необходимо добиваться согласованного понимания проблемы и лишь затем переходить к ее совместному решению;
- 3) прежние проблемы следует свести к их причинам. Необходимо отличать человеческие проблемы от человеческих достоинств, а также интересы – от занятых позиций;
- 4) важно видеть людей отдельно от их проблем, улучшать отношения, стремиться к убеждению. Не жертвуйте хорошими отношениями ради своей точки зрения, равно как и не отказывайтесь от своей точки зрения ради улучшения отношений;
- 5) используйте справедливый подход к обоснованию своих взглядов. Отдавайте должное чужим идеям, даже если не согласны с ними;
- 6) не забывайте о том, к чему стремитесь, не давая слишком большую долю фантазии[11].

В заключение подчеркнем не только важность переговоров в качестве метода разрешения конфликта, но и существенную их ограниченность. С их помощью не всегда можно ослабить или снять объективные противоречия, которые лежат в основе любого конфликта. Однако они несомненно полезны там, где ранее разногласия были непреодолимы.

Надо также принимать во внимание, что переговорный тип взаимодействия может перерасти в борьбу. Последнее может возникнуть благодаря тому обстоятельству, что через переговоры по частному поводу «преступают» более глубокие разногласия или более глубокие претензии одного из субъектов. Предметом этой борьбы будут

уже не разногласия, которые были предметом переговоров, как, например, в случае неудачи переговоров, а разногласия, прежде скрытые.

5. Переговоры при захвате заложников.

Остановимся на некоторых рекомендациях зарубежных специалистов по поводу ведения переговоров в наиболее острых и опасных видах конфликтов, а именно при захвате заложников.

В случае захвата заложников при переговорах должны быть проанализированы и тщательно учтены следующие обстоятельства- 1) особенности личности захватчиков; 2) мотивы захвата и цели преступников; 3) предвидимое поведение захватчиков в ближайшее и более отдаленное время; 4) желательная процедура ведения переговоров с ними; 5) выбор лица, ведущего переговоры, и психолога-консультанта; 6) организация четкого взаимодействия между ведущими переговоры, руководством и группой вторжения.

Главными задачами переговоров в указанной ситуации являются: а) защита жизни заложников; б) задержание захватчиков и в) возвращение или защита имущества. Не следует путать приоритеты в указанных целях, так как иначе могут пострадать не столько террористы, сколько сами заложники (так не раз бывало при неумелой организации операций).

Предметами переговоров могут быть: условия освобождения заложников; продукты питания для заложников и захватчиков; условия предоставления свободы захватчикам; вопрос о выкупе; вопрос об организации взаимодействия между переговаривающимися сторонами. Специалисты считают важнейшим обстоятельством снятие стресса у захватчиков, чтобы уменьшить риск совершения ими убийств или других неожиданных действий. Поэтому рекомендуется не спешить с завершением переговоров и четко соблюдать все достигнутые договоренности. В рекомендациях содержатся советы о том, как вступить в контакт с захватчиками, как его осуществлять, каким требованиям должны удовлетворять лица, ведущие переговоры, и другие участники контакта[12]. Несомненно, что всегда должна быть учтена опасность срыва переговоров и необходимость применения насилия для освобождения заложников .

В заключение, коль скоро мы уже коснулись этой темы, отметим, что силовые приемы как способ разрешения конфликта в принципе нельзя исключать из арсенала допустимых средств. Их применение может быть оправдано при условии, что сила, в том числе и вооруженная, применяется в законных рамках и лишь тогда, когда мирные средства оказались неэффективными. К тому же заметим, что формы применения силы различны, она необязательно предполагает физическое поражение людей, а включает такие меры, как оттеснение толпы, установление заграждений, задержание зачинщиков, установление «мирных коридоров» и др., многие из этих средств успешно применяются миротворческими силами Объединенных Наций в Европе, Азии Африке и других регионах мира.

Даже сама угроза силового решения вопроса иногда может помочь выходу из конфликта. Вспомним легендарное решение царя Соломона по поводу спора двух женщин о принадлежности ребенка. Как известно, царь, прекрасно разбиравшийся в человеческой психологии, предложил разрубить малыша, раздав половинки обеим претенденткам. Этого парадоксального решения было достаточно, чтобы конфликт был улажен: подлинная мать была установлена.

Парадоксальные решения конфликтов вообще нередко бывают весьма эффективными, их основной механизм заключается в выходе за пределы спорной проблематики, повышении уровня рассмотрения вопроса, использовании новой, более высокой системы ценностей.

Рассмотрим теперь некоторые правовые институты и процедуры разрешения конфликтов. Но прежде всего остановимся на наиболее желательном способе и результате разрешения конфликта: достижении консенсуса между противоборствующими сторонами.

[1] Данакин М. С., Дятченко Л. Я. Указ. соч. С 85.

- [2] См.: Конфликты и консенсус. № 3—4. С. 135.
- [3] См.: Социальные конфликты. Вып. 1. С.51
- [4] См.: Социальный конфликт современные исследования. С. 65
- [5] Панарин А. С. Коллективная судьба или индивидуальное самоосуществление // Вестник РАН. 1992 № 8. С. 23.
- [6] Социальные конфликты. Вып 1. С. 14.
- [7] Конфликты и консенсус. № 3—4 С. 136—138.
- [8] См.: Coser L, Op. cit. P. 36.
- [9] Schellenberg J. A. The science of conflict. N. Y., 1982.
- [10] Зигерт В , Ланг Л. Указ. Соч. С. 193.
- [11] Семинар по разрешению экологических конфликтов Москва, 25 февраля 1991 г. Ротапринт. С .13
- [12] Подр. см. Практические рекомендации по ведению переговоров об освобождении заложников//Социальные конфликты. Вып. 4 С. 111.

§ 22. ДОСТИЖЕНИЕ КОНСЕНСУСА

1. Понятие и типология консенсуса.

Термин «консенсус» прочно вошел в научный оборот. Многие исследователи считают, его оптимальным способом разрешения всех конфликтов – от семейных до международных. Активно обсуждаются различные консенсуальные процедуры и механизмы. Однако четкое представление о том феномене, на достижение которого они направлены, имеется далеко не всегда.

В литературе слово «консенсус» употребляется по меньшей мере в трех смыслах, юридическом, политическом и социологическом

Политологи различают консенсус в «узком» смысле – как способ политического разрешения различных споров и конфликтов, и в «широком» общеполитическом, который иначе называется гражданским согласием. «Широкое» политическое понимание консенсуса тесно примыкает к социологическому, с позиции которого консенсус – это «согласие значимого большинства людей любого сообщества, относительно наиболее важных аспектов его социального порядка, выраженное в действиях»[1]. Среди юристов термином «консенсус» пользуются в основном специалисты в области международного права, рассматривая его как метод выработки и принятия международно-правовых актов[2].

Современные словари определяют консенсус как «общее согласие по спорным вопросам»[3], «мнение, которого придерживаются все или большинство, общее согласие, особенно во мнениях»[4], «единогласие, согласие, особенно во мнениях, следовательно общее мнение»[5], «общее согласие, преобладающее мнение»[6]. Как видим, понимание довольно противоречивое. Отсюда и различное толкование этого термина в специальной литературе.

Суммируя различные точки зрения, можно выделить два основополагающих принципа консенсуса:

- поддержка решения большинством (лучше квалифицированным) участвующих в его принятии;
- отсутствие возражений против принятия решения со стороны хотя бы одного из участников.

Консенсус – это не единогласие, так как полного совпадения позиций всех участников процесса принятия решения здесь не требуется. Консенсус предполагает отсутствие только прямых возражений и вполне допускает нейтральную позицию (воздержаться от голосования) и даже отдельные оговорки к решению (конечно, если они не подрывают саму основу достигнутого соглашения) Вместе с тем консенсус – это и не решение большинства, так как он несовместим с отрицательной позицией хотя бы одного из участников.

Предложенное понимание консенсуса применимо не только к межгосударственным отношениям Им удобно пользоваться и при анализе внутренних процессов. Причем

всегда, когда речь идет о консенсусе как методе выработки и принятия решений (политических, законодательных, судебных), допустима прямая аналогия с международно-правовой трактовкой.

Консенсус как метод принятия решений прежде всего подразделяется на юридический (когда консенсуальные методы и процедуры предусмотрены нормативными актами и порождают определенные правовые последствия) и неюридический (неформальные способы разрешения конфликтов). Юридический консенсус может быть обязательным (если допустимо только консенсуальное решение) и факультативным (если наряду с консенсуальным допускается и другой порядок принятия решения).

Неформальные процедуры разнообразны («круглые столы», переговоры, посредничество и т.п.), часто они предшествуют принятию юридически значимого решения (необязательно консенсуального).

Предложенную типологию не следует абсолютизировать. В определенных исследовательских или практических целях могут быть полезны и другие классификации.

2. Базовые основы консенсуса.

Консенсус имманентен демократии, ибо она обеспечивает свободу членов политического сообщества, а только в условиях свободы и может сформироваться подлинное гражданское согласие. Более того, консенсус характеризует зрелые, развитые формы демократии.

В основе зарождающейся, становящейся демократии лежит осуществление воли большинства, которая, по меткому выражению Дж. Ст. Милля, является лишь волей тех, кому удастся заставить признать себя большинством. Господство большинства предполагает игнорирование интересов меньшинства (порой довольно значительного, вполне сопоставимого с самим большинством), а то и даже подавление его, насилие над ним. Такая демократия ущербна и весьма далека от совершенства. Истинная демократия всегда стремится к консенсусу.

Одновременно демократия предполагает плюрализм – различные, порой несовместимые и конфликтующие политические, экономические, нравственные, философские, религиозные и другие идеи, ценности, предпочтения и целостные доктрины, разделяемые теми или иными социальными группами. Причем плюралистичность общества – не исторический реликт, который со временем может быть преодолен, напротив, по мере развития демократии она возрастает. Монолитность – свойство тоталитарных обществ, при демократии она в принципе невозможна. Если фиксируется единогласное принятие решений и их последующая всеобщая поддержка и одобрение – это показатель укоренившейся политической апатии, безразличия, часто страха и прочих проявлений тоталитаризма. И как только жесткие ограничения, накладываемые режимом, снимаются, сразу проявляются, казалось бы, отсутствовавшие ранее противоречия.

Каким образом в рамках демократии сопрягаются плюрализм и консенсус? Очевидно, существуют некоторые всеобъемлющие идеи и ценности, которые одобряются и поддерживаются сторонниками различных политических, философских, нравственных течений, группами с разными социально-экономическими интересами. Направленность режима на реализацию этих идей и ценностей и способна консолидировать общество.

История показала, что такими объединяющими ценностями (назовем их базовыми основами консенсуса) могут быть национальные и религиозные ценности, права и свободы личности. Национальные и религиозные ценности сами по себе далеко не всеобъемлющи. Они, по определению, исключают из «сферы консенсуса» некоторую часть населения, и основанный на них консенсус является, таким образом, лишь разновидностью демократии большинства.

В обществах, где меньшинство, выведенное за рамки национального или религиозного консенсуса, значительно, эти ценности вообще не могут способствовать достижению гражданского согласия. Такова ситуация в России и в большинстве стран СНГ.

В итоге акцент на национально-религиозные ценности и интересы ведет не только к распаду государства (будь то СССР или Российская Федерация), но и к конфронтации внутри отдельных регионов.

Национальные и религиозные ценности могут быть «задействованы» при переходе от авторитарных режимов к демократии. Так, в Испании в 70-е годы в основе политики демократизации лежала стратегия «национального примирения». Испанцы устали от многолетней вражды и ненависти. Перспектива «подвести черту» год прошлым – гражданской войной 1936—1939 гг. и последующим разделением страны на «победителей» и «побежденных», – восстановить национальное единство устраивала всех. В послевоенной Франции правительство де Голля пыталось сплотить людей и завоевать признание через повышение национального достоинства, делая упор на престиж французского языка, культуры, историю страны. Однако одни национальные и религиозные ценности слишком долго эксплуатировать нельзя. Они должны быть своеобразным «мостиком» для перехода к третьей базовой основе консенсуса – к правам и свободам личности. Лишь эти ценности действительно всеобъемлющи и характеризуют консенсус, свойственный развитым, стабильным демократиям.

Постепенно в обществе формируется консенсус относительно социально-экономического и политико-правового устройства, признающего незыблемость прав, свобод, достоинства личности и обеспечивающего гарантии свободы, самостоятельности и собственности граждан и их объединений.

Партии, соперничающие за голоса электората и предлагающие альтернативные программы и курсы, не подвергают сомнению ценности свободы, собственности, самостоятельности, достоинства человека, а также обеспечивающие их политико-правовые принципы и институты: народное представительство, разделение властей, господство права, независимость суда и т.п. Внутри этих рамок (и в соответствии с ними) признается право на оппозицию, на несогласие с проводимой политикой и на борьбу (опять-таки в указанных рамках) за ее изменение. Отсюда каждая из партий исходит из «законности» существования своих оппонентов, а следовательно, допускает возможность компромисса с ними. Исключение составляют крайне радикальные партии, но в стабильных демократиях существенного влияния на политическую жизнь они не оказывают.

Таким образом, политический консенсус не означает полной бесконфликтности общественного развития. Ценности, составляющие базовые основы консенсуса, лишь очерчивают границы «конфликтного пространства» и определяют принципы, способы и средства, используемые для урегулирования возникающих столкновений. Общим принципом разрешения конфликтов в условиях консенсуальной демократии является ориентация на компромисс, а не на подчинение (тем более уничтожение) противоборствующей стороны.

В общностях более низкого уровня (в отдельных организациях) ценностные основы консенсуса определяются целями, для реализации которых организация создана (получение прибыли, приход к власти и т.п.). А в малых социальных группах, где осуществляется непосредственное межличностное общение (семья, дружеская компания), весьма существенна ценность самих отношений (родственных, товарищеских). Стремление сохранить их – действенный стимул к поиску компромиссов. Это обусловлено психологической природой человека, стремящегося обладать не только свободой от ограничений, препятствующих процессу его индивидуализации, но и высокой степенью связанности с другими людьми.

3. Социально-экономические условия достижения гражданского согласия.

Прежде чем права и свободы личности станут базовой основой общественного консенсуса, должна появиться сама личность, осознающая свои права и претендующая на свободу и достоинство. Ее формирует индустриальное общество, когда развиваются товарно-денежные отношения и (Право становится всеобщей мерой свободы и равенства. Все участники социального обмена признаются свободными и формально равными субъектами, реализующими и защищающими

свои интересы. В процессе взаимодействия различные интересы согласовываются и уравниваются.

Так достигается общественный консенсус, складываются отношения социального партнерства. Однако данная модель реализуется лишь в том случае, если сталкивающиеся носители противоположных интересов обладают примерно одинаковой (сопоставимой) социальной силой (прежде всего экономической). Именно это «равновесие» заставляет их искать компромиссы и приходить к консенсусу. В противном случае более сильный субъект (социальная группа) реализует свой интерес за счет более слабого.

В индустриальном обществе формальное равенство сопровождалось вопиющим социальным неравенством. Существовала ярко выраженная классовая структура. Буржуазия приобретала все большую экономическую и политическую мощь за счет подавления промышленного пролетариата. В тех условиях жесткая эксплуатация неквалифицированного наемного труда с минимальными расходами на воспроизводство рабочей силы была наиболее эффективным способом развития, обеспечившим быстрый экономический рост, ставший основой качественного изменения производительных сил и социальной структуры.

Постепенно производственный потенциал стал создавать условия для обеспечения с помощью системы государственного перераспределения достойного существования всех граждан, без нивелирования различий в уровне материального достатка и престижности социальных статусов. Социальная дифференциация не исчезает, но это уже не прежняя двухполюсная классовая структура, порождающая социальные антагонизмы.

Большинство членов постиндустриального общества относится к так называемому среднему классу. Это люди, находящиеся в экономически достаточно выгодном положении и заинтересованные в преобладании правовых и рыночных регуляторов, в надежных институциональных гарантиях своей свободы, самостоятельности и собственности. «Социальных аутсайдеров» (безработные, инвалиды, неквалифицированные рабочие и т.п.), заинтересованных в усилении государственно-перераспределительных функций, немного. Причем уровень жизни большинства представителей «низшего класса» существенно превышает черту бедности и вполне соответствует современным представлениям о человеческом достоинстве. Поэтому у них нет оснований для острого недовольства существующим социально-экономическим устройством.

В целом в обществе достигнут консенсус: те, кто в отношениях формального равенства находится в экономически более выгодном положении, не препятствуют государственному перераспределению национального дохода в интересах «социально слабых» до тех пор, пока такое регулирование не мешает действию рыночных механизмов, а те, кто находится в экономически менее выгодном положении, не злоупотребляют требованиями социальной поддержки, понимая, что сверхсильное социальное государство, разрушающее рыночные и правовые регуляторы, вызовет протест большинства населения. Постиндустриальное общество находится как бы в состоянии динамического равновесия (по типу маятника) и постоянно колеблется между усилением социальных (государственно-распределительных) и правовых (рыночных) механизмов, не выходя из «поля общественного (консенсуса)» и не слишком удаляясь от «точки равновесия» (оптимального регулирования)[7].

4. Общественный консенсус в период становления демократии.

Особый интерес представляет проблема достижения гражданского согласия в обществах, переживших тоталитарные режимы.

Посттоталитарное общество (особенно выходящее из недр жесткого, социалистического тоталитаризма) аморфно. Его структурирование осложняется поливалентностью и нестабильностью экономических процессов. Это порождает маргинальность большинства социальных слоев и сильную поляризацию общества по уровню материального достатка.

Однако возникновение здесь классовой структуры, свойственной начальным стадиям индустриализации, маловероятно. Даже в этих существенно отставших в своем развитии обществах экономический рост уже не может основываться на эксплуатации неквалифицированной рабочей силы. Воспроизводство же образованного и квалифицированного работника требует существенных затрат и предполагает относительно нормальный уровень его жизни.

Осуществления экономической, социальной, экологической и иной защиты населения требует от государства и общеполитический контекст современности. Причем в обществе, значительная часть которого развращена длительным государственным патернализмом, лишена собственности и навыков экономической активности, пренебрежение государством социальными функциями чревато серьезными политическими потрясениями. Однако занимаясь перераспределением национального дохода, государство должно не только поддерживать социально незащищенные слои, но и создавать условия для раскрепощения рыночных регуляторов, вовлекать в сферу их действия все большую часть населения. Доиндустриальная культура не способствовала формированию человека с развитой индивидуальностью, хотя и не слишком активно выталкивала его, сохраняя, а в период своего разложения и создавая определенные «ниши» для его существования. Если там ценность свободы просто отсутствует, то в условиях тоталитаризма она превращается в антиценность, т.е. в нечто, вызывающее раздражение, активное неприятие, страх. В тоталитарном обществе доминируют ценности порядка, стабильности, равенства, актуализировано и обострено присущее массовому сознанию еще со времен первобытных обществ деление людей на «своих» и «чужих». Причем постепенно в категорию «чужие» стали попадать вообще все «другие». Людям надлежало не только получать поровну, но и самим быть одинаковыми. Уникальность, неординарность личности не ценилась, а зачастую и порицалась. Индивидуальность была принесена в жертву «морально-политическому единству», насаждавшемуся искусственно и жестко. В результате в массовом сознании сформировалась антиличностная установка – активное неприятие хотя бы относительной материальной или духовной независимости человека, блокирование любой «незапрограммированной» его активности[8].

Снятие тоталитарных ограничений отнюдь не означает автоматической и одномоментной переориентации общества на демократические ценности. Весьма показательны в этом отношении замеры состояния российского массового сознания в период коренных демократических преобразований. Общее представление о том, что такое демократия, у россиян было весьма противоречиво: 60% полагали, что демократия – это подчинение меньшинства большинству, 19%—обязательный учет интересов меньшинства; плюрализм считали полезным для общества 40%; выбирая между индивидуальными свободами и перспективой их существенного ограничения во имя сохранения порядка в обществе, за свободу высказались лишь 28 %[9].

В общем права и свободы личности в посттоталитарном обществе не могут сразу стать базовой основой консенсуса, ибо не воспринимаются массовым сознанием как доминирующая ценность.

Едва ли не единственным объединяющим началом выступает недовольство хаосом и анархией переходного периода. Подобный «негативный консенсус» по формуле «так жить нельзя» закономерен и наиболее легко достижим, однако для конструктивных преобразований он мало полезен.

В условиях отсутствия базовых основ для общественного консенсуса не исключается согласие на уровне ведущих политических сил – партий, движений, объединений, элит. История знает подобный опыт.

Обычно причиной «межпартийного консенсуса» является временное равновесие политических сил, неспособность какой-либо одной группировки монопольно властвовать[10].

Однако часто в посттоталитарных государствах о реальной многопартийности говорить не приходится. Партии еще не пользуются массовой поддержкой и не представляют собой реальную политическую силу.

В России, например, при кажущемся разнообразии партий и движений, ряд которых представлен в Федеральном Собрании и органах власти субъектов Федерации, их роль в повседневной политической жизни практически незаметна. Более того, у многих граждан существует навязанная памятью о КПСС активное неприятие партий как таковых. Все попытки объединения сил демократии, имевшие место накануне августовских событий 1991 г. (Движение демократических реформ) и после них («протокол о намерениях», подписанный Президентом и девятью российскими партиями), в лучшем случае принимали форму соглашений лидеров и части активистов партий, которые, как правило, вскоре нарушались. Если в «доавгустовский период» новые партии консолидировались с целью свергнуть гнет КПСС (все тот же «негативный консенсус»), то затем и это объединяющее начало было утрачено

И лишь события сентября—октября 1993 г., когда страна вплотную подошла к гражданской войне, и декабрьские парламентские выборы, не принешие победы ни одной из противоборствующих сторон, создали предпосылки для «процессуального консенсуса». Договор об общественном согласии, подписанный 28 апреля 1994 г., по сути, представляет собой обязательство его участников вести политическую борьбу в рамках Конституции Российской Федерации, воздерживаясь от насильственных методов. Расплывчатость большинства пунктов Договора свидетельствует о том, что «материальный консенсус» (о путях реформирования общества) так и не достигнут (иного, впрочем, нельзя было и ожидать). При этом обнадеживает, что основу для политической стабильности общества участники Договора видят в уважении прав и свобод человека, прав народов, принципов демократии, правового государства, разделения властей, федерализма.

В условиях сильной персонификации и даже харизматизации посттоталитарной власти крайне необходим консенсус на уровне политической элиты. Но к власти часто приходят лица, не свободные от рудиментов тоталитарного прошлого. Они склонны к силовым методам управления, привержены (порой подсознательно) идеологическим утопиям прошлого. Не случайно более половины опрошенных россиян (52%) никого из своих лидеров не смогли уверенно назвать демократом[11]. Далее следует помнить, что осуществление демократических преобразований требует осторожности и терпимости. Курс на постепенность перемен предпочтительнее радикальных шагов. Иначе при попытке отобрать у старой элиты власть «одним ударом» новый режим долгое время будет подвергаться «угрозе мести»[12]. Кроме того, резкие, крутые изменения опасны тем, что жестоко бьют по основополагающим ценностям определенных групп населения. Это может оказаться непосильным испытанием для социальной терпимости и привести к неразрешимым конфликтам[13]. А «выбитое из рамок исторических традиций общество переживает глубокие потрясения, и наступает момент, когда за покой и порядок оно готово передать и так трудно приобретенное право распоряжаться собственной судьбой»[14].

В свою очередь, лояльное отношение к «старой элите» во многом зависит от ее собственного поведения. Чем меньше препятствий будет она чинить новым силам, стремящимся выйти на «политическую сцену», тем меньше пострадает и ее собственный статус. В противном случае, когда доступ новых групп к власти прочно заблокирован правящей верхушкой и невозможен иначе как путем решительного нажима или революции, новый режим, возникший в результате такого противоборства, будет лишен сколь-нибудь массовой поддержки. Не только сторонники прежних порядков, полностью отстраненные от власти и влияния, сочтут его незаконным, но и слои, активно боровшиеся с ними, вскоре постигнет разочарование. Социальным группам, которым приходится силой пробиваться к государственной власти, обычно свойственно преувеличивать возможности, предоставляемые участием в политической жизни. И когда надежды на скорейшее решение всех накопившихся проблем не оправдываются, новый режим может быть с легкостью отторгнут.

В переходный период необходим легальный доступ к существующим политическим институтам всем группам и слоям населения. Ибо неизбежные расхождения во

мнениях относительно того, какую политику следует проводить, требуют формирования механизмов, при помощи которых группы различной ориентации могли бы реализовать свое стремление оказывать влияние на принятие решений. В таких условиях на уровне политических партий (группировок) и элит формируется консенсус относительно «правил игры на политической сцене», который может стать основой стабильности режима.

Наконец, утверждение демократической власти невозможно без хотя бы минимальной эффективности проводимых ею мероприятий. Для новых режимов проблема эффективности особенно актуальна. Требования к ним обычно завышены, и для обеспечения лояльности новый государственный строй должен доказать, что он по меньшей мере лучше старого обеспечивает запросы различных слоев населения. На практике наглядная демонстрация эффективности означает, как правило, успешное экономическое развитие.

5. Консенсус и легитимность власти.

Устойчивость государственной власти, ее способность принимать решения и проводить их в жизнь без открытого и массового применения насилия обеспечивается легитимностью существующей политической системы.

Легитимация власти есть процедура ее объяснения и оправдания с целью добиться общественного признания власти, уверенности в законности и справедливости ее управленческих притязаний. Представляя собой субъективно-эмоциональное отношение народа к власти, легитимность образует как бы внутреннюю гарантию ее устойчивости, обеспечивает повиновение, доверие, политическое участие.

Для легитимации (самооправдания в глазах подвластных) власть апеллирует к различным рациональным и иррациональным доводам (экономическим, историческим, культурным, этическим, религиозным, эмоциональным и т.п.). В западной политологии вслед за М. Вебером принято различать три «чистых» способа легитимации власти:

- традиционный, когда существующая власть признается законной, потому что была таковой «всегда». Такой тип легитимности (характерный в основном для монархии) основан на привычке, обычае, приверженности установленному издревле порядку;
- харизматический, когда лидеру (вождю) приписываются великие личные качества – моральное, физическое, интеллектуальное превосходство, а часто даже магические способности. Харизма предполагает безоглядное доверие и слепое подчинение вождю, замешанное на обожании и страхе;
- рационально-правовой, когда повиновение управляющим основано на признании законными путей, которыми они пришли к власти. Рационально-правовое оправдание – наиболее трудоемкий способ легитимации власти, так как предполагает детальную разработанность и строгое соблюдение правовых норм, регламентирующих организацию и деятельность государственных органов.

Но опыт показывает, что обычно власть не довольствуется только каким-то одним из названных типов легитимности. На практике вера в законность власти проистекает из сложного переплетения множества трудноуловимых факторов экономической, правовой, моральной, психологической, религиозной природы, и речь идет лишь о доминировании того или иного способа

Легитимность политической власти можно рассматривать как своеобразный общественный консенсус, большей частью «процессуальный», – согласие в отношении устройства государства, порядка формирования властных органов, осуществления управленческих функций и т.п. В свою очередь, само это устройство и доминирующий способ его легитимации определяются базовым (ценностным, «материальным») консенсусом, достигнутым в обществе.

Естественно, современное демократическое конституционное правовое государство предполагает рационально-правовую легитимность. Два других типа оправдания власти могут присутствовать лишь в качестве небольших «вкраплений», эмоционально окрашивающих абстрактные правовые конструкции и тем самым усиливающих их привлекательность.

Строго говоря, консенсус вообще совместим только с демократическим режимом, а следовательно, с рационально-правовой легитимностью. Однако и традиционное, и

даже харизматическое властвование (наиболее часто обращающееся к прямому насилию) требует (и имеет) определенную степень поддержки (согласия) подданных.

6. Юридический консенсус.

В принципе консенсус несомненно лучший способ принятия решений – хотя бы потому, что только так проблема может быть снята окончательно. Если же решение отражает только позицию большинства, в дальнейшем оно или потребует принудительного осуществления (что предполагает постоянную опасность его нарушения и пересмотра), или постепенно получит общее одобрение («скрытый консенсус»).

Однако наряду с позитивными сторонами консенсуальный метод имеет и существенные издержки. Во-первых, необходимость многократных согласований позиций затягивает принятие решения. Во-вторых (и это более существенно), возникает опасность принятия неконкретных, расплывчатых решений – по ним проще достичь консенсуса. Таким образом, повышение степени согласованности решения может идти в ущерб его качеству.

Даже в международном праве, где сдвиг в пользу консенсуального метода[15] связан с уважением суверенитета государств и невозможностью принудительного исполнения решений, его применение довольно ограничено и безусловно. Путем консенсуса решаются только «наиболее важные» вопросы. Обычно их определяет сама международная организация (или конференция), причем, как правило, делается оговорка, что данный принцип применяется лишь «насколько это возможно» (пока удастся преодолевать возникающие разногласия). В качестве запасного варианта предусматривается обычный метод принятия решений большинством голосов. Исключительно на основе консенсуса работало, в частности, Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, неизменно соблюдается консенсуальная процедура в Совете Безопасности ООН.

Внутри государства юридический консенсус менее необходим (возможно применение государственного принуждения) и встречает больше препятствий, особенно при отсутствии базовых основ для гражданского согласия. Поэтому законодательство, как правило, не содержит требований решать какие-либо вопросы исключительно консенсуальным методом. Юридический консенсус почти всегда носит факультативный характер, т.е. консенсуальная процедура рассматривается как предварительная стадия или альтернативный вариант принятия решения.

Факультативный юридический консенсус применяется (хотя и в разной степени) практически во всех отраслях права.

В конституционном праве принцип консенсуса воплощается двояко. Во-первых, реальная, стабильная, демократически принятая и реализуемая конституция отражает и институционно оформляет достигнутый в обществе консенсус относительно политико-правового и социально-экономического устройства государства. Конституцию можно рассматривать как современное и формализованное воплощение давней идеи политической философии – концепции общественного договора.

«Общественно-договорной» характер конституции подчеркивает усложненный порядок ее принятия и изменения: квалифицированное большинство в парламенте, ратификация субъектами Федерации, референдум и т.п. Эти процедуры не являются строго консенсуальными, но приближены к ним.

Во-вторых, конституция обычно предусматривает некоторые собственно консенсуальные процедуры, направленные на снятие противоречий и разрешение конфликтов между различными ветвями власти, государственными органами, субъектами Федерации. Так, согласно ч. 1 ст. 85 Конституции Российской Федерации, Президент Российской Федерации может использовать согласительные процедуры для разрешения разногласий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также между органами государственной власти субъектов Российской Федерации. В случае недостижения согласованного решения он вправе передать спор на рассмотрение соответствующего суда.

В коллегиальных органах иногда проводится «мягкое рейтинговое голосование». Все участвующие в голосовании выражают свое отношение к каждому из поступивших предложений (к каждой из предложенных кандидатур). После сравнения всех рейтингов выбор должен пасть на тот вариант решения (кандидатуру), который получил больше предпочтений и не вызвал ничьих возражений. Однако в таком (строго консенсуальном) виде данная процедура практически не применяется. Обычно путем рейтингового голосования определяют два-три наиболее предпочтительных предложения (кандидатуры), выбор из которых осуществляется большинством голосов.

Активно функционирует юридический консенсус в гражданском и гражданском процессуальном праве. Эти отрасли права основаны на принципе диспозитивности, который предоставляет сторонам правоотношений возможность самостоятельно определять характер и объем взаимных прав и обязанностей, урегулировать возникающие разногласия. Гражданские правоотношения, возникающие из договоров (а их большинство), вообще сугубо консенсуальны. Причем здесь, как правило, действует обязательный консенсус, а факультативный является исключением (арбитражное разрешение преддоговорных споров).

В гражданском процессе консенсус, напротив, факультативен: стороны вправе закончить спор мировым соглашением, но если оно не достигнуто, решение выносит суд.

На факультативном консенсусе строится семейное право. Естественно, все семейные проблемы и конфликты должны разрешаться по взаимному согласию, и лишь когда это не получается, в действие вступают правовые нормы.

Широко применяются консенсуальные процедуры для предотвращения и разрешения социально-трудовых конфликтов.

Наконец, юридический консенсус известен даже уголовному процессу, правда, не нашему, а американскому. Господствующий в англосаксонском уголовном процессе принцип состязательности породил гипертрофированное значение признания обвиняемым своей вины. Наличие такого признания практически предreshает вынесение обвинительного приговора. И судьи всячески поощряют заключение так называемых сделок о признании – особого соглашения между обвинением и защитой, по которому обвинитель обязуется перекалфицировать деяние на менее тяжкий состав преступления, а обвиняемый – признать свою вину. При наличии признания вины вся дальнейшая судебная процедура существенно упрощается и, как правило, судья выносит приговор в соответствии с заключенной сделкой. Существенное значение имеет и то обстоятельство, что осуждение согласно «сделке о признании» не влечет за собой ряда негативных последствий, которые могут наступить в случае вынесения обвинительного приговора в порядке обычного судебного разбирательства (запрещение занимать определенные должности и др.). Поэтому неудивительно, что подавляющее большинство уголовных дел в США завершается «сделкой о признании». Вот только принцип объективной истины при этом иногда страдает[16]. Этот пример еще раз показывает, что консенсус (как, впрочем, и любой другой метод) нельзя абсолютизировать.

Прежде всего для достижения консенсуса необходимо освободить предмет конфликта от сопутствующих «наслоений» – смежных (но не существенных) интересов сторон, их эмоциональных оценок и реакций. Здесь полезен временной разрыв между возникновением и разрешением конфликта (разумеется, когда это возможно). Так, переговоры о политическом урегулировании вооруженного столкновения, как правило, начинаются после прекращения огня и разведения воюющих сторон. Согласно ч. 2 ст. 33 Кодекса о браке и семье Российской Федерации, суд вправе отложить разбирательство дела о разводе, назначив супругам срок для примирения в пределах шести месяцев. Даже если за это время супруги и не изменят своих намерений, они смогут более спокойно обсудить и самостоятельно решить вопросы о разделе имущества и воспитании детей.

Любая консенсуальная процедура должна исключать абсолют-нос доминирование одной из сторон и обеспечивать использование объективных критериев оценки ситуации. Обычно для этого обращаются к услугам незаинтересованных лиц –

посредника, арбитра, судьи. Однако надо иметь в виду, что строго консенсуальной процедура может считаться только в том случае, если рекомендации «третьих лиц» не носят обязательного характера, а лишь помогают участникам конфликта прийти к согласию. Наиболее же распространенный способ разрешения юридических конфликтов – судебный – не является консенсуальным.

-
- [1] Современная западная социология. Словарь. М., 1990. С. 134.
 - [2] См.: напр. Касьян Н. Ф. Консенсус в современных международных отношениях международно-правовые вопросы. М., 1983.
 - [3] Словарь иностранных слов. М., 1988. С. 245
 - [4] Webster's New World Dictionary Second College Edition N. Y., Cleveland, 1970. P. 302.
 - [5] Webster's New Twentieth Century Dictionary Second Edition Collins. World. 1975. P. 388.
 - [6] Webster's New Encyclopedic International Dictionary of English Language. N.Y., 1974. P. 216.
 - [7] См. подр. Четвернин В.А. Демократическое конституционное государство введение в теорию. М., 1993. С. 4—11, 36 и сл..
 - [8] См. Оболенский А.В. Механизм торможения - человеческое измерение// Сов. государство и право 1990 № 1. С. 83—84.
 - [9] Рубцов А. Народ России единодушно принял демократию//Моск. Новости. 1992. № 4. 26 янв. С. 18—19.
 - [10] См. подр. Пахоленко Н.Б. От авторитаризма к демократии возможно ли использование в СССР опыта демократизации других стран?//Гражданское общество и правовое государство: предпосылки формирования. М., 1991 С. 106-116.
 - [11] См.: Рубцов А. Указ статья.
 - [12] Huntington S Will More Countries be DemocraticV/Polit a Science quart. N.Y. 1986 Vol. 99 №2 P. 212.
 - [13] Pennock R Demokratic Political Theory Princeton (NY), 1979 P. 220.
 - [14] Котляревский С. Предпосылки демократии//Вопросы философии и психологии. М., 1905 Кн. 77. С. 109.
 - [15] Если на 13-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН путем консенсуса было принято 39 из 112 резолюций (35%), то на 40-й сессии – 184 из 259 (70%).
 - [16] См. подр : Николайчук В.М. Уголовный процесс США. М , 1981.

§ 23. РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ И СОГЛАСИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ

Утвердившаяся в большинстве государств с демократическим режимом правления, в том числе и в России, система разделения властей означает такую форму организации государственной власти, при которой возможно оптимальное регулирование социальных интересов. Она позволяет уравнивать сталкивающиеся социальные интересы, и тут возможен «юридический консенсус»[1]. Именно при такой функционально-институциональной организации в обществе могут быть реально обеспечены гарантии свободы, самостоятельности и собственности.

Вместе с тем политическая практика показывает, что, являясь, по существу, элементом эффективного государственного управления, принцип разделения властей одновременно может служить объективной базой для зарождения и развития юридических конфликтов. Это споры о компетенции органов, «война актов», споры о формах и процедурах взаимоотношений органов власти, конфликты, вытекающие из переплетения внутрифедеральных проблем, отношений с политическими партиями и движениями и др. В широком контексте в конфликт могут втягиваться все элементы, в том числе и те субъекты, которые не отождествляются с властью государства[2].

Строгое разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную теоретически делает невозможным или по крайней мере существенно ограничивает административный и судебный произвол. Оно подчиняет также государственную

власть в целом интересам гражданского общества и свободного бытия человека в обществе.

Теория государства и права, исследуя институт разделения властей, определила его институциональное и функциональное содержание, основные предпосылки реализации. Ими являются демократическая процедура законотворчества, действие всех государственных органов в рамках и на основе закона, наличие правовых процедур разрешения споров.

Разделение законодательной и исполнительной власти — необходимая институциональная гарантия от произвольного вмешательства правительственно-административных органов в общественные отношения. Но это реализуется только при наличии независимой судебной власти, которая способна контролировать законность и правомочность действий исполнительной власти и защитить общество от возможных законодательных нарушений с помощью процедуры конституционного контроля. Специфическая власть судебного решения, обязывающая спорящие стороны к его исполнению, становится мощным средством достижения социальной справедливости и согласия.

Признанное ныне в России разделение властей нашло закрепление в ст. 10 Конституции Российской Федерации. Как же реализуется этот принцип и каково его реальное наполнение?

До сего времени в обыденном понимании граждан сохраняется образ единого государственно-властного начала, недооценивается роль конституционных положений о разграничении функций и компетенции государственных органов. Сказывается недоверие к возможностям судебной процедуры разрешения споров. С другой стороны, сохраняются попытки представителей различных ветвей власти выйти за пределы их конституционной компетенции, воздействовать на судебные органы и т.п. Зачастую администрация либо определенные социальные группы и политические лидеры вмешиваются в процесс выработки нормативных решений, преследуя корпоративные или местнические цели. Любые попытки отторжения и ревизии основ конституционного строя, невысокая правовая культура в обществе создают почву для возникновения конфликтов. Тем не менее процесс утверждения основного конституционного принципа идет, хотя и не безболезненно, постепенно приобретая общественную поддержку.

1. Конфликт в системе разделения властей и его особенности.

Краткая характеристика сущности и целевой направленности системы разделения властей позволяет выяснить некоторые особенности конфликтов, возникающих и разрешаемых на ее основе. Первая из них состоит в том, что в разрешении конфликтов всегда активно действующим субъектом являются государственные органы. Это происходит и в том случае, когда они не входят в число конфликтующих сторон, а выполняют функцию посредника или арбитра.

Вторая особенность заключается в преимущественном использовании легальных средств разрешения конфликтов или в их последующей легитимации. В условиях разделения властей разрешение конфликтов осуществляется предпочтительно правовыми, а не силовыми средствами. Но даже в случае применения вооруженной силы, результат принуждения находит впоследствии юридическое закрепление с помощью принятия нормативных актов, изменения конституции, подписания общественных соглашений.

Конфликты властей имеют, как правило, всеобъемлющий характер, затрагивают разнообразные социальные интересы. Поэтому и поиск согласия предполагает использование всего спектра способов широкой социальной поддержки. Этот фактор был использован в России, когда к выработке проекта новой конституции в рамках Конституционного совещания в течение 1993 года привлекались самые широкие круги политиков, специалистов, предпринимателей, представителей регионов.

Попытаемся определить, по каким направлениям институт разделения властей способствует разрешению конфликтов и достижению согласия.

Отметим прежде всего преодоление разногласий между самими государственными институтами. В соответствии с принципом разделения властей законодательная,

исполнительная и судебная власти наделены, согласно конституции, самостоятельной компетенцией и набором средств социального управления. Однако реорганизация полномочий с помощью специфических, присущих лишь латентному государственному институту средств и методов осуществляется им не в изоляции, а в русле сложного, многофакторного процесса общественного развития. Важное значение при этом имеет социально-исторический фактор.

Существует ряд условий, которые способствуют развитию конфликта властей. Это прежде всего переходные состояния государственного развития, причиной которых является экономический, политический или военный кризисы. Другой причиной может выступать незрелость демократических начал в обществе и неразвитость политической системы, в особенности в период преодоления последствий тоталитаризма в обществе. Наконец, отсутствие или противоречивость конституционной и законодательной базы также является провоцирующим конфликты фактором. Названные обстоятельства по отдельности или в сочетании чреваты противостоянием социальных сил в обществе. А это неизбежно приводит к нарушению баланса властей. Совокупностью всех этих факторов характеризуются конфликты властей, возникающих в России, государствах, бывших в составе СССР, ряде государств Восточной Европы. Но история дает примеры подобных конфликтов и в развитых демократических государствах.

Даже всенародное голосование не всегда становится радикальным выходом из спорной ситуации и дает ответ на вопрос об оптимальном объеме полномочий законодательной и исполнительной властей. Так произошло в России, когда результаты референдума в апреле 1993 года не дали однозначного ответа о доверии одной из спорящих сторон. Итогом стало резкое противостояние властей и даже применение вооруженной силы в интересах сохранения общественной стабильности.

2. Предотвращение конфликта.

Возникает вопрос: всегда ли разделение властей ведет к их конфликту или этого можно избежать? Естественно, путь безконфликтного развития предпочтителен, поскольку столкновения государственных институтов между собой имеют весьма пагубные последствия. Поэтому главным способом сохранения стабильности в демократическом государстве является деятельность самих государственных органов по предупреждению конфликтных ситуаций.

Выбор этого пути предполагает прежде всего осуществление государственными органами своей деятельности строго в рамках установленных предметов ведения и компетенции. Но выполнение этого требования предполагает решение нескольких задач.

Во-первых, своевременное получение и объективный анализ достоверной социальной информации об обстоятельствах, способных породить конфликт властей, своеобразный мониторинг взаимоотношений государственных органов между собой, а также государственных органов с другими институтами политической системы и гражданами.

Отметим, что эта информационная задача решается в условиях демократического государства правовыми средствами. Таковыми являются закрепленные в конституции и законодательстве функции взаимного контроля властей, а также специальные информационные полномочия государственных органов и должностных лиц. С этой же целью должны использоваться и сведения, имеющие неофициальное выражение: материалы изучения общественного мнения, публикации, заявления политических лидеров и государственных деятелей и др.

Во-вторых, осуществление государственными органами своей деятельности в условиях широкой публичности и информирования граждан, учета общественного мнения. Подобные средства позволяют готовить социальную поддержку готовящихся решений и одновременно отразить в них совокупность социальных интересов.

Нельзя не заметить, что в сегодняшней российской государственной практике эти средства используются не лучшим образом. Почти забыты всенародные обсуждения законопроектов, прекратилась практика их обнародования в широкой печати. Отметим, что за последние два года из числа официально разработанных

фундаментальных законопроектов только проект Общей части нового Гражданского кодекса РФ обнародовался в государственных средствах массовой информации.

В-третьих, взаимодействие властей на этапе подготовки правовых решений[3]. При подготовке концепций, проектов законов и других нормативно-правовых актов создаются совместные рабочие коллективы, в состав которых входят представители различных ветвей власти: депутаты, руководители и специалисты органов исполнительной власти, представители партий, общественных движений и организаций. Такой подход соответствует принципу взаимодействия общества и государства и позволяет обеспечить полноценный общественный диалог, в котором координируются позиции и действия властей по конкретному вопросу.

Необходимость такого взаимодействия подтвердили участники Совещания по государственной поддержке институтов гражданского общества, состоявшегося 25 мая 1994 года в Москве, в котором приняли участие представители Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства, Центральной избирательной комиссии, эксперты. Участники Совещания подчеркнули, что эффективность законодательной деятельности может быть повышена, если будет обеспечено постоянное информирование о готовящихся законопроектах всех субъектов законотворчества, а также заинтересованных общественных структур и граждан России. Тесно связанные между собой законы могут объединяться в блоки для согласования их концепций, содержания, увязки понятий, принципов и норм с учетом многообразных политических и общественных интересов.

Потребность во взаимодействии властей требует вырабатывать различные организационные формы сотрудничества. Непростая практика реализации принципа разделения властей в условиях становления института президентской власти и перехода к парламентской демократии в России, на Украине, Казахстане и других государствах заставила создать специальные службы, которые занимаются вопросами обеспечения взаимодействия в органах законодательной, исполнительной и судебной власти. В качестве иллюстрации сошлемся на Указ Президента Российской Федерации 23 мая 1994 года об утверждении Положения об отделе Администрации Президента Российской Федерации по взаимодействию с депутатами Совета Федерации и Государственной Думы Федерального Собрания. Основными функциями отдела являются: выяснение политических позиций фракций и групп депутатов и их отношения к законодательной стратегии Президента; разъяснение депутатам целесообразности разработки и внесения законодательных инициатив Президента; информирование Президента о ходе развития парламентской ситуации, отношениях между фракциями и группами депутатов в палатах Федерального Собрания.

В структуре аппарата Правительства Российской Федерации имеется управление с подобными функциями. Оно координирует взаимодействие федеральной исполнительной власти с Федеральным Собранием. В частности, через это управление осуществляется предварительное согласование проектов законодательных инициатив Правительства с палатами парламента. Организуется предварительная экспертиза проектов правительственных актов в части парламентских полномочий, таких, например, как проект порядка рассмотрения и принятия федеральных государственных программ.

Особо следует выделить регламенты и положения об участии в законопроектной деятельности, в которых регулируются этапы и формы участия каждого субъекта в данном процессе. В июне 1990 года утверждено Временное положение об участии Правительства Российской Федерации в законодательной деятельности. И все же рассогласованность во внесении законопроектов не устранена.

Отметим также, что взаимодействие необходимо поддерживать не только между исполнительной властью и законодателями, но и между главой государства и правительством. Указом Президента Российской Федерации № 1185 от 10 июня 1994 года установлены формы такого сотрудничества. К ним относятся: информирование, предварительное согласование, подготовка заключения на проект решения. В зависимости от характера и сферы действия актов, подготавливаемых Президентом

или Правительством в соответствии с их конституционной компетенцией, определяются виды взаимодействия и сроки обмена информацией.

Судебная власть также не остается в стороне, когда речь идет о предотвращении конфликтов. Для этого у нее есть специальные полномочия, которые могут использоваться не только непосредственно при рассмотрении судом спора, но и на предварительных стадиях разрешения спорной ситуации.

Предотвращению кризисных ситуаций способствует наличие специальных государственных органов или должностных лиц, призванных анализировать информацию о взаимоотношениях государства и гражданина в обществе. Обладая различным объемом компетенции и статусом (в России – это институт парламентского уполномоченного по правам человека, во Франции – Посредник, назначаемый декретом Совета Министров, в Литовской республике – контролеры Сейма и т.п.), эти должностные лица имеют рычаги воздействия на законодательную, исполнительную и даже судебную власти, содействуя соблюдению государством прав человека, одновременно обобщая важную социальную информацию.

3. Способы и процедуры разрешения конфликтов.

Каковы же пути преодоления конфликтов властей? Как мы уже упомянули выше, первым по значимости способом является осуществление государственными органами своей властной деятельности в пределах их компетенции. Немалая часть противоречий, коллизий возникает, когда орган превышает пределы своей компетенции, присваивает полномочия других звеньев либо не использует свои собственные правомочия. Все эти случаи довольно распространены, причем зачастую выход за пределы своих полномочий сочетается с пассивностью, бездействием государственного органа в собственной сфере[4].

Другим не менее важным средством является укрепление, развитие и упорядочение правового статуса государственных органов и других институтов политической системы, включая партии, общественные организации и движения, местное самоуправление. Эта задача также решается постоянно, поскольку связана с необходимостью конкретизировать правомочия различных участников общественной деятельности, корректировать и развивать их взаимосвязь.

§ 24. ПАРЛАМЕНТСКИЕ ПРОЦЕДУРЫ

1. Конфликт на парламентском уровне, его участники.

Парламент современного конституционного демократического государства можно рассматривать как высший представительный орган власти, вырабатывающий общую волю народа на основе согласования социальных интересов, в том числе противоборствующих, различных политических партий, иных объединений граждан, образующих депутатские фракции и группы, путем принятия единых решений в форме закона и иного акта в целях достижения общественного согласия. Точки зрения, взгляды, знания, наконец, интересы субъектов – а в парламентском процессе это политические партии, блоки, объединенные в депутатские фракции, группы, и отдельные депутаты – во время взаимодействия могут находиться в полном или частичном согласовании, но могут быть и в абсолютном противоречии. В этом случае их противоборство реализуется в когнитивном конфликте и может быть не связано с нарушением отношений между названными субъектами. Таким образом, с одной стороны, в парламентском процессе могут, и в идеале должны, участвовать стороны, не имеющие никаких принципиальных взаимных личностных или иных претензий. Однако, с другой стороны, анализ разнообразных конфликтов свидетельствует о том, что какие бы конкретные причины ни лежали в основе поведения противоборствующих сторон, в конечном счете они упираются в их интересы, которые в случае конфликта оказываются противоположными или несовместимыми. Конфликт интересов на парламентском уровне в конституционном демократическом обществе предполагает конкретных участников – политические партии и их блоки,

иные объединения граждан, которые выражают свои социальные интересы через депутатские фракции, группы, отдельных депутатов. В этом случае возникает политико-правовая парламентская ситуация, характерная для стран с устоявшимися конституционными принципами демократии, а именно: взаимоотношение большинства и меньшинства, партии или блока, имеющих большинство депутатских мест в парламенте, и партий, находящихся в оппозиции. Конфликт в парламентах этих стран чаще всего происходит между парламентским большинством и депутатским меньшинством. Задача оппозиции в этой ситуации заключается в критике Правительства и поддерживающего его парламентского большинства, а также в конечном итоге – в представлении альтернативы по персональному составу Правительства и победы на выборах.

В отношениях с оппозицией необходимо иметь в виду несколько моментов. Во-первых, многопартийность в обществе является проявлением политологической закономерности, которой подчиняется эволюция партийно-политической структуры общества при переходе от тоталитарного устройства к демократическому. В социально-политическом плане этот процесс вызывается стремлением выразить на государственном уровне интересы различных общественных сил, реально существующих или способных возникнуть в обозримой перспективе. В обстановке борьбы за перераспределение власти возникает политический конфликт, который может быть представлен как межпартийный конфликт на горизонтальном уровне[1]. Таким образом, в обществе, особенно в момент обострения социальных противоречий, стремительно растет число организованных политических субъектов, являющихся потенциальными участниками конфликта.

Во-вторых, в условиях современной России идет параллельный процесс становления как партийно-политической структуры, так и новых государственно-властных структур. К этому следует добавить тот факт, что к 1994 году партийная система в России сложилась в достаточной степени для того, чтобы сделать возможным формирование на ее основе новых властных структур.

Не ставя перед собой задачи анализа политических партий и блоков в ходе выборов в декабре 1993 года в Федеральное Собрание РФ, отметим лишь тенденцию к дальнейшему развитию партийных блоков, фракций и к их укрупнению. На парламентском поле эта тенденция выражается в противоборстве формирующихся депутатских блоков и фракций, а также в стихийности и неоднозначности их проявлений[2].

2. Подходы к решению парламентских конфликтов.

Поскольку управление конфликтом предполагает деятельность, направленную на примирение противоборствующих интересов и выработку общего согласованного решения, то логично поставить вопрос о носителях этих интересов. В связи с этим получается, что нужно способствовать легальному оформлению новых партий, блоков, их стабилизации. С одной стороны, они станут конфликтной силой по отношению к группам, представляющим другие интересы. Но, с другой стороны, как правильно отмечают исследователи, они также и являются посредническими структурами, которые выполняют функцию объединения индивидов в общество. Неорганизованные индивиды потенциально представляют собой более опасный источник поддержки для экстремистских сил левого или правого уклона, чем те, кто принадлежит организованным для конфликта группам[3]. В любом случае задача состоит не в том, чтобы изолировать оппозиционеров от принятия решений, а напротив – приобщить их к власти, чтобы они ее получали законным путем. Здесь уместно обратить внимание законодателей на отсутствие до сих пор закона о политических партиях в России.

Считая, что управление является одним из общих концептуальных подходов к конфликту, можно предположить, что в отношении конфликта на парламентском уровне может и должен быть применен преимущественно нормативный или морально-правовой подход. При таком условии конфликт решается при использовании набора правовых, моральных или этических норм. Результат будет зависеть от того, есть ли между субъектами парламентского процесса согласие

относительно этих норм. То есть при условии, что правила принимаются всеми и речь идет лишь об их применении к конкретному случаю. Однако, если возникает разногласие и невозможно использовать консенсус, т. е. в конечном счете все нормы отвергаются как неподходящие для всех участников – субъектов парламентского процесса, то возникает необходимость их навязывания либо решения конфликта другим путем, желательно конституционным: в демократическом государстве вступает в действие конституционная норма о роспуске парламента. В результате, при нормативном подходе, возможно решение конфликта путем компромисса или консенсуса, а также силой. Под силой следует понимать в данном случае роспуск парламента, т. е. правовой метод, а под компромиссом – ряд процедур, носящих согласительный характер и ведущих к консенсусу.

В отношении конфликта, решаемого на уровне парламента, главным требованием можно считать его институализацию, связанную с нормативным подходом и воздействием нормы права на поведение его участников. Если неинституализированный конфликт характеризуется отсутствием принципов или правил и чаще всего представляет собой стихийный и не поддающийся контролю взрыв недовольства, то при институализированном конфликте диссонанс, несовместимость сторон выражаются в пределах установленных норм и правил.

Поэтому в последнем случае появляется возможность предсказать поведение участников конфликта – партий, блоков, депутатских фракций, групп.

В юридическом аспекте условиями институализации конфликта на парламентском уровне являются различного рода законодательные и нормативные акты, устанавливающие определенные нормы и правила, которые позволяют создать механизм разрешения конфликта либо сами составляют суть этого механизма.

Процессуальный характер этих норм предполагает создание определенных парламентских процедур – правил организации и деятельности парламента, закрепленных в конституциях, регламентах, иных правовых актах.

В большинстве демократических государств основные парламентские процедуры, направленные на преодоление разногласий и разрешение конфликтов, закреплены в Конституциях. Эти процедуры носят название согласительных или примирительных и по своей сути являются конституционными основаниями для достижения консенсуса, управления конфликтом парламентским путем. Главным образом, такие процедуры применяются в законодательном процессе.

В соответствии с Конституцией РФ 1993 года в законодательной процедуре парламента к спорным и конфликтным ситуациям относятся: отклонение Советом Федерации закона и несогласие Государственной Думы с решением Совета Федерации. В первом из этих случаев палаты могут создать согласительную комиссию для преодоления возникших разногласий, после чего федеральный закон подлежит повторному рассмотрению в Государственной Думе. Во втором случае федеральный закон считается принятым, если при повторном голосовании за него в Государственной Думе проголосовало не менее двух третей от общего числа депутатов Государственной Думы. Таким образом, если консенсус не достигается, решение, то есть федеральный закон, должно быть принято в обычном порядке, но квалифицированным (две трети) большинством голосов.

Свое функциональное развитие конституционные нормы консенсуального характера, обеспечивающие согласованную деятельность парламента, находят в Регламентах, иных актах, регулирующих его работу.

Регламент Государственной Думы[4] содержит подробную регламентацию (глава 4) согласительной процедуры по повторному рассмотрению федеральных законов, отклоненных Советом Федерации. Положения Регламента предусматривают условия и порядок создания и работы согласительной комиссии, процесс принятия решений по каждому предложению этой комиссии, а также процедуру повторного рассмотрения Государственной Думой закона, если она не приняла предложений комиссии и выразила свое несогласие с решением Совета Федерации об отклонении закона. После повторного голосования по федеральному закону квалифицированным большинством этот закон направляется уже не в Совет Федерации, а Президенту. Таким образом, Регламент Думы избегает повторения

конфликтной ситуации в парламенте и выносит. его за пределы законодательного органа на рассмотрение главы государства.

Регламент Совета Федерации[5] тоже предлагает свой вариант порядка преодоления возникших разногласий (глава 10) и достаточно подробно регулирует ход переговоров в условиях этой процедуры. Это касается порядка работы комиссии, протоколирования и принятия решений.

Надо отметить, что использование переговорных процедур, согласительных и иных паритетных комиссий в парламенте очень важны для преодоления разногласий, особенно на ранних стадиях конфликта Поэтому совершенно очевидна важность четкой и подробной регламентации разных согласительных процедур в Регламентах, других Положениях и Правилах, которых пока очень мало.

Парламентские процедуры по предотвращению, разрешению или прекращению конфликта не исчерпываются созданием специальных согласительных органов. Большая часть из них, на наш взгляд, регулируется нормами парламентского права и направлена на преодоление внутрипарламентских коллизий, противоречий. Эти процедуры выработаны многолетней практикой парламентаризма и являются правилами ведения дискуссии, т.е. парламентских дебатов, порядка проведения заседаний, классификации предложений по законопроектам и иным вопросам, порядка их обсуждения, работы комиссий и комитетов, голосования, административного аппарата.

Рассмотрим наиболее важные из них, имеющие отношение к предмету нашего исследования. Обратимся к парламентским дебатам. Очевидно, что парламентские дебаты по своей сути максимально приближены к переговорам между сторонами. А, как известно, переговоры являются одним из наиболее демократических форм урегулирования, или, что значительно лучше, предотвращения конфликта

Регламенты обеих палат Федерального Собрания, подобно принятой мировой практике, имеют специальные разделы о парламентских слушаниях. Отличительными особенностями этих разделов являются нормы поведенческого характера в отношении депутатов, взаимоотношений депутата и председательствующего парламента. Последние часто соприкасаются с нормами и правилами депутатской этики, соблюдение которой помогло бы избежать развития основной части межличностных конфликтов.

Надо сказать, что уже вновь избранное Федеральное Собрание не избежало конфликтов между отдельными депутатами, носящими скорее межличностный характер, хотя причины, их побудившие, могли быть разными Межличностные конфликты между депутатами имели место и в предшествующем Верховном Совете РФ, и в работе Съездов Советов народных депутатов. Иногда это не ограничивалось просто выкриками с мест, оскорблениями, жестами, а порой доходило до рукоприкладства, «выноса» депутатов из зала заседаний. Подобные ситуации не являются исключением и для мировой парламентской практики. Конечно, запретительными нормами не всегда решишь такие конфликты. Хотя, разумеется, эти правила нужны. Так, в Регламенте Государственной Думы этим вопросам посвящены, по крайней мере, две статьи, содержащие нормы обязывающего и запретительного характера и предусматривающие санкции за их нарушение, т.е. за создание условий для возникновения межличностного конфликта в парламенте. Эти нормы устанавливают некоторые правила депутатской этики, которые должны соблюдаться. В них, в частности, содержится запрет употреблять в своей речи грубые, оскорбительные выражения, наносящие ущерб чести и достоинству депутатов Думы и других лиц, допускать необоснованные обвинения в чей-либо адрес, использовать заведомо ложную информацию, призывать к незаконным действиям. В случае нарушения предусмотрена санкция: предупреждение председательствующего, в случае повторного нарушения выступающий лишается права выступления в течение дня заседаний (ст. 42 Регламента). Лишение депутата слова председательствующим в случае нарушения Регламента, предупреждение, указания – это правовые меры, направленные на разрешение или предупреждение конфликтной ситуации между депутатами. Кстати, председательствующий, пользуясь

своими правами, может также удалять из зала заседаний приглашенных лиц, мешающих работе Государственной Думы.

Вопрос о депутатской этике, конечно, выходит и на другие, помимо Регламента, нормативные акты, непосредственно регулирующие статус парламентариев. Однако проблема состоит не только в правовой стороне, а затрагивает нормы морали, нравственности, общей правовой культуры парламентской работы

3. Условия прохождения законопроектов.

В Регламентах устанавливаются специальные нормы о продолжительности выступлений парламентариев, порядке внесения депутатами предложений, характере этих предложений, очередности их обсуждения. Конечно, структура норм, их характер различаются. Имея в виду предмет нашего исследования, обратимся к нормам – правилам, предусматривающим ряд специальных условий прохождения законопроекта, запретов, ограничений дебатов, направленных на предотвращение разногласий и конфликтов.

Приведем некоторые примеры из мирового парламентского опыта. Так, в парламенте Великобритании процесс прохождения законопроекта зависит от характера билля. По кругу регулируемых вопросов билли подразделяются на публичные и частные. Публичные законопроекты, в зависимости от того, по чьей инициативе они внесены, подразделяются на правительственные, т.е. внесенные депутатами – членами правительства, и законопроекты частных членов, т.е. внесенные рядовыми членами парламента, не являющимися членами правительства.

Почти все время палаты общин (90%) занято рассмотрением законопроектов, вносимых правительством. Для обсуждения законопроектов рядовых членов выделяется строго определенное время (12 пятниц в сессию). Постоянные правила предусматривают несколько процедур для внесения законопроекта частного члена в палату общин.

В отличие от законодательного процесса некоторых других западных стран, где законопроект сначала рассматривается комитетами, а потом – на пленарном заседании (США, Франция, Италия), в Великобритании законопроект сначала обсуждается палатой в полном составе и лишь потом направляется в комитет. Комитет не может вносить в законопроект положения, которые противоречат принципу законопроекта.

Финансовое законодательство в Великобритании – исключительная прерогатива палаты общин. Инициатива в финансовых вопросах принадлежит правительству.

Особенность итальянской законодательной процедуры, неизвестная большинству других стран, состоит в том, что Конституция предоставила палатам право уполномочить комиссию принять законопроект, для чего комиссия проводит свое «законодательное заседание». Правда, при этом Регламенты палаты депутатов и сената установили исчерпывающие перечни законопроектов, которые не могут быть переданы в законодательное заседание комиссий (например, законопроекты конституционного, избирательно-правового характера, а также законопроекты, предусматривающие делегирование законодательной власти правительству, утверждающие бюджеты и финансовые отчеты).

Прохождение законопроекта в так называемом децентрализованном порядке, то есть в законодательном заседании комиссии, практически не отличается от обычной законодательной процедуры; при этом, разумеется, сроки ее здесь резко сокращаются. Комиссия обязана возвратить законопроект в палату, если этого еще до утверждения потребует правительство либо десятая часть депутатов или если компетентная комиссия не согласится с мнением запрошенной комиссии.

Ограничение законодательной процедуры вводит Конституция Франции: если во время обсуждения выясняется, что какое-либо предложение или поправка не входят в область законодательства или противоречат полномочиям, предоставляемым в соответствии со ст. 38 Конституции, т.е. полномочиям, уже делегированным парламентом правительству, то последнее может заявить о неприемлемости предложения.

В процессе прохождения законопроекта во французском парламенте важное значение придается обсуждению поправок: сначала обсуждаются поправки об упразднении статьи, затем – от наиболее удаленных по смыслу – к более приближенным по тексту. Происходит обсуждение и голосование каждой поправки.

Есть еще и такая особенность, касающаяся блокирования голосования правительством. На основании ст. 44 Конституции правительству принадлежит право требовать от палаты единого голосования по всему обсуждаемому тексту или по его части с учетом лишь поправок правительства. Такая процедура называется «блокированным голосованием». Процедура такого голосования позволяет правительству в любое время прервать дискуссию.

Конституция Франции 1958 г. предусмотрела процедуру преодоления сопротивления сената, но только в том случае, когда того хочет правительство. Премьер-министр может потребовать введения срочной процедуры: он имеет право созвать заседание смешанной паритетной комиссии, уполномоченной предложить текст, касающийся вопросов, по которым не было принято решение.

Правительство может также заявить о срочности проекта до конца общей дискуссии в палате, не предлагая при этом создать смешанную паритетную комиссию, а рассчитывая принять закон путем обычной процедуры.

Существует также возможность обсуждения законопроекта с ограниченными дебатами. Такого обсуждения может требовать правительство или комиссия, рассматривающая проект по существу, если законопроект не вызывает каких-то серьезных возражений.

4. Парламентские дебаты.

Помимо парламентских процедур, рассмотренных выше, существуют правила – приемы ведения парламентских дебатов. Их особенность заключается в том, что они могут применяться лишь в необходимых случаях в ходе парламентских слушаний для преодоления возражений оппозиции и урегулирования спорных ситуаций. В мировой парламентской практике такие правила-приемы весьма распространены. В основном – это способы ограничения дебатов или их прекращения в пользу парламентского или правительственного большинства. Приведем некоторые примеры.

Так, в правилах палаты общин Федерального парламента Канады существует прием закрытия дебатов. Он основывается на том, что на любой стадии рассмотрения вопроса какой-либо министр с предварительным уведомлением может внести предложение завершить обсуждение, окажем, к 12 часам утра без объявления перерывов в работе парламента. В случае принятия этого предложения существенно меняется процедура рассмотрения вопроса: время сокращается и решение принимается вне зависимости от стадии рассмотрения вопроса.

Закрытие дебатов явилось эффективным средством в руках правительства против оппозиции, и последняя была вынуждена искать свои методы затягивания или срыва дебатов по правительственным законопроектам в рамках Регламента. Имеются и другие приемы, которые получили даже свои наименования: «кенгуру» и «гильотина». Первый из них позволяет спикеру самому определять, какие поправки к законопроекту обсуждать, а какие – нет, т.е. «перескакивая» в нужную сторону. «Гильотина» – наиболее жесткий прием свертывания дебатов, который ограничивает их как во времени, так и по содержанию. Иногда применяются разные приемы в их сочетании. Таким образом, эти процедурные приемы в основном направлены на обеспечение интересов правительственного большинства, а не оппозиции[6].

В научной литературе заслуживают внимания исследования парламентских процедур, представленные в виде руководства по парламентскому праву – своеобразного кодекса правил ведения парламентских слушаний. Речь идет, прежде всего, о классическом исследовании этих вопросов в книге генерала Г.М. Роберта «Азы парламентской культуры», неоднократно переиздаваемой с 1876 г с необходимыми дополнениями[7]. Характерно, что в изложении правил парламентской процедуры в книге значительное место уделяется классификации предложений в ходе обсуждения, порядку их предпочтительности, а также методам

голосования. Дается таблица парламентских правил и специальный указатель предпочтительности предложений.

Составление и использование подобных схем было бы весьма полезным с точки зрения преодоления коллизии норм о процедурах и согласованности парламентских переговоров.

5. Голосование.

К конфликту ведет и нарушение уже установленных парламентских процедур любой из сторон. Разумеется, здесь трудно обойти вопрос, насколько хороши или плохи правила или нормы, регулирующие парламентские процедуры. Обратимся в связи с этим к недавнему прошлому – опыту работы Верховного Совета РФ.

В практике работы прежнего парламента встречалось немало нарушений процедурного характера, связанных с проблемами прохождения законопроекта. Так, после прохождения закона в первом чтении текст законопроекта, наряду с внесением высказанных поправок, слегка правился дополнительным образом. Это нередко происходило в редакционно-издательском отделе, где в некоторых формулировках без ведома парламента устранялись шероховатости. Может быть, это действительно было необходимо. Но возможно это только после того, как проинформирован парламента, и такая процедура предусмотрена Регламентом. Нередко при обсуждении законопроектов имели место торопливость, эмоции, а также преобладание интересов сиюминутной политической конъюнктуры, отсутствие достоверной информации, компетентного докладчика. Другая слабость прохождения законопроекта, которая опять-таки не имела полного и конкретного решения в Регламенте, связана с процедурой голосования.

Надо отметить, что процедура голосования в законодательном процессе прежнего Верховного Совета в целом приобрела ряд демократических начал. Этому в значительной мере способствовало введение двух чтений законопроекта, что дало возможность проводить по нему три голосования. Демократическим моментом в этой процедуре являлось также нормативное закрепление мер, направленных на охрану прав меньшинства. Депутату, выступающему от имени группы, предоставлялось слово при наличии одной пятой голосов от общего числа депутатов. Одной пятой голосов принималось также решение о проведении постатейного голосования.

Но наибольшие трудности и проблемы при голосовании возникали на стадии второго чтения законопроекта. В практике работы Верховного Совета порядок голосования (в целом или постатейно) определяется, как правило, в каждом конкретном случае, в зависимости от важности законодательного акта, сложности его структуры и объема. Таким образом, сначала голосовался проект в целом, затем – его постатейное обсуждение и голосование, часто без отдельного голосования поправок. Постатейное голосование законопроектов начиналось с голосования отдельно каждой статьи (раздела, главы), которая принималась «за основу». Надо сказать, что термин принять «за основу» неизвестен мировой парламентской практике. В Верховном Совете это порождало немало споров. Термин, однако, перекочевал и в ныне действующий Регламент Государственной Думы (ст. 113), правда, уже в отношении всего проекта закона во втором чтении.

Отсутствие отдельного голосования поправок на практике, как правило, приводило к тому, что многие существенные поправки не попадали в поле зрения законодателя и не учитывались.

Регламент Государственной Думы предлагает совсем иной подход к обсуждению и голосованию поправок. Преимущественное право принимать или отклонять поправки к законопроекту принадлежит ответственному комитету, куда должны направляться поправки после первого чтения. Далее комитет разрабатывает таблицу поправок, принятых или рекомендованных им к отклонению. Во втором чтении законопроекта отдельное обсуждение поправок возможно, но лишь при наличии возражений фракций, депутатских групп или депутатов. Время возражений ограничено тремя минутами. Предусмотрено дальнейшее голосование об одобрении или отклонении поправки. Однако далее, если следовать Регламенту, возникает неясная ситуация, когда же точно проект принимается за основу – после рассмотрения всех возражений

против включенных поправок или только части из них. По Регламенту это возможно в любом случае, так как записано «при рассмотрении возражений», а не «после». По отклоненным же ответственным комитетом поправкам голосование проводится лишь в случае, если голосование состоялось против рекомендации комитета по отклонению сразу всех соответствующих поправок. И только в том случае, если законопроект за основу не принят (соответственно после утверждения вышеназванной рекомендации комитета), возможно рассмотреть отклоненные поправки. Порядок не совсем ясен, поэтому он позволяет председательствующему проводить в принципе иное процедурное решение.

Некоторые формулировки Регламента Думы страдают юридической неточностью. Так, принятый во втором чтении законопроект направляется в комитет, где с участием Правового управления Аппарата Государственной Думы происходит устранение «возможных внутренних противоречий», а также устанавливаются «правильные взаимосвязи статей». Подобные неясные формулировки сами могут стать причиной ряда противоречий уже между законодателями и Аппаратом Парламента и даже привести к конфликтной ситуации, например на этапе третьего чтения законопроекта, где не допускается внесение поправок и возвращение к обсуждению.

Важно обратить внимание на предусмотренную тем же Регламентом процедуру согласия в отношении комитетов Думы, участвовавших в работе над законопроектом, в случае возникновения между ними разногласий. Однако сами меры по достижению согласия не конкретизируются, а остаются на усмотрение комитетов. В этом случае предлагается вариант факультативного консенсуса. Вопросы, по которым не достигнуто согласие, вносятся на рассмотрение Совета Государственной Думы (ст. 102, абз. 5 Регламента).

Нередко острой проблемой, возникающей в процедуре голосования в парламенте, является наличие кворума, т.е. количества голосов, необходимого для принятия решения. Вопрос о кворуме должен быть достаточно урегулирован, иначе возникает ряд проблем. Так ранее не редкостью были моменты, когда один депутат регистрировался или голосовал за двоих, троих. В действующем Регламенте Государственной Думы также не установлен порядок голосования одного депутата за другого. В Регламенте нет возможности находящегося вне парламента депутату выразить свою волю, как это принято в некоторых других странах.

Процедуры прохождения законопроекта на всех этапах не лишены такого нового явления для российской парламентской жизни, как лоббизм. Разумеется, пока еще рано говорить о весьма активном проявлении лоббизма в соответствии с его принципами и особенностями подобно тому, как это происходит в развитых западных странах и США. Однако уже сейчас можно проследить этапы его формирования и довольно быстрого процветания. Как отмечалось ранее, стало понятно, что демократия невозможна без конструктивной оппозиции. Уже имеются достаточно серьезные основания для формирования и правового регулирования действий политических блоков и фракций, связанные с новым порядком выборов в Федеральное Собрание.

Интересно посмотреть, как законодательно явление лоббизма закреплено в других странах. Законодатели в ФРГ, например, исходят из того, что лоббизм как система организационного оформления, выражения и представительства определенных интересов через правительственные институты является неотъемлемым и важнейшим элементом жизни демократической страны. Как отмечает немецкий политолог Г. Вольманн, сильные позиции организованных интересов и союзов в правительственной системе – это социально-политическая гарантия против резких шатаний в том или другом направлении в случае изменения партийно-политического большинства и смены правительства[8]. В ФРГ нет единого федерального закона о лоббистской деятельности, как например, в США. Эту деятельность регулирует ряд правовых актов. Следует в этой связи упомянуть Регламент деятельности германского бундестага. Он, в частности, предусматривает возможность проведения в парламентских комитетах публичных слушаний «экспертов и представителей интересов». Впрочем, из данного положения Регламента не вытекает неопременное

право представителей интересов на организацию таких слушаний. В конечном итоге сам комитет полномочен решать, кого из представителей союза необходимо заслушать.

Регламент Государственной Думы Федерального Собрания предусматривает возможность участия в заседаниях и работе комитетов и комиссий экспертов, представителей заинтересованных государственных органов и общественных объединений.

[1] См. подр.: Чумиков А. Н. Социально-политический конфликт. Теоретические и прикладные аспекты. М., 1993 С. 16—17.

[2] См.: Массовые движения в современном обществе. М., 1990 С. 72.

[3] См.: Ч ушков А.Н. Указ. соч. С. 157

[4] См.: Регламент Государственной Думы Федерального Собрания – Парламента Российской Федерации М., 1994

[5] См.: Регламент Совета Федерации первого созыва Принят Советом Федерации 28 июля 1994 г с последующими изменениями и дополнениями М, издание Совета Федерации, 1995.

[6] См.: Парламенты мира. М., 1991 С. 222—224.

[7] См.: Роберт Г.М. Азы парламентской культуры. М., 1992. С. 301.

[8] См.: Вольманн Г. Чем объясняется стабильность политического и экономического развития ФРГ//Гос. и право. 1992. № 11.

§ 25. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ

1. Конституционное судопроизводство как наиболее типичная конституционная процедура.

Конституционные процедуры в основном регулируют конфликты политических институтов. Последние являются преимущественно спорами о взаимоотношениях органов власти, о юрисдикции, о границах, о роли политических партий и движений и т.п.[1] Такого рода конфликты представляют собой, как правило, политические или конституционные конфликты. Ограничимся рассмотрением конституционных процедур, имеющих прямое и четкое закрепление в конституциях, дальнейшее логичное законодательное развитие и наибольшее практическое значение для разрешения конфликтов. Наиболее типичной процедурой, с этой точки зрения, закрепленной в конституциях, является конституционное судопроизводство.

Конституция в целом рассматривается как юридический документ, содержащий в первую очередь нормы материального права, а уже затем процессуальные положения. Вместе с тем в конституционном движении можно наблюдать тенденцию к развитию процессуального подхода к Основному Закону государства. В этом смысле можно привести классический пример развития процессуальных норм в Конституции США. Высокий потенциал процессуальных положений, имеющих историческое значение, демонстрирует Конституция Франции, особенно с точки зрения включенности норм, относящихся к сфере конституционного судопроизводства. Конституции других демократических государств также содержат немало процессуальных норм, закрепляющих институты конституционной юрисдикции, разумеется, со своими особенностями.

Специальным юрисдикционным органом для разрешения конституционных споров в большинстве европейских стран является конституционный суд. Классическое понимание суда как специального органа по разрешению споров относится и к конституционным судам. Конституционные суды входят в судебную систему. Это отражено в ст. 118 Конституции РФ 1993 г. Следует согласиться с таким подходом, поскольку в своей совокупности конституционные и иные суды представляют собой самостоятельную ветвь государственной власти – независимую судебную власть и осуществляют. е.е в типичных формах: путем рассмотрения надлежащих вопросов в заседании выборными судьями, которые в отправлении правосудия независимы и

подчиняются только закону; действуя в строгих рамках установленных процедур и демократических принципов судопроизводства – открытости, состязательности, равноправия сторон и презумпции невиновности; разрешая спор, по существу, путем издания обязательного к исполнению юрисдикционного акта, которым либо действующие в деле стороны наделяются правами и обязанностями, либо их соответствующие права и обязанности подтверждаются[2].

В некоторых странах конституционные суды выделены из судебной системы, как это имеет место, например, в Италии, где в отличие от России, Австрии и ФРГ Конституционный Суд рассматривается в особом разделе Конституции и в качестве конституционной гарантии. Однако подобное решение не отрицает самой природы конституционного суда как суда, а свидетельствует об особом его назначении, в частности о том, что «принятие системы судебной охраны конституции неравнозначно доверию этой охраны органу, принадлежащему этой системе»[3].

Таким образом, можно признать, что органы, осуществляющие судебную охрану конституции, стали в настоящее время типичным элементом государственного аппарата и в большинстве стран континентальной Европы приобрели форму конституционного суда. Однако на самом деле это положение не имеет универсального характера, поскольку в некоторых европейских странах соответствующие полномочия принадлежат общим судам либо не существуют вообще. Вместе с тем существование специального органа юрисдикции, который наблюдает за соблюдением конституции другими органами, в настоящее время является характерной чертой конституционного порядка в демократическом правовом государстве.

Надо отметить, что такая ситуация активно поддерживается в науке. Продолжавшиеся несколько десятилетий споры о негативных последствиях создания конституционного суда для позиции парламента или политизации судопроизводства уступили теперь место единому в целом представлению о достоинствах рассматриваемого института. Конституционное судопроизводство становится необходимой гарантией сохранения равновесия между государственными органами, эффективного обеспечения прав и обязанностей граждан, а в результате – придания конституции реального юридического значения. Конституционные суды создали определенную систему обжалования, воспринятую западной политической доктриной. Таким образом, достоинство каждой из конституций демократического государства зависит также и от содержащихся в них механизмов юрисдикционной защиты. Введение или развитие подобных механизмов является для общественного мнения одним из критериев принимаемых решений. В этом политико-психологическом явлении можно усмотреть одну из причин быстрого развития институциональных форм охраны конституции в странах Западной Европы.

Суд наблюдает за соблюдением конституции другими государственными органами, используя разнообразные процедурные формы и принимая окончательные и обязательные решения. Представляется, что серьезной ошибкой явилось бы трактование конституционного суда только как «стража конституции», образованного в целях прекращения неконституционных действий иных государственных органов, а в принципе лишенного возможности их исправления либо восполнения. Реальные функции конституционного суда следует искать в практике его деятельности, которая лишь в скромной форме выражается в нормах позитивного права. В этом смысле следует обратиться к основным функциям Верховного Суда США: 1) функции творческого толкования конституции; 2) роли арбитража в последней инстанции в политических конфликтах; 3) функции правовой и идеологической легитимизации действий остальных государственных органов.

2. Толкование конституции и конституционный конфликт.

Наиболее характерной и распространенной представляется функция творческого толкования конституции. Почти во всех формах деятельности конституционный суд сталкивается с конституционными нормами, и в этом, как указывалось ранее, состоит специфика его статуса по сравнению с другими судебными органами и его роль в разрешении конфликтов, возникающих на конституционном уровне. По своей

сущности конституционные нормы имеют общий характер и несут на себе важный груз аксиологического идеологического содержания. Вместе с тем применение конституционных норм требует не только установления их точного значения (что необходимо по отношению ко всем правовым нормам), но также, как правило, выбора одного из многих значений, которые можно интерпретировать. В данном случае подобный выбор – одно из основных средств на пути принятия решений по спорной конституционно-правовой ситуации. Это отчетливо проявляется в отношении конституционных предписаний, которые определяют основы государственного устройства («социальное государство», «принцип суверенитета народа», «республиканская форма правления») или права и свободы граждан. А именно эти фрагменты конституции особенно интенсивно применяются конституционными судами.

Это применение по своей сущности имеет вдвойне творческий характер. С одной стороны, установление значения конституционной нормы требует определения и уточнения системы ценностей, реализации которых она призвана служить. Необходимо учитывать также, что одна из функций современной конституции состоит во внесении в позитивное право некоторых общих ценностей, выходящих, в свою очередь, из естественного права, а следовательно, в установлении, образно говоря, клапана безопасности, через который неправильности законодательства могут быть исправлены исходя из давних принципов справедливости. Нельзя не заметить опасности в таком подходе – ведь на вечные ценности можно ссылаться в очень разных политических целях. Тем не менее такого типа «открытость» конституции внешним системам ценностей предоставляет конституционному суду свободу в толковании применяемых норм. Способ использования данной свободы зависит от стиля деятельности суда и законодательного регулирования, однако все суды, хотя и с разной степенью активности, используют общие доктрины и идеи, которые лежат в основе той или иной интерпретации. В то же время если конституционный суд (например, в ФРГ) включен в рассмотрение политических controversий, то может возникнуть юридикация правил политического поведения и стирание границ между ними и нормами правового характера.

В деятельности судов доминируют конкретный контроль за нормами и конституционные жалобы, а следовательно, процедуры, связанные с представлением на рассмотрение суда индивидуальных дел. На практике значительная часть решений судов также касается правового статуса гражданина и ведет к наполнению общих конституционных правил конкретным содержанием, а затем к соответствующему пересмотру норм нижестоящего уровня.

Таким образом, признано, что конституционные суды в большинстве демократических государств осуществляют в процессе рассмотрения спора функцию творческого толкования конституции, что может вести к аналогии с деятельностью американского Верховного Суда. Однако необходимо иметь в виду существенные различия в роли и действиях этих органов.

3. Роль арбитра в политических конфликтах и авторитет конституционного суда.

Названные выше отличительные особенности находят еще большее выражение в реализации конституционными судами функции арбитража в политических конфликтах. Действующие предписания о компетенции этих судов создают в этой области достаточную правовую основу. В большинстве западных государств (за исключением Франции) существуют правовые основы для рассмотрения судами конфликтов, возникающих в ходе деятельности государственного аппарата. При этом надо отметить, что процедура споров о компетенции государственных органов может придавать этим решениям более однозначный и политически ярко выраженный характер, нежели в США, где все решения Верховного Суда подпадают под формулу «конкретного судебного дела». С формально-правовой позиции можно представить себе деятельность конституционного суда как арбитра между остальными органами, окончательно определяющего содержание их конституционных обязанностей и проверяющего конституционность их решений.

Однако такой образ часто не подтверждается в политической практике западноевропейских государств и почти несопоставим с реалиями процесса осуществления власти. Следует подчеркнуть, что любой политический конфликт в рамках государственного аппарата попадает в перечень дел, подлежащих рассмотрению в конституционном суде. Однако в представлении общественного мнения и политической доктрины такой путь не является необходимым в разрешении конфликтов. Главную роль призваны играть здесь политические партии и группы интересов, выступающие через парламент или правительственные органы. Не каждый политический спор трактуется как конституционный конфликт, и этот подход становится проявлением одного из отличий, например от американской модели юридикации политики.

Характерными чертами являются осторожность в рассмотрении споров между государственными органами всеми заинтересованными субъектами и маскировка этих споров под процедуру исследования конституционности норм. Даже в этих рамках можно указать на многочисленные примеры важных политических конфликтов, которые никогда не представлялись на рассмотрение конституционных судов, что имеет отношение как к стабильным судам (особенно к австрийскому, итальянскому), так и тем более к вновь созданным (Испания, Португалия). Определенные попытки активного использования юридических форм разрешения политических конфликтов предпринимались, хотя и с разными последствиями, во Франции. Необходимо при этом помнить, что это было заложено в концепции создателей Конституционного Совета. Лишь в ФРГ использование Федерального Конституционного Суда стало правилом в поисках выхода из конфликтов в рамках федерального государственного аппарата либо конфликтов между федерацией и землями. Однако даже в этом государстве конституционный суд сохраняет сдержанность и не расширяет своих прав до рамок рассмотрения всех политических вопросов. Таким образом, независимо от различий в активности и стиле деятельности отдельных конституционных судов их трудно трактовать в качестве необходимых участников в процессе разрешения политических конфликтов, и, видимо, именно это является основной их отличительной особенностью по сравнению с положением Верховного Суда США. Можно сказать, что конституционным судам принадлежит роль потенциального арбитра в политических конфликтах. Это не лишено смысла, поскольку в любом спорном деле нельзя исключать возможность обращения в конституционный суд. Наконец, при принятии любого политического решения необходимо иметь в виду, что оно не должно выходить за рамки конституции. Тем самым акцентируется важный характер существования конституционного суда – уже сама возможность его использования должна удерживать участников процесса управления от действий, противоречащих конституции или вызывающих сомнение в конституционности.

Результаты практики конституционных судов могут придавать им высокий авторитет в общественном мнении. Эти суды считаются органами, гарантирующими конституционную законность и защищающими гражданина от политически конъюнктурных действий партий. Вместе с тем получение поддержки конституционного суда в отношении введенных в действие законов или иных действий является несомненно политически привлекательным для их создателей подобно тому, как решение суда о противоречии конституции может быть выгодно для их противников. Даже в тех странах, где авторитет суда еще недостаточно укрепился, его решения могут стать одним из аргументов, свидетельствующих о значимости оцененных им норм либо действий.

Таким образом, положение конституционного суда обусловлено его политическим престижем, а следовательно, степенью убеждения, удерживающегося в общественном мнении и в политических кругах, в том, что принимаемые им решения являются авторитетными по отношению к установленным конституционным рамкам деятельности остальных элементов государственного аппарата. Чем сильнее будет убеждение, что решениям суда необходимо подчиняться, тем рискованнее будет игнорировать его мнение и тем больше шансов получит суд в укреплении своей позиции, даже если будет создаваться конфликтная ситуация с другими участниками

процесса управления. Однако нелегко достигнуть порога политического престижа. К настоящему времени его достигли Конституционные Суды ФРГ, Австрии, Франции и Италии.

Кроме того, позиция конституционного суда зависит и от способностей политических партий к самостоятельному разрешению возникающих конфликтов. Слабость партийной системы или значительное усиление внутренних противоречий в политической системе могут создавать ситуацию, когда суд становится на позицию арбитра, что укрепляет его самостоятельность и авторитет. Конституционный суд также может стимулировать или даже «вынуждать» другие органы предпринимать определенные действия, которые эти органы ранее не могли осуществлять по собственной инициативе из-за блокировки противоположных политических взглядов или групп интересов.

4. Конституционный Суд РФ и Конституция РФ 1993 г.

Можно утверждать, что Конституция РФ 1993 г. восприняла основные принципы организации и функционирования Конституционного Суда РФ в сфере разрешения споров на конституционном уровне, характерные для этих органов в западноевропейских странах. Об этом свидетельствует ряд ключевых правовых позиций. Так, в ст. 125 Конституции выделены основные вопросы, составляющие предмет ведения Конституционного Суда. К ним относятся прежде всего рассмотрение дел о соответствии Конституции РФ федеральных законов, нормативных актов Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ. Конституционный Суд решает дела о соответствии Конституции РФ конституций республик, уставов, законов, иных нормативных актов субъектов Российской Федерации по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти РФ и совместному ведению этих органов и органов государственной власти субъектов РФ, а также договоров, заключенных ими между собой и на уровне субъектов Федерации.

В отдельную позицию выделены споры о компетенции между органами государственной власти на уровне Федерации и ее субъектов.

Весьма характерным положением является конституционное закрепление полномочия Конституционного Суда по рассмотрению нарушений конституционных прав и свобод граждан.

Следует отметить, что Конституционный Суд РФ и до принятия Конституции 1993 г. достаточно эффективно использовал это право в своей деятельности. В качестве примера можно привести дело о проверке конституционности правоприменительной практики по рассмотрению жалоб на вступившие в силу решения об отказе в восстановлении на работе на основании ряда норм трудового законодательства. В ходе разбирательства Конституционный Суд указал на ряд основных моментов, ведущих к необходимости отмены некоторых положений КЗоТ РСФСР, как не соответствующих Конституции РФ. Аргументы в пользу отмены сводились к противоречию норм трудового законодательства гражданскому процессуальному законодательству РФ, возникшему на основе коллизии норм соответствующих кодексов, а также к нарушению права граждан на судебную защиту своих прав и свобод, гарантированного действовавшей ранее ст. 63 Конституции РФ. Кроме того, было указано на несогласование этих норм с положениями Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой Верховным Советом РСФСР в 1991 г. Конституционный Суд выявил также в этом деле противоречия с общепризнанными стандартами и нормами, в том числе и с принципами Всеобщей Декларации прав человека 1948 г.[4]

Этот пример помогает понять механизм рассмотрения конкретного дела, характер используемой аргументации в ходе решения опора. Очевидно, что в данном случае превалируют чисто юридические способы разрешения конфликта, основанные на анализе конституционных положений и коллизионных норм действующего законодательства.

Конституция РФ 1993 г. закрепляет правомочие, характерное для всех конституционных судов, а именно – толкование Конституции РФ. Наряду с этим

выделена немаловажная норма об участии Конституционного Суда в процессе выдвижения обвинения Президента РФ в государственной измене или в совершении иного тяжкого преступления. Смысл действий Суда в данном случае состоит в даче заключений о соблюдении установленного порядка в этом процессе.

Надо отметить, что в практике работы Конституционного Суда РФ, действовавшего до принятия Конституции РФ 1993 г., весьма активно использовались юридические приемы рассмотрения споров о соответствии Конституции. Вместе с тем подобно любому другому конституционному суду аналогичный орган РФ не лишен политико-правового подхода к рассмотрению дел. Особенно это касается конфликтных ситуаций между органами государственной власти. По сути, эти опоры, как отмечалось ранее, выходят уже на уровень политического конфликта и Конституционный Суд оказывается задействованным в подобных делах. Поэтому чрезвычайно важным является определение роли Суда в подобной ситуации.

Безусловно определяющее значение в этом смысле принадлежит действующему законодательству о Конституционном Суде. Надо отметить, что принятый Федеральным Собранием РФ Федеральный Конституционный Закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» в июле 1994 г. свидетельствует как об уровне правового регулирования статуса этого органа, так и об углубленном и детальном подходе к судебной процедуре по рассмотрению споров на конституционном уровне. Но даже при наличии этого закона очевидно, что дебаты по поводу роли и полномочий Конституционного Суда еще не закончены.

[1] См.: Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С. Указ. соч. С. 65.

[2] См.: Гаджиев Г. А., Кряжков В. А. Конституционная юстиция в Российской Федерации: становление и проблемы // Гос. и право. 1993. № 7. С. 6.

[3] Garlicki L., Sasdownictwo konstytucyjne w Europie Za'chodniej. Warszawa, PWN. 1987. S. 60.

[4] См.: Вестник Конституционного Суда РФ. 1993. № 2—3 С. 37—52

§ 26. ГАРМОНИЗАЦИЯ ПРАВОВЫХ АКТОВ

1. Понятие правовой гармонизации.

Правовые акты и реализация их всегда служат индикаторами юридических конфликтов. Некоторые конфликты порождаются правовыми актами низкого качества, принятыми несвоевременно, противоречивыми. В столкновении этих актов конфликты находят многообразные проявления. Примечательно, что именно с принятием и реализацией законов, указов, постановлений и иных актов связано преодоление различных конфликтов, в том числе юридических: Здесь роль этих актов весьма значительна, особенно в случае очевидных или скрытых противоречий между ними. Сбалансированные между собой, правовые акты как бы «гасят» одну из причин юридических конфликтов и тем самым вносят свой «нормативный вклад» в процесс устранения конфликтов и их последствий.

Исследователи допускают разрешение конфликта как самими участниками, так и путем вмешательства третьей стороны, делая акцент на достижение согласия между его участниками в виде совпадения мнений, predeterminedенных законодательной волей внешней среды или навязанным извне соглашением. Поддерживая эту классификацию, добавим к ней своего рода «нормативное упорядочение» как проявление частной или общей гармонизации правовых актов. Словари поясняют: гармония – это связь, созвучие, соразмерность, это стройная согласованность частей одного целого. Гармонизация есть процесс обеспечения такой согласованности, применительно к правовым актам – соразмерности объему полномочий принявших их субъектов, согласованности между собой, достижения целей, заданных государственными институтами. Причем это не гладкий эволюционный путь, а путь движения со своими этапами, «приливами» и «отливами», со своими противоречиями.

Правовые акты лишь внешне выступают как обезличенные явления. За ними всегда стоят политические силы, социальные слои, лидеры, государственные органы. Акты служат как бы «нормативными куклами», появляющимися и действующими по воле и в интересах тех, кто стоит как на политической сцене, так и за кулисами, под их прикрытием. И в то же время акты обладают громадным созидательным потенциалом, выражая меру согласованности интересов и общепризнанный нормативный стандарт и одновременно, программу поведения.

Гармонизация же позволяет добиться функционального равновесия правовых актов, обеспечить ту степень их сбалансированности между собой, которая в конечном итоге позволяет правовой системе функционировать и развиваться в заданных» направлениях. Стало быть, гарантируется устойчивый статус всех субъектов права, преодолеваются отклонения в их действиях от нормативной модели. Государственные институты и институты гражданского общества действуют в конституционном русле. Именно поэтому в Договоре об общественном согласии большое место уделено принятию законов, их устойчивости и последовательной реализации.

Объектом гармонизации могут быть отдельные правовые акты или даже их части, суммы актов одного или нескольких органов, конфликтующих между собой, наконец, правовые институты и даже отрасли законодательства. Гармонизация позволяет устранить юридические противоречия и обеспечить то соотношение правовых актов, которое производно от статуса принявших их органов и предопределяется конституционными основами правовой системы. Точнее говоря, может быть восстановлено прежнее, ранее нарушенное соотношение актов между собой (например, конституции и закона, закона и указа), легальный статус органа, если были допущены отступления от него и вмешательство в сферу другого органа.

Гармонизация сопровождается и жесткими правовыми средствами – отменой актов, их оспариванием, признанием недействительными и т. д. и мягкими – приведением актов в соответствие с конституционными установлениями, согласованностью правовых программ и действий и т.п. Сближение правовых позиций конфликтующих сторон ведет к уменьшению и снятию напряженности в их отношениях и способствует снижению общей остроты противоречий в государстве.

2. Условия, обеспечивающие гармонизацию правовых актов.

Острота юридических противоречий, обнаруживаемая в российской действительности, столкновения актов отражают как обычные, повторяющиеся, так и возникающие конфликтные ситуации. Их видоизменение и преобразование в нормально-юридическое состояние требуют значительных усилий как законодателей, так и всех правоприменителей, как политических партий и общественных объединений, так и средств массовой информации и других институтов гражданского общества. Затрагиваемые усилия направлены на формирование условий, благоприятствующих правовой гармонизации.

К числу таких условий можно отнести прежде всего упорядочение, совершенствование и развитие общественных отношений в разных сферах общественной жизни – в политической, экономической, социальной и др. Ведь истоки многих юридических конфликтов кроются вне правовой сферы, и их преодоление требует правильного государственного курса, обоснованных программ преобразований и последовательности действий.

Собственно юридические условия гармонизации правовых актов можно выразить следующим образом. Во-первых, на преодоление юридических конфликтов благоприятным образом влияет упорядочение правовой системы и поддержание ее равновесия. Она складывается из таких действий, как установление строгой классификации правовых актов и соблюдение ее в процессе правотворчества. Тогда удастся избегать и преодолевать многочисленные случаи смешения правовых актов по предмету, содержанию и методам регулирования, по форме, процедуре принятия и вступления в силу, строго придерживаться нормативных соотношений между актами и системных связей и зависимостей. Решить эти задачи можно благодаря строгому следованию конституционным принципам правовой системы, а также путем

принятия Закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», который давно подготовлен Институтом законодательства и сравнительного правоведения и «задерживается» в парламентских коридорах. Пока же много случаев, когда противоречия между актами усложняют дело. Так, есть немало отступлений от федеральной Конституции в конституциях республик и уставах краев, областей. Недооценка противоречий Конституции Чеченской республики Конституции России положила начало острейшему конфликту.

Правовой гармонизации несомненно поможет полная законодательная регламентация статуса органов государства, местного самоуправления и общественных объединений. Однако она всегда отстает от запросов практики. К тому же статутные законы часто «обходят», нарушают в более подвижных тематических законах и иных актах. Нужно ликвидировать такое противоречие. И тогда удастся обеспечить строгое соблюдение статуса всех субъектов права и предупредить произвольные «выходы» за его пределы, вторжения в компетенцию других органов и т.п. «Баланс компетенции» послужит важным условием сбалансированности правовых актов.

Особое значение приобретает методология сравнительного правоведения, которая позволяет анализировать и сопоставлять разные акты как внутри Федерации, так и в межгосударственном масштабе. От ее верного использования во многом зависит понимание общего и особенного, оценка «меры разнообразия», временной или постоянной, и выработка корректных рекомендаций. Поверхностное сопоставление актов, в частности по их некоторым внешним признакам, дает отрицательные результаты, поскольку мешает обнаружить глубинные причины появления актов и их динамики, ведет к упрощенным и даже ошибочным решениям, например при механическом перенесении институтов, актов иностранного права на почву российского правового развития.

Придавая большое значение технологии сравнительно-правового анализа, Институт законодательства и сравнительного правоведения подготовил «Методику сравнительного анализа законодательства республик в составе Российской Федерации, а также государств – участников СНГ».

Объем объектов сравнительного изучения должен быть максимально исчерпывающим и включать все нормативно-правовые акты, их части, относящиеся к изучаемой сфере правового регулирования. Изучению подлежат в первую очередь действующие нормативно-правовые акты и нормы. В число объектов изучения могут включаться также отмененные и фактически утратившие значение акты, проекты актов по соответствующему вопросу.

Работа по сравнительному анализу законодательства проводится с использованием автоматизированных информационно-поисковых систем по законодательству либо справочной картотеки нормативно-правовых актов. При необходимости используются также другие источники правовой информации.

Полезно руководствоваться критериями оценки актов. Какими же?

Следует учитывать прежде всего, что правовые институты и нормы считаются сравнимыми, если они решают один и тот же вопрос, хотя его решение может быть различным или даже противоположным. Причем решение одного и того же вопроса в различных системах законодательства может достигаться комбинацией различных правовых средств; одни и те же юридические термины могут иметь неодинаковое значение в различных системах законодательства, и наоборот, различные термины имеют одинаковое значение. Поэтому сравнительному исследованию подлежат главным образом средства и способы решения одной и той же либо близких по содержанию правовых задач.

Оценка нормативных источников, являющихся объектом сравнительного исследования, осуществляется как по формально-юридическим, так и по юридико-содержательным критериям.

К формально-юридическим критериям относятся:

а) количество нормативно-правовых актов, в которых решается тот или иной вопрос (в том числе и по соответствующим видам актов: Основы законодательства, кодексы и т.п.);

- б) обоснованность выбора уровня нормативного регулирования, вида акта для решения конкретной задачи исходя из содержания вопроса и компетенции соответствующего органа;
- в) использование таких правовых форм, «как соглашения, договоры и т.п.»;
- г) использование правил законодательной техники;
- д) использование специальных правовых средств, обеспечивающих исполнение актов (меры ответственности, поощрения, контроля, порядок разрешения споров и т.д.);
- е) действие сравниваемых актов во времени, в пространстве и по кругу лиц;
- ж) системная связь с другими нормативно-правовыми актами;
- з) множественность актов по одному вопросу, уровень их квалифицированности.

3. Способы гармонизации актов внутри правовой системы.

Как уже отмечалось, в рамках правовой системы возникают диспропорции и острые юридические конфликты. То отстает процесс принятия актов одного вида, развитие отдельных отраслей и подотраслей законодательства, то допускается нарушение компетенции субъектов одного уровня актами субъектов другого уровня, то появляются акты, содержащие разные решения по одному и тому же вопросу, то рвется «правовая цепь», когда признание верховенства конституции и законов не сопровождается изданием актов «во исполнение» закона. Преодолению названных юридических конфликтов могут служить следующие способы.

К первой группе мер относятся общие способы стабилизации ситуации и преодоления конфликтов. Таковы, например, экономические, социальные и иные программы реформ – больших и малых. Сюда же следует отнести Меморандум о согласии, принятый Государственной Думой 23 февраля 1994 г., и Договор об общественном согласии, подписанный в апреле – мае 1994 г. В них взяты своего рода добровольные правовые обязательства, точнее говоря, «самообязательства», которые ориентируют субъекты права на согласованные действия, на последовательную реализацию положений Конституции и законов, на недопущение действий и актов, могущих подорвать конституционный строй и ослабить правопорядок. Программы принятия законов служат основой связанного с ним правотворчества по линии правительств, ведомств, регионов. Теперь нужны реальные шаги в данном направлении.

Любой юридический конфликт порождается тем или иным правопониманием – ложным, ошибочным, двусмысленным и т.п. Как исток конфликта правопонимание его участников должно быть изменено или преобразовано. Иначе развязывание узла юридических противоречий внешними средствами – отменой акта и т.п. – может не повлиять реально на правосознание и правовое поведение людей. Опять будут появляться акты, сталкивающиеся между собой из-за различия интересов их разработчиков и инициаторов.

На формирование правопонимания, способствующего гармонизации актов, влияют общие или согласованные научные концепции законотворчества – правотворчества вообще. Опыт планирования законопроектных работ в парламенте Российской Федерации, в Администрации Президента и в Правительстве в 1992— 1994 гг. был поучителен своими отрицательными свойствами, когда поспешно намечаемые и принимаемые акты готовились без серьезных научных обоснований, расчетов и прогнозов. И сегодня по-прежнему плохо согласовываются планы законопроектной деятельности этих структур, акты оцениваются не для решения задач, «рвется» единство отраслей законодательства. Некоторый сдвиг произошел тут по линии научных институтов, которые расширили сферу подготовки научных концепций, хотя их не всегда учитывают.

Столь же полезны научно-практические обсуждения программ законодательной деятельности, проблем отдельных отраслей законодательства, наконец, реализации законов. Обмен мнениями позволяет вырабатывать общие подходы и согласованные позиции, снимать или уменьшать возможные юридические противоречия. Акты чаще готовятся в той последовательности, которая обусловлена не субъективными взглядами представителей властей, а логикой законодательного развития. Примерами таких обсуждений могут служить проведенные зимой и весной 1994 г.

конференции по проблемам Конституции, федерализма, гражданского права, «круглые столы» по вопросам развития законодательства в социально-культурной сфере и др.

Серьезного внимания требует сближение и согласованное использование в нормативных актах понятийного аппарата. Пока эта задача решается не вполне удовлетворительно, что вызывает различные толкования актов, их коллизии и многочисленные ошибки в правоприменении.

Весьма неоднозначны, например, нормативные понятия «органы исполнительной власти», «органы государственного управления», «местное управление», «местное самоуправление». Противоречивы понятия и термины, обозначающие виды собственности и их режимы. Так, в ст. 8 Конституции Российской Федерации говорится о частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. В Конституции Татарстана выделяется частная собственность, собственность общественных объединений, государственная собственность, коммунальная собственность, и здесь заметны различия. В Законе «О собственности в Карельской АССР» субъектами государственной собственности являются центральные и местные органы, причем муниципальная собственность не выделяется как самостоятельная.

Есть немало противоречивых конституционных понятий о собственности в Конституциях Республики Саха-Якутия, Республики Тува и др. на фоне соответствующих положений федеральной Конституции.

Поэтому в рамках концепций и программ законодательной деятельности желательно отрабатывать систему используемых понятий, терминов, пользоваться ими последовательно во всех однородных нормативных актах.

Преодолению юридического хаоса способствует и усиление программных начал в правотворчестве. Три вида планов, программ особенно важны: планы правового обеспечения (в рамках программ реформ для предприятий, регионов и т.д.), программы законодательной и иной правотворческой деятельности, планы приведения актов в соответствие с Конституцией, законами. К сожалению, они пока составляются поверхностно и плохо реализуются, не оказывая заметного влияния на правотворчество и слабо сдерживая «отклонения по ситуациям».

Кодификация законодательства – отраслевая и общая – находится в ряду способов его гармонизации.

Для устранения противоречий между актами на федеральном уровне – между ветвями власти, между органами Федерации и ее субъектов – по-прежнему применяются парламентские обсуждения, переговоры и методы достижения компромиссов и договоренностей. О чем? Об отмене изменения актов, об их согласованности, о недопущении издания актов, о временном приостановлении действий, вторгающихся в сферу действия иных актов. Не всегда, правда, подобные договоренности реализуются, в немалой степени из-за слабости согласительных процедур. При эйфорическом признании их полезности налицо и отсутствие регламентов таких процедур, неумение вести «юридические переговоры». Этот вакуум надо заполнить как можно скорее.

Следует в полной мере ввести в действие такой новый инструмент гармонизации актов федеральных органов и органов республик, областей и других субъектов, как коллизионное право. Это бесспорное конституционное новшество: коллизионное право отнесено «исключительной компетенции Федерации. Оно позволяет, во-первых, вводить «зоны приоритетов» актов Федерации и ее субъектов, во-вторых, допускать временное правовое регулирование субъектами Федерации вопросов совместного ведения до принятия федеральных законов, в-третьих, легализовать применение законодательства одной республики на территории другой.

И нужно реализовать эти средства устранения юридических коллизий. Еще раз напомним о полезности нормативных стандартов, образцов, модельных актов, которые помогают сторонам следовать эталонам права. В США, например, около ста лет действует национальная конференция представителей штатов по сближению и унификации законодательства. Есть модельные (уголовный и торговый) кодексы,

Закон о предпринимательстве, и в качестве «текстового образца» ими можно воспользоваться в том или ином объеме.

Отрадно, что в российском парламенте и в регионах получает признание идея модельных актов. Схему модельного акта разработали в Институте законодательства и сравнительного правоведения. А исследования в Тверской области в июне – июле 1994 г. проблем взаимоотношений органов Федерации и ее субъектов позволили рекомендовать ряд модельных актов – о местном самоуправлении, регламентов взаимодействия исполнительных органов, «Правил решений» и др.

Конфликты в федеральных отношениях – острая «российская болезнь». И федеративное государство должно предотвращать коллизии и использовать процедуры рассмотрения споров, применять санкции. В Канаде, например, с этой целью регулярно проводятся переговоры федеральных и провинциальных властей, конференции, в частности конституционные, принимаются специальные соглашения. И в нашем законодательстве, в договорах и соглашениях предусматриваются права и обязанности, обязательства федеральных и республиканских, краевых, областных органов, городских (городов федерального значения) органов. Однако коллизии, споры и конфликты в связи с федеративными отношениями не уменьшаются, напротив, их удельный вес увеличивается. Это обусловлено как пренебрежением к имеющимся правовым средствам разрешения коллизий, так и недостатком четких процедур их рассмотрения.

Гармонизация правовых актов далеко не всегда достигается с помощью обеспечивающих средств, концептуальных подходов, общих программ деятельности и согласований. Острота юридических конфликтов вынуждает применять жесткие средства: приостановление акта, отмену акта, оспаривание акта в суде, признание акта недействительным, изменение акта (в последнем случае – добровольно или по предписанию). И для этого есть твердые предписания и некоторые процедуры.

Так, согласно ч. 2 ст. 85 Конституции, Президент Российской Федерации вправе приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов Федерации. Четко установлены четыре основания для приостановления. Окончательное решение принимает суд. Статья 115 Конституции (представляет Президенту право отменять постановления и распоряжения федерального Правительства в случае их противоречия Конституции, законам и нормативным указам.

Приведем и другие иллюстрации. Например, ст. 89 Конституции Республики Саха-Якутия предоставляет право гражданам обжаловать в судебном порядке решения и действия органов местного самоуправления и их должностных лиц. Статьи 92 и 94 дают право местным советам и администрации отменять акты нижестоящих органов местного самоуправления, а администрации – отменять решения и распоряжения нижестоящей администрации.

В первом случае основанием является несоответствие актов законодательству, во втором – превышение полномочий.

И все же отмеченные средства применяются редко, что невольно укрепляет ощущение «правовой амнистии». А это очень вредно.

4. Гармонизация актов национального и международного права.

Расширение сотрудничества государств и усиливающиеся интегративные процессы предъявляют повышенные требования к совместимости их правовых актов. От периода их противостояния наблюдается переход к сближению. Приведем его императив, имеющий конституционный смысл.

Первое. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, ратифицированные в установленном порядке, являются составной частью ее правовой системы и защищаются наравне с законом.

Второе. Если международный договор Российской Федерации содержит положения, противоречащие Конституции Российской Федерации, его ратификация возможна

только после внесения соответствующих изменений в Конституцию Российской Федерации.

Третье. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотрены законом, то применяются правила международного договора.

Регламентация подготовки, заключения и выполнения международных договоров содержится в Законе «О международных договорах Российской Федерации». В нем устанавливается, что международные договоры заключаются, исполняются и прекращаются в соответствии с Конституцией, настоящим Законом, а также с общепризнанными принципами и нормами международного права.

После заключения договора Президент и Правительство принимают меры, направленные на обеспечение исполнения международных договоров. Копии договоров рассылаются соответствующим министерствам, комитетам и ведомствам, которые обеспечивают выполнение обязательств российской стороны и осуществление ее прав. И еще раз подчеркнем: при всей простоте формулы о применении правил международного договора в случае противоречия им норм национального законодательства остаются неясными некоторые вопросы. Кто обнаруживает, фиксирует и удостоверяет такие противоречия? Ведь неизбежен «ведомственно-локальный» субъективизм. Видимо, нужно официально и по определенной процедуре удостоверить несоответствие норм российского законодательства и правил международного договора, с этого момента последние действуют как бы в силу «презумпции приоритета».

Пока же приходится констатировать «повисание в воздухе» немало числа международных соглашений, договоров по двум причинам: вследствие непринятия мер соответствующими государственными органами по их реализации и из-за неустраненного противоречия их нормам законодательства, которые продолжают действовать без изменений, в полном объеме. Подобное бездействие усугубляет юридические коллизии, увеличивая объем «правового вакуума» и разрыв между однородными нормами международного и национального права. Поэтому важно уже на этапе подготовки международных договоров постараться предотвратить возможные юридические коллизии.

Актуальное значение приобретает решение проблемы общего и особенного в законодательстве государств – участников СНГ. За прошедшие годы в независимых государствах – бывших союзных республиках СССР динамично развивалось законодательство. С его помощью суверенные государства стремятся сформировать прочную юридическую базу для экономических, политических и иных преобразований, оформить государственные институты. Изменения и новшества характерны, по сути дела, для многих отраслей национальных законодательств. В среднем принято от 100 до 400 законов. Многие законодательные акты по характеру содержащихся в них юридических решений довольно схожи, что объясняется как историческими причинами, так и аналогичной ситуацией.

В ряде законов нетрудно обнаружить специфические моменты, отражающие особенности социально-экономического развития государств, культуры, традиции. Эти моменты обогащают общую правовую доктрину и практику. И в то же время в законах государств СНГ есть и те различия, которые в известной мере затрудняют согласованное решение вопросов, в особенности правовое регулирование общего экономического пространства государств – участников СНГ.

Следует иметь в виду, что в наследство от прежнего единого государства с унитарной правовой системой нам достались обширная общая инфраструктура, единые системы жизнеобеспечения и многочисленные межрегиональные экономические связи. Их нарушения в последние годы – одна из важнейших причин охватившего эти страны экономического кризиса. Конкретными же причинами этого распада помимо причин чисто политического характера выступают и дробление некогда единого законодательства, и возникновение в этом законодательстве пробелов и противоречий. У партнеров отсутствует достаточная информация о новых правовых актах и новой правовой ситуации в каждой из стран.

Возникает необходимость в налаживании взаимной информированности стран СНГ о правовых изменениях (некоторые решения на этот счет приняты, но выполняются плохо), о взаимных проблемах и интересах в этой области. Помогает организация творческого общения специалистов стран СНГ и обсуждение ими этих проблем как на экспертном, так и на должностном уровнях. Результаты взаимных договоренностей по законодательной линии полезно завершать созданием взаимных планов ликвидации необоснованного правового разноречия под эгидой Межпарламентской ассамблеи, а подзаконных актов – под эгидой Совета глав государств, Совета глав правительств, иных структур.

Конечно, речь не идет о сближении всего законодательства стран СНГ, речь идет лишь о ликвидации противоречий в той части, которая касается общей инфраструктуры, общих систем жизнеобеспечения и межрегиональных поставок. В общих чертах круг этих интересов достаточно очерчен «Основными направлениями сближения национальных законодательств государств – участников СНГ», одобренными Межпарламентской ассамблеей 16 сентября 1992 г. и являющимися хорошей основой для указанной работы на ближайшие годы.

Первый крупный комплекс вопросов, нуждающихся в одинаковом решении, – это вопросы, касающиеся статусов и общих условий деятельности предприятий, иных хозяйствующих субъектов, а также связанных с этим условий межгосударственного движения товаров, финансовых средств и общего порядка взаимных расчетов. Одним из путей этого решения является обновление гражданских кодексов независимых государств, приспособление их к новым условиям рынка. В первом полугодии 1994 г. в этих целях был обсужден вопрос о способах путей сближения этих кодексов на основе модельного акта.

Модельные законодательные акты – новшество теории и практики нормотворчества. Это рекомендательные акты, дающие нормативную ориентацию государствам – членам МПА в развитии соответствующего законодательства[1]. Уже приняты модельные законы о согласованных принципах регулирования гражданства, информационных отношений, экологической безопасности, об иностранных инвестициях, о едином таможенном деле. Готовятся другие акты. Но, к сожалению, пока их реальное влияние невелико, редко они рассматриваются национальными парламентами и служат образцами для их законов.

Помогают двусторонние и многосторонние договоры об оказании правовой помощи, но почти нет соглашений об устранении коллизий.

Мешает дублирование модельных актов и схожих тематических соглашений в рамках СНГ. Консультации и переговоры помогают устранению юридических противоречий.

Существенную помощь оказывает комиссия Европейского Сообщества, подготовившая для ряда государств СНГ программу «Формирование правовых основ рыночной экономики», в которой намечено составление толкового словаря важнейших понятий гражданского и торгового права с последующим изданием двуязычных юридических словарей, создание системы депозитных библиотек законодательства, компьютерной информационной системы для распространения законодательства и международных договоров, консультирование и экспертиза проектов и т. п. К сожалению, и здесь достигнутые договоренности реализуются медленно, что отражает неустойчивость курсов действий в рамках СНГ.

Инструментом преодоления коллизий между законодательствами различных государств служат коллизионные нормы, которые пока чаще всего применяются в международном частном праве. Возможны разные классификации коллизионных норм, помогающих их применению, – односторонние (определяют пределы применения своего права), двусторонние (определяют пределы применения своего и иностранного права), альтернативные, допускающие привязку к праву разных стран[2].

Важное значение имеет унификация коллизионных норм. Ее цель – создать единообразные нормы для конкретных случаев, когда возникает вопрос, нормы какого национального законодательства применимы к отношениям с «иностранном элементом». Унификация норм осуществляется преимущественно путем заключения

двусторонних и многосторонних международных конвенций. Богатый опыт международно-правового регулирования дает множество тому примеров[3].

[1] См. подр.: Проблемы законотворчества Российской Федерации. С. 42—50

[2] См. подр.: Садиков О.Н. Коллизионные нормы в современном международном частном праве//Сов. ежегодник международного права. 1982. М., 1983.

[3] См., напр., законодательство зарубежных государств. Международная унификация коллизионных норм семейного права. М., 1993; Доронина Н.Г. Унификация права как средство экономической интеграции стран Латинской Америки. Материалы по иностранному законодательству и международному частному праву. М., 1993 С. 3—15.

§ 27. ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО.

1. Обращение в гражданский суд для разрешения конфликта.

Конфликт возникает и существует вне суда (имеются в виду «чистые» случаи, не отягощенные конфликтом с самим судом).

Суд не является единственной возможностью разрешения конфликта. Субъекты конфликта могут самостоятельно или с помощью посредников решить конфликт, что нередко и бывает. Не исключается передача спора на разрешение третейского суда, хотя в отношениях с участием граждан это не имеет распространения. Наконец, сторона конфликта, чьи интересы нарушены, может в силу разных причин (незначительность спора, особый характер отношений, возможные побочные последствия и т.д.) не желать передачи конфликта на разрешение суда. Тем более что в соответствии с Основами гражданского законодательства субъекты прав самостоятельно распоряжаются правом на защиту принадлежащих им гражданских прав.

Судебный порядок разрешения конфликта имеет ряд преимуществ. Прежде всего он характеризуется обязательностью решений суда для субъектов конфликта, а также, как правило, неизблемостью этих решений. Вместе с тем в силу ряда факторов судебный порядок разрешения конфликтов в сфере отношений, подведомственных гражданскому суду, во многом еще не реализовал заложенные в нем возможности.

Для переноса конфликта на разрешение суда как специально созданного государством органа по защите нарушенных или оспариваемых прав требуются определенные действия в виде обращения в суд.

Надо признать, что перспектива судебного разбирательства конфликта не всегда привлекательна для его субъектов. Сказывается годами накапливавшееся психологическое предубеждение против участия в судебной процедуре.

В массовом сознании не проводилось деления на уголовный и гражданский суд. И неважно, в каком качестве — истца, ответчика или обвиняемого — выступал гражданин. Его репутация одинаково оказалась задетой. Правда, в последнее время в общественном мнении произошли позитивные изменения относительно функции суда в связи с многочисленными процессами по защите чести и достоинства в порядке гражданского судопроизводства, что становится чуть ли не веянием моды.

Однако образ суда формируется не только областью психологии, но и законодательством и практикой его применения, причем в первую очередь. И здесь немало еще предстоит сделать, чтобы стала доступной судебная защита, а конфликт разрешался правильно и быстро. Сейчас же ходячее мнение «затаскивают по судам» не так уж и беспочвенно.

Следовало бы, в частности, с этих позиций критически оценить существующий порядок обращения граждан в суд.

Всегда ли обоснованно предусмотрена такая предпосылка права на обращение в суд, как соблюдение порядка предварительного, внесудебного разрешения спора?

Нет ли правовых сложностей с оформлением госпошлины, насколько разумны нынешние ставки госпошлины в 6% при цене иска свыше 500 руб. и не препятствуют ли они обращению в суд за разрешением конфликта?

Активно обсуждается вопрос о положении прокурора в гражданском процессе. Прокурор, а также другие уполномоченные органы должны быть наделены правом обращения в суд за разрешением конфликтов, затрагивающих интересы неопределенного круга лиц, как это уже сделано законодателем в части защиты прав потребителей.

Сдерживает обращение в суд за разрешением конфликтов и процессуальная бесперспективность, когда действующий гражданский процессуальный кодекс практически оставляет истца без защиты в случае неявки другой стороны спора, т.е. ответчика. Не говоря о том, что установленные размеры штрафа явно не стимулируют ответчика к поиску истины в конфликте через суд, следовало бы в новом кодексе исключить норму об оставлении иска в таких случаях без рассмотрения.

2. Процессуальное положение лиц, участвующих в разрешении конфликта.

Перенос спора в суд означает, что его участники оказываются охваченными гражданско-процессуальными правоотношениями. И от того, насколько их процессуальная роль и процессуальные права отражают реальное место в конфликте, во многом зависит успех и эффективность деятельности суда по разрешению конфликта.

Разумеется, ключевыми фигурами процесса являются стороны, т. е. истец и ответчик. Как правило, они совпадают с субъектами конфликта. Однако в практике нередки случаи, когда в ходе разбирательства дела в суде выявляется, что либо истец, либо ответчик является ненадлежащей стороной, иначе говоря, либо иск предъявлен не тем лицом, которому принадлежит право требования, либо не к тому лицу, которое должно отвечать по иску.

Процессуально рассмотрение данного дела можно было бы и завершить, рекомендовав его участникам начать новый процесс с надлежащими сторонами. Но думается, что правильной является позиция законодателя, который исходя из принципа процессуальной экономии позволяет при определенных условиях произвести замену ненадлежащей стороны и решить конфликт по существу в том же процессе.

Важную функцию, с точки зрения разрешения конфликта, выполняют третьи лица с самостоятельными требованиями и без самостоятельных требований. С одной стороны, это позволяет не растягивать время разрешения конфликта и принимать конечные решения в одном процессе; с другой – дает возможность защитить права опосредованных участников конфликта, чьи интересы будут затронуты тем или иным решением по рассматриваемому конфликту.

Гражданский процессуальный кодекс наделяет стороны равными процессуальными правами, что является одной из гарантий всестороннего рассмотрения конфликта и вынесения справедливого решения.

Вместе с тем это только правовое равенство, которое, конечно, не тождественно фактическому равенству.

В порядке гражданского судопроизводства, как известно, рассматриваются преимущественно дела по спорам, в которых хотя бы одной из сторон является гражданин.

В спорах с предприятиями граждане, как правило, в организационном и имущественном отношении будут являться слабой стороной и в условиях усиления в гражданском процессе начал состязательности неравенство будет возрастать, если не предпринимать никаких правовых мер.

Вызывает опасение широко обсуждаемая концепция изменения роли суда при рассмотрении споров, направленная на снижение его активности в сборе доказательств, когда суд только оценивает доказательства, а бремя их предоставления полностью несут участвующие в деле лица.

Представляется, что с учетом специфики субъектного состава споров, рассматриваемых судами общей юрисдикции, следовало бы принять дифференцированный подход к роли суда в новых условиях гражданского процесса.

3. Судебное разбирательство конфликта.

Разбирательство конфликта в суде производится в разных процессуальных формах. Чаще всего это исковое производство, которое является достаточно универсальной формой гражданского судопроизводства. Такая форма предназначена для рассмотрения споров о праве. То есть таким путем будут рассматриваться дела из гражданских, трудовых, семейных, земельных и иных правоотношений, основанных на равенстве их субъектов.

В то же время конфликты могут возникать не только по горизонтали, но и в отношениях с органами власти. Возможна и неопределенность ситуации, когда нет еще открытого конфликта, нет тем самым спора, но законный интерес субъекта права находится под угрозой нарушения.

По своей процессуальной природе все это разные категории дел, требующие дифференцирования процессуальных форм при их разрешении. Закон предусматривает такие формы в виде производства по делам, возникающим из административно-правовых отношений, а также особого производства.

Рассматривая дело, суд должен вынести законное и обоснованное решение. Это означает, что содержание решения, а тем самым и то, каким образом разрешен конфликт, определяется судом не произвольно, а в соответствии с требованиями применяемых норм права и фактическими обстоятельствами дела.

В известном смысле суд не свободен в своем поведении. Но в этом и заключаются особенности конфликтов, охватываемых правовой сферой, поскольку границы поведения его участников predetermined правом. Задача суда и состоит в том, чтобы разобраться в подлежащих применению нормах соответствующих отраслей права. Во многих случаях это сделать нелегко, учитывая запутанность и противоречивость сегодняшнего законодательства, что, кстати говоря, является самостоятельной причиной конфликтов в силу ориентации субъектов конфликта на противоречащие друг другу нормы права.

Рекомендация здесь ясна и однозначна. Надо совершенствовать материальные законы. Но это не снимает груза ответственности с суда, которому приходится разрешать конфликты не в будущем, а сегодня. Выход у суда один – в аргументировании своей правовой позиции, убедительности выносимых решений.

Кроме того, полезным было бы разъяснение в процессе судебного разбирательства лицам, участвующим в деле, норм материального права, относящихся к рассматриваемому спору, что способствовало бы устранению необоснованных правовых притязаний. Действующий закон не предусмотрел такого разъяснения, но и не содержит запрета. В новом законе можно было бы специально усмотреть такое право суда, установив, что оно реализуется по усмотрению суда.

В свете изложенного надо осторожно подходить к многочисленным предложениям об отказе от мотивированных решений судов. В условиях, когда значительное, если не подавляющее число споров сводится к спору о праве, а не к спору о факте, такое реформирование процесса только усугубляло бы конфликт.

В судебный механизм разрешения конфликта входит и такой важный элемент, как окончание дел мировым соглашением.

Мировое соглашение не может быть отнесено к непосредственному урегулированию конфликта его участниками, так как оно проверяется и утверждается судом, т.е. является актом судебной власти. Мировое соглашение не должно противоречить закону или нарушать чьи-либо права и законные интересы.

Мировое соглашение как способ прекращения конфликта возможно в любой стадии процесса, в том числе в стадиях кассационного и исполнительного производства.

Фактически закон исходит из того, что суд должен способствовать разрешению спора миром, предусматривая, что рассмотрение дела по существу в суде первой инстанции начинается с вопроса, не желают ли стороны кончить дело мировым соглашением. Значение мирового соглашения могло бы быть усилено в новом

процессуальном законодательстве путем прямого указания на то, что суд содействует достижению сторонами мирового соглашения.

Обращаясь в суд, субъекты конфликта рассчитывают на правильное разрешение конфликта. Учитываются процессуальные гарантии, позволяющие исправлять возможные судебные ошибки. Наличие механизма исправления судебных ошибок, обеспечивающего вынесение в конечном счете законного и обоснованного решения, является сильной стороной судебного порядка разрешения конфликта.

В действующем законодательстве исправление судебных ошибок производится в форме кассационного производства и пересмотра решений в порядке надзора.

Существующий порядок обжалования решений судов подвергается обоснованной критике за процедуру, способствующую волоките, за длительную неопределенность с разрешением конфликта.

Представляется, что заслуживает поддержки идея введения апелляционного обжалования решений, суть которого сводится к праву заинтересованных лиц на повторное рассмотрение дела по существу судом второй инстанции.

Апелляционное производство позволяет более полно гарантировать реализацию права на судебную защиту, так как вторичное рассмотрение дела должно способствовать сокращению числа судебных ошибок. Апелляционное производство будет способствовать сокращению судебной волокиты, ибо апелляционный суд не может передавать дело в суд первой инстанции, а при наличии к этому оснований должен вынести новое решение по существу.

Надзор за вступившими в законную силу решениями также необходимо совершенствовать. Следовало бы сократить число надзорных инстанций и сделать надзорный пересмотр дел действительно исключительной стадией процесса, учитывая, что пересмотр решения спустя длительное время после его вынесения самым существенным образом может затронуть права и интересы третьих лиц.

Обращение с заявлением о принесении протеста должно исходить прежде всего от сторон спора, т. е. субъектов конфликта. Без их заявления принесение протеста могло бы быть только в случаях, когда это вызывается общественными интересами.

Неукоснительно следует придерживаться также правила о том, что не может быть отменено по формальным основаниям правильное по существу решение суда.

4. Исполнение судебных решений.

Для прекращения конфликта мало вынести решение суда. Реальное прекращение конфликта наступает по исполнению решения суда.

Во многих случаях лица, против которых вынесены решения, законопослушны и действуют в соответствии с решением исходя из авторитета суда и под превентивным воздействием норм права, призванных обеспечивать исполнение судебных решений.

В то же время нередко и иное поведение участников конфликта, что заставляет обратить особое внимание на исполняемость судебных решений.

Решение суда – акт судебной власти. Обязательность решения обеспечивается в силу закона принудительностью его исполнения. Однако в последнее время оказалось, что механизм исполнения решений недостаточно эффективен. Он сложился под влиянием бытовых споров, когда имущественные отношения с участием граждан не получали широкого развития, состав и стоимость имущества, находящегося у граждан, не требовали сложных процедур при обращении на него взыскания.

Государственный сектор экономики стал замещаться частным. С частными предприятиями различных организационно-правовых форм граждане оказались связанными трудовыми, имущественными и иными отношениями. Между тем это подвижной сектор. Здесь субъекты хозяйствования возникают быстро и часто и столь же быстро и часто исчезают. При спорах с этими субъектами оказалось, что практически не может быть реализовано принудительное взыскание долга за счет их имущества.

Частые случаи неисполнения решений ставят вопрос о том, а надо ли тогда их вообще выносить. В принципе это ставит под сомнение и сам судебный порядок разрешения конфликта.

Проблема должна восприниматься комплексно, а не сводиться только к стадии исполнения решений.

Во-первых, решение, разрешающее конфликт, должно быть по своему содержанию исполнимым. Именно это обстоятельство часто недооценивается судами, что порождает новый конфликт, уже с судом. Думается, должно быть предоставлено больше прав суду в определении способа защиты нарушенного права. Материальный закон определяет основные способы с учетом типологии конфликта. Присущую же конфликту и обстановке вокруг него индивидуальность закон учесть не может. Это вполне мог бы делать суд.

Во-вторых, надо обратить внимание на такие процессуальные институты, как обеспечение иска и обеспечение исполнения решения, которые по содержанию тесно связаны с собственно исполнением решений. С сожалением приходится констатировать, что и здесь научное обеспечение заметно отстало.

В третьих, необходимо реформирование самого исполнительного производства и создание организационной структуры, которая реально могла бы решать современные задачи исполнения судебных решений. Такие предложения о создании службы судебных приставов есть, и остается их только поддержать.

§ 28. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

1. Общая характеристика споров, разрешаемых арбитражными судами.

Арбитражные суды России являются специализированными судами, предназначенными для разрешения конфликтов (споров), возникающих при осуществлении предпринимательской деятельности. Эти споры принято и в законодательстве, в том числе в Конституции Российской Федерации, и в практике называть экономическими спорами. В большинстве своем они действительно имеют имущественное содержание.

Арбитражный суд для спорящих сторон является тем третьим лицом к которому они обращаются за разрешением конфликта, поскольку стороны оказались не в состоянии преодолеть его сами. Судебная процедура разрешения конфликтов обеспечивает мирное их прекращение с использованием, однако, элемента силы в виде государственного понуждения, которому спорящие стороны обязаны подчиниться.

Законом предусмотрено, что арбитражным судам подведомственны две основные группы споров.

Первая – экономические споры между предпринимателями, независимо от формы собственности, на которой основывается предпринимательская деятельность, и независимо от того, в какой организационно-правовой форме предпринимательская деятельность осуществляется. Спорящими сторонами в арбитражных судах выступают как различные организации и предприятия (государственные, частные, акционерные общества товарищества различных видов и др.), так и граждане, которые осуществляют предпринимательскую деятельность без образования юридического лица.

Вторая группа споров – это споры между предпринимателями и органами государственной власти и управления. Предприниматели вправе обжаловать в арбитражные суды акты государственных органов, которые, по мнению заявителей, противоречат закону и нарушают права и интересы предпринимателей.

Споры, разрешаемые арбитражными судами, являются конфликтами одиночного характера. Спорящими сторонами выступают отдельные лица, хотя, разумеется, эти лица могут представлять собой предприятия со многими тысячами людей, работающих на нем. Предметом споров являются экономические проблемы и

разногласия, а объектами конфликтов выступают имущественные блага (предприятия, здания, оборудование, деньги, ценные бумаги), иногда, и даже довольно часто, весьма масштабного характера. Сегодня не редкостью являются споры по поводу имущественных ценностей во многие миллионы и даже миллиарды рублей. Можно определенно утверждать, что арбитражные суды находятся на острие столкновения крупных экономических интересов. От их решения часто зависят существование, судьба огромных предприятий, коллективов, имущественных комплексов.

Весьма существенной особенностью разрешаемых арбитражными судами конфликтов является то, что судебный порядок прекращения этих конфликтов не является единственным. К альтернативным методам преодоления экономических конфликтов относятся прямые переговоры спорящих сторон, достижение ими компромиссных решений, использование для этих целей консультантов, посредников, примирителей, которые предлагают спорящим сторонам возможные модели и варианты разрешения конфликтов. Законодательство предусматривает также возможность разрешения экономического спора по желанию сторон третейскими судами, являющимися частным коммерческим арбитражем.

Таким образом, у спорящих сторон всегда есть возможность выбора способа преодоления конфликта. Возможность такого рода выбора обосновывается самим характером предпринимательских отношений. Предприниматель ведет свои дела самостоятельно, на свой риск и страх, и он вправе выбирать между государственным или негосударственным институтами для разрешения конфликтов, в которые оказывается втянутым.

В наше время наблюдаются попытки использования для преодоления возникших предпринимательских конфликтов и незаконных методов. Подчас предприниматели сами либо путем обращения к противозаконным силовым формированиям оказывают насильственное воздействие на своего партнера по деловым отношениям с целью заставить его отказаться от какого-то имущественного блага или, напротив, передать это имущество. Очевидно, что такие методы разрешения конфликтов не имеют ничего общего с нормальной предпринимательской деятельностью, носят уголовно-наказуемый характер и должны вытесняться как карательными мерами государства, так и, главное, совершенствованием и повышением эффективности цивилизованных способов процедуры разрешения предпринимательских конфликтов.

2. Причины экономических конфликтов и их предупреждение.

По-видимому, наиболее распространенной причиной конфликтов в области предпринимательской деятельности является дезорганизация, то есть нарушение нормального состояния экономических отношений. Причем эта дезорганизация может носить как общий характер, характеризующий состояние экономических отношений в обществе в целом, так и частный, то есть связанный с нарушением конкретных экономических отношений между определенными лицами. Наиболее мощным фактором возникновения конфликтов является общая дезорганизация экономических отношений, особенно свойственная переходному периоду общества и его экономики. Именно такой период переживает российская экономика. Происходит крупномасштабное преобразование собственности, по существу – передел собственности в сфере производства. Приватизация объективно и неизбежно порождает конфликты, поскольку связана с экономическими интересами едва ли не всех членов общества. Объяснимым и понятным является в связи с этим резкое увеличение в арбитражных судах споров, сопряженных с приватизацией, с собственностью на здания, оборудование, предприятия и иные ценности.

Кроме общих причин действовали и будут действовать причины частного порядка. Экономические споры, разрешаемые судами, были, есть и будут всегда, в любом обществе. Значительная часть споров порождается правонарушениями, которые представляют собой либо нарушение закона, либо нарушение договоров, связывающих стороны между собой. Но многие споры, разрешаемые арбитражными судами, возникают в отсутствие правонарушения. Они появляются как следствие

различных толкований закона или договора. Часто формулировки закона являются неопределенными, содержат в себе противоречия и двусмысленности, что в конечном счете и порождает, серьезные споры между сторонами, каждая из которых убеждена в своей правоте. Одной из весьма ощутимых причин конфликтов предпринимателей до последнего времени было и остается несовершенство законодательства, во многом его устарелость, противоречивость, наличие в нем огромных пробелов. Достаточно указать в качестве примера на то, что в практике сейчас широко применяется такой институт, как банковская гарантия погашения полученного кредита. Между тем законодательства, которое регулировало бы банковскую гарантию с учетом ее особенности, не было. Оно появилось только с введением части первой нового ГК. Судам приходилось применять более общее законодательство о поручительстве, что, конечно, помогало выйти из положения, но в то же время являлось одной из причин возникновения излишних конфликтов. В качестве общего вывода можно указать на то, что причины возникновения споров в сфере предпринимательской деятельности в целом, по-видимому, не устранимы, но в то же время число и острота конфликтов могут быть существенно снижены устранением многих факторов переходного периода, особенно таких, как несовершенство законодательства, слабость мер экономического воздействия на правонарушителей, неподготовленность многих предпринимателей к ведению дела на добротной правовой основе.

3. Процедуры разрешения споров арбитражными судами.

Арбитражные суды осуществляют два вида судопроизводства: гражданское и административное. Процессуальные правила того и другого в целом являются едиными, хотя и обладают некоторыми, не столь существенными различиями. Можно также обратить внимание на то, что судебная процедура в арбитражных судах уже в настоящее время весьма близка к процедуре гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции. Наблюдается тенденция дальнейшего сближения гражданского процессуального и арбитражно-процессуального законодательства. Эта тенденция особенно заметна в тексте нового Арбитражного процессуального кодекса, вступившего в действие с 1 июля 1995 года. Вместе с тем определенные особенности арбитражно-процессуального судопроизводства сохраняются.

Главные отличия арбитражно-процессуального производства состоят в следующем. Во-первых, здесь в ряде случаев применяется процедура досудебного урегулирования возникшего конфликта. Предприниматели не торопятся обращаться в суд, а делают попытки урегулировать спор путем прямых контактов с контрагентом или оппонентом по опору. Несомненно, чем выше уровень культуры деловых отношений, тем чаще и надежнее используется именно этот метод преодоления возникающих противоречий.

Здесь, однако, есть один чисто юридический момент – превращает ли закон досудебное урегулирование спора в обязанность сторон? Иначе говоря, должна ли попытка досудебного урегулирования спора быть обязательным условием принятия судом спора к своему рассмотрению? Арбитражный процессуальный кодекс 1992 года требовал от спорящих сторон обязательного соблюдения досудебного, претензионного порядка урегулирования споров. Казалось бы, это правильно, поскольку, как уже отмечалось, соответствует характеру предпринимательских отношений. Однако на практике в современных условиях претензионный порядок стал для добросовестного предпринимателя препятствием к эффективной защите его прав и интересов, поскольку недобросовестная сторона зачастую использовала претензионный порядок для сокрытия имущества, денег и таким образом сводила на нет эффективность судебной защиты. Кроме того, претензионный порядок, сопряженный с определенными сроками, существенно отражался на быстроте, оперативности в устранении правонарушений, что особенно нежелательно в условиях инфляции. Поэтому новейшее арбитражно-процессуальное законодательство, не отвергая самой идеи досудебного урегулирования спора сторонами в добровольном порядке, отказывалось от него в качестве обязательной стадии для всех экономических споров.

Вторая особенность арбитражного судопроизводства состоит в том, что спорящие стороны могут передавать любой спор, кроме споров с органами государственной власти и управления, в третейский суд, разовый или постоянно действующий. Передача спора на разрешение третейского суда, по общему правилу исключает возможность разрешения этого спора арбитражным судом. В арбитражный суд можно обратиться лишь постольку, поскольку обнаружится невозможность разрешения спора в третейском суде.

Наиболее крупная особенность состоит в том, что арбитражный суд по закону обязан в ходе рассмотрения дела использовать метод арбитражного (отсюда и название арбитражного суда), то есть попытаться помочь сторонам найти компромиссное, взаимоприемлемое решение, с которым обе стороны согласились бы, разумеется, в рамках закона.

Арбитражный суд принимает к своему рассмотрению и разрешению спор только по инициативе одной из спорящих сторон, выраженной в обращении к суду искового заявления. В отличие от ранее существовавших органов государственного арбитража арбитражные суды не вправе по своей инициативе возбуждать дела и разрешать споры между сторонами, которые в суд не обращались. Рассмотрение дела завершается вынесением судебного решения, которым и прекращается существовавший конфликт. Спорящие стороны обязаны принять судебное решение, подчиниться ему и исполнить его.

4. Пути повышения эффективности разрешения споров в арбитражных судах.

Эффективность судебного порядка разрешения споров и масштабы использования этого способа преодоления конфликта зависят от совершенства материального и процессуального законодательства. Статистика, характеризующая деятельность арбитражных судов, свидетельствует, с одной стороны, о том, что судебный порядок разрешения конфликтов используется достаточно широко. Вместе с тем, имеются данные, указывающие на то, что возможности судебной процедуры используются недостаточно, далеко не во всех случаях, когда это было бы целесообразно и необходимо. Очевидно, из этого можно сделать вывод о том, что действовавшие процессуальные нормы и организация разрешения споров арбитражными судами нуждались в дальнейшем совершенствовании. С принятием новых законов оно и произошло.

За год арбитражными судами России разрешается примерно 300 000 конфликтов. Отмечается резкое снижение некоторых споров, ранее широко разрешавшихся органами государственного арбитража. Особенно это касается преддоговорных споров. Однако наблюдается некоторое сокращение и таких споров, уменьшение числа которых не имеет под собой объективных оснований, например споров, связанных с расчетами за товары и услуги – при массовом распространении неплатежей по договорам и колоссальном росте просроченной задолженности за реализованные товары и услуги. Уменьшение числа этих споров требует внимательного анализа. По-видимому, действующий механизм судебной защиты оказывается не вполне эффективным. Вместе с тем, наблюдается значительный рост споров, связанных с кредитными договорами, договорами на расчетно-кассовое обслуживание, споров о собственности на имущество, о признании заключенных договоров недействительными. Постоянно и интенсивно возрастает число конфликтов, связанных с оспариванием предпринимателями актов органов государственной власти и управления, особенно об изъятии у предприятий денежных средств и имущества и по взысканию штрафов и других денежных средств с предприятий, организаций. Эта статистика свидетельствует, очевидно, о том, что по перечисленным конфликтам судебный порядок разрешения споров является более действенным и эффективным.

Анализ законодательства и практики его применения арбитражными судами дают достаточный материал для совершенствования судебной процедуры разрешения предпринимательских споров. В новых законодательных актах (предусматривается развитие арбитражного судопроизводства по следующим направлениям.

Прежде всего уточняется и расширяется подведомственность конфликтов арбитражным судам. Арбитражный суд, как суд специализированный, будет теперь рассматривать не все споры с участием юридических лиц, а лишь те из них, которые относились к категории экономических споров. Конечно, в ведении арбитражных судов по-прежнему будут находиться конфликты между предпринимателями и органами государственной власти, если требование предпринимателя будет заявлено в связи с защитой его имущественных прав. Существенное расширение подведомственности дел арбитражным судам произошло за счет включения в сферу их деятельности опоров с участием иностранных предпринимателей и иностранного капитала. До 1 июля 1995 года эти споры рассматривались, как правило, судами общей юрисдикции, за исключением тех случаев, когда по соглашению спорящих сторон конфликты передавались на разрешение арбитражного суда. По мнению самих предпринимателей, в том числе и иностранных, арбитражные суды обладают возможностью разрешения сложнейших опоров, связанных, например, с банковской, биржевой, коммерческой деятельностью на значительно более высоком профессиональном уровне, нежели общие суды, обладающие незначительным опытом или вовсе не имеющие практики в разрешении этих споров.

Второе направление работы состоит в том, что переводится арбитражное судопроизводство преимущественно на начала состязательного судебного процесса. Действовавшее до 1 июля 1995 года законодательство возлагало на суд обязанность активно добывать и исследовать доказательства, ориентируя суды на использование подходов так называемого «инквизиционного» процесса. Зачастую вышестоящие судебные органы отменяли решения судов первой инстанции на том основании, что суд вынес решение в отсутствие доказательств, которые суд не добыл. Такой подход противоречит началам полной автономии, самостоятельности, диспозитивности, на которых строится предпринимательская деятельность и ее правовое регулирование. Предприниматель вправе сам решать, обращаться ему в суд за защитой своих прав и интересов или нет. Только от него зависит объем заявленных требований, степень их обоснованности и подтвержденности представленными им доказательствами. Новое арбитражно-процессуальное законодательство исходит из того, что каждая из сторон обязана доказывать те обстоятельства, на которые она ссылается, заявляя соответствующие требования или возражая против предъявленного к ней требования. Суд, как третье лицо в споре, призван не собирать и представлять доказательства, а оценивать их. Именно в таком качестве он может достаточно эффективно выполнять роль субъекта, не участвующего в споре, а разрешающего его.

Разумеется, принцип состязательности не должен абсолютизироваться. В тех случаях, когда это необходимо, например, при явном соотношении сил не в пользу «слабой» стороны в споре, суд, очевидно, должен несколько уравнивать шансы сторон в достижении начал справедливости. Например, суд вправе и обязан помочь фермеру, другому предпринимателю, ведущему свои дела индивидуально, когда он спорит с мощной в финансовом, организационном и юридическом отношении фирмой, чтобы обеспечить равные возможности правовой защиты.

Одним из важных вопросов судопроизводства является вопрос о том, какие доказательства – устные или письменные, должны иметь преобладающее значение в практике арбитражных судов и каким должно быть преимущественно судопроизводство – письменным или устным. Представляется, что сама особенность предпринимательской деятельности, оформление ее различными документами, в том числе договорами и документами об исполнении договоров, о перечислении денежных средств, о передаче имущества и др., указывает на то, что наиболее весомыми и надежными доказательствами для арбитражного суда должны быть доказательства, представленные и оформленные в письменном виде. Именно с помощью этих доказательств наиболее достоверным образом подтверждаются факты, которые могут быть положены в основу справедливого решения. Такой подход не исключает устных доказательств и устного судебного разбирательства, отражения хотя бы в ограниченных пределах определенных доказательств, например свидетельских показаний, заявлений сторон в протоколе судебного заседания.

До 1 июля 1995 года все сколько-нибудь значительные споры рассматривались по первой инстанции коллегиально. В новом законодательстве, по нашему мнению, найдено оптимальное соотношение единоличного и коллегиального разрешения споров. При этом, по общему правилу, вводится рассмотрение дел в суде первой инстанции судьей единолично, что несомненно значительно сократит сроки разрешения споров. Вместе с тем, дела ряда категорий будут рассматриваться судом в коллегиальном составе, например споры о признании недействительными актов коллегиальных органов власти и управления. Что касается гарантий беспристрастности и законности в разрешении споров, то они будут обеспечиваться возможностью стороны обжаловать решение суда первой инстанции в вышестоящие судебные инстанции, которые будут рассматривать дела исключительно в коллегиальном составе.

Вторая проблема, связанная с составом суда, состоит в возможности привлечения к судебной деятельности так называемых судей-экспертов, не являющихся профессиональными судьями-юристами. Естественно, что судьи-эксперты могут привлекаться к разрешению конфликтов только для участия в коллегиальном составе суда наряду с судьями-юристами. Мировой опыт участия в судебном процессе таких судей-экспертов, например в Германии, Франции, Дании и других странах, указывает на повышение доверия предпринимателей к такому составу суда. Спорящие стороны исходят при этом из того, что спор не будет рассмотрен сугубо формально, не только с позиций требований и правил законов, но суд сможет глубоко проникнуть в существо отношений, из которых возник конфликт, в причины, суть самого конфликта. В качестве судей-экспертов, там, где это практикуется, выступают обычно лица не только с отличной профессиональной подготовкой и доскональным знанием дела, но и обладающие высокой деловой и нравственной репутацией. Очевидно, что наше процессуальное законодательство должно открыть дорогу к такого рода начинаниям и приобретению опыта использования в арбитражных судах возможностей судей-экспертов, хотя бы первоначально в виде эксперимента.

Спорящие стороны должны пользоваться достаточными гарантиями того, что они смогут обжаловать судебное решение, которое считают незаконным или несправедливым, и добиться вынесения судебного решения, которое соответствовало бы этим требованиям. И отечественный опыт, и сложившиеся международные стандарты указывают на необходимость дифференцированной регламентации деятельности суда второй и третьей инстанции. Целесообразно, чтобы суд второй инстанции по своей сути был апелляционным судом, который мог бы пересмотреть дело как с точки зрения факта, так и с точки зрения права, исследовать, в случае необходимости, дополнительные доказательства и вынести решение, не направляя дело на новое рассмотрение. Напротив, в суде третьей инстанции следовало бы проверять вынесенное решение исключительно с точки зрения права, соответствия решения материальному и процессуальному закону, но не с позиций фактических обстоятельств и их оценки. Такой порядок позволял бы спорящим сторонам более четко представлять и использовать возможности всех трех судебных инстанций, построить правосудие на более рациональных и эффективных началах.

И, наконец, последнее. Не всегда удается обеспечить оперативное исполнение судебного решения даже о взыскании денежных средств, если недобросовестный ответчик искусно укрывает денежные средства, имея несколько счетов в различных банках или припрятывая свои денежные средства на счетах различных родственников, дочерних фирм и т.д. Арсенал средств принудительного воздействия на недобросовестных ответчиков, во-первых, недостаточно полон, а во-вторых, используется и сторонами, и судом не всегда, когда это необходимо. Слабо используются, например, такие средства воздействия, как лишение лицензий на банковскую деятельность по отношению к коммерческим банкам, которые систематически не выполняют судебные решения, или меры финансово-экономического воздействия – возложение штрафов на должностных лиц предприятий, не выполняющих решение суда. Не применяются меры уголовной

ответственности за неисполнение судебных решений, между тем как такая ответственность уголовным законодательством предусмотрена. Недостаточно отработаны механизмы обращения взыскания долгов на имущество предприятия путем его реализации, не в полной мере работает и институт банкротства предприятий. В настоящее время подготовлены проекты законодательных актов об исполнении судебных решений, в том числе арбитражных. Ускоренное их принятие заметно способствовало бы укреплению правового порядка в экономике, в том числе и в расчетных отношениях. Требуется усиление, а по существу создание заново системы органов государства, отвечающих за исполнение судебного решения.

§ 29. УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

1. Процедура разрешения конфликта и тип процесса.

Характер процедуры разрешения конфликта в уголовном судопроизводстве во многом обусловлен типом процесса. Состязательный процесс современной Великобритании, США и других государств обычного права предоставляет сторонам широкие возможности урегулировать конфликт по обоюдному согласию. Ближайшее отношение к этой проблеме имеют два правила, согласно которым: 1) без обвинения (уголовного иска) нет процесса; 2) бесспорные факты не подлежат доказыванию.

Производство по уголовному делу возникает и поддерживается усилиями обвинителя. Он обладает неограниченным, неконтролируемым правом отказа от обвинения, влекущим прекращение дела[1].

Наряду с отказом от обвинения к устранению уголовно-процессуального конфликта по англо-американскому праву приводит добровольное заявление обвиняемого о признании своей вины. В результате такого заявления совершение преступления данным лицом становится бесспорным фактом, равносильным обвинительному вердикту присяжных; при отсутствии сомнений в добровольности признания судья уже не исследует доказательства виновности и постановляет обвинительный приговор.

Широкое применение (до 90% дел, по которым американскими судами вынесены обвинительные приговоры) приобрели заключаемые с ведома суда соглашения между обвинением и защитой, по которым обвиняемый признает себя виновным лишь в некоторых или в менее тяжких преступлениях, нежели те, что ему инкриминируются, а за это прокурор делает уступку в пользу защиты[2].

Противоположность состязательному процессу составляет инквизиционный процесс. В нем нет автономных, самостоятельных сторон, что само по себе исключает разрешение конфликта, по соглашению обвинения и защиты. Расследующие судьи именем государства (или церкви) поддерживают обвинение, вступая таким образом в конфликт с обвиняемым, и сами же авторитарно разрешают этот конфликт.

В начале XIX в. во Франции, затем в других государствах Западной Европы, а с 1864 г. и в Российской империи был введен смешанный тип процесса – инквизиционный в стадии расследования и состязательный в суде первой инстанции. По этому же типу были построены первые советские уголовно-процессуальные кодексы 1922, 1923 гг., а также ныне действующий УПК 1961 г.

Разграничение между состязательным, инквизиционным и смешанным типами процесса, между инквизиционным предварительным следствием и состязательным судебным разбирательством смешанного процесса безусловно. Это не герметичная переборка, скорее пористая мембрана, через которую туда и обратно диффундируют частицы того и другого типов.

Так, российские уголовно-процессуальные кодексы советского периода (1922, 1923, 1960 гг.) воспроизвели в основных чертах формы смешанного процесса, установленные Уставом уголовного-судопроизводства 1864 г. Однако народу с этим в кодексы были включены правила, наделяющие орган дознания, следователя, прокурора судебной, по сути, функцией разрешения дела с признанием обвиняемого

виновным, и напротив, суд был облечен некоторыми полномочиями на осуществление уголовного преследования[3].

В то же время по нынешнему УПК уже на стадии возбуждения уголовного дела, построенной в основном по инквизиционному типу, обнаруживаются элементы диспозитивности, присущей состязательному процессу. По так называемым делам частного обвинения – о некоторых преступлениях против личности, о нарушении авторских и изобретательских прав и др. – закон предоставляет пострадавшему и обидчику право самим урегулировать свой криминальный конфликт. Дело этой категории может быть возбуждено не иначе как по жалобе потерпевшего. Судья до возбуждения дела (принимает меры к примирению жалобщика с лицом, на которое подана жалоба (ч. 5 ст. 109 УПК РСФСР). Примирение потерпевшего с обвиняемым по этим делам допускается и на стадии судебного разбирательства, вплоть до удаления суда (судьи) для постановления приговора (ч. 1 ст. 27 УПК РСФСР). К примирению, влекущему прекращение дела, приравнивается ситуация, когда потерпевший, уполномоченный поддерживать частное обвинение, без уважительных причин не является в судебное заседание, а подсудимый не ходатайствует о рассмотрении дела по существу в отсутствие потерпевшего (ст. 253 УПК РСФСР). Неявка потерпевшего и воздержание подсудимого от ходатайств о продолжении судебного разбирательства здесь представляют собой конклюдентные действия, выражающие обоюдное согласие на прекращение дела.

Демократическому развитию российского судопроизводства соответствовало бы, на наш взгляд, расширение возможности урегулирования криминальных и уголовно-процессуальных конфликтов между пострадавшим и обвиняемым на основе распространения института частного обвинения на значительный круг дел о преступлениях против личности, личной и частной собственности.

Своеобразное соглашение об устранении процессуального конфликта предусматривают правила УПК о прекращении уголовного дела за истечением сроков давности, вследствие акта амнистии или помилования, а также о прекращении дела с привлечением лица ж административной ответственности либо с направлением материалов для применения мер общественного воздействия. Разрешить дело таким образом правомочны не только судья и суд (практически никогда к этому не прибегающие), но и лица, осуществляющие уголовное преследование в досудебных стадиях, – прокурор, а также с согласия прокурора следователь или орган дознания.

Прекращение уголовного дела по указанным основаниям не допускается, если лицо, совершившее деяние, против этого возражает. В этом случае производство по делу продолжается в общем порядке (ч. 2 и 3 ст. 61 и ч. 4 и 5 УПК РСФСР)[4].

Внутренне противоречивы правила разрешения уголовно-процессуального конфликта посредством прекращения дела по «нереабилитирующим основаниям». Таково правило, по которому лицо, производящее дознание, или следователь должен выяснить, нет ли у обвиняемого возражений против решения о прекращении дела, когда этого решения пока нет и, возможно, не будет никогда: ведь на это потребуются согласие прокурора, которое еще не получено и неизвестно, будет ли получено.

2. Судебный контроль за расследованием как форма разрешения конфликта.

Существенный элемент состязательности в инквизиционном по своему основному содержанию предварительном следствии представляет собой процедура судебной проверки- законности и обоснованности ареста или продления срока содержания под стражей. В этой процедуре защита в лице обвиняемого и его защитника или законного представителя и обвинение в лице прокурора предстают перед судом как равноправные конфликтующие стороны (ст. 2201, 2202 УПК РСФСР в редакции Закона РФ от 23 мая 1992 г.).

Дальнейшими шагами в движении предварительного следствия к состязательности могут стать правила, предусматривающие обжалование в суд любых действий и решений следователя и прокурора.

Как известно, конфликт есть столкновение волеизъявлений разных лиц. Волеизъявления следователя проявляются в его процессуальных действиях и решениях (постановлениях). Процессуальными формами волеизъявления обвиняемого, защитника, потерпевшего и иных лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство служат ходатайства, заявления об отводе, жалобы.

Ходатайство, заявление отвода может инициировать конфликт, в котором одну из сторон составит заявитель, а другую – должностное лицо, отклонившее ходатайство или отвод.

Жалоба является проявлением конфликта и поводом к его разрешению. В стадии расследования жалоба представляет собой обращение к компетентному органу или должностному лицу с просьбой признать недействительным или отменить незаконные по мнению жалобщика действия и решения лица, производящего дознание, следователя или прокурора, включая решение об отклонении ходатайств, отводов.

По действующему закону ходатайство, включая и заявление об отводах эксперта, специалиста, переводчика, защитника, разрешают лицо, производящее дознание, следователь или прокурор (ст. 66—671, 131 УПК). Заявление же об отводе следователя, органа дознания и лица, производящего дознание, а равно и жалобы на их действия и решения разрешает прокурор. Решение прокурора может быть обжаловано вышестоящему прокурору (ст. 218—220 УПК РФ).

Такой порядок не обеспечивает объективного и справедливого разрешения процессуального конфликта.

Следователь, уполномоченный самостоятельно принимать все решения о направлении следствия и производстве следственных действий, склонен негативно реагировать на ходатайства об иных решениях, воспринимая их как критику в свой адрес. Такую же реакцию могут вызвать и заявления об отводе эксперта, переводчика, специалиста, который избрал и привлек к участию в деле следователь. Удовлетворение ходатайств и отводов для следователя нежелательно еще и потому, что оно отражается на сроках расследования, обычно напряженных.

Предоставление следователю права разрешать отвод адвоката-защитника представляется особенно неприемлемым. Осуществляя функцию уголовного преследования, следователь является активно действующим лицом в конфликте обвинения и защиты. Участие в деле сильного адвоката затрудняет работу следователя. Поэтому право следователя удовлетворять отвод, заявленный адвокату, способно сослужить плохую службу интересам судопроизводства.

По схожим соображениям нельзя полагаться на объективность в решении этих вопросов прокурора, который осуществляет процессуальное руководство расследованием и разделяет со следователем ответственность за успех уголовного преследования.

Оптимальным представляется порядок, при котором жалобы на действия и решения следователя и прокурора, а также заявленные им отводы разрешал бы суд.

3. Предупреждение и преодоление процессуального конфликта. Познавательный аспект.

Чтобы избрать и тем более применить адекватные меры к предупреждению или преодолению процессуального конфликта, требуется установить сам факт существования конфликта или достаточную вероятность его возникновения, возможные причины, круг участников и их связи, отношение каждого из них к криминальному конфликту и его участникам, реальные или вероятные конфликтные действия, перспективы развития конфликта. Следовательно, первая фаза преодоления конфликта заключается в получении информации, служащей основанием для принятия решения.

Цели конфликтующих сторон расходятся. Естественнo ожидать заинтересованности следователя, прокурора, потерпевшего в собирании информации, соответствующей целям уголовного преследования, а также стремления противостоящей стороны скрыть или опорочить эту информацию, обнаружить и представить в суд сведения, оправдывающие или смягчающие ответственность обвиняемого. Это могут быть и

сведения о фальсификации доказательств и других нарушениях закона при расследовании. Таким образом, путь преодоления процессуального конфликта – это прежде всего собирание информации, борьба за информации

Знания следователя, прокурора, судей о преступлении или об отсутствии преступления, о виновности или невиновности обвиняемого первоначально возникают как конкурирующие версии о прошлом (ретросказательные версии). От них берут начало предположения о дальнейшем развитии событий – прогнозные или предсказательные версии. Предмет последних – факторы, благоприятные и неблагоприятные для раскрытия преступления, включая возможные меры противодействия расследованию со стороны преступника и связанных с ними лиц. Прогнозные версии служат логической основой для выбора мер в защиту целей уголовного судопроизводства[5]. Среди них предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР меры пресечения (ст. 89—101), закрепление следов преступления до возбуждения дела (ст. 115), неотложные действия органа дознания до передачи дела следователю (ст. 119), предупреждение о недопустимости разглашать данные следствия (ст. 138), привод не явившегося без уважительных причин или скрывающегося обвиняемого (ст. 147) либо свидетеля (ст. 73), допрос порознь свидетелей, вызванных по одному делу, с применением мер, исключающих общение их между собой (ст. 158, 283).

Меры такого рода в большей или меньшей степени стесняют права и законные интересы личности. Тем не менее следователь, прокурор, суд вправе к ним прибегнуть, когда находят, что уголовно-процессуальный конфликт нельзя предупредить или преодолеть другим способом.

4. Преодоление конфликта и меры физического воздействия.

В ряде случаев основу конфликта составляют элементарные поступки подозреваемого или обвиняемого: неявка по вызову, оставление места жительства с выездом в неизвестном направлении и т.п. Закон предусматривает столь же элементарные процессуальные способы преодоления таких конфликтов: привод, изменение меры пресечения на более строгую, проведение розыска.

Меры такого рода могут быть применены не только для преодоления реального противодействия, но и для предупреждения предполагаемого, ожидаемого конфликта: «при наличии оснований полагать, что обвиняемый скроется» (ст. 89 УПК РФ); когда подозреваемый не имеет постоянного жительства (ст. 122, 147 УПК РФ).

Техническое воздействие предусмотрено законом на случай сопротивления или неповиновения при обыске и выемке: «Следователь вправе вскрывать закрытые помещения и хранилища, если владелец отказывается добровольно открыть их» (ст. 170 УПК РФ). Это правило действует и в тех случаях, когда нахождение в хранилище искомых предметов лишь предполагается, а владелец хранилища отказывается открыть его со ссылкой, например, на потерю ключа.

В регламентации же иных следственных действий, при производстве которых возможны конфликты, отмечаются неясности, пробелы. Так, предусматривая освидетельствование обвиняемого, подозреваемого, свидетеля, потерпевшего, ст. 181 УПК РФ устанавливает: «Постановление о производстве освидетельствования обязательно для лица, в отношении которого оно вынесено». Это может быть понято так, что отказ от освидетельствования носит неправомерный характер – неподчинение или противодействие законным требованиям представителя власти, влекущее те или иные меры принуждения или штрафные санкции. Пишущий эти строки, однако, разделяет взгляды тех, кто признает допустимым принуждение к освидетельствованию подозреваемого и обвиняемого, но не свидетеля и не потерпевшего. Обвиняемый и подозреваемый – лица, против которых уже имеются веские доказательства. Отказ такого лица от освидетельствования может быть вызван намерением скрыть дополнительные улики в виде примет, следов на теле и уклониться от ответственности. Принудительные меры для преодоления этих устремлений нравственно оправданы[6].

В том, что касается обвиняемого и подозреваемого, кажется, все согласны. Poleмику вызывает вопрос о допустимости принудительного освидетельствования свидетелей

и потерпевших. Известно утвердительное решение этого вопроса: «Раскрытие преступления, изобличение виновного и пресечение его общественно опасных действий представляется более высокой нравственной ценностью, чем чувства потерпевшего»[7].

Объявляя себя сторонником противоположной точки зрения, отвергающей освидетельствование потерпевших и свидетелей помимо их воли, И.Л. Петрухин, однако предлагает дополнить закон, установив «административную ответственность потерпевших и свидетелей, которые вопреки законному требованию следователя отказываются подвергнуться освидетельствованию».

Не останавливаясь на этом, автор настаивает еще и на том, что «потерпевший в порядке исключения может быть освидетельствован и принудительно в интересах защиты, когда об этом ходатайствует обвиняемый»[8]. Практически это ходатайство обвиняемого без труда может инспирировать следователь. Посредством таких исключений право на физическую неприкосновенность личности потерпевшего при расследовании сводится на нет.

Заслуживающей поддержки представляется позиция тех, кто последовательно, категорически выступает против принуждения к освидетельствованию кого-либо, кроме обвиняемого и подозреваемого. «Что же касается потерпевшего, – писал М.С. Строгович, – то это лицо, пострадавшее от преступления: на следователе лежит особая забота о защите его прав и законных интересов. Принудительное освидетельствование потерпевшего было бы не только незаконной, но и морально недопустимой мерой»[9].

Столь же убедительные доводы этического характера можно привести и против принудительного освидетельствования свидетеля – лица, не участвовавшего в преступлении, обычно незаинтересованного в исходе дела и вовлекаемого в уголовный процесс только для того, чтобы способствовать достижению истины.

Уклонение от явки по вызову на допрос, отказ выдать искомые предметы, открыть закрытые помещения и хранилища представляют физические формы конфликтного поведения, которое может быть подавлено или нейтрализовано соответственно мерами физического воздействия.

Способы и пределы такого воздействия в законе определены лишь фрагментарно. В теоретическом и законотворческом плане эта проблема еще ждет разработки.

5. Преодоление конфликта и меры психического воздействия.

Внимание криминалистов и судебных психологов привлекают акты интеллектуального противодействия, к которым они относят прежде всего отказ давать показания и дачу ложных показаний. Практически речь идет о случаях, когда допрашиваемый не подтверждает версии, которую следователь считает наиболее вероятной или даже достоверной. В качестве мер преодоления или нейтрализации такого «противодействия» предлагаются разнообразные приемы психического воздействия на личность допрашиваемого. Целью такого воздействия объявляют «перевод конфликтных отношений в сотрудничество»[10], под которым подразумевается признание обвиняемого или подозреваемого в совершении преступления, согласие свидетеля или потерпевшего дать уличающие показания.

Характерны в этом отношении взгляды Л.Б. Филонова, изложенные в книге, название которой говорит само за себя: «Психологические способы выявления скрываемого обстоятельства». Автора не удовлетворяет способ допроса, состоящий в том, что «обвиняемого или подозреваемого медленно подводят к акту признания, предварительно обеспечивая базу для этого, предъявляя факты и неопровержимые доводы». Его советы приурочены к ситуации, «когда у следователя мало доказательств, а почти единственным их источником остается сам обвиняемый»[11]. Между тем уже предъявление обвинения, когда «мало доказательств», есть нарушение закона, по которому обвинение допустимо лишь «при наличии достаточных доказательств» (ст. 143 УПК РФ). Превращение обвиняемого «в почти единственный источник доказательств» живо напоминает о давних и не очень давних временах, когда нехитрыми приемами, без обращения к психологической науке добивались признания в чем угодно – от сношений с дьяволом до прорытия тоннеля

из Урала в Индию. Л.Б. Филонов учит следователей, как ослабить контроль допрашиваемого за своими высказываниями. А что это приводит к неточностям в показаниях, автора, видимо, не беспокоит. Более чем сомнительны в научном и в нравственном отношении приемы, предлагаемые для достижения этой цели. Так, при допросе человека с округлыми чертами лица, сравнительно короткими конечностями, широким тазовым поясом (относимого автором по этим признакам к циклоидам или к циклотиликам) рекомендуется сказать, что именно ему присущи особые черты, отличающие его от других: «Он наверное обращал внимание на то, что у него бывают периоды, когда настроение у него приподнято, ему радостно и все удается, и наоборот, периоды, когда все представляется ему мрачным, – это периоды неудач...» и т.п.[12] Автор также советует допрашиваемому при рассказе им о самом себе использовать «принцип опоры на неопределенность», практикуемый гадалками. Применение этого «принципа» состоит в высказывании ряда туманных суждений, подобранных с таким расчетом, чтобы «человек соглашался с ним и чтобы у него создавалась убежденность, что с особенностей его личности срываются покровы таинственности»[13]. Таким образом, применяемый гадалками способ мошеннического выманивания денег у простаков рекомендуется в качестве научного приема допроса.

Чтобы лишить допрашиваемого контроля за высказываниями, обеспечить «разрушение всей оборонительной системы», Л.Б. Филонов советует вызывать и использовать состояние фрустрации. Понятие фрустрации он разъясняет как «мотивационное и эмоциональное состояние, являющееся результатом блокирования целенаправленного поведения»[14]. Те аспекты фрустрации, которые с позиций охраны прав личности существенны для оценки этого состояния и действий, его вызвавших, Л.Б. Филонов оставляет вне рассмотрения.

Между тем фрустрация – это психическое состояние, возникающее вследствие реальной или воображаемой помехи к достижению цели. Проявляется она в ощущениях гнетущего напряжения, тревожности, отчаяния, гнева и др. Защитная реакция при фрустрации связана с проявлением агрессивности, уходом от трудной ситуации (в том числе с переносом действий в воображаемый план), со снижением сложности поведения (иногда до уровня глубокой ригидности). Она нередко является причиной неврозов[15]. Очевидно, манипуляции, вызывающие у допрашиваемого такое состояние, представляют нарушение прав личности и в то же время подрывают возможность получения объективных показаний. Гнетущее напряжение, тревожность, отчаяние, гнев могут спровоцировать ложное признание, оговор невиновного. Известны также советы криминалистов о том, как переводить конфликт в сотрудничество при производстве отдельных следственных действий[16]. Характерны в этом плане рекомендации А.В. Дулова к проведению так называемой проверки показаний на месте. «Важно, чтобы психическое состояние данного участника процесса соответствовало той деятельности, которую ему необходимо будет осуществить в процессе данного следственного действия, – пишет А.В. Дулов. – Вызов подобного состояния... должен быть осуществлен следователем непосредственно перед выходом на место... По пути следования в случае необходимости следователь может сообщать данному лицу все сведения о происшедших изменениях... Для облегчения процесса воспоминания следователь может предложить вернуться к определенной исходной точке, посоветовать вновь внимательно, не спеша, не волнуясь, рассмотреть определенную ситуацию, объекты, детали на них»[17]. Эти подсказки, советы вернуться, быть внимательным, не спешить и т.п. превращают следственное действие в нечто подобное детской игре «тепло – холодно». Но только для одного из участников, увязшего в ложном признании, финалом этой игры может оказаться смертная казнь или длительное лишение свободы, в поисках методологической основы для разработки рекомендаций, которыми следователь мог бы воспользоваться в конфликтной ситуации, А.Р. Ратинов обращается к праксеологии – отрасли знания об организации эффективной деятельности, которая наряду с прочим исследует общие приемы борьбы. Адаптируя применительно к предварительному следствию приемы борьбы, описанные в праксеологии, А.Р. Ратинов рекомендовал:

- нанесение удара в наиболее уязвимое или наиболее важное место;
- раздробление сил и средств противодействующей стороны, например разжигание конфликта между соучастниками преступления;
- предупреждение об угрозе нежелательных действий, например предупреждение о применении мер процессуального принуждения и т.п.[18]

По сути же речь идет о тривиальных приемах полицейского допроса – стравливании подозреваемых друг с другом, запугивании и пр. Обычные результаты использования этих приемов – ложные признания, оговоры.

В предложениях о внедрении в уголовный процесс праксеологических приемов не учтено важное, на мой взгляд, обстоятельство. Праксеология обобщает приемы борьбы в самых разнообразных сферах: от военных действий до спорта, – строго абстрагируясь от их специфики. Но на войне (а также в спортивных противоборствах, имитирующих бой, войну) заранее известно, кто есть кто: противники обозначены линией фронта, военной или спортивной формой, цветом фигур и т.п. Иное дело – расследование и судебное разбирательство, где достоверное знание, кто противник, враг, а кто союзник, друг, – итог, а не предпосылка правоотношений следователя, прокурора, суда с обвиняемым, потерпевшим и др. В такой характерной для уголовного процесса проблематичной ситуации «удар в наиболее уязвимое место, раздробление сил и средств» приводят подчас к тяжелым социальным потерям.

Рассматривая процессуальные конфликты в психологическом аспекте, следует избегать такой крайности, как отождествление психического воздействия с психическим насилием. Психическое воздействие (и взаимодействие) правомерно и неизбежно возникает при контактах между здоровыми людьми. Психическим же насилием является такое воздействие на волю и чувства личности, при котором подавляется возможность свободно избирать тот или иной вариант поведения сообразно своим интересам.

Насилие (физическое и психическое), угрозы при производстве следственных и судебных действий закон осуждает и запрещает как процессуальное правонарушение (ст. 20 УПК РФ)[19]. Неправильно, однако, было бы относить к психическому насилию некоторые изученные криминалистами приемы общения, рассчитанные на предупреждение и преодоление, конфликта без применения мер принуждения в ситуации, когда иные приемы могли бы привести к обострению или к затяжке конфликта. Речь идет о так называемой следственной хитрости.

Слово «хитрость» часто употребляется в предосудительном значении – в смысле изворотливости, достижения цели обманным путем. Но когда говорят о следственной хитрости, то имеют в виду другое значение, зафиксированное лексикографами: изобретательность, искусность в чем-либо[20]. Это ситуация многостороннего конфликта, в котором одни участники, субъективно преследуя собственные цели, объективно способствуют наступлению результата (осуществлению цели), удобного иной, «хитрой» стороне.

Классический пример хитрости описан некогда Г.Н. Мудьюгиным. Труп женщины искали в доме и на приусадебном участке, принадлежащих заподозренному в убийстве мужу и свекрови. Раскопки, производившиеся во дворе, под надворными постройками, с наступлением темноты были прерваны. Следователь отпустил землекопов и понятых, предупредив, что раскопки будут возобновлены утром, и удалился. Неподалеку была оставлена засада. «Расчет на саморазоблачение, – писал Г.Н. Мудьюгин, – полностью оправдался: стремясь использовать предоставленную «отсрочку», муж исчезнувшей и его мать ночью вырыли захороненные под толом конюшни останки убитой и понесли их к реке. Там они были задержаны милицией с поличным и сразу же сознались в убийстве»[21].

А.Р. Ратинов с сожалением констатировал, что «практика изобилует примерами тонких и изощренных приемов, с помощью которых удается преодолеть сопротивление, оказываемое следователю недобросовестными участниками дела», но «эти блестящие находки остаются еще продуктом опыта и интуиции лишь отдельных мастеров следствия»[22]. Тем не менее призывы к широкому повсеместному внедрению следственной хитрости были бы опрометчивы. Дело в том, что применение этих приемов в каждом конкретном случае требует симультанного

подхода, одновременно охватывающего познавательную, правовую, нравственную, психологическую стороны ситуации, учитывающего интеллектуальный уровень, характер, жизненный опыт действующих лиц в их неповторимом сочетании. Это материал, который с трудом, с неизбежными значительными потерями поддается обобщению, плохо укладывается в брошюры по обмену передовым опытом, в ведомственные методические пособия, инструкции и прочие предписания, рассчитанные на многократное применение.

Привлекает внимание требование селективности, сформулированное А. Р. Ратиновым как критерий допустимости приемов психического воздействия в уголовно-процессуальном конфликте: они должны «обладать избирательным действием. Необходимо, чтобы они давали положительный эффект только в отношении лица, скрывающего правду, препятствующего установлений истины, и были бы нейтральны в отношении незаинтересованных лиц. Образно говоря, психологические методы, должны быть подобны лекарству, которое, действуя на больной орган, не причиняет никакого вреда здоровым частям организма»[23]. Это образное сравнение, однако, напоминает об известном не только фармакологам: едва ли не каждый сильнодействующий медикамент обладает нежелательным побочным эффектом, имеет специфические противопоказания, обнаруживаемые в результате длительных научных испытаний. Криминалистика же и судебная психология в этом отношении пока что сильно отстают.

[1] Законом Российской Федерации от 16 июля 1993 г. в УПК РФ введена ст. 430, устанавливающая, что полный или частичный отказ прокурора от обвинения на предварительном слушании или в судебном разбирательстве влечет соответственно полное или частичное прекращение дела судом, снимая таким образом процессуальный конфликт. Российский законодатель проявил некоторую сдержанность, введя это правило только для дел, рассматриваемых с участием присяжных и обусловив прекращение дела согласием потерпевшего.

Подобная тенденция намечена и Законом РФ от 16 июля 1993 г. Согласно ч. 2 ст. 446 редакции этого закона, в случае, когда все обвиняемые признали себя виновными, дали показания по предъявленному обвинению и их признания не оспариваются кем-либо из сторон, а также не вызывают сомнений у судьи, председательствующий с согласия всех участников процесса вправе ограничить дальнейшее судебное следствие исследованием тех доказательств, на которые они укажут, либо объявить судебное следствие законченным и перейти к выслушиванию прений сторон.

[2] См.: Уайнреб Ллойд. Отказ в правосудии. Уголовный процесс в США М., 1985. С. 98—100; Гуценко К.Ф. Уголовная юстиция США. М., 1979 С. 159—160; Коллисон. Указ.соч. С. 177.

[3] Подр. см.: Ларин А.М. Наш инквизиционный процесс//Судебная власть: надежды и реальность. М., 1993. С. 71—77.

[4] Необычная ситуация возникла в пресловутом деле ГКЧП. Акт амнистии был принят, когда дело находилось в стадии судебного разбирательства. По закону в этих условиях суд был обязан довести разбирательство до конца и постановить оправдательный либо обвинительный приговор с освобождением осужденных от наказания (ч. 3 ст. 5 УПК). Вопреки этому, однако, Военная коллегия Верховного Суда прекратила дело, устранив таким образом возможность реабилитации подсудимых. Один из них, Варенников, заявил о несогласии с прекращением дела. Военная коллегия вышла из положения, применив по аналогии ч. 3 ст. 210 УПК — возобновила производство по делу в отношении Варенникова. Он был оправдан.

[5] О прогнозных версиях и их значении в планировании расследования подр. см.: Ларин А.М. От следственной версии к истине. М., 1976. С. 156—173.

[6] См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса М., 1970 Т. 2. С. 126; Каминская В. И. Охрана прав и законных интересов граждан в уголовно-процессуальном праве//Сов. государство и право. 1968 № 10 С. 21; Любичев С.Г. Этические основы следственной тактики. М., 1980. С. 56—57.

[7] Маркс Н.А. Некоторые тактические, психологические и этические аспекты освидетельствования потерпевших//Методика и психология расследования

преступлений. Свердловск, 1977 С. 107. См. также: Пичкалева Г. Нравственный аспект принудительного освидетельствования потерпевших//Соц. законность. 1976. № 3. С. 64; Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978 С. 95.

[8] Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. Общая концепция. Неприкосновенность личности. М., 1985. С 140, 142.

[9] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2 С. 125, см. так же: Каминская В. И. Указ., статья. С. 32; Любичев С.Г. Указ. соч. С. 56—57.

[10] Дулов А.В. Судебная психология. Минск, 1975 С. 100. См. также: там же. С. 107—113.

[11] Филонов Л. Б. Указ. соч. С. 3, 6, 85.

[12] Филонов Л. Б. Указ. соч. С. 37—38.

[13] Филонов Л. Б. Указ. соч. С. 39.

[14] Филонов Л. Б. Указ. соч. С. 42—43.

[15] См.: Краткий психологический словарь. Составитель Л.А. Карпенко. М., 1985. С. 381.

[16] Это не предусмотренное российским законодательством и тем не менее широко практикуемое следователями и милицией мероприятие представляет собой неупорядоченный конгломерат элементов допроса, следственного осмотра, предъявления для опознания, следственного эксперимента и состоит обычно в инсценировке преступления с участием сознавшегося подозреваемого или обвиняемого. Все делается так, чтобы обвиняемый увяз в своем признании, не решился отречься от него. Одновременно искусственно создаются новые источники доказательств – показания допрошенных в качестве свидетелей участвовавших в инсценировке понятых. Без этого давно уже не обходится ни одно ложное обвинение в убийстве, в квартирных кражах и т.д. Подр. см.: Строгович М.С. Избранные труды. Т. 3. Теория судебных доказательств. М., 1991. С. 117—125; Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979. С. 273—279.

[17] Дулов А.В. Указ. соч. С. 360.

[18] См.: Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. С. 161—162.

[19] В тексте кодекса запрет насилия и угроз сформулирован применительно к допросу. Несомненно, однако, что это положение относится к любым следственным и судебным действиям. См.: Быковский И.Е. Процессуальная регламентация проведения следственных действий//Вопр. борьбы с преступностью. 1974. Вып. 21. С. 47, 52—58; Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979. С. 269—271.

[20] См.: Толковый словарь русского языка/Под ред. Д.Н. Ушакова М., 1940 Т 4. С. 1147.

[21] Мудьюгин Г.Н. Обыск и осмотр предполагаемого места убийства//Советская криминалистика на службе следствия М., 1959. Вып. 12. С. 51.

[22] Ратинов А.Р. Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике/Правовая кибернетика М., 1970. С. 197.

[23] Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. С. 168.

§ 30. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОЦЕДУРЫ

1. Решение как форма окончания международного конфликта.

Рассматривая конфликт как форму взаимодействия государств, альтернативную их сотрудничеству[1], легко понять, что решение конфликта связано с движением взаимодействующих государств к состоянию сотрудничества, а потому является лишь одной из возможных форм его окончания, другими же формами (методами) окончания конфликта, как утверждает К. Боулдинг, выступают избежание и завоевание[2].

Избежание конфликта выражается в увеличении дистанции между конфликтующими сторонами и ведет к их изоляции друг от друга за счет добровольного устранения из

«конфликтного поля» либо одной, либо обеих сторон. Избегая открытой коммуникации с другими государствами (Бирма) или устанавливая «социальную дистанцию» в форме сегрегации между отдельными этническими или социальными группами внутри себя (до недавнего времени ЮАР), современные государства порой опираются на эту стратегию.

Если избегание, будучи нацеленным на изоляцию сторон друг от друга, устраняет вероятность возникновения ситуации несовместимости их целей, приводящей к зарождающемуся конфликту, и в этом смысле отдаляет стороны от манифестируемого конфликта, то завоевание как другая форма окончания конфликта находится как будто бы на противоположном от сотрудничества фланге взаимодействия. Вместе с тем завоевание является одним из вариантов избегания конфликта, поскольку оно также выражается в устранении одной из сторон из «конфликтного поля», отличаясь, однако, тем, что такое устранение является в данном случае результатом не собственного решения одной стороны или обеих сторон, а действия – и это особенно важно – насильственного характера одной стороны против другой[3].

С этих позиций завоевание, будучи исторически представленным завоевательными войнами[4], являет собой в отличие от других форм избегания типичный для традиционного общества способ окончания конфликта. И хотя практика более чем 14500 войн, происшедших с 3600 г. до н.э., привела международное сообщество, прежде всего вследствие процесса модернизации, к радикальному пересмотру оценки и методов ведения войн, ограничение международного и внутреннего насилия в форме межгосударственных, колониальных и гражданских войн продолжает оставаться, как выразился К. Боулдинг, «одной из величайших организационных проблем человечества»[5].

2. Контроль над конфликтами.

В своей практике государства выработали согласованные ими на международном уровне контрольные меры, которые нацелены на создание условий, содействующих локализации и замораживанию конфликтов, предотвращающих их географическое расширение и военную эскалацию, ведущих к прекращению насилия.

Смысл установленных этими мерами правил поведения состоит в том, чтобы сократить, ограничить и исключить саму возможность насильственных действий и тем самым возможность развязывания войн – международных и внутренних.

Существующий сегодня механизм контроля над конфликтами включает в себя меры «сигнального обнаружения», позволяющие узнать, когда что-либо следует делать, и меры имплементации, указывающие, что нужно делать в конкретных ситуациях[6].

Функции «сигнального обнаружения» выполняют различные органы ООН и международных региональных организаций по сбору фактов, в том числе в ходе осуществления миротворческой деятельности в форме «превентивной дипломатии». Этот вид деятельности, осуществляемый наблюдательными миссиями и отдельными наблюдателями, нацелен на раннее предупреждение развития конфликтных ситуаций, в частности на:

- сбор и анализ информации;
- установление фактов в потенциально конфликтном регионе;
- наблюдение за выполнением региональных соглашений в области контроля над вооружениями;
- установление контроля за недопущением в потенциально конфликтные регионы оружия и воинских формирований;
- инспектирование демилитаризованных зон и мест хранения оружия;
- расследование сообщений о нарушениях мирных соглашений;
- проведение переговоров при возникновении -конфронтации или разногласий на местах;
- наблюдение за границами и населенными пунктами, которые подвергаются угрозе, и др.

Функции имплементации в осуществлении контроля над конфликтами выполняют ограничения двух видов – *jus ad bellum* (права на войну) и *jus in bello* (права в войне)[7].

Чтобы по возможности точнее осознавать суть происшедших в XX столетии перемен в международном праве, полезно помнить о том, что государства «исторически идентифицировали себя с такими взаимоотношениями в которых утверждение их сосуществования и определение границ достигалось посредством применения силы или неминуемой угрозы силой»[8].

Утвердившаяся на основе пакта Бриана – Келлога и Устава ООН ныне существующая международная система, нацеленная на поддержание международного мира и безопасности за счет запрещения в отношениях между государствами угрозы силой и ее применения противоположна тому типу международных отношений, в рамках которого государства сохраняли за собой право на войну. Подобному же ограничению вследствие признания в рамках ООН юридического характера принципа равноправия и самоопределения народов подверглось и право государства вести войну против колониальных стран и народов, легализовав тем самым борьбу этих стран и народов за свою национальную независимость. Наконец, широкое признание международным сообществом в послевоенный период принципа уважения основных прав и свобод человека, в том числе политических и гражданских прав, позволяет рассматривать крупномасштабные и массовые случаи репрессии государства против своего народа как нарушение им своих международных обязательств.

Ограничение государств в их праве на войну в межгосударственных, национально-освободительных и гражданских конфликтах создает правовую базу для разработки международным сообществом контрольного комплекса мер предотвращения войны, имплементирующего эти базисного характера ограничения (меры доверия, транспарентности и т.д.).

Контроль над конфликтами в форме ограничения *jus in bello* осуществляется посредством связывания государств к выполнению выработанных международным сообществом мер: контроля над вооружениями, соблюдения прав человека во время вооруженных конфликтов и уголовной ответственности за преступления против мира и безопасности человечества. Так же как при ограничениях права на войну, наблюдается тенденция распространения международно-правовых ограничений насилия в войне на национально-освободительные и гражданские конфликты (Протоколы 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г.).

3. Методы решения международного конфликта.

Меры контроля, возвращая конфликт из фазы угроз в стадию спора или переводя его из военной в послевоенную стадию, призваны подвести стороны к возможности практического использования прежде всего такой стратегии процедурного решения конфликтов, как урегулирование, а вслед за ней, возможно, и стратегии разрешения конфликта.

Урегулирование конфликта – стратегия, направленная на «определенное компромиссное решение спора, которое, хотя и не полностью соответствует целям каждой из сторон, позволяет им достичь некоторых, если не всех, первоначальных целей»[9]. Обращаясь к этой стратегии, государства осуществляют политику, нацеленную на создание условий, позволяющих добиваться решения конфликта: возвращения к ситуации, существовавшей до его начала, принятия новых правил поведения или введения необходимых изменений и поправок в старые правила, способствующие достижению мира и согласия.

Процесс решения конфликтов не может останавливаться на стадии контроля. Отсутствие прогресса в процессе урегулирования, приводящее конфликт в состояние тупика, является результатом чаще всего традиционалистской ориентированности руководства сторон на иерархические отношения, порождающей их подозрительность и недоверие друг к другу в условиях практически отсутствующего общественного контроля. Тупик, нередко называемый замораживанием конфликта, создает угрозу нового взрыва насилия, поскольку в отсутствие движения в сторону

урегулирования стороны нередко, используя для этого переговоры, продолжают накапливать оружие, обучать военные и полувоенные формирования, разрабатывать планы воинских операций.

Совместно с контролем методы урегулирования наполняют содержанием концепцию решения конфликтов в контексте реалистического сценария конфликтного анализа. Иначе говоря, эта стратегия характерна для отношений статусного типа, в которых государства исходят из принципа суверенного равенства, что позволяет им, участвуя в конфликтах, рассчитывать по крайней мере, на свое самосохранение в качестве участников международной системы.

По этой причине процесс упразднения государствами права на войну исторически сопровождался формированием их международного обязательства использовать в своих взаимоотношениях лишь мирные средства урегулирования конфликтов. Так, в пакте Бриана – Келлога, поставившем вне права войну в качестве орудия национальной политики, государства-участники признали, что «урегулирование или разрешение всех могущих возникнуть между ними споров и конфликтов, какого бы характера или какого бы происхождения они ни были, должно всегда изыскиваться только в мирных средствах». Этот принцип воспроизводится и Уставом ООН, обязывающим государства решать свои международные споры «мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость» (п. 3 ст. 2).

Поскольку именно дипломатия есть не что иное, как «ведение дел между государствами с помощью мирных средств»[10] и в этом смысле – «процесс, посредством которого осуществляется политика»[11], становится ясно, что современный международный правопорядок придает осуществляемым средствами дипломатии переговорам значение совместного межгосударственного процесса, призванного предупредить обращение к угрозе силой или применению силы со стороны участников этого процесса. Как считает шведский исследователь Т. Гебрехана, природа переговоров позволяет оценивать их в качестве «средства мирного взаимодействия суверенных государств, метода избежания серьезных конфликтов, возникающих вследствие столкновения их политических и экономических интересов, средства достижения взаимоприемлемого выхода из них, удовлетворяющего соответствующие стороны»[12].

В зависимости от характера решаемого конфликта переговоры как средство урегулирования могут выполнять процедуры согласования, компромисса и арбитражного решения[13].

Согласование средствами переговоров становится необходимой процедурой в случае конфликта ценностей, когда без изменения образа сторон друг о друге, их конфликтных установок в отношении факта несовместимости своих целей невозможно надеяться на решение конфликта, на преодоление неизбежного в этом случае, даже при осуществлении мер контроля над конфликтом, тупика, в котором оказываются стороны, социо-культурно ориентированные на разные «правила игры». Процедура компромисса рассчитана уже на урегулирование конфликта интересов, в котором стороны, часто ввиду недостатка ресурсов для продолжения конфликта, исходят из концепции «игры с позитивной суммой», позволяющей каждой из них снизить уровень или интенсивность конфликта, не жертвуя при этом своими жизненными интересами.

Политический характер подобных конфликтов отнюдь не исключает возможности их компромиссного решения на основе международного права. Даже концепция жизненных интересов, как заметил американский ученый Т. Нардин, «предполагает существование норм международного права, регулирующих осуществление интересов, не принадлежащих к числу жизненных, а также предоставляющих определенные критерии для разграничения между жизненными и нежизненными интересами»[14].

С этих позиций правовые споры безусловно более предрасположены к урегулированию, в том числе при помощи процедур арбитражного или судебного решения, включая соответствующие институты ООН и других международных организаций.

Разрешение конфликта – стратегия, направленная на устранение основы спора ограничением или трансформацией конфликтной ситуации и принятие решения, приемлемого для всех участников конфликта[15].

В отличие от урегулирования стратегия разрешения: 1) применяется в рамках «латентного конфликта» до того, как стороны обратятся к дипломатическим средствам манифестируемого конфликтного поведения; 2) нацелена на изменение всех трех элементов структуры конфликтного поведения оппонента – его целей, конфликтных установок и действий, тогда как урегулирование направлено преимущественно на упорядочивание физических взаимодействий сторон[16].

В этом смысле разрешение конфликта выражает типичную для постсовременного общества плюралистическую идеологию «ролевого взаимодействия», в соответствии с которой социальный субъект, включая государство, исходит из того, что уважение интересов других субъектов является более гарантированным способом охраны собственных интересов, чем характерная для реалистического типа отношений «статусная», опора на свою мощь.

4. Стратегия управления конфликтами.

Управление конфликтами выражается в осуществлении международным сообществом, действующим через международные организации или третьи государства, комплекса политических, военных и экономических прямых или косвенных форм воздействия на поведение непосредственных сторон с целью побудить их к необходимой мере контроля над конфликтами и обращению к средствам мирного урегулирования, достигая этим в конечном счете предотвращения конфликта.

Поскольку стратегия управления может быть использована как в целях урегулирования, так и обострения конфликта, очень важен отказ третьей стороны, особенно если эту функцию выполняет государство, от «негативной вовлеченности» в пользу «позитивной вовлеченности» в конкретный конфликт, гарантирующий международному сообществу достаточную эффективность воздействия на непосредственные стороны в целях ограничения насилия и реального использования национальных и международных процедур мирного урегулирования.

Поиски наиболее эффективных средств воздействия со стороны международного сообщества на суверенные государства в целях предотвращения войн и более действенного использования в международной практике процедур мирного урегулирования еще до второй мировой войны поделили исследователей на две группы[17]. Одни аналитики, считая, что причины международных конфликтов коренятся внутри государств, видели возможности их ограничения главным образом в мерах, направленных на уменьшение физической возможности государств вести вооруженные действия, – в ограничении вооружений и разоружении. Другие же находили причины конфликтов в международной системе и, следовательно, основным средством их контроля и решения считали механизмы коллективной безопасности типа Лиги Наций, а затем ООН. При всем их различии в обоих этих подходах уже просматривалась идея управления конфликтами.

Практическая возможность реализовать эту идею в форме удержания международного глобального конфликта в состоянии напряженности без его перевода в стадию вооруженного конфликта появилась лишь в 60-е годы, когда в центре международной системы сложилась биполярная система военного равновесия. Получив опору в военно-стратегическом паритете НАТО и ОВД, эта система создала ситуацию «взаимно гарантированного уничтожения», в которой ни одна из сторон, несмотря на ее намерения и цели, не оказалась способной выиграть глобальную войну. Поэтому военная доктрина стала все больше склоняться к концепции «органиченной войны» в Европе и к переносу идеологического противоборства на периферию международной системы – в зону третьего мира. Благодаря политике сверхдержав в этот период в Юго-Восточной Азии, Южной Азии, на Ближнем Востоке, на Юге Африки и в Центральной Америке сформировались региональные балансы сил, основной формой сохранения или изменения которых стали региональные конфликты, возникавшие чаще всего между правительством

неприсоединившегося государства и идеологически оппозиционным ему движением с «негативным вовлечением» в него США и СССР, действующих непосредственно или нередко через своих «клиентов».

В этой ситуации изменения концептуального понимания войны меняется и представление о разоружении, которое на практике уступает место контролю над вооружениями как способу регулирования гонки вооружений, а воплощенная в ООН идея коллективной безопасности как другой способ упразднения войны, особенно с переориентацией международной практики на ведение внутренних региональных конфликтов, заменяется блоковой системой взаимного сдерживания.

На этой основе в международной практике и укореняется концепция управления конфликтом (conflict management), которая, как выразился американский исследователь Р. Кюнн, «больше, чем разрешение конфликтов, становится реалистической задачей»[18].

Первоначально эта концепция формировалась в контексте задачи управления кризисом, основные принципы которого, в изложении, например, австралийского исследователя К. Холбрада, предусматривали правила поведения сверхдержав в конфликтах, в частности: 1) воздержание от военного вмешательства в сферы влияния друг друга; 2) поддержание соперничества лишь в «серых зонах» мира; 3) предпочтение прямой конфронтации – конфликтного взаимодействия через доверенные государства; 4) поощрение к конфронтации с оппонентом своих союзников и «клиентов», но лишь до порога реальной угрозы большой войны; 5) побуждение соперника к ограничению конфронтационной роли его «клиентов»; 6) воздержание от военного вмешательства в локальный конфликт, если существует уверенность, что соперник будет вынужден действовать подобным же образом; 7) побуждение соперника оставаться за пределами локального конфликта, если не существует иного выбора, чем собственное вмешательство; 8) осуществление предельного самоограничения в случае прямой конфронтации с другой сверхдержавой; 9) оказание любых возможных и необходимых шагов с целью заставить оппонента пойти на самоограничение в условиях прямой конфронтации; 10) использование, если необходимо, угрозы ядерной войны, чтобы сдержать оппонента от нападения с применением ядерного оружия[19].

Более широкая и комплексная по характеру концепция стратегии контроля над конфликтами в развивающемся мире была разработана в 70-х годах Л. Блумфелдом и А. Лейс. Основная цель этой стратегии уже не в том, чтобы быть руководством для выигрыша локальных конфликтов, а в их предупреждении, сдерживании и управлении. Такие цели, по мнению авторов, достигаются посредством:

- 1) стимулирования и поощрения экономических, социальных и политических реформ в развивающихся странах;
- 2) сильного, сплоченного и эффективного локального управления;
- 3) осуществления подлинных реформ как можно раньше, предпочтительно до того, как споры перерастут в военные конфликты;
- 4) обнаружения и осознания возможности восстания перед тем, как оно начнется;
- 5) понимания того, что избыточные национальные вооружения являются источником потенциальной угрозы миру;
- 6) использования механизмов ООН и других межправительственных организаций для как можно более раннего применения предупредительных мер;
- 7) возможно более раннего прекращения огня и выхода из состояния межгосударственной враждебности;
- 8) переноса лежащего в основании конфликта спора на процедуру мирного разрешения;
- 9) акцента сверхдержав на политическое, а не военное вмешательство;
- 10) осуществления сверхдержавами нацеленной политики воздержания или даже сотрудничества с конфликтующими сторонами;
- 11) соглашения между сверхдержавами о сферах воздержания;
- 12) осуществления этой стратегии даже в конфликтах, в которых отсутствует «коммунистическое вовлечение»[20].

С распадом биполярной системы и переносом глобальных противоречий во внутреннюю сферу государств, опаздывающих в процессе своей модернизации, стратегия управления конфликтами становится действительно реалистичной, в том числе для новых независимых государств, образовавшихся на территории СССР. В

условиях существования новой структуры международной системы, освобождающейся от идеологического противостояния великих держав, появляются ранее отсутствовавшие ресурсы для осуществления этой стратегии усилиями прежде всего ООН и региональных международных механизмов, включая СНГ.

Цели этой стратегии в этом контексте должны быть направлены на:

- перевод конфликтов типа борьбы (конфликтов выживания) в конфликты типа игры (ресурсные конфликты), в которых акцентируются проблемы обладания сторонами тем или иным объемом статусных и (или) материальных ценностей;
- изменение ориентации характера целей сторон с господства и подчинения (победы) на баланс сил (преобладание), когда каждая из сторон, хотя и стремится занять более выгодную позицию по сравнению с оппонентом, не ставит вместе с тем под сомнение его право на существование;
- стимулирование сторон на формирование своих «операционных» целей в зависимости от реальных действий друг друга, а не субъективных намерений собственных руководителей;
- расширение конфликтного поля (динамики, процесса) до включения в него мирных манифестируемых форм конфликтного поведения сторон, в контексте которых появляется возможность эффективного использования методов урегулирования;
- формирование при помощи методов урегулирования необходимых правил поведения, рассчитанных на горизонтальный тип отношений, соответствующий периоду модернизации.

В качестве основного средства управления политическими конфликтами в процессе модернизации выступают внутренние меры укрепления политической стабильности[21], обращение к которым предполагает:

- 1) необходимость учета социокультурной среды существования каждого государства – характера доминирующих социальных ценностей (традиционных, современных, постсовременных), которые программируют его конфликтное поведение контекстом заданной социальной парадигмы (иерархической, реалистской, плюралистской), приводя, соответственно, к формированию определенной модели конфликта – гегемонистской, статусной или ролевой;
- 2) осознание того факта, что чем больше разница в социо-культурном уровне сторон конфликта, тем больше оснований для ожидания асимметричности конфликтного поведения и тем необходимее использование механизма управления конфликтом, требующего регулирования факторов среды, воздействуя на которые можно менять конфликтное поведение сторон в направлении выбора одной из стратегий решения конфликта. В этой связи управление внутренним политическим конфликтом необходимо осуществлять в контексте процесса политической стабильности государства, соразмеряя управление с устойчивостью развития политической системы. Это достигается организацией механизма воздействия на социокультурные, политические и социально-экономические факторы, определяющие уровень политической оппозиционности, политической поддержки и его собственной репрессивности;
- 3) дозируемое уровнем социокультурного развития конкретного общества последовательное внедрение в политическую систему элементов демократии и либерализма, расширяющих возможности реального участия народа в механизмах принятия политических решений и снижающих уровень репрессивности властей с одновременной институционализацией процесса опоры системы на согласие с обществом. «Диффузия» демократии в международной системе выполняет сегодня ту задачу предотвращения военно-политических конфликтов, которая в свое время ставилась в отношении межгосударственных конфликтов перед системами коллективной безопасности;
- 4) снижение уровня репрессивности как результата развития процесса демократизации, позволяющее средствами конверсии провести глубокие изменения структуры национальной мощи государства, с тем чтобы выйти на тот уровень экономического развития, не обладая которым государство, даже если оно имеет статус великой державы, переходит сегодня из центра на периферию международной системы. Конверсия в этом смысле занимает по отношению к

внутренним конфликтам то (положение, которое ранее отводилось разоружению как другому основному средству» предотвращения межгосударственных конфликтов;

5) проведение реальных реформ в политической и военной сферах внутренней жизни государств, соразмеряемых с их индивидуальным уровнем социокультурного развития и создающих базу для радикальных социально-экономических преобразований, которые позволяют путем снижения уровня насилия в обществе трансформировать его оппозиционность государству в отношении политической поддержки и стабильности.

Основным способом реализации стратегии управления конфликтами являются действия третьих сторон конкретных конфликтов, приобретающих форму посредничества, миротворческих операций и принудительных действий.

Посредничество в настоящее время рассматривается как наиболее общая форма третьестороннего воздействия на международный конфликт, а не просто как одна из процедур, осуществляемая дипломатией наряду с согласованием, облегчением, добрыми услугами, челночной дипломатией или сигнальным обнаружением. Среди исследователей все более укрепляется подход к посредничеству как к «процессу управления конфликтом, в котором спорящие стороны стремятся к помощи или согласны на ее получение от индивидуала, группы, государства или организации для урегулирования их конфликта и разрешения их противоречий без обращения к физической силе или к власти закона»[22].

.Весьма заметна также тенденция отхода теории и практики международного посредничества от. еще недавно бытовавшего убеждения о необходимости беспристрастности посредника как условия успешности его деятельности. Многие исследователи утверждают, и это подтверждает практика посредничества великих держав в бывшей Югославии, что неравные отношения между посредниками и спорящими сторонами иногда способствуют успешному решению конфликта. В частности, различаются две формы посреднического пристрастия: прямая поддержка и общее выравнивание с одной из сторон. Прямая поддержка выражается в том, что посредник открыто становится на позиции одной из сторон против другой, тогда как при выравнивании, которое может включать личные, политические или экономические связи, посредник более близко связан с одной из сторон по сравнению с другой. Считается, что последняя форма пристрастия является общим местом в практике посредничества, а первая может поставить посредничество в тупик[23].

Политиметрический анализ международной практики приводит, далее, к убеждению, что посредничество не может быть эффективным или успешным в любом и каждом конфликте. Такие характеристики конфликта, как его интенсивность, продолжительность или комплексность заложенных в конфликте проблем, определяют предел эффективности посредничества, а значит, и практическую необходимость использования иных инструментов управления конфликтами.

Миротворческие операции занимают ныне в этом ряду едва ли не главенствующее положение, привлекая к себе внимание прежде всего активной ролью России в их осуществлении на территории СНГ.

Под миротворческими операциями, которые первоначально возникли в практике ООН в форме «операций по поддержанию мира», понимались превентивные меры (п. 5 ст. 2. ст. 5 и 50 Устава ООН), которые осуществляются с соблюдением принципа полного сотрудничества с заинтересованными сторонами, под которым имеется в виду как добровольность участия государств – членов ООН в конкретных операциях, так и необходимость получения предварительного согласия на проведение каждой операции от государств – участников конфликта, для решения которого эта операция осуществляется. Проведение операций ограничено задачами разъединения конфликтующих сторон или наблюдения за развитием конфликта и осуществляется без применения оружия, если это не оправдывается необходимостью самообороны для защиты участвующего в операции персонала.

В настоящее время практика миротворческих операций идет по нескольким направлениям:

1) Помимо «операций по поддержанию мира» в практике ООН появились и такие виды миротворческой деятельности с участием военного персонала, так: превентивная дипломатия (функции сигнального обнаружения), собственно миротворчество, сопровождающее процедуру мирного урегулирования, и миростроительство, осуществляемое на послевоенной стадии конфликта.

2) Возникнув в рамках межгосударственного конфликта, практика миротворческих операций с 1985 г. распространилась на внутренние конфликты, в контексте которых невозможно рассчитывать на сотрудничество непосредственных сторон как принцип, выражающий саму суть миротворческой деятельности и отличающий ее от принудительных санкций[24].

Тем не менее за этот период ООН провела операции во внутренних и национально-освободительных конфликтах, которые были направлены на:

— восстановление внутреннего порядка (Конго – Заир в начале 60-х годов, Сомали 1993 г.);

— смягчение обстановки, т.е. действия, направленные на улучшение местной ситуации через осуществление договоренностей о прекращении огня в контексте операций по поддержанию мира (Босния, Южная Африка), а также миссий добрых услуг (Грузия, Азербайджан, Молдавия, Таджикистан);

298

— изоляцию некоторых конфликтных районов для того, чтобы выиграть время для политического урегулирования (Южный Ливан, бывшая Югославия);

— операции по прекращению режима оккупации, контроль за эвакуацией иностранных войск (Афганистан, Ангола);

— национальное примирение (Никарагуа, Сальвадор, Мозамбик);

— обеспечение международного карантина, т.е. невмешательства одного государства в дела другого (Афганистан – Пакистан, Македония);

— обеспечение права на самоопределение (в Западной Сахаре и в Намибии).

3) Помимо ООН практика миротворческих операций стала применяться региональными международными организациями (ОАГ, ЛАГ, ОАЕ и др.), а также отдельными государствами, в частности Россией. Именно поэтому так важно, чтобы миротворческая деятельность как средство реализации стратегии управления конфликтами в исполнении России не противостояла, а, наоборот, опиралась на авторитет и ресурсы всего международного сообщества, прежде всего ООН.

Принудительные действия в международной сфере являются прерогативой прежде всего ООН, которая в соответствии со своим Уставом имеет право «принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира» (п. 1 ст. 1). Применение коллективных мер от имени ООН регулируется положением гл. VII Устава и возлагается только на Совет Безопасности.

Несмотря на развитие в последнее десятилетие практики использования военного персонала в превентивных целях, современная международная система продолжает все-таки оставаться по своему характеру принудительной. Именно этим можно объяснить некое возрождение в ООН забытой со времен Лиги Наций идеи коллективного принуждения, на этот раз – в форме операций по установлению мира, которые в отличие от поддержания мира направлены, как утверждается, на:

— разоружение противоборствующих сторон в рамках национального примирения и частичное взятие на себя ответственности за внутри- и внешнеполитическую безопасность страны;

— разоружение нарушителей режима прекращения огня;

— силовое обеспечение режима запретных зон (запрет на полеты авиации, на проход боевой техники и личного состава и т.д.);

— уничтожение неконтролируемых вооруженных формирований и подразделений, чьи действия угрожают режиму прекращения огня;

— обеспечение общественного порядка в районе конфликта;

— силовую изоляцию района конфликта от внешних дестабилизирующих факторов.

Принуждение со стороны международного сообщества, создавая дополнительные ресурсы для стратегии управления конфликтами, по мере укрепления духа

партнерства среди великих держав будет оказывать все возрастающее влияние на процесс модернизации человечества, гарантируя ему условия стабильности.

-
- [1] Mitchell C.R. The Structure of International Conflict L, 1981 P. 23—25.
 - [2] Boulding K.E. Conflict and Defence. A General Theory. N.Y., 1962. P. 307—309.
 - [3] Ibid P. 309
 - [4] Domke W.K. War and the Changing Global System New Haven, 1981 P. 99—101.
 - [5] Boulding K.E. Op cit P. 324
 - [6] Ibid P. 326
 - [7] Restraints on War. Studies in the Limitation of Armed Conflict. Ed. by M. Howard. Oxford 1979. P. 4—6.
 - [8] Howard M. War and Nation State. Oxford, 1978. P 8.
 - [9] Mitchell C.R. Op cit P. 122—123.
 - [10] Сатноу Э. Руководство по дипломатической практике. М., 1961. С. 11
 - [11] Childs J.R.. American Foreign Service N. Y, 1948. P. 64.
 - [12] Gebrehana T. Duty to Negotiate. An Element of International Law. Uppsala, 1978. P. 44.
 - [13] Boulding K.E. Op. cit P. 310
 - [14] Nardin T. Law, Morality and the Relations of States Princeton, 1983 P. 37.
 - [15] De Reuck A. The Logic of Conflict – Its Origin Development and Resolution//Conflict in World Society A New Perspective on International Relations / Ed by M. Banks. L, 1984. P. 96—111.
 - [16] Mitchell C. R. Op. cit. P. 275—277.
 - [17] Waltz K.N. Man, the State and War. N.Y, 1959 P. 6. Luard E. War in International Society. L, 1986 P. 12.
 - [18] Киппе R.E. Conflict Management in Mature Rivalry//The Journal of Conflict Resolution 1989. Vol. 33 (3) P. 566
 - [19] Holbraad C. Superpowers and International Conflict L, 1979 P. 110—111.
 - [20] Bloomfield L.P., Leiss A.C. Controlling Small Wars: Strategy for the 1970s N.Y, 1969. 408—413.
 - [21] См.: Скакунов Э.И. Методологические проблемы исследования политической стабильности//Международные исследования. 1992 (6) С. 5—42.
 - [22] Bercovitch J. and Langley A. The Nature of the Dispute and the Effectiveness of the International Mediation//The Journal of Conflict Resolution. 1993. Vol. 37 (4). P. 671.
 - [23] Wittmer J. M., Carnevale P. and Walker M. E. General Alignment and Overt Support in Biased Mediation//The Journal of Conflict Resolution. 1991. Vol. 35 (4). P. 594—597.
 - [24] James A. Internal. Peace-keeping. A Dead End for the UN?//Security Dialogue. 1993. Vol. 24 (4). P. 359—367.

§ 31. НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ

1. Неформальный арбитраж.

Главная черта юридического способа разрешения конфликтов – это его регламентированность правовыми нормами. Когда известны правила взаимодействия сторон и вероятные последствия рассмотрения проблемы, конфликт разрешить легче, чем сделать это в состоянии неопределенности. Однако подчас чрезмерная формализация действий и отношений сторон, характерная для юридических процедур, начинает препятствовать договоренностям, усложняет переговорный процесс. В таких случаях выгоднее и эффективнее воспользоваться неформальными {или квазигиридрическими} методами разрешения конфликтов, которые являются дополнением рассмотренных выше институтов и процедур-.

Кратко остановимся на некоторых из этих методов.

1. Неформальный арбитраж.

Речь идет, по существу, о нескольких видах третейского (неофициального) суда, избираемого самими сторонами. Рассмотрим четыре его разновидности.

а) Обязывающий арбитраж представляет собой процесс, в котором конфликтующие стороны выбирают нейтральное лицо или несколько лиц (как правило, в количестве не менее трех человек) для рассмотрения их споров и вынесения окончательного решения, имеющего обязательную для них силу. Как и судебное разбирательство, арбитраж является состязательным процессом, направленным на решение спорных вопросов, представленных сторонами. Тем не менее арбитраж значительно отличается от судебного процесса, так как здесь отсутствуют нормы, регулирующие процесс предоставления и оценки доказательств и саму процедуру разбирательства; кроме того, здесь имеется большая гибкость в выборе арбитров; заседания носят большей частью закрытый характер. Решениям обязывающего арбитража государственные органы (например, суды) могут придавать принудительную силу, если это было предусмотрено сторонами.

В том случае, если процедура работы арбитража является предметом соглашения, стороны сами устанавливают основные нормы, определяющие положение арбитра и пределы его полномочий. Там, где данная процедура определена законодательно, ход рассмотрения спора четко установлен:

б) Рекомендательный арбитраж. Процедура рекомендательного арбитража аналогична процедуре обязывающего арбитража лишь с тем исключением, что решение, вынесенное арбитрами, носит рекомендательный характер. Стороны могут принять его либо отвергнуть и передать дело в суд или прибегнуть к иной обязывающей процедуре. Стороны могут также заранее дать согласие на использование выводов арбитража в качестве помощи при разрешении конфликта путем переговоров или иными способами.

в) Арбитраж «окончательного предложения». Этот арбитраж является разновидностью обязывающего арбитража, при котором каждая из сторон должна представить на рассмотрение арбитража свой вариант арбитражного решения по данному спору. Арбитр в свою очередь вправе выбрать любое из них без каких-либо изменений. Такой подход способствует сближению позиций сторон и позволяет им прийти к соглашению.

г) Ограниченный арбитраж. Ограниченный арбитраж является еще одной разновидностью обязывающего арбитража, в котором стороны ограничивают риск вынесения невыгодного для них решения, устанавливая определенные пределы рассмотрения дела еще до начала арбитражного разбирательства. Эти ограничения сообщаются арбитру. По завершении разбирательства, в случае если решение арбитра выходит за указанные границы в любую сторону, взаимные претензии будут удовлетворены в соответствии с заранее достигнутым соглашением.

2. Посредничество. Его отличие от арбитража состоит в том, что сам посредник ничего не решает, он только содействует переговорам сторон.

Прямая задача любого посредника – организовать контакты и переговоры, помочь найти формулу согласия, не унижающую достоинства конфликтующих сторон. В зависимости от характера и масштабов конфликта посредничество может быть международного, федерального и местного уровней. Весьма полезными являются создание конфликтных комиссий или третейских судов на основе советов представителей национально-культурных, общественных объединений федерального, республиканского, областного уровней, а также образование временных согласительных комиссий в зонах конфликтов. Роль миротворчества и посредничества могут играть религиозные общины, советы старейшин, молодежные, женские и другие организации.

Функции посредника определяются отчасти пожеланиями сторон, а отчасти установкой самого субъекта, выбранного для посредничества. Некоторые посредники сами предлагают условия соглашения и пытаются уговорить стороны пойти на взаимные уступки, другие же работают только с предложениями сторон и помогают им оценить возможные варианты решений. Как минимум, посредники создают обстановку, в которой стороны могут конструктивно общаться друг с другом и помогают сторонам в преодолении препятствий к достижению соглашения. В противоположность арбитрам посредники зачастую приглашаются для консультации по самой процедуре решения спора, а не для рассмотрения предмета спора.

Посредничество позволяет сторонам выработать такое решение, которое в наиболее полной степени соответствует их интересам, причем принимаются во внимание и разногласия, не связанные с данным спором. Эта процедура дает значительные возможности для защиты интересов сторон и вместе с тем способствует их примирению. При этом посредник стремится ослабить «ослепляющие» эмоции, сопровождающие некоторые виды споров, и помочь сторонам сосредоточиться на своих интересах и целях на разных приемлемых для них условиях. Виды посредничества также различны.

а) **Нейтральный слушатель.** Нейтральный слушатель – это посредник, третья сторона, выбранная спорящими для получения от каждой из сторон предложений по урегулированию спора. Не раскрывая содержания, слушатель дает советы сторонам в том случае, если их предложения имеют сходство в тех или иных вопросах. Последние определяются соглашением сторон заранее, наряду с механизмом преодоления различий в том случае, когда предложения выходят за установленные границы. Если предложения вышли за согласованные пределы, нейтральный слушатель может содействовать сторонам в сближении их позиций и достижения окончательного соглашения.

Нейтральным слушателем нередко становятся бывший судья, парламентарий, другой политик или юрист, имеющие практику в соответствующей области.

Разновидность нейтрального слушателя – нейтральный эксперт. Это либо индивид, либо организация, призванные предоставить рекомендательное заключение по фактическим либо юридическим вопросам. Как правило, конфликтующие стороны заранее решают, каким образом будет использовано данное заключение. Например, стороны могут обратиться к судье или юристу (ученому) с просьбой дать толкование спорной нормы права и условиться, что это мнение будет определяющим и будет использовано в процессе ведения непосредственных переговоров при посредничестве и даже в ходе суда.

б) **Содействие.** Содействие – это процесс сотрудничества, призванный помочь социальной группе или коллективам, придерживающимся различных взглядов, достичь единой цели или решить спорную проблему к взаимному удовлетворению. Различия во взглядах могут касаться какого-либо конкретного предмета или быть связаны с принятием общих решений.

Поиск фактов для выработки соглашения – совместный или независимый (раздельный). Поиск фактов, как вытекает из самого названия, есть процесс, с помощью которого выявляются обстоятельства, связанные с данным конфликтом. При совместном поиске фактов стороны определяют представителей, которые вместе ищут ответы на вопросы, связанные с фактической стороной дела. При независимом поиске фактов каждая из сторон устанавливает также обстоятельства самостоятельно или стороны выбирают третье лицо для выполнения аналогичной функции. Как правило, стороны заранее определяют, каким образом будут использованы результаты этого процесса. Поиск фактов зачастую используется совместно с другими процедурами для альтернативного решения спора.

в) **Смешанные способы.** Могут встретиться ситуации, в которых переплетены возможности различных альтернативных способов. Например, спорящие могут передать один пункт своих разногласий на разрешение арбитража или третейского суда, в то время как остальные разногласия могут быть решены с помощью посредника или путем соглашения.

Посреднический арбитраж – одна из наиболее известных смешанных форм разрешения конфликта. При его использовании стороны договариваются о том, что вопросы, не решенные путем посредничества, будут решены посредством арбитража. Стороны могут выбрать определенное лицо, которое будет действовать и в качестве посредника, и в качестве арбитра, хотя совмещение этих функций не всегда бывает полезным.

Многоступенчатая структура решения конфликта означает соглашение сторон на использование ряда способов решения споров. Это соглашение может быть достигнуто до возникновения конфликта, а может стать частью более широкого соглашения, принятого в связи с конкретным спором. Первым шагом, как правило,

является закрепление той или иной формы переговоров (желательно непосредственных) Второй ступенью может служить посредничество или какая-либо другая форма, способствующая достижению соглашения. Последняя ступень независимо от количества предшествующих ей ступеней предполагает, что соглашение не было достигнуто на более ранних стадиях Она предоставляет возможности для вынесения обязательного решения либо посредством арбитража, либо через третейский суд, либо , через суд непосредственно. Содержание положений о многоступенчатом решении споров должно быть рассчитано на конкретный вид конфликта, могущего возникнуть в данных условиях либо уже возникшего

3. «Двухколейный» подход. Он предполагает использование любой из приведенных выше процедур либо традиционных переговоров, либо совокупности иных процедур. Представители спорящих сторон пытаются достичь соглашения путем переговоров либо с помощью альтернативных способов. Такой подход особенно полезен в ситуации, когда невозможно избежать судебного разбирательства, а другие возможности достижения соглашения еще не найдены. Тактические возможности судебного разбирательства могут быть использованы для того, чтобы заставить другую сторону согласиться на решение спора альтернативными способами. Данный подход эффективен и в тех случаях, когда возможность судебного разбирательства воспринимается с недоверием или когда предложения перемирия воспринимаются как признак слабости.

4. Польза консенсуса. Все рассмотренные выше методы разрешения конфликтов в своей основе являются консенсуальными, согласительными.

Однако, несмотря на повышенную эффективность решений, принятых на основе консенсуса (решение, против которого никто не возражает), внутреннее законодательство обычно не содержит требований решить какие-либо вопросы исключительно таким методом Это объясняется многими причинами: резкой конфронтацией сторон, недостаточным уровнем политической культуры, неразвитостью юридической техники, ориентацией правовой установки на силовые методы решения конфликта и т.п.

В результате проявляются такие негативные издержки, как практика многократного согласования позиций, затягивающая принятие важных правовых актов, возникает опасность принятия «растянутых», расплывчатых решений.

Даже в международном праве, где сдвиг в пользу консенсу-ального метода принятия решений связан с уважением суверенитета государств и невозможностью принудительного исполнения решений, его применение в ряде случаев встречает затруднение. Поэтому путем консенсуса решаются только наиболее важные вопросы. Например, необходимость консенсуса на III Конференции ООН по морскому праву была вызвана тем, что некоторые государства предлагали коренным образом пересмотреть многие нормы международного морского права, против чего выступали другие страны. Но если значительная часть государств будет придерживаться существующих норм, а другие следовать новым, возникает крайне опасная ситуация, практически означающая отсутствие всякого порядка на море. Консенсуса на конференции добиться не удалось, что снизило значение принятой Конвенции, осложнило ее ратификацию.

Обычно соответствующая организация (или международная конференция) сама определяет, какие вопросы будут решаться методом консенсуса, имея в виду, что данный принцип применяется «насколько это возможно» (пока удастся преодолеть возникающие разногласия). В качестве запасного варианта предусматривается обычный метод принятия решений большинством голосов.

И все же консенсус последовательно утверждает себя в политической и правовой практике. Исключительно на основе консенсуса работало Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, неизменно соблюдается консенсуальная процедура в Совете Безопасности ООН, в Комитете по использованию космического пространства в мирных целях и в целом ряде других организаций.

Внутри государства утверждение консенсуса как ведущего метода принятия правовых решений требует времени и накопленного опыта, особенно при отсутствии

базовых основ для общественного консенсуса. Только на основе консенсуса могут разрешаться национальные, территориальные и религиозные конфликты. Еще И.А. Ильин писал, что «федерация возможна только там, где народу (или народам) присуще искусство соглашения и дар политического компромисса»[1].

Но в общем к определению круга вопросов, требующих исключительно консенсуального решения, надо подходить взвешенно.

Может быть (по крайней мере на современном этапе), полезнее совершенствовать технику консенсуса и шире применять ее для преодоления особенно острых разногласий.

[1] Ильин И. А. О русском национализме. Что сулит миру расчленение России. Новосибирск, 1991. С. 54.

§ 32. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КОНФЛИКТА

1. Общие положения.

Предупреждение конфликта, конечно, гораздо более разумно и полезно со всех точек зрения, чем прекращение или разрешение конфликта, уже имеющего место. Поэтому на предупреждение конфликтов направлены значительные усилия общества и государства. В основном это связано с межгосударственным и криминальными конфликтами, угрожающими жизни, здоровью, имуществу граждан, общественным интересам и ценностям. В 90-е годы в нашей стране, да и в некоторых других странах (США, Индия, Испания) стали обращать серьезное внимание и на предупреждение межнациональных конфликтов. Правда, это направление государственной деятельности приобрело общепризнанное значение сравнительно поздно – когда межнациональные конфликты уже развернулись в полной мере.

Предупреждению межгосударственных конфликтов постоянно уделяют внимание такие органы мирового сообщества, как Совет Безопасности и Генеральная Ассамблея ООН, а также региональные военно-политические организации.

Нельзя не отметить, к сожалению, что эффективность предупреждения конфликтов во всех отмеченных направлениях невелика.

Объясняется это главным образом тем, что проблема постороннего вмешательства в конфликт на его ранней, а тем более латентной стадии имеет препятствия. С одной стороны, такое вмешательство (а при раннем предупреждении – даже «предвмешательство») социально полезно, часто – необходимо и, во всяком случае, более продуктивно, чем, бесстрастное ожидание развязки. Достаточно вспомнить историю возникновения второй мировой войны, чтобы убедиться в справедливости этого вывода.

Но, с другой стороны, конфликт нередко рассматривается (и не без основания) как частное дело сторон. С позиций гуманизма и невмешательства в чужие дела навязывать свое решение, а тем более принуждать стороны к согласию или определенному поведению неэтично, неправомерно или несвоевременно. Поэтому и получается, что вмешательство в конфликт (а предупреждение – одна из форм вмешательства) возможно только тогда, когда конфликт перерастает рамки личных (групповых) отношений и становится – по масштабам интенсивности, объекту и др. – общественно значимым событием, затрагивающим жизненные интересы других сторон.

Предупреждение конфликта заключается в воздействии на его элементы: участников, мотивы их поведения, объекты, используемые силы и средства до того, как противостояние возникло. Поэтому, в зависимости от характера конфликта, предупредительная деятельность может быть весьма разнообразной. Остановимся на некоторых ее аспектах.

2. Устранение причин.

Наиболее эффективной формой предупреждения конфликта является устранение его причин. Эта деятельность проявляется на разных уровнях.

На общесоциальном уровне речь идет о выявлении и устранении крупных экономических, социальных и политических факторов, дезорганизующих общественную и государственную жизнь. Перекосы в экономике, резкий разрыв в уровне и качестве жизни больших групп и слоев населения, политическая неустроенность, неорганизованность и неэффективность системы управления – все это служит постоянным источником крупных и мелких, внутренних и внешних конфликтов. Предупреждение их предполагает последовательное проведение социальной, экономической, культурной политики в интересах всего общества, укрепление правопорядка и законности, повышение духовной культуры людей. Это – так называемое «общее предупреждение» любых социально негативных явлений в обществе, в том числе и конфликтных ситуаций. Для его планомерного осуществления нужна продуманная стратегия развития общества, пользующаяся массовой поддержкой населения.

Существенное значение в профилактической работе принадлежит изменению ценностных ориентации населения в направлении повышения уважения к человеку, укрепления доверия к нему, борьбы с насилием, нетерпимостью к чужим мнениям. Терпимость, плюрализм мнений, гласность – относительно новые явления в нашем обществе, они еще не вошли органически в его «плоть и кровь». Тем более актуальна настойчивая работа по преодолению отрицательных явлений, изживанию «субкультуры насилия», характерной для многих слоев населения, по уважению и защите прав человека, законных интересов личности.

В целях общесоциального предупреждения конфликтов необходимо выявление и изучение многочисленных конфликтов, возникающих в общественной жизни, чему должно способствовать развитие конфликтологических исследований. Каждый конфликт на производстве, в быту, сфере досуга возникает по конкретным причинам и при определенных условиях. Это конкретное обычно отражает более общие проблемы и противоречия той или иной сферы жизни. Поэтому анализ и объяснение объективных причин возникновения наиболее распространенных случаев и последующее обобщение данных может сыграть важную роль в определении круга социальных проблем, нуждающихся в безотлагательном решении, – Экономических, политических, социальных. Психологические исследования, срез общественного мнения, массового настроения дают существенные результаты для определения направленности усилий социальных институтов и властных структур.

В психологическом, индивидуальном плане устранение причин конфликта тесно связано с воздействием на мотивацию участников и предполагает выдвижение контрмотивов, которые заблокировали бы первоначальные агрессивные намерения конфликтующего участника. В начале книги мы привели пример, когда из-за спора о размерах огородного участка Иван Иванович решил отнять у соседа часть урожая помидоров. Жена отговорила его от этих действий. Она настоятельно подчеркивала недопустимость такого поступка, сравнивая его с воровством, стыдила мужа и упрекала в мелочности и склочности. Этого оказалось достаточно, чтобы конфликт угас, не начавшись.

Особо важное значение имеет предупреждение межличностных криминальных конфликтов, сопряженных с насилием. Анализ мотивов преступления в процессе расследования, являющийся, согласно требованиям уголовно-процессуального законодательства, обязательной стороной расследования, чаще всего ограничивается самым общим указанием на мотивы, обозначаемые в устаревших юридических категориях безотносительно к их подлинному психологическому содержанию. Нередко, как известно, утверждается о «беспричинности» совершаемых преступных действий. Это мнение характерно и для средств массовой информации, которые подменяют им свое неумение проанализировать ситуацию.

Глубокий и компетентный анализ сути конфликтных ситуаций и мотивов поведения субъектов еще на ранних стадиях, пока разногласия не переросли в насилие, помог бы избежать многих оплошностей в работе правоохранительных органов. Как известно из практики развитых стран, предупреждение бытового насилия начинается

с контроля за ситуациями, характеризующимися затяжными конфликтами. Иными словами, предупреждение криминальных конфликтов требует выделения в работе правоохранительных органов специальных функций.

3. Поддержание сотрудничества.

Прежде чем вступить в противоборство, будущие соперники находятся скорее всего в нейтральных взаимоотношениях, а возможно, и сотрудничают между собой (сослуживцы, соседи, члены семьи, общественные организации, государства). В таком случае весьма надежный путь предупреждения конфликта состоит в том, чтобы не разрушить имеющееся, пусть минимальное, сотрудничество, а укрепить его, поддержать и усилить. Конфликтологами разработан ряд методов поддержания и развития сотрудничества. К ним, в частности, можно отнести следующие методы[1]:

- а) согласие, состоящее в том, что возможного будущего противника вовлекают в дело. Так, например, поступил Президент Российской Федерации в 1993 г. при подготовке нового проекта Конституции РФ. Созвав Конституционное совещание, он пригласил участвовать в нем не только своих сторонников, но и вероятных противников, в том числе депутатов Верховного Совета РФ и представителей многих политических партий;
- б) практическая эмпатия, предполагающая «вхождение» в положение партнера, понимание его трудностей, выражение сочувствия ему и готовности помочь;
- в) сохранение репутации партнера, уважительное отношение к нему, хотя интересы обоих партнеров в данное время и расходятся;
- г) взаимное дополнение состоит в использовании таких черт партнера (будущего соперника), которыми не обладает первый субъект. Развивая и используя эти черты, можно укрепить взаимное уважение и сотрудничество и избежать конфликта;
- д) исключение социальной дискриминации означает недопущение подчеркивания различий между партнерами по сотрудничеству, какого-либо превосходства одного над другими (хотя оно, возможно, и имеется). «Даже если Вы делаете работу лучше других, не ведите себя, как победитель», – советует японский автор[2];
- е) разделение заслуг. Общие заслуги, хотя большая их часть, допустим, принадлежит одному лицу, в тактических целях нужно разделить между всеми участниками той или иной работы. Этим достигается взаимное уважение и снимаются такие негативные эмоции, как зависть, чувство обиды и т.п.
- ж) психологическое настраивание довольно многообразно. В своих конкретных проявлениях оно может состоять, например, в своевременном информировании партнера о возможных или предстоящих переменах, обсуждении с ним последствий этого и т.д. В нашей действительности государственные руководящие органы зачастую совершенно пренебрегают этим методом предупреждения конфликтов. Достаточно напомнить проведение в 1993 г. денежной реформы (изъятие денег образца до 1992 г.), о котором население не только не было заранее предупреждено, но, напротив, введено в заблуждение предыдущими обещаниями;
- з) психологическое «поглаживание». Речь идет о поддержании хорошего настроения, положительных эмоций по самым различным поводам, что снимает напряженность, вызывает чувство симпатии к партнеру и тем самым заметно затрудняет возникновение конфликтной ситуации.

Названные методы поддержания и укрепления сотрудничества, конечно, не являются исчерпывающими. Все что может способствовать сохранению нормальных деловых отношений между людьми, укреплению их взаимного доверия и уважения, «работает» против конфликта, предупреждает его возникновение, а если уж он начался – способствует его скорейшему разрешению.

4. Институционализация отношений.

Для того чтобы не допустить конфликта, полезно укреплять позитивные отношения возможных его участников. Но не меньшую роль может сыграть и Институционализация этих отношений, т.е. создание постоянных или временных форм отношений, в которых происходит взаимодействие сторон – таких форм, которые не ведут к

конфликту, а приемлемы для общества и помогают решению спорного вопроса. Здесь – большое поле деятельности юридических, правоохранительных органов. Когда такие правовые и социальные институты существуют и действуют, еще до возникновения конфликта, то они могут сыграть весьма позитивную роль. Не исключено и создание такого рода организаций в условиях уже имеющегося конфликта.

У нас был уже не раз поставлен вопрос о создании так называемой конфликтологической службы, которая выполняла бы экспертные и консультационные функции. «Основная ее задача должна состоять в том, чтобы на базе серьезного диагностического и прогностического анализа отслеживать зарождение и развертывание конфликтных процессов и в зависимости от их характера выдвигать обоснованные предложения по их локализации, рационализации и. регулированию»[3].

Заслуживает внимания и идея о создании этического кодекса конфликтолога. Предусматривая правила анализа, предупреждения и разрешения конфликта, а также поведение исследователя, такой документ мог бы сыграть важную профилактическую роль. С обоими названными предложениями хорошо сочетается идея развертывания конфликтологического обслуживания (образования). Конфликтология, как комплексная дисциплина, могла бы изучаться поначалу на таких факультетах, где преподаются социология, психология, право, политология.

Важное значение в предупреждении конфликтов принадлежит общественным объединениям. По мнению Т. Гейгера, классы и социальные слои – носители противоположных интересов могут сформировать временную общность, члены которой будут придерживаться разных взглядов, но сходитьсь во мнении, что так или иначе спорный вопрос должен быть разрешен ими самими[4]. Иначе говоря, был бы создан некий «круглый стол» для обсуждения спорных проблем. При этом, считает указанный автор, борьбы как таковой уже не будет, ее подменит развитое переплетение общественных организаций.

Надо отметить, что близкая к этому точка зрения, хотя и сформулированная совсем по-другому, настойчиво выражалась многими публицистами и политическими деятелями, в том числе М.С. Горбачевым, еще в 1991—1992 гг. Речь идет о призывах к общественному согласию и объединению всех сил и всех слоев общества в интересах возрождения России и успешного осуществления экономической реформы. Конечно, временное объединение тех или иных слоев населения или политических партий под популярным лозунгом возможно, но в современных условиях российской действительности эта задача пока представляется довольно утопичной.

Возвратимся к проблеме институционализации отношений до и во время конфликта. Л. Козер считал, что сама социальная структура содержит гарантии единства внутригрупповых отношений перед лицом конфликта: это институционализация конфликта и определение степеней его допустимости. Социальные структуры отличаются друг от друга, в частности, дозволенными способами выражения антагонистических притязаний и уровнем терпимости в отношении конфликтных ситуаций[5].

Эта мысль несомненно правильна. Нельзя не отметить, что в тоталитарном обществе никакие конфликты не поощряются. Конфликты индивида с государством влекут репрессии, с должностным лицом – разрешаются самими же чиновниками; бытовые конфликты становятся предметом разбирательства партийных и общественных организаций, а иногда и государства; видимые конфликты на национальной почве практически исключены.

В демократическом обществе возрастает число конфликтных ситуаций, но зато используются старые и создаются разнообразные институты, предназначенные для их разрешения. Чаще используется право обжалования в суд незаконных действий должностных лиц и коллегиальных органов. Свобода слова и многопартийная система дают возможность открыто обсуждать политические конфликты на самом широком общественном уровне. Такая же возможность существует и для представительных органов власти. Практически отсутствуют репрессии по

политическим мотивам. Все это, казалось бы, создает благоприятную почву для предупреждения многих конфликтов и их мирного разрешения.

В действительности, однако, дело обстоит не совсем так. Создавая институты, направленные на предупреждение нежелательных форм противоборства, надо учитывать всю сложность этой проблемы. Л. Козер справедливо обратил внимание на то, что социальные системы могут сильно отличаться друг от друга уровнем толерантности и институционализации конфликтов; нет таких обществ, где любое антагонистическое требование могло бы проявиться беспрепятственно и незамедлительно[6]. Но в нашем обществе в 90-е годы некоторые лица и группы попытались достигнуть этого немыслимого положения, руководствуясь, видимо, тезисом Раскольникова: «Все дозволено». Война законов, суверенитет областей и районов, бессилие милиции и бездействие власти – все это привело не к институционализации, а к безудержному росту конфликтов.

Любым «отдушинам», создаваемым для сохранения стабильности социальной структуры, а также применяемым санкциям свойственна функциональная незавершенность, они способны дать обычно лишь частичный регулирующий эффект. Правоту этого соображения нетрудно видеть, если вспомнить о неудавшихся попытках путем издания указов обеспечить сдачу населением оружия или посредством введения чрезвычайного положения прекратить межнациональную борьбу. Создание институтов для разрешения конфликтов – дело долгое, трудное и неблагодарное. Но его надо делать, – конечно, с учетом региональных и национальных условий и обстоятельств нашего переходного исторического периода.

5. Нормативные механизмы.

Говоря об институционализации конфликта, необходимо особо подчеркнуть значение нормативного подхода к его регулированию. Нормы поведения можно в известном смысле также считать институциональным образованием; во всяком случае институты, как известно, без норм не действуют.

Конфликт, как и всякое отношение между людьми, в той или иной степени также регулируется нормами общественного поведения. При этом действуют нормы различного рода и содержания: правовые, нравственные, религиозные, политические и т.д. Нормативное регулирование конфликтов, в отличие от временно действующих институтов, делает систему более стабильной, определяет долговременный порядок развития и разрешения конфликтов и тем самым является наиболее эффективным для развитых общественных систем.

Разумеется, использование норм различной природы для урегулирования конфликтов имеет свои особенности, определяемые как природой норм, так и тем, что они действуют здесь в специфической обстановке, в процессе противоборства сторон. По-видимому, наибольшее значение при регулировании конфликтов имеют нравственные нормы поведения людей. И это естественно, поскольку почти любой конфликт так или иначе затрагивает нравственные представления: о добре и зле, правильном и неправильном поведении, чести и достоинстве, справедливости и порядочности, вознаграждении и наказании и т.п. Следовательно, здесь действуют нравственные нормы, в соответствии с которыми уже сам конфликт и его участники получают нравственные оценки. Трудность, однако, состоит в том, что эти оценки неоднозначны, а порой и весьма различны, даже противоположны. Как известно, нравственные нормы не являются общепринятыми и одинаковыми для разных классов, социальных слоев, групп и даже индивидуумов. Разумеется, это не исключает общечеловеческой морали, но, во-первых, она распространяется лишь на ограниченный круг действий и отношений («не убий», «не укради» и т.п.), а во-вторых, даже и эти общечеловеческие ценности приемлемы далеко не всеми, а иначе не было бы и многих конфликтных ситуаций.

В результате конфликт и его причины нередко расцениваются по-разному не только его участниками, но и окружающими, что, в свою очередь, способно расширить его масштабы и вызвать новые конфликты. Самый наглядный пример – отношение населения некоторых регионов к межнациональным распрям, в которых часть

жителей видит недопустимое нарушение прав человека и даже геноцид, а другая часть – законное утверждение своего национального достоинства и суверенитета.

Нравственные нормы, в том числе и относящиеся к конфликтам, обычно нигде не записаны и вообще четко не сформулированы. Хотя, впрочем, в свое время существовал дуэльный кодекс, определявший основания и порядок вызова на поединок и правила его проведения. Базой такого кодекса были представления о дворянской чести и нравственности.

К сожалению, обращение к нравственным нормам и представлениям в нашей практике встречается еще редко. Нельзя не согласиться с М.С. Айвазяном, отмечавшим, что при забастовках шахтеров упор делался, как правило, только на экономические факторы, но никто не обращался к моральным оценкам забастовки, подрывающей благосостояние всего общества[7]. А было бы полезно, и, вероятно, убедительно перевести спор в плоскость справедливости распределения ресурсов и нравственной оценки завышенных требований шахтеров по сравнению с уровнем жизни остального населения.

Конфликтная ситуация может регулироваться религиозными нормами. Особенно характерно это для тех религий, где, подобно мусульманству, религиозные правила распространяются, помимо чисто церковных отношений, на довольно широкую область гражданской жизни (брак, семья, обучение и др.). Конфликт может иметь и межрелигиозный характер (например, отношения между православными и католиками на Украине, исламистами и христианами в Средней Азии и Закавказье). Здесь регулирование конфликта существенно затрудняется и соблюдение самих по себе религиозных норм становится явно недостаточным.

Важное значение для нормативной характеристики конфликтов имеют нормы права. В отличие от нравственных и религиозных правил, правовые нормы однозначны, они закреплены в законах и других актах и санкционированы государством. Из этого следует, что правовая оценка предпосылок и самого конфликта имеет официальный характер и не может быть изменена под давлением одной из сторон или под воздействием общественных настроений и пристрастий. В полной мере это относится и к конфликтам, подпадающим под действие норм международного права.

Упомянем далее о политических нормах, не имеющих юридического характера. Часто говорится о том, что тот или иной международный конфликт может или должен быть улажен мирными, политическими средствами. Имеются в виду переговоры, встречи глав государств, взаимные уступки и другие акции, в том числе и не оформляемые в юридическом (международно-правовом) порядке. Существуют, далее, нормы поведения политических партий, движений и других общественных организаций. К такого рода нормам относятся и устные договоренности между руководителями государств.

Нормативный характер имеют и различного рода правила, вырабатываемые в общечеловеческой для регулирования самого разного рода отношений. Не все из них можно отнести к нормам нравственности. Например, в спорте существуют правила проведения различных соревнований. Некоторые из соревнований, игр несомненно по форме близки к реальным конфликтам, являясь их своеобразными имитациями, искусственно создаваемыми и законно признанными (бокс, шахматы, футбол и многие другие). Само участие в этих конфликтах представляет удовольствие для сторон (и болельщиков). Но правила их проведения должны строго соблюдаться. При этом будут предупреждены и подлинные – межличностные и групповые конфликты, которых в спорте немало.

В США и многих других государствах широко распространено в целях предупреждения конфликтов включение в договоры, заключаемые между фирмами, а также и между частными лицами, специальных параграфов, предусматривающих поведение сторон при возникновении споров. Эти параграфы весьма детализированы. Сошлемся в качестве примера на рекомендацию Американской Ассоциации судей. Она считает, что при подготовке любого делового контракта в нем надо по меньшей мере предусмотреть:

- письменный обмен мнениями в случае возникновения разногласия (а не просто устные разговоры);

- с самого начала разногласия – привлечение помощника или консультанта;
- использование любых попыток примирения;
- обеспечение достаточно высокого уровня лиц, ведущих переговоры;
- установление нескольких этапов переговоров;
- в случае неудачи переговоров – определение арбитра, а также судебного или иного порядка рассмотрения спора.

Несомненно, что заблаговременная запись в контракте этих и других условий предупреждает спонтанный конфликт, удерживает стороны от непродуманных поступков.

6. Юмор в конфликте.

Роль юмора в качестве способа предупреждения и ослабления конфликта является общепризнанной. В своем учебнике по социологии Н. Смелсер, касаясь ролевых конфликтов в семье, создающих напряженность, с уверенностью называет любую шутку реальной возможностью «выпустить пар»[8]. В рамках же модели межличностного взаимодействия юмору и смеху многими приписывается набор таких целительных средств, которому мог бы позавидовать любой фармацевт. Отсутствие эмпирических исследований в этой области отнюдь не опровергает эту точку зрения. Зигмунд Фрейд был одним из первых исследователей, рассмотревших юмор в качестве защитного средства. «Защитные процессы, – пишет он, – являются психическими коррелятами рефлекса бегства и преследуют цель: предупредить возникновение неудовольствия... Юмор может быть понят как высшая из этих защитных функций»[9].

Объясняя место шутки, каламбура в логике неврозов, Фрейд считал, что следующий за ними смех разряжает напряженность, созданную ограничениями со стороны социальных норм. Такая разрядка вызывает чувство удовлетворенности, хотя бы и временное, у участников конфликта и способствует разрешению проблем. «У всякого глупца хватает причин для уныния, и только мудрец разрывает смехом завесу бытия» (И. Бабель).

На психологическом уровне конфликта утверждение о полезности юмора и смеха подтверждается жизненным опытом многих поколений. «Иногда надо рассмешить людей, чтобы отвлечь их от желания Вас повесить», – утверждал Бернард Шоу. Юмор и смех, как правило, ведут к сублимации конфликта. Разумеется, сублимация – не решение конфликта, поэтому риск его эскалации остается. Но острота ситуации несомненно ослабевает.

Функция юмора также заключается в идентификации – процессе отождествления себя с другим человеком, трупой. Эмоциональная солидарность с другими способствует усвоению моделей социального поведения, осуществляемого группой, принятию ее норм и ценностей. Шутки и остроты внутри группы обычно способствуют ее сплочению. При напряженности между отдельными людьми, принадлежащими к разным группам, а также между самими группами официальные (формальные) отношения могут быть изменены под воздействием юмора в ту или иную – большей частью положительную – сторону. Результатом может быть переосмысление сложившихся отношений, приводящее к созданию «моста» между соперничающими группами. Однако в условиях открытого конфликта стороны обычно боятся юмора и сатирических интенций, видя в них для себя угрозу или оскорбление.

Двойственную функцию играет юмор и смех в необходимой смене политических лидеров. Принижение их роли всегда было целью таких проявлений юмора, как политические карикатура, анекдот, сатира. Именно по этой причине в тоталитарных обществах на подобное творчество существует безусловный запрет, подкрепляемый даже уголовной ответственностью. В переходных или демократических обществах ситуация складывается иначе.

Обычно на смену политикам, играющим на классовой или национальной нетерпимости, как правило, приходят лидеры согласия. Это происходит чаще всего на фазе «затихания» конфликта и процесс этот можно ускорять: смена политиков так же необходима, как и круговорот в природе. Старающегося удержаться у. власти не стоит свержать, – как говорится, себе дороже, – достаточно изучить некоторые его

черты, а заодно и «свиту короля». Обнаруженные при этом паранойя и нарциссизм, столь характерные для подобного рода лидеров, – излюбленная тема юмористов. Скрытый конфликт между лидером и массой может быть предупрежден или разрешен на ранних стадиях путем обычных процедур, главная из которых – свобода слова и печати. Параноидальные отклонения, столь характерные для большинства крупных лидеров, всякое уважающее себя демократическое общество может контролировать с достаточной надежностью.

Осмеяние какого-либо влиятельного лидера всегда являлось орудием оппозиции. Известный психолог А. Бэн, а затем и Е. Амбарцумов с достаточным основанием считают, что само принижение лидера порождается современным сочетанием двух противоположных тенденций – к персонализации власти и к усилению общественного мнения, когда рядовой гражданин говорит вслух то, что раньше не позволял себе и думать. «Особого вреда это не приносит, – пишет С.Н. Паркинсон, – и те, кто склонен к высокомерию, вынуждены смеяться над собой»[10].

Было бы неверным, конечно, оценивать юмор в качестве средства, исключительно смягчающего конфликт. Это заметно на этнических шутках, подчас обостряющих отношения; они встречаются в разных странах, но обычно имеют сходное содержание. А. Зидервельд считает, например, что они выражают: 1) воображаемую глупость осмеиваемой этнической группы; 2) ее скупость; 3) ее сверхсексуальность, или, напротив, импотентность[11].

Некоторые исследователи считают наши шутки своеобразной реакцией на сближение и перемешивание этнических групп в индустриальных обществах. В этих обществах социальные, моральные и географические границы становятся не так заметными и этнические шутки, анекдоты призваны восстановить необходимую дистанцию, создав элементы контроля над национальным меньшинством (или большинством) населения. В бывшем СССР наиболее распространенными были анекдоты и остроты об армянах, чукчах, евреях; в США – о неграх, поляках, латиноамериканцах и др.

Агрессивная напряженность такого рода юмора бывает не всегда очевидна. Многие анекдоты, в частности, оставляют возможность для различного рода их толкования. Более того, «межнациональные» шутки чаще всего перефразируются и используются национальными меньшинствами уже с новым, противоположным смыслом.

Заканчивая размышления о двойственном характере влияния юмора на протекание конфликта, заметим, что на макроуровне он может выступать в качестве катализатора самого конфликта. При отсутствии эффективных социальных амортизаторов юмор может служить признаком дискомфорта в отдельных социальных группах. Кроме того, в конфликтующем обществе, переживающем период кризиса, государство особенно рьяно борется доступными ему средствами с тем юмором, который подрывает господствующую идеологию, высмеивает его лидеров. В этом также проявляется двойственность отношения к юмору и смеху как одному из средств предупреждения и разрешения конфликтов.

[1] См.: Данакин Н. С., Дятченко Л. Я. Технологии сотрудничества и противоборства. С. 27 и др.

[2] См.: Данакин Н.С., Дятченко Л.Я. Указ. соч. С. 31.

[3] Социальные конфликты. Вып. 1 С. 110.

[4] См.: Социальный конфликт. Современные исследования. С. 16.

[5] См.: Социальный конфликт. Современные исследования. С. 22—23.

[6] См.: Социальный конфликт. Современные исследования. С. 25.

[7] См.: Социальные конфликты. Вып. 1 С. 106.

[8] Социологические исследования. 1991 № 1. С. 130.

[9] Фрейд З. «Я» и «Оно». Книга 2. Тбилиси, 1991. С. 400.

[10] Паркинсон С.Н. Закон Паркинсона. М., 1976 С. 18.

[11] Zijderveld A.C. The Sociology of Humor and Laughter//Current Sociology 1983. Vol. 31 № 3. P. 51